9444

ЛѢТОПИСЬ

9444

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1950

№ 7—8.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ. 1917

ЮЖНЫЕ ФОНДЫ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

33365

ТИПОГРАФІЯ
Акціонернаго О-ва Издательскаго Дѣла
«КОПѢЙКА».
Петроградъ, Сайкинъ пер., 6, собств. домъ

II годъ изданія. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ II годъ изданія

НА

ЛѢТОПИСЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый при ближ. участіи М. ГОРЬКАГО.

Въ теченіе 1917 года въ „ЛѢТОПИСИ“ будетъ напечатано:

Ф. ШАЛЯПИНЪ. АВТОБІОГРАФІЯ. Редактированная **М. Горькимъ.**

(Во всѣхъ книжкахъ журнала; всего—около 20 печ. листовъ).

М. ГОРЬКІЙ. „ПИСЬМА къ ЧИТАТЕЛЯМЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	½-года.	3 мѣс.
Съ доставкой и пересылкой въ Россіи . .	**18** р.	**9** р.	**4** р. **50** к.
За границу.	**22** р.	**11** р.	**5** р. **50** к.

На одинъ мѣсяцъ только для иногородныхъ внутри Россіи **1** р. **50** к.

Кооперативамъ, профессіональнымъ союзамъ, больничнымъ кассамъ, народнымъ библіотекамъ и др. культурно-просвѣтительнымъ учрежденіямъ предлагаются льготныя условія подписки: на 1 годъ — вмѣсто 18 руб.— 16 руб. и на полгода—вмѣсто 9 руб.—8 руб.; на меньшій срокъ льготная подписка не принимается.

Пробный № (изъ книгъ за 1916 г.) высылается наложеннымъ платежемъ за 1 рубль.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петроградѣ—въ конторѣ журнала „Лѣтопись“, Невскій, 64, тел.—688—74 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и въ книжныхъ магазинахъ; а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи по цѣнѣ редакціи, безъ доплаты за пересылку денегъ.

Издатель **А. Н. Тихоновъ.** Редакторъ **А. Ф. Радзишевскій.**

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. ВЛ. МАЯКОВСКІЙ. Война и міръ. Поэма. Прологъ 7
II. А. НОВОСЕЛОВЪ. Бѣловодье 9
III. Ф. ШАЛЯПИНЪ. Автобіографія. 35
IV. Р. КУМОВЪ. Малаша съ Перекопскихъ горъ. . . 64
V. М. ГОРЬКІЙ. Баллада о графинѣ Элленъ де-Курси. 81
VI. В. БРЮСОВЪ. Стихотвореніе. 85
VII. А. ФРАНСЪ. Возстаніе ангеловъ. Пер. ВЛ. ПЕРАЗИЧА. 87
VIII. М. СЬЕРРА. Благословенная весна. Пер. К. ЖИХАРЕВОЙ. 127
IX. ДМ. СЕМЕНОВСКІЙ. Стихотвореніе. 136
X. Д. ВЫГОДСКІЙ. Стихотвореніе. 137
XI. В. БРЮСОВЪ. Учители учителей. 138
XII. К. КАУТСКІЙ. Перспективы русской революціи Пер. В. А. ПЕРАЗИЧА. 170
XIII. М. ГОРЬКІЙ. Рѣчь на публичномъ засѣданіи «Лиги соціальнаго воспитанія» . . 184
XIV. А. ЛОЗОВСКІЙ Желѣзо и уголь. 192
XV. М. ПАВЛОВИЧЪ. Проблемы войны и мира . . . 215
XVI. Р. АРСКІЙ. О крахѣ промышленности . . . 220
XVII. ПО РОССІИ. П. СУРОЖСКІЙ. Какъ строилась Мурманская жел. дор. А. КУДРЯВЦЕВЪ. Культурное строительство въ провинціи 232
XVIII. ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. В. КЕРЖЕНЦЕВЪ. Русская революція и Америка. К. ЗАЛЕВСКІЙ. Изъ Польши. М. МОРОЗОВЪ. Письмо изъ Франціи. М. СМИТЪ. То, что въ Англіи. РАФ. ГРИГОРЬЕВЪ Иностранная хроника. 254
XIX. ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО. О. БРИКЪ Демократизація искусства. Л. РЕЙСНЕРЪ Поэзія Райнеръ Марія Рильке. 298

Стр.

XX. БИБЛІОГРАФІЯ. Д. ВЫГОДСКІЙ. Лебединая пѣсня Верхарна.—Д. ВЫГОДСКІЙ. Викторъ Гофманъ. Собраніе сочиненій.—Л. РЕЙСНЕРЪ. М. Бамдасъ. Предразсвѣтный вечеръ.—РАФ. ГРИГОРЬЕВЪ. Книга. Сборникъ первый. — П. С — СКІЙ. Б. Зайцевъ. Волки и Н. Тимковскій. Праздничные разсказы. П. С—СКІЙ. Вл. Войтинскій. Въ тайгѣ.—РАФ. ГР. Л. Троцкій. Въ плѣну у англичанъ. — РАФ. ГР. Л. Мартовъ. Фридрихъ Адлеръ. Р. АРСКІЙ. Н. Ленинъ. (Вл. Ильинъ). Имперіализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма— Р. АРСКІЙ. Б. Ишханянъ. Развитіе милитаризма и имперіализма въ Германіи.—А. КУДРЯВЦЕВЪ. А. Грищенко. Русская икона, какъ искусство живописи.—Д. В. А. Мухарева. Стихи. — Д. В. Иннокентій Оксеновъ. Зажженная свѣча.—О. Б. Пылающія звенья. Поэзы.—О. Б. Евгеній Гликманъ. Стихи—О. Б. Ольга Далматова. Стихи 316

XXI. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ . . . 329

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 336

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Со времени составленія издательской смѣты на 1917-й годъ расходы по изданію возросли въ 4 раза. Въ цѣляхъ экономіи бумаги и сокращенія расходовъ по печатанію, весь научно-публицистическій отдѣлъ настоящей книги сверстанъ безъ шпонъ, что увеличиваетъ размѣры каждаго печатнаго листа на $^1/_8$ часть.

ВОЙНА и МІРЪ.

Прологъ.

Хорошо вамъ.
Мертвые сраму не имутъ.
Злобу
къ умершимъ убійцамъ туши.
Очистительнѣйшей влагой вымытъ
грѣхъ отлетѣвшей души.
Хорошо вамъ!
А мнѣ,
сквозь строй,
сквозь грохотъ,
какъ пронести любовь къ живому?
Оступлюсь—
и послѣдней любовишки кроха
навѣки канетъ въ дымный омутъ.
Что имъ,
вернувшимся,
печали ваши
что имъ,
какихъ-то стиховъ бахрома?!
Имъ
на парѣ бъ деревяшекъ
день кое-какъ прохромать!
Трусъ!
Боишься!
Убьютъ!
А такъ
полсотни лѣтъ еще можешь, рабъ, расти.
Ложь!
Я знаю,
и въ лавѣ атакъ,
я первый буду
въ геройствѣ,
въ храбрости!

О, кто же
набатомъ гибнущихъ годинъ
званный
не выйдетъ бравъ?
Всѣ!
А я
на землѣ
одинъ
глашатай грядущихъ правдъ.
Сегодня ликую!
Не разбрызгавъ,
душу
сумѣлъ,
сумѣлъ донесть.
Единственный человѣчій,
средь воя,
средь визга,
голосъ
подъемлю днесь.
А тамъ
разстрѣливайте,
вяжите къ столбу!
Я ль измѣнюсь въ лицѣ!
Хотите—
туза,
нацѣплю на лбу,
чтобъ ярче горѣла цѣль?!

В. Маяковскій.

БѢЛОВОДЬЕ.

Панфилъ еще въ дѣтствѣ любилъ послушать, какъ отецъ разсказывалъ про прежнее.

Отецъ его, чернобородый, весь будто выкованный великанъ, былъ лучшимъ на Алтаѣ кузнецомъ. Никто не умѣлъ ни по длинѣ, ни по калибру, отливать такихъ стволовъ, какіе выходили у Панкрата.

Бывало, долго собирается и много думаетъ надъ каждымъ кусочкомъ желѣза, а потомъ тряхнетъ нечесанными прядями волосъ, ядрено кого-то выругаетъ и пойдетъ на рѣчку къ кузницѣ. Въ это время Панкрата не трогай: ничего не пойметъ, ничему не удивится; стоитъ часами надъ огромной наковальней и, сдвинувъ брови, плющитъ молотомъ упругое желѣзо.

Съ нимъ неотступно Панфилка. Проберется, крадучись, въ кузницу, юркнетъ подъ мѣхъ и слѣдитъ оттуда за каждымъ движеніемъ отца-великана. Отецъ тяжело налегаетъ на мѣха, хватаетъ клещами желѣзо, нагибается за молотомъ, но одному неловко, и Панфилка, пользуясь моментомъ, неувѣренно выглядываетъ.

— Тятенька, я покачаю мѣхъ?

Тотъ удивленно смотритъ въ сторону чувала, щуритъ правый глазъ и раздраженно сопитъ носомъ.

— Между ногъ пролѣзетъ окаянный! Не увидишь! Ишь, куда забился!.. Инструментъ туда кладу... а ежели бы я тебѣ калеными клещами тыкнулъ въ харю-то? Соображай!

— Я, тятенька, вижу, увернусь!

— Увернусь! Ну, да качай ужъ!

Панфилка кубаремъ летитъ наружу, беретъ, какъ опытный кузнецъ, обмызганые кончики веревки, мѣхъ злобно пыхтитъ, а въ тактъ ему пыхтитъ и Панфилка.

— Стой! Ты! Лѣшій!.. Видишь, въ горнѣ пусто. Неча зря буровить.

— Тятенька, чтобъ не потухло.

Но Панкратъ уже не слышитъ. Жилистыя, темныя руки, шутя, играютъ раскаленной полосой, а на лицѣ — и тоска, и надежда, и удаль.

Панфилка раскисъ, обезсилѣлъ и давно весь въ поту, а отецъ все покрикиваетъ:

— Ну, поддай! Поддай еще! Еще поддай!

Наконецъ, когда желѣзо принимаетъ форму длиннаго ружейнаго ствола, Панкратъ твердо ставитъ молотъ къ наковальнѣ и садится на обрубокъ. Панфилка только этого и ждалъ.

— Зашабашили, тятенька?

— Зашабашили, братъ! — кричитъ весело отецъ. — Ну, Панфилка, ружьецо удастся!

Панфилка сіяетъ.

— На козловъ, тятя, пойдемъ?

— На козловъ? Нѣтъ, тотъ звѣрь покрѣпче, на котораго пойду. Да... Ну, на кого тамъ случится. Самъ еще не знаю. Подрасти немножко — разскажу.

Панкратъ запускаетъ кулаки въ густую бороду и, облокотившись въ колѣни, сидитъ такъ долго-долго, необычно задумчивый.

Панфилка недовѣріемъ обиженъ; но заспорь съ отцомъ — прогонитъ. А впереди самое интересное: надо заготовить и инструментъ, и стволъ, потомъ сверлить, потомъ прицѣливать. Много работы еще!..

Такъ бывало въ дѣтствѣ.

И тогда же — помнитъ онъ — отецъ надолго уходилъ куда-то въ горы. Разъ вернулся черезъ мѣсяцъ, а въ другой разъ — черезъ годъ.

Вмѣстѣ съ нимъ уходили многіе. Снарядятся, какъ на охоту, а тамъ и пропадутъ. Прискачетъ начальникъ, соберетъ стариковъ, накричитъ, нашумитъ, половину перепоретъ, но ничего не добьется: молчатъ старики. По всѣмъ горнымъ тропинкамъ пойдутъ мелкіе отряды казаковъ-развѣдчиковъ. Но куда имъ! Потеряютъ слѣды на бродахъ и вернутся. Мужиковъ же приведутъ потомъ китайскіе солдаты или сами они придутъ отдѣльными группами. Уходили цѣлыми деревнями, и во главѣ всегда стоялъ Панкратъ.

Не понималъ тогда Панфилка, куда уходили мужики. Слышалъ, что ищутъ какія-то «бѣлыя воды». Но кристаль-

ная вода родной рѣки не казалась ему черной, и въ душу кралось недовѣріе: не воду ищутъ, нѣтъ!

Когда Панфилу было уже лѣтъ подъ тридцать, отецъ послѣ долгихъ лѣтъ спокойной жизни снарядилъ изъ сосѣднихъ деревень человѣкъ пятьдесятъ и въ одну ночь успѣлъ укрыться за границей. Четыре года не было о нихъ ни вѣсти, ни слуху. На Бухтармѣ рѣшили, что они нашли, наконецъ, Бѣловодье, осѣли тамъ, и вотъ-вотъ пошлютъ гонца. Стали поговаривать уже о сборахъ въ дальній путь, какъ бѣловодцы объявились. Часть изъ нихъ погибла, часть вернулась подъ конвоемъ. Панкрата съ ними не было. Много прошло еще времени, пока его доставили на родину.

Это было послѣднее его путешествіе. Больной, жестоко изувѣченный монголомъ за былые подвиги, почти сѣдой, онъ не вставалъ уже съ постели.

Панфилъ не разъ подходилъ къ нему, но старикъ сурово хмурился и отталкивалъ его костлявымъ кулакомъ.

Пролежалъ всю зиму, наступила новая весна. Однажды вечеромъ Панкратъ поманилъ къ себѣ сына, выслалъ всѣхъ изъ горницы и заговорилъ:

— Прощай, Панфилушка... Прости, Христа ради, меня...

Панфилъ, какъ подкошенный, палъ на колѣни.

— Меня прости, батюшка!

— Ну, тамъ, Богъ тебя проститъ... А я ужъ... Куда мнѣ... Неугоденъ я Господу... Не далъ мнѣ вывести народъ православный изъ царства антихристова.

— Что ты, батюшка!

— Молчи!

Старикъ прерывисто дышалъ, выдавливая слово за словомъ изъ разбитой недугомъ груди.

— Не поспалось опять... Раздумался я ночью-то и вспомнилъ... Махонькой ты былъ... Бывало, выйду въ кузницу, а ты ужъ тамъ... Помогать все просилъ...

— Помню, батюшка.

— Помнишь?

Не поворачивая головы, онъ скосилъ глаза на склоненную голову сына и минуту думалъ что-то, морща складчатый, широкій лобъ.

— Ишь ты, вѣдь!.. Помнишь?.. Лежалъ я, думалъ все, какой ты былъ у насъ... Золото парнишка былъ... Да... А потомъ ты спрашивалъ, куда я ходилъ. Спросишь, а я крикну... Парнемъ былъ ужъ, опять спрашивалъ... Теперь

знаешь, куда мы ходили, а не спрашиваешь, боишься меня... Господь Богъ наградитъ тебя за почтеніе... А вѣдь это я тебя боялся. Вотъ что... Какъ на духу тебѣ сказываю. Послухмянный ты былъ своимъ родителямъ церкви-матушкѣ угодливый, ко святому писанію усидчивый... Думаю, взять его въ помошники, а онъ и сдѣлаетъ все безъ меня, найдетъ Бѣловодье... Ты это можешь.

— Слабъ я, батюшка.

— Не говори, Панфилъ. Ты можешь... Наказанъ я за гордыню свою. Можетъ, если бы ходилъ съ тобой, нашелъ бы... Вижу я, какъ звѣрь идетъ къ тебѣ... Охотникъ ты въ краѣ первѣющій. А это въ нашемъ дѣлѣ — первая рука. Всѣ тебѣ горы, всѣ ущелины—будто родныя. Не заблудишь, не оступишься... Да... Только стыдно тебѣ ходить съ тѣмъ базарнымъ ружьишкомъ. Ты не какой-нибудь...

Панкратъ съ большимъ усиліемъ приподнялъ кисть руки и показалъ глазами и высохшимъ пальцемъ на стѣну, гдѣ висѣло самодѣльное ружье:

— Достань-ка мнѣ его.

Всталъ Панфилъ, перегнулся черезъ высокую, скрипучую кровать и осторожно принялъ на руки тяжелый стволъ. Ружье давно уже сильно проржавѣло. Отъ широкихъ ремней висѣли жалкіе клочки, а расколотая ложа была вдоль и поперекъ обита жестью.

— Поднеси.

Панфилъ нагнулся.

Старикъ ласково провелъ сухой ладонью по стволу и судорожно сжалъ его.

— Слуга мой вѣрный... Всѣ напасти подѣлили... На охотѣ ли, на барантѣ ли съ некрещенными — не подвелъ ни разу... Тридцать два медвѣдя положилъ имъ, семь киргизцевъ, а монголовъ — такъ безъ счету.

Онъ нащупалъ жерло и дробно, много разъ кряду, осѣнилъ его крестомъ.

— Возьми, Панфилъ... Поправить только надо: раскололи нехристи... Отцовское оно, заговоренное, обстрѣлянное... Возьми теперь.

— Спаси тебя Господи, батюшка!

— Ладно... Только ты его почисти...

Панфилъ растерянно повертывалъ ружье въ рукахъ. Потомъ съ благоговѣніемъ повѣсилъ на старое мѣсто.

Изсохшая рука отца тяжело скатилась съ живота на край постели.

— Сядь тутъ.

Сѣлъ Панфилъ. Взглянулъ на желтое, обросшее лицо и отвернулся: не могъ смотрѣть и сознавать, что передъ нимъ лежитъ тотъ самый богатырь-вожакъ, за кѣмъ шли старъ и малъ.

Панкратъ дышалъ все тяжелѣе.

— Не нашелъ, вотъ, я... Неугодно, значитъ, Богу... Что-же, ты найдешь... Скажи мнѣ, вѣришь ли въ землю Восеонскую, правой вѣрѣ обѣтованную?

— Вѣрю, батюшка.

— А какъ ты вѣришь?

Сынъ молчалъ.

— Какъ ты вѣришь, говорю? Всяко вѣрятъ. Есть, которые смѣются. Изъ стариковскихъ, изъ нашихъ же такіе есть. А другіе опять разсудкомъ затмились и ищутъ сказку богомерзкую... Думаютъ, на бѣлыхъ водахъ калачи по березамъ висятъ... Не то надо искать... Не такое Бѣловодье.

— Понимаю, батюшка.

— Вразуми тебя Господи! Бѣловодье, оно ото всѣхъ странъ отличительно... Найдешь небось... Вдоволь тамъ воды, вдоволь черной земли, и лѣса, и звѣря, и птицы, и злаковъ всяческихъ, и овощу... Трудись только во славу Божію, какъ прародитель нашъ Адамъ трудился. Не смотри, что хорошо сама земля родитъ. Потомъ поливай ее... Ты слышишь, Панфилъ?

Тотъ вздрогнулъ, поймавъ себя на нехорошихъ мысляхъ.

Отъ старика, отъ одежды его, отъ постели тянуло смрадомъ. Сердце ныло въ тоскѣ, а къ горлу подступала тошнота. Боролись два чувства—отвращеніе къ безпомощному трупу и страхъ, благоговѣніе передъ каждымъ словомъ навсегда уходящаго въ вѣчность столпа.

— Что ты, батюшка! Ни единаго изъ словъ твоихъ не утрачу.

— Угодья разныя тамъ высмотри, да не забудь и душу... Не должно тамъ быть власти, отъ людей поставленной... Тѣмъ и свято оно, Бѣловодье. Ни пашпорта тебѣ тамъ, ни печати антихристовой—ничего... Правой вѣрѣ просторъ... Живи, какъ хочешь... Управляйся стариками... Вотъ какъ... Понимаешь?

— Понимаю.

— Пойми... пойми...

Хотѣлъ сказать что-то, но въ груди, въ буйномъ приступѣ кашля забились разбитыя легкія, и вмѣсто словъ всю избу наполнили дикіе, жуткіе звуки. Давно нечесанная борода трепалась въ сѣрой холщевой рубахѣ, щеки вспыхнули румянцемъ, а широко открытые безумные глаза, съ густой сѣтью красныхъ жилокъ, упрямо смотрѣли въ низкій черный потолокъ.

Долго кашлялъ, стоналъ и безсильно плевался. Потомъ затихъ. Потомъ опять заговорилъ;

— Дай мнѣ Тріодь Цвѣтную!

Панфилъ послушно шагнулъ въ передній уголъ, снялъ съ кіота толстую, обтянутую кожей, въ дубовыхъ коркахъ, книгу и поднесъ.

— Возьми тоже себѣ... Старой печати она... Дониконовской... Истинная книга... Одна осталась. Всѣ походы съ ней сдѣлалъ, пуще глазу берегъ... Береги и ты... Теперь встань сюда и наклонись.

Панфилъ опустился на колѣни.

— Клади лѣвую руку на Тріодь... Такъ... Сложи двуперстно правую... Клянись мнѣ, что не отступишь отъ старой вѣры!

— Батюшка, клянусь!

— И животъ и душу за нее положишь?

— Положу! Клянусь!

— И дѣтей и внуковъ къ ней приведешь?

— Клянусь!

— Клянись, что по гробъ, по конецъ земной своей жизни не смиришься духомъ, пока не сыщешь землю Восеонскую.

— Батюшка! Слабъ я.

— Клянись!

И звякнули стекла, мѣднымъ звономъ отдался въ ушахъ могучій властный голосъ. Будто крикнулъ не старикъ, а тотъ прежній великанъ Панкратъ.

— Клянусь, батюшка.

— То-то!.. Теперь ты скованъ. но Господь тебѣ поможетъ, поведетъ тебя.

— Батюшка, батюшка...

Въ сухомъ рыданіи Панфилъ уткнулся лбомъ въ постель. Отецъ нащупалъ его голову и, больно тыкая въ темя крѣпкими горбатыми ногтями, трижды осѣнилъ крестомъ.

— Благословляю тебя... родительскимъ своимъ благословеніемъ. Помоги тебѣ Богъ... А теперь ступай.

— Батюшка, батюшка!

— Говорю тебѣ, ступай!

Съ низко опущенной головой Панфилъ вышелъ въ сѣни. Черезъ два дня Панкратъ умеръ.

II.

Давно это было, съ лишнимъ сорокъ лѣтъ назадъ. А Панфилъ все искалъ Бѣловодье. Высокій, тонкій, всегда въ черномъ кафтанѣ, всегда благообразный, онъ внушалъ всѣмъ довѣріе и, куда ни приходилъ, вездѣ былъ первымъ. И старики и молодые знали, какое бремя носитъ на своихъ плечахъ Панфилъ. Когда его старуха, вѣчно скорбная Никитишна, умоляла бросить странствія, заняться домомъ, позаботиться о старости, онъ сверкая глазами, сильно возвышалъ свой кроткій голосъ:

— Клятва! Клятва на мнѣ! Не вашъ я, не твой. Я правой вѣры слуга и послужу ей до смерти, не за страхъ, а за совѣсть. Укрѣпи меня, не искушай!

Никитишна подолгу плакала въ углахъ, но возражать боялась. Слишкомъ велико было обаяніе его и слишкомъ ничтожной казалась она передъ вождемъ народнымъ. Въ душѣ она даже гордилась имъ. Но человѣческое побѣждало.

Въ тотъ же годъ, какъ схоронили отца, Панфилъ увелъ бѣловодцевъ на поиски земли Восеонской.

По неопытности, въ первый разъ, пошли огромнымъ таборомъ. Пошли въ ту же сторону, куда водилъ Панкратъ— все на югъ и на югъ. Но, очутившись за горами, въ необъятной ширѣ каменныхъ полей и кочующихъ песковъ, не знали, куда двинуться. Бродили наугадъ, роптали другъ на друга и всѣхъ больше на Панфила, но каждый новый день встрѣчали съ тайной вѣрой въ счастье. Иногда ничтожный случай приводилъ ихъ въ трепетный восторгъ, и они ликовали, какъ дѣти. Покажется на горизонтѣ ярко-зеленѣющая сопка, заискрится змѣйкой студеная рѣчка—и забыты ссоры, жалобы, какъ не бывало мрачныхъ мыслей. Бодро шумитъ тогда усталый таборъ.

Одинъ разъ бѣловодцы, послѣ долгихъ, трудныхъ переходовъ, послѣ того, какъ отчаянье холоднымъ камнемъ легло на всѣ сердца, когда уже не было силъ идти куда-нибудь, случайно вышли на безымянное урочище съ плодо-

носной нетронутой почвой, богатое звѣремъ и птицей. Высмотрѣли каждый уголокъ, все обсудили, взвѣсили и тогда только рѣшили осѣсть. Послѣ строгаго, трехдневнаго поста, подкрѣпленнаго горячими молитвами и славословіемъ, взялись за топоры. Загудѣли дѣвственныя рощи, взвылъ хозяинъ ихъ—не знавшій человѣка звѣрь. Бойко и радостно работали люди. Одинъ Панфилъ бродилъ тревожно-молчаливый. Странно это было: не нашелъ онъ радости. Ночами онъ подолгу вздыхалъ и молился: просилъ все вѣры и духа кротости. Но смутное тяжелое сомнѣніе давило душу. Не того онъ ждалъ отъ Бѣловодья, и все казалось, что вотъ-вотъ кто-то придетъ и скажетъ: «Куда-же ты завелъ довѣрчивыхъ людей! Тебѣ ли, слабому?» Наконецъ, мужики приступили къ нему:

— Скажи намъ, если чуешь что-нибудь.

Но уклонился Панфилъ, подумалъ выждать. А на другой же день пришла орда! Мстя за прошлыя обиды бѣловодцевъ, налетѣли ураганомъ всадники, по бревну раскатили они едва заготовленный лѣсъ, разграбили добро, забрали въ плѣнъ всю молодежь, а стариковъ погнали табуномъ къ границѣ.

Позоренъ и мучителенъ былъ этотъ путь, и лишь немногіе перенесли его, дошли домой. Въ числѣ ихъ былъ Панфилъ.

Но неудача не скосила его. Только въ длинной узкой бородѣ и на вискахъ несчастье перевило черныя густыя пряди тонкимъ серебромъ, да по лицу скользнули мелкія морщинки. Мучительно и крѣпко думалъ свою думу Панфилъ. Ни насмѣшки, ни жалобы, ни частые крутые разговоры съ малымъ и большимъ начальствомъ, ничто его не волновало. И это гордое спокойствіе передавалось всѣмъ. Знали, что Панфилъ опять уйдетъ. И ушелъ.

Такъ тянулось тридцать лѣтъ.

Но усталъ ли Панфилъ, потерялъ ли онъ вѣру въ успѣхъ,—только все рѣже и рѣже уходилъ онъ за границу.

— Слабъ старикъ,—съ глубокимъ уваженіемъ говорили мужики.—Оскудѣлъ, поизносился.

И вотъ, случилось, заболѣлъ Панфилъ. Въ жару, теряя временами память, лежалъ онъ пластъ-пластомъ на лавкѣ. Большая козловая шуба тяжело давила ему грудь. Мысли путались. Длинными ночами лежалъ Панфилъ одинъ въ пустой избѣ, безпомощный, недвижимый, и тогда безумный

страхъ наступалъ на него, изъ жутко-молчаливой темноты. Казалось, что лохматое чудовище, всѣмъ тѣломъ навалившись на хрипящую слабую грудь, все ближе наклоняетъ къ его лицу свое уродливое рыло, дышетъ смрадомъ, злобно скалитъ мерзкій ротъ и шепчетъ:

— Что жъ ты не покажешь людямъ дороту къ Бѣловодью? Клятвопреступникъ ты! За мірскія прелести продался! Тамъ, въ чужой землѣ—и голодъ, и холодъ, и смерть подъ пулей. А здѣсь тебѣ почетъ!..

Отступило чудовище, и вкрадчиво сладокъ его голосъ:

— Развѣ ты не человѣкъ? Почему ты долженъ мыкаться всю жизнь, какъ какой-нибудь бергалъ? Гдѣ твой домъ? Подумай только, что ты сдѣлалъ съ собой, со старухой, съ ребятами? Они тебя не знаютъ, и ты не знаешь ихъ. Брось, Панфилъ, одумайся! Вотъ теперь ты наставникъ... Здѣсь ты нуженъ. Брось!.. Что тамъ говорилъ тебѣ отецъ, забудь! Самъ онъ не нашелъ, не найти и тебѣ. Нѣтъ тамъ земли Восеонской! Развѣ здѣсь вамъ худо? Вспомни, сколько исходили вы, а гдѣ вы видѣли лучше, чѣмъ здѣсь? Тутъ и Бѣловодье вамъ...

Плыли и плыли изъ душной темноты слова его, и нельзя было уйти отъ нихъ.

Панфилъ въ безуміи тыкалъ руками въ воздухъ, падалъ съ лавки на полъ и кричалъ:

— Отыде отъ мене! Отыде! Грѣшникъ я великій... Не искушай! Клянусь животомъ своимъ, пойду еще на Бѣловодье. Есть оно! Нѣтъ, не искушай. Найду его!.. Господи. Господи!.. —

Домашніе съ трудомъ привели старика въ разсудокъ.

Но съ каждымъ днемъ Панфилъ крѣпъ духомъ. Твердое рѣшеніе удесятеряло силы въ борьбѣ съ чудовищемъ, все легче было съ нимъ тягаться и совсѣмъ стало легко, когда Панфилъ излился въ исповѣди передъ сонмомъ древнѣйшихъ стариковъ общины.

III.

Стояла яркая весна. Все круче поднималось солнце на небо; курились трещины и пади; съ горъ хлестала бурнымъ валомъ мутная вода; на припекахъ зеленѣли сопки; цвѣлъ матерый черный лѣсъ. Время было пахать.

Бухтарминцы съ ранняго утра ползутъ изъ глубоко заброшенныхъ въ долины деревушекъ по отлогимъ, жирнымъ скатамъ. Къ вечеру, по тѣмъ же, чуть примѣтнымъ тропкамъ

группами и въ одиночку, изъ-за малыхъ и большихъ гребней, то теряясь въ перелѣскахъ, то цвѣтными пятнами мелькая по каменистымъ лысинамъ, спускаются они домой. И только достигнутъ долины, вихремъ взмоютъ на поджарыхъ лошаденкахъ. Обгоняя стариковъ и грузныхъ бабъ, съ хохотомъ несется молодежь въ деревню. Парни и дѣвицы скачутъ вперемежку. Увлеченные, ворвутся въ улицу, всклубятъ густую пыль, и долго потомъ по косымъ переулкамъ то тутъ, то тамъ пронизываютъ воздухъ громкіе, веселые выкрики.

Весь Великій постъ Панфилъ служилъ исправно. Трудно было: не слушались ноги и срывался голосъ, но старикъ крѣпился. Росло въ немъ то огромное, святое, что онъ вынесъ изъ борьбы съ болѣзнью. Радостью полна была душа.

Наступило третье воскресенье послѣ Пасхи. Какъ всегда въ такіе дни, Панфилъ поднялся рано. Свѣжо было на улицѣ. Съ бѣлковъ тянуло сыростью и холодомъ. Лучи уже слегка ласкали гребни ближнихъ горъ, а тутъ, внизу, надъ крайними домами у скалы еще плавали гуськомъ клочки тумана, невзначай захваченные днемъ. Они растерянно искали выхода.

Въ черномъ нанковомъ кафтанѣ и большой тяжелой шапкѣ шелъ Панфилъ въ моленную. Шелъ не торопясь, намѣренно виляя по всѣмъ закоулкамъ, чтобы видѣли прихожане. Велось такъ издавна.

Вотъ за прясломъ углового дома выпрямилась рослая фигура женщины. Съ высоко подоткнутымъ подоломъ, держа въ одной рукѣ подойникъ, а другую далеко откинувъ, она испуганно смотрѣла на Панфила.

Онъ степенно снялъ шапку.

— Здорово, Власьевна!

— Здорово ночевалъ! Да нешто ужъ въ моленную?

— Съ Божьей помощью, пошелъ.

— Проспала, знать. Ахъ ты, милый мой!... Дашутка!— Колыхаясь дряблымъ тѣломъ, закричала баба:—Гдѣ ты, пропастина, провалилась? Дашка! Мнѣ идти ужъ время... Коровенокъ-то подой!

И вездѣ, гдѣ проходилъ Панфилъ, изъ-за плетней и пряселъ доносились голоса:

— Пошелъ въ моленную.

— Дѣдушка пошелъ въ моленную.

— Служба скоро—дѣдушка идетъ.

Моленная стояла вблизи рѣчки въ самой гущѣ построекъ, гдѣ усадьбы вплотную сходились грязными задворками. Среди дряхлыхъ покосившихся навѣсовъ и никогда нечищенныхъ хлѣвовъ невзрачное низкое зданьице моленной никому не бросалось въ глаза. Старенькій амбаришко—не больше. Кто подумаетъ, что по ночамъ подъ этой крышей люди отбиваютъ тяжкіе поклоны, славятъ Бога и несутъ ему въ немудреныхъ словахъ свои горести, обиды, жалобы?

Но начальство провѣдало, налетѣлъ орломъ самъ засѣдатель и наложилъ на дверь и узкое окошко крѣпкія печати. Да Панфилъ надоумилъ. Послушались его и вышло хорошо.

Моленная вплотную примыкала однимъ бокомъ къ новому высокому амбару, не больше полъ аршина было между стѣнами. Ихъ прорубили въ полроста, забрали бревнами короткій корридорчикъ, а пустоту засыпали навозомъ. Когда кончили работу, не могли нарадоваться. Трудно стало попадать въ моленную, но сладка была молитва за печатью.

Знакомой дорогой завернулъ Панфилъ во дворъ Евсѣя. Дѣдушка Евсѣй стоялъ среди двора еще неумытый, босой.

— Здорово ночевалъ, Евсѣй Семенычъ!

— Здорово живешь!

Въ отвѣтъ на поклонъ Панфила, онъ кротко склонилъ сѣдую, всклоченную голову.

Самъ нащупалъ рукой на узкомъ поясѣ тяжелый ключъ винтомъ и, отвязавши, протянулъ его Панфилу.

Тотъ принялъ и совсѣмъ было пошелъ, но снова обернулся.

— Ты, Евсѣй Семенычъ, старикамъ-то тутъ наказывай, чтобъ не разбрѣлись потомъ. Да тихонько смотри.

— Чтобъ не разгудѣло по деревнѣ.

Старикъ даже обидѣлся.

— Не впервой, поди, тутъ караулю васъ.

— Ну, я такъ вѣдь... Не серчай, Евсѣй Семенычъ.

— Ладно, ладно. Вотъ обуюсь, приду.

Панфилъ открылъ амбаръ, прошелъ въ полутьмѣ мимо длиннаго сусѣка и не безъ труда отставилъ въ сторону двѣ кедровыхъ плашки, закрывавшихъ маленькую дверь въ стѣнѣ. Тутъ опять тяжелый навѣсный замокъ. Долго премѣлъ имъ, нащупывая ржавое отверстіе, наконецъ отомкнулъ и осторожно растворилъ скрипучую расхлябанную дверцу.

Изъ темноты ударило прогорклой сыростью.

На верхнемъ косякѣ всегда лежалъ огарокъ. Панфилъ

высѣкъ огня и, прикрывая рукой мерцающее пламя, переступилъ порогъ. Что-то жуткое хлынуло въ душу. Всегда такъ съ нимъ случалось. Домъ Божій! Съ трепетомъ входилъ онъ въ этотъ домъ. Желтое пламя, виляя дымнымъ языкомъ, едва боролось съ темнотой. Огромная уродливая тѣнь Панфила, перегнувшись, закрывала потолокъ и стѣну. Блеснули небольшимъ квадратомъ стекла наглухо закрытыхъ оконъ. Стройными рядами полусвѣта ихъ пятенъ обозначались иконы.

Панфилъ подошелъ къ узкому, длинному налою. Тутъ же рядомъ стоялъ деревянный, токарной работы, подсвѣчникъ. Заткнулъ въ него огарокъ и трижды, широко крестясь, сотворилъ земной поклонъ.

— Господи Исусе Христе, Сыне Божій...

Громкимъ шепотомъ повторялъ онъ первыя слова молитвы, высоко закидывая двоеперстіе, и безшумно падалъ на колѣни, ловко подстилая подъ руки и лобъ углы кафтана.

Положивши малое начало, онъ погладилъ бороду въ раздумьѣ и съ любовью посмотрѣлъ на длинный рядъ тяжелыхъ, темныхъ книгъ. Много ихъ лежало тутъ, большихъ и маленькихъ. Всѣ въ обитыхъ кожей толстыхъ коркахъ съ мѣдными застежками, всѣ дониконовскаго тисненія. Панфилъ вынулъ аршинный кумачевый платокъ и старательно охлопалъ пыль. За дѣтьми своими никогда онъ не ходилъ такъ, какъ за этими книгами. Столько въ нихъ правды, столько мудрости великой, не всегда понятной даже человѣческому разуму! Уже не первое столѣтіе идутъ онѣ съ рукъ на руки, уже обитые и сильно потемнѣвшіе листы ихъ густо, обильно укапаны воскомъ и съ трудомъ читаются, а все-же сберегли ихъ тысячи любовно прикасавшихся къ нимъ рукъ.

Въ амбарѣ загремѣло. Стали собираться старики. Первымъ, какъ всегда, ввалился, громыхая черемховымъ костылемъ, рослый и тучный Асонъ. Съ широкой бѣлой бородой, до ушей облысѣвшій съ обжигающимъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ тяжелыхъ бровей, старый строгій Асонъ, уже привыкъ къ тому, что подъ веселую руку его часто называли пророкомъ. Не сердился на это.

Войдя, онъ ловко кинулъ на полъ мягкую, большую шапку и, грузно падая на нее широкимъ лбомъ и кулаками, сотворилъ Исусову молитву. Потомъ трижды въ поясъ поклонился ожидавшему того Панфилу, расправилъ

бороду и, опершись обѣими руками на костыль, покорно замеръ.

Вслѣдъ за нимъ то и дѣло стала отворяться дверца. Люди тихо и торжественно вставали на свои мѣста. Старики всѣ—въ черныхъ церковныхъ кафтанахъ, бабы — въ шитыхъ позументомъ покрывалахъ. Многіе несли съ собой самодѣльныя желто-восковыя свѣчи, клали ихъ на книги, кланялись Панфилу, кланялись на всѣ четыре стороны. Но ни слова, ни звука. Стоятъ, скрестивши руки на груди, и ждутъ. Лишь изъ дальнихъ рядовъ кто-то, не удерживая настроенія, кончаетъ вздохи страстнымъ шепотомъ: «О, Господи, Господи!»

Панфилъ порылся въ книгахъ, отыскалъ, что нужно, и уже нѣсколько разъ безпокойно оглянулся на дверь.

Но вотъ, сильно запыхавшись, проскользнулъ сквозь ряды стариковъ Панфиловъ крестникъ, Гриша. Онъ тоже въ кафтанчикѣ. Шили давно уже—сильно выросъ изъ одежки,—а бережетъ ее, надѣвая только въ праздникъ къ службамъ.

Панфилъ укоризненно качаетъ головой:

— Собирался ужъ начало класть... Гдѣ это шарился?

Гриша молчитъ. Онъ суетливо роется въ книгахъ, чтобы не запутаться въ службѣ, провѣряетъ, на мѣстахъ ли кумачевыя закладки. Потомъ забираетъ пукъ тяжелыхъ свѣчей и поднимается за дѣдомъ на амвонъ.

Вся стѣна уставлена иконами старинnаго письма по дереву и мѣдными распятіями, складнями. Передъ каждой вбитъ желѣзный крючковатый гвоздь для свѣчки. Посреди иконостаса выдѣляется своей величиной распятіе съ цвѣтной эмалью. Цѣны ему нѣтъ. Принесли изъ приволжскихъ скитовъ. Оно врѣзано въ толстую доску, а въ доскѣ подъ нимъ есть потайникъ, гдѣ сохраняютъ крошечку Св. Даровъ. Къ нему, къ первому подошелъ Панфилъ, помолился и поставилъ самую большую свѣчку.

Прежде чѣмъ зажечь свѣчу, Панфилъ трижды кланялся иконѣ, а вмѣстѣ съ нимъ въ поясъ кланялся и Гриша. Обошли такъ всѣ ряды.

Иконостасъ, обильно освѣщенный, не горѣлъ богатыми окладами, но строгіе лики святыхъ въ желтыхъ дрожащихъ лучахъ, снова ожили, согрѣли храмъ.

Сейчасъ же приступили къ службѣ.

Вели ее неторопливо и старательно. Панфилъ творилъ возгласы передъ распятіемъ, а за длиннымъ налоемъ въ рядъ стояли вмѣстѣ съ Гришей трое стариковъ. Гриша

успѣвалъ вездѣ. Обученный Панфиломъ по псалтырю, онъ звонко отчеканивалъ фразу за фразой и, щеголяя ученостью, старался прочесть на вздохъ по полстраницы. Когда нужно было пѣть, онъ быстро кивалъ влѣво и вправо слѣдящимъ за нимъ старикамъ, но дѣдушка уже затягивалъ мотивъ, и нудно-тягучее пѣніе, сначала робкое, потомъ растущее, смѣлѣющее, наполняло души торжествомъ. Въ хаосѣ старческихъ скрипучихъ голосовъ звенящій альтъ Григорія былъ струйкой жизни, голосомъ жаждущей солнца земли.

Свѣчи сильно коптили и плавились. Въ храмѣ становилось душно. Уже въ заднихъ рядахъ одряхлѣвшія до слѣпоты старухи сидѣли на полу, безсильно вытянувши ноги, склонивши головы на грудь. Уже солнечный лучъ длиннымъ серебрянымъ прутомъ тянулся отъ окна къ налою, показывая, что пора вести къ концу, а плотная толпа молящихся стояла твердо. Панфилъ часто клалъ поклоны и за нимъ, какъ одинъ человѣкъ, наклонялась толпа. Только шорохъ пройдетъ и застынетъ.

Обходя ряды съ кадильницей, Панфилъ пытливо всматривается въ каждое лицо. Вотъ собрались опять. Значитъ, вѣрятъ ему. Всѣ тутъ—вѣрные товарищи. Что сказать имъ? Какъ начать?.. Да развѣ не знаютъ они! Но нечаянный взглядъ черезъ головы, дальше, поймалъ въ темнотѣ что-то странно-жуткое, досадное. Хрисанфъ пришелъ! Это онъ такъ смотритъ. Это онъ всѣхъ выше. Рыжая, монетной мѣди, борода его чуть не лежитъ на ближней лысинѣ. Не смутился, не дрогнулъ Панфилъ, въ упоръ приблизился къ Хрисанфу и трижды на-крестъ окадилъ ему лицо. Взгляды встрѣтились—смиренный, безбоязненный и гордый упорно-настойчивый! Скрестились на одинъ моментъ, а сказали много и понятно. Но никто не видѣлъ этого. Хрисанфъ кротко склонилъ голову, принимая благодать наставника, и даже не взглянулъ на него, когда тотъ отошелъ.

Окончили длинную службу. Толпа неторопливо удалилась. Лишь, какъ бы ненамѣренно, задержались старики. Немного ихъ. Всего десятокъ, полтора.

Панфилъ прибралъ моленную, задулъ огарки, разложилъ въ порядкѣ книги, поставилъ на полку кадильницу—и подошелъ.

Поздоровались молча, покряхтѣли, поохали.

— Немощенъ сталъ,—отозвался Панфилъ на сочувственный вопросъ столѣтняго Герасима.

Немного задумался надъ этимъ, но сейчасъ же вспомнилъ:

— Духъ тяжелый здѣсь. Стѣны страсть потѣютъ, какъ народъ соберется. Съ потолка все каплетъ.... Въ амбарушку выйти, што-ли?

— Пойдемъ, посидимъ.

— Охохо! Прости насъ, Господи!

Обвели глазами почернѣвшія во мракѣ стѣны, сокрушенно помолчали и, покрестившись на безликія теперь иконы, вылѣзли въ амбаръ. Дверь замкнули на ключъ и приставили, какъ прежде, плахи. Всѣ разсѣлись по закромьямъ.

— Припекаетъ!—молитвенно-радостно сказалъ хозяинъ. Онъ подошелъ лишь къ концу службы. Вышелъ тоже раньше всѣхъ. Старшій сынъ собралъ его на пасѣку. Посреди двора стояли въ волокушахъ лошади. На длинныхъ упругихъ шестахъ были увязаны колодки. Давно бы выѣхалъ: пчела не ждетъ,—да неловко какъ-то.

На правахъ хозяина, онъ снялъ уже кафтанъ и бодрый, довольный, со свѣтлымъ лицомъ, присѣлъ на груду хомутовъ. Бѣлая холщевая рубаха до колѣнъ, расшитая шелкомъ, плохо закрывала отвислый животъ, а густо волосатая грудь выпирала въ прорѣху. Почесываясь то за воротомъ, то въ бородѣ, Евсѣй нетерпѣливо озирался и пыхтѣлъ.

— Пчела-то какъ?—спросили его рядомъ.

Онъ хлопнулъ пухлымъ кулакомъ по ляжкѣ и посмотрѣлъ въ ладонь, словно тамъ искалъ отвѣта.

— Пчела работаетъ. Пока съ нея много не проси. Отощала, поправляется. Помоги только во время, да не пала бы помха, а она не обманетъ... Вотъ хочу поѣхать....

— Весна то нонѣ—благодать!—не поднимая головы, скрипѣлъ дѣдушка Герасимъ:—вотъ тоже... какъ заходили суды... по первости еще... весна стояла... Онъ поперхнулся, закашлялъ и потерялъ свои мысли.

Молодое, огненное лицо солнышка смотрѣло черезъ крышу дома. Старики, отдыхая, разомлѣли. Не хотѣлось двигаться и думать. Но Панфилъ нарушилъ отдыхъ.

— Весна ранняя.—лѣто будетъ мокрое... Легче пройти-то по камнямъ, да пустынямъ.

Всѣ обернулись въ его сторону. Всѣ знали, о чемъ онъ говоритъ. По привычкѣ, давно уже не называли то, къ чему стремились, что носили въ тайникахъ души.

— Ты это правильно... — степенно вставилъ Асонъ: — убивство безъ дождя-то. Помнишь, поди, какъ?..

Онъ не кончилъ: въ дверяхъ, закрывая собой свѣтъ, неожиданно выросъ Хрисанфъ.

Остановился у порога, снялъ черную большую шляпу.

— Здорово, отцы!

— Здорово ночевалъ, Хрисанфъ Матвѣичъ?

— Будь при мѣстѣ.

— Благодаримъ покорно. Сядемъ, што-ли.

Онъ опустился на широкую бадейку, бросилъ шляпу на полъ за себя и, упираясь кулакомъ въ бедро, — пытливо оглядѣлъ собраніе.

Тонкаго сукна кафтанъ его, шитый серебромъ по поясу, сидѣлъ плотно на статной могучей фигурѣ, на ногахъ были богатые съ тяжелыми гвоздями сапоги. Онъ всегда такъ одѣвался.

Хрисанфа боялись. Но въ трудную минуту за спиной его прятались, и онъ стоялъ скалой. Великая сила дана была ему. Лишь бы взялся Хрисанфъ, — не уступитъ, не свернетъ съ дороги.

— Лошадей готовить, что-ли? — безъ подвоховъ и обиняковъ загудѣлъ онъ.

Асонъ, опираясь бородой и кулаками въ толстый набалдашникъ костыля, насупилъ лохматыя брови.

— Къ тому дѣло идетъ. Вотъ послушать бы Панкратыча.

Панфилъ встрепенулся.

— Я што? Я за міромъ... міру послужу во славу Божію.

— Отъ тебя не отступимъ!

— За тобой пойдемъ!

— Созывай, Панфилъ! Пойдемъ!

Голоса шумѣли. Панфилъ снова чувствовалъ свою силу. Но случайно брошенный взглядъ въ сторону Хрисанфа напомнилъ старое. Тотъ не уронилъ ни слова. Только улыбался снисходительно. И въ мгновенномъ порывѣ къ правдѣ, къ истинѣ, Панфилъ открыто посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Пошто, молчишь, Хрисанфъ Матвѣичъ? Али душа не лежитъ? Ранѣ ты охочій былъ до этого.

Всѣ испытующе смотрѣли на Хрисанфа, а онъ сидѣлъ все такъ же подбоченясь, только лицо стало серьезнымъ.

— Не тебѣ бы спрашивать, отецъ. Пойти—пойду. Можетъ, раньше васъ поспѣю. А вотъ лучше спроси, по пути

ли намъ будетъ? Помнишь прошлый разъ? Да. Помнишь?— Онъ начиналъ волноваться. — Разное мы ищемъ, Панфилъ. Несогласно пойдемъ, разобьемся. Тебѣ надо древнія обители найти, ну и помоги тебѣ Господь, разыскивай, блуди во славу Божію въ пустыняхъ.—Въ крѣпкомъ голосѣ его звучала насмѣшка: — А намъ грѣшнымъ обитель не находка, ежели она не тамъ стоитъ, гдѣ надо.

Старики забезпокоились.

— Не ладно говоришь, Хрисанфъ! — Внушительно стукнулъ костылемъ распрямившійся Асонъ. — Не ладно! Не накидывай святому дѣлу петли. Не засѣвай поверхъ зерна бурьяномъ. Развѣ ты съ Панфиломъ не ходилъ? Отъ отцовъ, отъ предковъ намъ дано это. Есть такая обитель; старой правой вѣры русскіе люди основали ее; содержатъ ее; содержатъ тамъ вѣру по старому виду, и священство тамъ истинное и епископство. Вотъ что! Слыхалъ, поди! Найти-то трудно, а надо найти.

Хрисанфъ пожалъ плечами.

— Дѣло доброе. Да, только давно ли разговоръ объ этомъ повели. Пошто раньше не искали обителей? Въ нашемъ-то краю народу какого не шляется. Занесли молву, а кто занесъ, а ладно ли это?.. Пошто Понкратъ, покойникъ, не мутился?.. Земли вольныя искалъ онъ— вотъ что.

— Истина поздно придетъ, да на первомъ мѣстѣ сядетъ,—наставительно и кротко вставилъ Панфилъ.

— Истина!—взревѣлъ Хрисанфъ, багровѣя лицомъ:— Кнутомъ къ ней не подгонишь! У тебя своя, а у меня другая

— Не захочешь — не поймешь, — все такъ же кротко говорилъ Панфилъ: — Сдѣлай милость, поясни, куда тебя манитъ...

Хрисанфъ оторопѣлъ и, посмотрѣвши на сѣдую голову Панфила, весь опустился, размякъ.

— Куда манитъ? — спрашивалъ онъ, обращаясь въ воздухъ: — Да почемъ я знаю? Душа про то вѣдаетъ.

Онъ погладилъ въ раздумьи кафтанъ на колѣнкѣ. Въ глазахъ уже не было ни злобы, ни насмѣшки.

— Нѣтъ намъ мѣста на землѣ. Каторжные мы. Насъ гонятъ, насъ ловятъ, будто дикаго звѣря, съ трехъ сторонъ охотятся, а мы што?

Онъ замолчалъ

— Надо бы того... съ повинной... я давно говорю...— несмѣло вставилъ Евсѣй.

Хрисанфъ опять вспыхнулъ.

— Ну, пошто не идешь? Ну, поди!

Евсѣй виновато посмотрѣлъ на всѣхъ и, вездѣ встрѣчая укоризненные взгляды, поспѣшилъ оправдаться.

— Мнѣ ништо. Впередъ не вылѣзу. Какъ міръ, такъ и я.

— Шея у насъ толстая, — ехидно щурился Хрисанфъ, — не погнется для поклону-то. Надо въ поясъ кланяться. А въ поясъ поклонишься, какъ бы лбомъ начальника не зашибить. Кулакъ тоже можетъ зазудить не во время. Ишь народъ то все какой. Возьми-ка вонъ Асона. Помекаю, на восьмой качнуло...

Семьдесятъ девятый, — отозвался польщенный Асонъ.

— То-то вотъ и есть. А дѣдушка Герасимъ! Ему только глаза-бы. А Николай Самсонычъ, а Быковы! Да всѣ! Дубъ народъ!

— Лонись какъ Бабкины въ Расеѣ были, такъ, сказываютъ, мокрый тамъ, народишка, дря-яблый, — словно радуясь чему-то, смѣло выскочилъ тонкій Назаръ: — ужъ ежели подъ пятьдесятъ ему дошло, онъ помирать собрался. Мокрый народишко.

— Со звѣрями живемъ, — продолжалъ Хрисанфъ, — по звѣриному и жизнь идетъ. Заѣлись, будто кони подъ бѣлкомъ. А ты спроси, куда меня тянетъ, кого я ищу? Почемъ я знаю? Душѣ неспокойно, ежели на мѣстѣ сидишь, да кругомъ тишина.

— Это ты правильно!

— Ладно, парень, сказалъ!

— Ушибъ прямо въ сердце!

— Опять и то сказать къ слову, всякому свое любится. Волку дай темну ночь да дубровушку, а барану — хлѣвокъ.

— Правильно!

— Охо-хо!.. Чего ужъ!.. такъ оно...

Старики оживились. Въ памяти вставали длинныя поѣздки и скитанія. Не было уже ни озлобленія, ни старыхъ счетовъ. Разговоръ сталъ шумнымъ, зажигающимъ. Только дѣдушка Герасимъ, плохо слыша, о чемъ говорятъ, тянулъ свое:

— Не будетъ благодати, ежли не съ добра пойти. Панфилъ то онъ... того... съ обѣтомъ... ему откроются, примутъ... Надо за нимъ, какъ за святой звѣздой...

Хрисанфа надо... безъ него никакъ... Не можно безъ Хрисанфа... Выведетъ!.. Орелъ онъ!.. Хрисанфъ-то, говорю...

Слова его совпали съ настроеніемъ и примирили всѣхъ.

— Кого тутъ толковать,—серьезно подхватилъ Асонъ,—рази кто объ этомъ говоритъ? Несогласья не будетъ... Такъ, по-стариковски пошумаркали... Крѣпче дѣло выйдетъ.

Вотъ тоже по первости... какъ суды заходили...

Но опять слова Герасима потухли въ общемъ говорѣ.

Наговорились до-сыта. Безмолвное согласіе скрѣпило всѣхъ, сковало цѣпью. Но впередъ никто не забѣжалъ. Это успѣется потомъ, по избамъ.

Надо бы уже и уходить. Усталое тѣло давно проситъ покоя, а не хочется сдвинуться, вернуться къ буднямъ, къ сѣрой обыденщинѣ. Рѣдко удается такъ сойтись: все забота о семьѣ, о хлѣбѣ, а жизнь-то—впередъ, да впередъ.

Евсѣй давно уже безпокоится: выѣхать время. Ожидаетъ только, его кликнутъ обѣдать.

Панфилъ сидитъ противъ двери. Онъ не слышитъ затихающаго говора. Въ просвѣтѣ амбарной двери горитъ солнечный день. По пятнамъ золотого свѣта на дворѣ гуляютъ голуби, шныряютъ воробьи. Они громко славятъ жизнь и сами торопятся жить. У дверей амбара лежитъ старый черный песъ, вылѣзъ изъ-подъ пола, натянулъ насколько могъ свою цѣпь и грѣется. Голова его лежитъ на лапахъ. Глаза смотрятъ въ одну точку. Думаетъ онъ свои собачьи старческія думы, отдыхаетъ, нѣжится. Бѣлый, статный пѣтухъ подходитъ совсѣмъ близко, вытягиваетъ шею и, подставляя одинъ глазъ, долго, внимательно смотритъ на пса, но, поймавши другимъ глазомъ въ небѣ ястреба, вдругъ пускаетъ тревожную трель. Хохлатки стремительно выскакиваютъ изъ вырытыхъ ямокъ и, забывая даже отряхнуться, кривятъ головы, зорко смотрятъ въ небесную синюю глубь.

По двору, отъ амбара къ дому и обратно, часто пробѣгаетъ дочь Евсѣя, Акулина. Она въ пестромъ сарафанѣ. Толстая коса повита бисеромъ. Кисти пояса упали до подола. Собирая на столъ, Акулина ради праздника несетъ и меду въ сотахъ, и кваску медоваго, а мать—у печки: сторожитъ пирогъ съ тальменемъ. Дѣвка кипитъ и торопится: не опоздать бы на полянку. Выбѣгая изъ избы, она шибко дробитъ толстыми пятками по скрипучимъ ступенямъ и что-то напѣваетъ вполголоса. А передъ дверью амбара, стѣсняясь стариковъ, проходитъ съ серьезнымъ лицомъ. Совсѣмъ по-

стная дѣвка. Но крутая грудь и во всю щеку краска выдаютъ ее. Кто не видѣлъ Акулину на полянкѣ! Первая затѣйница.

Проходя въ послѣдній разъ, она пріостанавливается и бросаетъ чуть слышно:

— Тятя, обѣдать.

Евсей безпокойно передергивается, шаритъ острыми глазами по амбару и кричитъ вдогонку:

— Ну, ладно, приду.

— И то, вѣдь, обѣдать пора!—вдругъ хватился Асонъ,—поди, ждетъ старуха-то.

Поднялись и пошли.

А Панфилъ будто застылъ, завороженный золотомъ дня.

Жизнь-то! Вотъ она! Жизнь-то! Не убьешь ее. Подъ сараемъ, подъ крыльцомъ, на крышѣ! А люди-то—мимо да мимо. Топчутъ, въ прахъ вгоняютъ. Все мятутся и мятутся, все имъ мало, да тѣсно.

Что-то кралось опять въ душу крѣпкую рѣшеніемъ, отчего-то становилось безпокойно.

Но пропало все, потускло золото. Передъ Панфиломъ выросла фигура Хрисанфа. Тотъ стоялъ съ безразличнымъ, спокойнымъ лицомъ и, прощаясь, тянулъ руку.

— До виданья, Панкратычъ! Пошелъ я.

Посмотрѣли другъ другу въ глаза, и ничего не сказали.

IV.

Уже два мѣсяца, какъ жизнь въ деревнѣ раздвоилась. Съ виду, все идетъ по старому. Встаютъ рано, до солнца, работаютъ, пока не подберетъ туманъ и не подымется надъ снѣговымъ шишомъ свѣтило, потомъ обѣдаютъ и снова за работу. День за днемъ ложатся рядомъ, будто баба стелетъ холстъ: ни короче, ни длиннѣе—холстина къ холстинѣ.

Но подъ сѣрой мутью буденъ зрѣетъ новое, яркое, тревожное, большое. Его радостно вынашиваютъ въ сердцѣ, хоронятъ отъ самихъ себя.

Всюду проникающей змѣей ползетъ сплетня по деревнѣ: «бѣловодцы мутятъ, сухари толкутъ, сумы готовятъ». А бѣловодцы молча улыбаются: «Мало-ли кого не скажутъ! Килу бабѣ на языкъ не посадишь. Поболтаютъ, да устанутъ». И чтобы не было соблазна, хозяйство ведутъ, какъ всегда.

Крѣпче всѣхъ сторожитъ бѣловодцевъ Гундосый Фома. Прошлый разъ ему много прилипло. Распродавались — накупилъ добра за полцѣны.

Потянулъ и теперь.

Завернулъ мимоходомъ къ Назару. То да се.

А Назаръ все юлитъ подъ навѣсомъ. Худосочный, длинный, онъ болтается въ широкой рубахѣ, словно чужую надѣлъ. Бороденка сѣрая, куделькой, волосы липнутъ ко лбу. Все торопится куда-то, не можетъ на мѣсто присѣсть. Перетаскиваетъ сѣдла со спицъ къ подвалу, разминаетъ просмоленныя уздечки. А глаза-то будто зайцы по кустамъ.

Фома, облокотясь въ колѣно, сидитъ тутъ же подъ навѣсомъ, на обрубкѣ.

— Коровенокъ-то, слышь... не мотай, говорю.

Назаръ хлопаетъ ремнемъ по толстому столбу.

— Что это, Фома Гаврилычъ?

— Да коровенокъ-то, какъ въ отправку, не бросай. Я за собой оставлю.

— А пошто мнѣ мотать? Молочишко даютъ, ничего себѣ... Нѣтъ, коровы дѣльныя.

Фома долго щурится. Наконецъ, раздраженно гугнитъ:

— Доить-то кто будетъ безъ тебя ихъ, бѣлка, что-ли станетъ?

Назаръ прыскаетъ на столбъ:

— Ну, чудной же этотъ самый Гаврилычъ!

— Да ты не пудляй! Загибать, какъ пошелъ!

— Тоже выговоритъ!

— Чего петляшь? Кого хошь обогнуть? Знамъ мы вашего брата!

А Назаръ, вѣрно, не слышитъ. Переходитъ, копошится по темнымъ угламъ и говоритъ, говоритъ, безъ конца:

— Пошто это люди врать умѣютъ? Врутъ и врутъ—кабы что. То-ли тѣсно имъ, то-ли какъ? Не придумаешь сразу. Чортъ подъ баней вьюшками стучитъ, а баба говоритъ «къ обѣднѣ зазвонили». Тутъ въ работѣ жилы вытянулъ, а онъ въ отправку собираетъ... Ты, Фома Гаврилычъ, топоромъ-то ловко мастеришь. Мнѣ бы горницу къ избѣ приткнуть. Баба все тоскуетъ. Тоже, въ праздникъ Христовъ негдѣ и гостей попотчевать. Ежели что, такъ и поѣду лѣсъ сочить.

Тонко и вычурно плететъ онъ свой узоръ, едва-ли и самъ себѣ не вѣритъ, да не проведешь Гундосаго. Онъ презрительно мѣряетъ глазомъ Назара, чиститъ культяпыми пальцами сильно рваный носъ, потомъ съ сердцемъ плюетъ въ землю и, забывая застарѣлую боль на изсѣченной кнутомъ спинѣ, срывается съ мѣста, домой.

Бѣловодцы свое дѣлаютъ. Лучшіе, испытанные кони наготовѣ. Понашиты крѣпкія сумы. Сухарей насушили пудами.

Мужики ненарокомъ гдѣ-нибудь столкнутся и опять поговорятъ. Каждый на себя готовитъ, но мірскихъ совѣтовъ держатся. Бабы много шепчутъ по закутьямъ, да не все договариваютъ. Другая лишнее сболтнетъ, такъ задергаютъ ее потомъ и свои и чужіе.

Ко всему другому мужикамъ забота—Сенечка Бергалъ.

Почти всѣ они сами того же заводскаго корня, да забыли ужъ объ этомъ. Схоронили тяжелое прошлое вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ хоронили отцовъ. Теперь всѣ одинъ къ одному—и Бергалъ, темной ночью отковавшійся отъ тачки, и солдатскій сынъ, и чернецъ съ Иргиза—будто вѣкъ тутъ жили. Сенечка пришелъ совсѣмъ недавно. Не пошелъ въ деревню, сколотилъ себѣ избу подъ сосѣднимъ шишомъ. Пасѣку изъ двухъ колодокъ тамъ завелъ, выкралъ въ дальнихъ волостяхъ трехъ киргизскихъ лошадей, промышляетъ звѣря. По медвѣжьи живетъ, по берложному. Съ мужиками разговариваетъ гладко, а боятся его. Все толкуютъ,—не съ добра тутъ дѣло. Засѣдатель знаетъ и не трогаетъ его. Почему такъ? Позабрали ихъ тутъ сколько, всѣ ущелины обшарили, а его будто не видятъ.

— Съ засѣдателемъ снюхался, вотъ и все нипочемъ. Сторожить его приставили.

Не могли забыть того, какъ прошлый разъ натрянулъ засѣдатель.

— Ровно клинъ загнали—ни позднѣе, ни раньше. А кому же больше? Сенечка наворожилъ. Это онъ.

Уже за сорокъ стукнуло Сенечкѣ, а все онъ—Сенечка. Никто и никогда не назоветъ иначе. Лицо Сенечки, избитое оспой, изуродовано во всю лѣвую половину сильнымъ ожогомъ. Еще въ юности, случилось, подвернулся на заводѣ къ какой-то машинѣ, да не во-время. Струей пара сварило, пузыремъ подняло кожу. Долго гнилъ и лѣчился молодой Бергалъ—ничего не помогало. Уже хотѣлъ—съ заводской плотины внизъ головой, да старуха Бугрышиха заживила рану куринымъ пометомъ на коровьемъ маслѣ. Кожу на щекѣ стянуло въ три кулька, а отгнившія вѣки на лѣвомъ глазу такъ и не выросли, отчего бѣлокъ, затянутый кровавыми жилками, постоянно слезится и мокнетъ. Круглый красный глазъ сдѣлалъ ординарное лицо незабываемымъ и страшнымъ. Къ тому же, на ошпаренномъ мѣстѣ борода растетъ клочками.

Болѣзнь разломила каторжную жизнь на двѣ половины, и то, отъ чего раньше хотѣлось умереть подъ кнутами, живетъ теперь въ сердцѣ праздным воспоминаніемъ. Тогда

онъ былъ здоровъ, былъ такой же, какъ всѣ, и вотъ умеръ прежній Сенечка—фартовый паренекъ, а вмѣсто него плутаетъ по свѣту старый, изувѣченный Бергалъ, никому не нужный, всѣхъ пугающій.

Сенечка давно уже отвыкъ дѣлить людей на дурныхъ и хорошихъ, на **добрыхъ и злыхъ**. Всѣ они въ его глазахъ равны, всѣ живутъ для себя.

Идетъ Сенечка по улицѣ, а мальчишки, прячась за плетень, горланятъ съ надсадой: «Сенечка Бергалъ, шелъ по улкѣ да моргалъ! Сенечка Бергалъ, глазъ на кистикѣ дралъ». Или, пробираясь за деревней, натолкнется на играющую молодежь, а дѣвки прыснутъ въ сторону и все охаютъ, пока не скроется изъ виду: «Напужалъ, окаянный! Думала, чортъ».. А другая надъ ней шутитъ: «Хошь сосватаю?»

—«Оборони Господь!»

Сенечка молча пройдетъ, не оглянется, не вздрогнетъ, только въ сердцѣ станетъ больше одной капелькой яда. Копитъ его Сенечка, бережно носитъ, будто казну дорогую, уже много, много накопилось.

Въ темныя зимнія ночи, когда, задувши сальную свѣтильню, лежитъ Сенечка на нарахъ подъ овчиной, грудь тѣснитъ и давитъ страшной тяжестью. И кажется ему, что скоро сброситъ онъ проклятый камень, встанетъ во весь ростъ, здоровый, красивый и сильный, а камень съ грохотомъ рухнетъ въ долину и раздавитъ деревнюшку вмѣстѣ съ сытыми мужиками, краснощекими бабами, со скотомъ и со всѣмъ.

Жизнь идетъ отдѣльно отъ людей. И тѣ, что внизу подъ ногами, и тѣ, что въ такихъ же деревнюшкахъ, городахъ и заводахъ за туманнымъ хребтомъ, всѣ они какъ муравьи: нагребли свои кучи, натаскали сору-мусору, кровью да слезами его полили. Отъ рожденья до могилы копошатся въ своихъ кучахъ: одни голодаютъ и дохнутъ, тогда какъ другіе стоятъ надъ ними съ толстыми ременными кнутами. А лица у этихъ—широкія, красныя; рубаха безъ—пуговки, точь въ точь какъ у заводскаго палача Емельяна Игнатыча. Міръ то большой—не окинешь глазомъ съ самаго высокаго бѣлка, а земля вся складками, съ высоты посмотришь—будто море волнуется, и въ каждой складкѣ—люди. Душно тамъ стало Бергалу, омерзѣли люди. Съ горы теперь смотритъ на нихъ и смѣется. А умретъ, назовутъ эту гору Сенечкиной, какъ назвали уже много по имени такихъ же скрытниковъ. Гора, темная, большая, поросла до снѣговъ непроѣзжими лѣсами,

вся изрыта падями. Избушка Сенечки приткнулась однимъ бокомъ къ оголенному граниту, и не видно ее. Выйдетъ Сенечка къ обрыву, взглянетъ на полъ, на деревню и тошно станетъ, какъ вспомнитъ, что опять надо идти за хлѣбомъ. А деревня то лучше другихъ: все отбойный народъ, каждый сквозь огонь прошелъ. Да ужъ начали корни пускать, по-мужицки жить хочется: гдѣ ни ходятъ, ни ищутъ, а назадъ вернутся.

Пришелъ Сенечка въ деревню попариться. У вдовы Агафьи городилъ плетень, такъ обѣщала пустить въ баню.

На дворѣ суббота. Всѣ идутъ—кто съ рѣки, кто на рѣку—всѣ съ березовыми вѣниками. Бергалъ тоже наломалъ дорогой лохматыхъ вѣтокъ. Заглянулъ въ проулокъ, а на рѣчкѣ шумъ стоитъ. По берегу курныя баньки паромъ исходятъ отъ жару. Въ отворенныя низкія дверцы мечутся красныя фигуры, прямо отъ каменки да въ ледяную воду. Вонъ подъ мосткомъ, по поясь въ плещущей валомъ струѣ, стоитъ разомлѣвшій Хрисанфъ. Сенечка присѣлъ было за прясло, да тотъ уже увидѣлъ, окликнулъ его:

— Подходи подъ мостки то, попариться. Жжетъ тутъ, парень. Сверху и снизу калитъ.

— Можетъ, мнѣ и каменка найдется?—огрызнулся Бергалъ, выходя на ярочекъ.

Хрисанфъ плеснулъ воды на грудь и густо крякнулъ.

— Къ Агафье, што-ли?

— Къ Агафьѣ, што-ли?

— Та-акъ.

Онъ подъ рядъ три раза окунулся и, спотыкаясь на гладко обточенныхъ галькахъ, выбѣжалъ на берегъ. Бергалъ уже спустился къ нему и присѣлъ. Его небольшая фигурка казалась бугромъ рухляди, прикрытой рваным зипуномъ и тяжелой бурой шапкой, изъ которой лѣзло во всѣ стороны перо. Хрисанфъ стоялъ передъ нимъ, напяливая бѣлую рубаху, огромный и сильный. Одѣваясь, онъ искоса взглядывалъ на Сенечку и никакъ не рѣшался сказать того, о чемъ давно уже болтали на деревнѣ, а тотъ повертывалъ въ рукахъ длинную красную гальку, внимательно разглядывая на ней каждую крапинку, словно дѣлалъ что-то неотложно-нужное, потомъ съ силой отшвырнулъ ее, вскочилъ и пошелъ.

Хрисанфъ собрался съ духомъ.

— Вотъ што, Сенечка! Слышь!

Бергалъ вернулся.

— Ну, разсказывай. Каменка стынетъ.

— Вотъ што, парень...—самъ застегиваетъ пуговку у ворота и опять молчитъ.

— Ну?

— Къ тебѣ на гору съ деревни вѣтромъ не напахиваетъ?

Бергалъ испытующе прищурилъ глазъ.

— Бываетъ случаемъ.

— Слышалъ, значитъ?

— Много слышу, еще больше вижу, съ горы-то способнѣе.

— Та-акъ. На казачій пикетъ, видно, вѣсточку послалъ?

— Болѣ меня знаешь, пошто спрашиваешь? Пока не посыловалъ, а сорокъ мимо летаетъ довольно. Не усмотришь за каждой.

— Брось-ка, парень!

— Чего это?

— Если хочется гулять по свѣту, брось. Пропадешь за гроши.

— Пошто такъ сердито?

— А вотъ такъ! Говорю тебѣ—значитъ надо. Мужики не попустятся. Сумлѣнье ты нагналъ большое. Самъ понимаешь.

Сенечка закашлялъ отъ смѣху. А Хрисанфъ однимъ шагомъ подвалился вплотную и дохнулъ ему въ самое лицо такой злобой, что въ спинѣ зазнобило:

— Д-дымомъ пустимъ! Противъ міру не ходи.

Бергалъ отступилъ и насупился.

— Не пужай, Хрисанфъ Матвѣичъ. Меня этимъ не возьмешь: самого боятся.

Онъ оглянулся на деревню и перекинулъ вѣникъ подъ другую руку.

— Не тѣмъ зельемъ лѣчить меня взялся... Коней-то видѣлъ моихъ? Тѣломъ шелковы, а жилы—проволока. Не устанутъ, небось, впереди пойдутъ.

— Къ чему это ты?

— А ужъ тамъ смекай. Хочу избу сиротой оставить. Тогда отпихнули, ну и вышло ни сладко, ни кисло. Теперь снова міру кланяюсь. Возьмутъ съ собой счастье пытать, глаже дѣло выйдетъ. Засѣдателю мраку подпустимъ... Вотъ такъ-то Хрисанфъ Матвѣичъ.

А самъ запахнулъ армячишко вглухую и пошелъ по берегу, шурша мелкой розсыпью въ ложбинкахъ. Немного отошелъ и обернулся.

— Подумай хорошенько... А я коней-то кормлю...

Хрисанфъ хмурый и косматый все смотрѣлъ ему вслѣдъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Новоселовъ.

Перепечатка воспрещается. Право на переводъ принадлежитъ автору.

АВТОБІОГРАФІЯ.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(Продолженіе) *.

Волга очаровала меня, когда я увидалъ и почувствовалъ невыразимую спокойную красоту царицы-рѣки. Я, кажется, не спалъ ни одной ночи, боясь пропустить что-то, что необходимо видѣть, какія-то чудеса. Особенно хорошо стало у меня на душѣ, когда какой-то почтенный человѣкъ разсказалъ мнѣ о Кавказѣ, о снѣговыхъ горахъ до небесъ, о жарѣ, о людяхъ, которые даже лѣтомъ ходятъ въ бараньихъ шапкахъ, спасаясь именно этимъ отъ жары. Въ разсказахъ было много страннаго, сказочнаго, и они вызвали у меня чувство радости: велика земля,—есть куда дѣваться!

Астрахань встрѣтила насъ неласково. Я рисовалъ себѣ этотъ городъ какимъ-то особеннымъ. Самое слово—Астрахань обѣщаетъ, казалось мнѣ, чудеса. И вдругъ я вижу, что внѣшне Астрахань хуже Казани. Это сразу понизило восторженное настроеніе, которымъ подарилъ меня путь по Волгѣ.

Оставивъ отца съ братомъ на берегу у пристаней, я съ матерью пошелъ искать квартиру. На песчаныхъ улицахъ было жарко, какъ бы въ печи. Каменные дома дышали зноемъ. Всюду блестѣла рыбья чешуя. Все было пропитано запахомъ тузлука и копченой воблы. Мы довольно скоро нашли и сняли за два рубля маленькую хибарку изъ двухъ комнатъ. Она пряталась въ углу грязнаго двора, на которомъ было столько мухъ, какъ будто здѣсь фабриковали ихъ милліонами. Кромѣ мухъ, на дворѣ жили ломовые извозчики, крючники, стояли телѣги, валялось кулье, какія-то доски и разный хламъ. Послѣ простора Волги вся эта грязная тѣснота показалась мнѣ особенно обидной.

На другой же день я пошелъ съ отцомъ искать работы. Мы заходили въ конторы, въ лавки, всюду, гдѣ можно было открыть дверь. Насъ встрѣчали очень любезно, говорили съ

*) См. „Лѣтопись“. I—VI 1917.

нами ласково и предлагали намъ «подать прошеніе о зачисленіи».

Я подалъ разнымъ мѣстамъ и лицамъ не одинъ, вѣроятно, десятокъ прошеній, но отвѣта не имѣю до сего дня. А денегъ у насъ не было, и мы потихоньку, но все болѣе голодали. Удивляла меня молчаливая стойкость матери, ея упрямое сопротивленіе нуждѣ и нищетѣ. Есть у насъ на Руси какія-то особенныя женщины; онѣ всю жизнь неутомимо борятся съ нуждою безъ надежды на побѣду, безъ жалобъ, съ мужествомъ великомученицъ перенося удары судьбы. Мать была изъ ряда такихъ женщинъ. Она снова начала печь и продавать пироги съ рыбой, съ ягодами. Какъ мнѣ хотѣлось бывало съѣсть пятокъ этихъ пироговъ. Но мать берегла ихъ, какъ скупой сокровища, даже мухамъ не позволяла трогать пироги. Торговлей пирогами не прокормишься. Тогда мать начала мыть посуду на пароходахъ и приносила оттуда объѣдки разной пищи: не обглоданныя кости, куски котлетъ, куриць, рыбу, куски хлѣба. Но и это случалось не часто. Мы голодали.

Однажды я съ отцомъ пошелъ зачѣмъ-то въ поле и вдругъ отецъ опустился на землю:

—Дальше идти не могу,—сказалъ онъ.

Я понялъ, что это слабость отъ голода. Долго сидѣлъ я надъ нимъ въ полѣ, изнывая отъ безграничнаго отчаянія. Что дѣлать, что? Кое-какъ довелъ отца въ городъ, на квартиру, а самъ пошелъ въ какую-то часовню и сталъ молиться Богу, обливаясь горькими слезами. Эхъ, господа, если бы вы знали, какое унизительное чувство голодъ! Иначе смотрѣли бы вы на голодныхъ людей, иначе бы относились къ нимъ!

Выручалъ немного мой голосъ, постепенно превратившійся въ баритонъ. Я ходилъ въ какую-то церковь, гдѣ мнѣ платили рубль и полтора за всенощную.

Былъ въ Астрахани увеселительный садъ «Аркадія». Я пошелъ туда и спросилъ у кого-то, не возьмутъ ли меня въ хоръ. Мнѣ указали человѣка небольшого роста, бритаго, въ чесучевомъ пиджакѣ:

—Это антрепренеръ Черкасовъ.

—Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ онъ.

—Семнадцать,—сказалъ я, прибавивъ годъ.

Онъ поглядѣлъ на меня, подумалъ и объявилъ:

— Вотъ что: если ты хочешь пѣть, приходи и пой.

Тебѣ будутъ давать костюмъ. Но платить я ничего не буду. Дѣла идутъ плохо, денегъ у меня нѣтъ.

Я и этому обрадовался. Это хоть и не могло насытить меня съ отцомъ-матерью, но все же скрашивало невзгоды жизни. Хормейстерша, по фамиліи Жила, дала мнѣ партитуру, въ которой было написано:

—Какъ на площадь соберутся,
Тамъ и тутъ
Всѣ снуютъ!

Очень хорошо! Это былъ хоръ изъ Кармэнъ. Вечеромъ, одѣтый въ костюмъ солдата или пейзана, я жилъ въ Испаніи. Было жарко, горѣли огни, люди въ яркихъ костюмахъ танцовали, пѣли. Я тоже пѣлъ и танцовалъ, хотя въ животѣ у меня противно посасывало. Все таки я чувствовалъ себя очень хорошо, легко, радостно.

Но когда я пришелъ домой и, показавъ отцу партитуру, похвастался, что буду служить въ театрѣ, отецъ взбѣсился, затопалъ ногами, далъ мнѣ пятокъ увѣсистыхъ подзатыльниковъ и разорвалъ партитуру въ клочья.

—Ты, Скважина, затѣмъ вытащилъ насъ сюда, чтобы съ голоду умирать?—кричалъ онъ.—Тебѣ, дьяволу, кромѣ театровъ, ничего не надо—я знаю! Будь прокляты они театры...

Что мнѣ было дѣлать? Какъ вернуться въ театръ безъ партитуры? Я не пошелъ въ театръ и, разозлившись на отца, рѣшилъ уѣхать въ Нижній, на ярмарку. Въ Казани, въ Панаевскомъ саду я слышалъ много куплетистовъ-разсказчиковъ, перенялъ отъ нихъ немало разсказовъ, анекдотовъ и порою самъ разсказывалъ. Слушатели похвалили меня. Вотъ я и рѣшилъ ѣхать на ярмарку, чтобы выступить тамъ разсказчикомъ на какой-либо открытой сценѣ. На дорогу я занялъ у регента хора, въ которомъ я пѣлъ, два рубля. Сознаюсь, занимая эти деньги, я понималъ, что не отработаю ихъ.

Мать съ отцомъ рѣшили, что пожалуй лучше, если я уѣду: однимъ ртомъ меньше, а пользы отъ меня не видать. И вотъ я снова на пароходѣ, теперь на буксирномъ. Онъ тянулъ за собою нѣсколько баржъ. По праздникамъ матросы на баржахъ пѣли пѣсни, играли на гармошкахъ, плясали бабы въ яркихъ сарафанахъ. Было очень весело и вольготно. Такъ какъ я умѣлъ пѣть народныя пѣсни, матросы

охотно приняли меня въ свою компанію, очень полюбили. Съ ними я и пилъ и ѣлъ.

Нашъ пароходъ плылъ, не торопясь, но дѣловито: грузился, разгружался, оставлялъ на пристаняхъ свои баржи, буксировалъ другія, съ другими матросами и бабами и гармошками. До Саратова мое путешествіе было увеселительной и артистической прогулкой: мы все пѣли, плясали. Я былъ сытъ и доволенъ. Въ Саратовѣ пароходъ стоялъ цѣлый день. Я пошелъ въ городъ, увидалъ на берегу садъ. Вывѣска надъ входомъ въ него гласила: «Садъ Очкина и открытая сцена».

—А если попробовать выступить здѣсь?—подумалъ я.

Вошелъ въ садъ и спросилъ какого-то человѣка, гдѣ хозяинъ.

—Зачѣмъ тебѣ?

—Хочу выступить на открытой сценѣ.

—Подожди.

Явился господинъ, въ бѣлой рубахѣ, съ яркимъ галстухомъ, въ смокингѣ, равнодушно осмотрѣлъ меня:

—Въ чемъ дѣло?

—Не нужно ли вамъ разсказчика?

—Разсказчика?—переспросилъ онъ и задумался. А я почувствовалъ въ сердце трепетъ страха: вдругъ онъ скажетъ: нуженъ разсказчикъ, да сегодня же вечеромъ заставитъ меня выступить на сценѣ и снова я позорно провалюсь, какъ провалился въ Панаевскомъ саду.

Наконецъ, этотъ блестяще одѣтый человѣкъ обдумалъ отвѣтъ:

—Нѣтъ, разсказчика не нужно,—сказалъ онъ увѣренно и пошелъ прочь, а я, въ душѣ благодаря его за отказъ пустился гулять по городу.

—Но какъ же это будетъ,—думалось мнѣ,—наймутъ меня въ Нижнемъ на сцену, а я испугаюсь!

И дѣло представилось мнѣ совсѣмъ не такимъ легкимъ, какъ я думалъ о немъ въ Астрахани.

Пароходъ перемѣнилъ караванъ баржъ. Опять явились новые матросы, бабы и пѣсни. Но мнѣ почему-то стало труднѣе. Деньги я уже проѣлъ, а новая команда была не такъ добродушна, какъ прежняя. Въ Самарѣ я попросилъ крючниковъ принять меня работать съ ними.

—Что же, работай.

Грузили муку. Въ первый же день 5-пудовые мѣшки

умаяли меня почти до потери сознанія. Къ вечеру у меня мучительно ныла шея, болѣла поясница, ломило ноги, точно меня оглоблями избили. Крючники получали по четыре рубля съ тысячи пудовъ, а мнѣ платили двугривенный за день, хотя за день я переносилъ не меньше 60—80 мѣшковъ. На другой день работы я едва ходилъ, а крючники посмѣивались надо мною:

— Привыкай, шарлатанъ, кости ломать, привыкай!

Хорошо, что хоть издѣвались то они ласково и безобидно.

Погрузили баржи, кромѣ муки, еще арбузами, и когда поплыли отъ Самары, работа стала легче, веселѣй. Почти на каждой пристани человѣкъ съ бородой штопоромъ заставлялъ сгружать арбузы. Мы выстраивались по мосткамъ цѣпью, вплоть до берега и перекидывали арбузы съ рукъ на руки, съ шутками, прибаутками и веселой руганью. А если зазѣваешься, не успѣешь поймать арбузъ, онъ упадетъ въ воду или разобьется о мостки, человѣкъ съ бородой штопоромъ подходитъ къ виноватому и бьетъ его по шеѣ. «Вездѣ свои законы». За эту работу я получалъ 20 коп. и пару арбузовъ. Это было великолѣпно. Купишь на пятачекъ хлѣба, съѣшь его съ арбузами и животъ тотчасъ такъ вспухнетъ, что чувствуешь себя богатымъ купцомъ.

За это путешествіе я впервые пожилъ среди поволжскаго народа, немножко присмотрѣлся къ нему. Народъ показался мнѣ «со всячинкой», но все таки хорошій народъ, веселый, добродушный.

Доплыли до Казани. Я обрадовался, увидавъ родной городъ, хоть и неласковъ онъ былъ ко мнѣ. Снова почувствовалъ я густой запахъ нефти, запахъ, который я почему-то не замѣчалъ въ пути нигдѣ, кромѣ Астрахани. Но въ Казани пахло нефтью гуще что, конечно, не большое достоинство города, но оно было пріятно и сладко мнѣ, какъ «дымъ отечества». Оставивъ свой «багажъ» на пароходѣ у какого-то конторщика, рано утромъ я отправился въ городъ къ товарищу, который въ свое время снабжалъ меня книгами изъ библіотеки Дворянскаго Собранія, любилъ декламировать стихи и даже самъ писалъ ихъ, впрочемъ довольно плохо.

Товарищъ встрѣтилъ меня радостно. Вечеромъ мы съ нимъ нашли еще двухъ старыхъ пріятелей, затѣмъ отправились въ трактиръ, играли на бильярдѣ и тутъ я впервые на-

пился пьянъ, по случаю «радостной встрѣчи съ друзьями». Далѣе, вывалившись на улицу, мы вступили въ бой съ ночнымъ сторожемъ. Онъ былъ разбитъ нами на голову. Но къ нему на помощь явились подобные же, одолѣли насъ, взяли въ плѣнъ и отправили въ часть. Я былъ моложе моихъ друзей, но оказался большимъ буяномъ, чѣмъ они, говорилъ приставу дерзости, ругался и вообще держалъ себя отвратительно, какъ только могъ. Это принесло свой результатъ: вмѣсто того, чтобы составить протоколъ и запереть насъ въ «каталажку» до вытрезвленія, приставъ позвалъ двухъ пожарныхъ солдатъ, они усердно намяли намъ бока и вытурили на улицу. Не могу сказать, что я вспоминаю дѣянія эти съ удовольствіемъ, а не вспомнить ихъ «совѣсть не позволяетъ». Ночевать я пошелъ къ товарищу. Онъ попросилъ свою мать, богомольную женщину, которая ходила ежедневно въ 5 часовъ утра къ заутрени, разбудить меня. Мой пароходъ уходилъ въ семь часовъ утра.

Конечно, я проспалъ, хотя добрая женщина и будила меня. Пароходъ ушелъ, а съ нимъ и мои вещи: любимый Беранже, тріо «Христосъ Воскресе», сочиненное мною и написанное лиловыми чернилами,—все драгоцѣнное, что я имѣлъ

Я остался у товарища въ Казани. Онъ ничего не имѣлъ противъ этого, но его благочестивая мамаша сразу же начала отравлять мнѣ жизнь, прозрачно намекая, что вообще на землѣ очень много дармоѣдовъ и что лучше бы имъ провалиться сквозь землю. Я сталъ усердно искать работы и только послѣ долгихъ поисковъ мнѣ дали переписку бумагъ по 8 коп. за листъ въ духовной консисторіи Бумаги относились, главнымъ образомъ, къ дѣламъ о «разводахъ» и, переписывая ихъ, я познакомился съ невѣроятной, умопомрачительной грязищей, которую чрезвычайно тщательно разводили консисторскіе чиновники. Всѣ они были самыми отчаянными пьяницами, какихъ я видѣлъ въ жизни. Они пили до какихъ-то эпилептическихъ припадковъ, до судорогъ и дикаго бреда, вызывая у меня чувство, близкое къ ужасу. Только одинъ изъ нихъ, секретарь, былъ похожъ на человѣка, да и то слишкомъ. Онъ носилъ вицмундиръ, душился крѣпкими духами. Голосъ у него былъ мягкій, вкрадчивый; движенія—кошачьи. Мнѣ казалось, что этотъ человѣкъ можетъ вытащить изъ меня душу такъ ловко, что я и не замѣчу. Этотъ человѣкъ допрашивалъ мужей и женъ, искавшихъ развода. Помню, какъ онъ разговаривалъ съ

однимъ священникомъ, на котораго жаловалась попадья, за неспособность его къ брачной жизни. Секретарь вытягивалъ изъ попа отвѣты такъ вкрадчиво, ласково, а тотъ отвѣчалъ тонкимъ, бабьимъ голосомъ, и голосъ его становился все тоньше, тише, точно попъ умиралъ отъ истощенія. Это было жутко слушать.

Я писалъ листа по четыре въ день, но въ отчетѣ ставилъ вдвое больше. Этому меня научилъ одинъ изъ пьяницъ. Я разсчиталъ, что заработаю такимъ образомъ рублей 18, но мнѣ заплатили за мѣсяцъ всего 8. И, къ моему удивленію, никто даже слова не сказалъ мнѣ по поводу того, что я вралъ въ моихъ отчетахъ о перепискѣ. Великодушные люди...

Мнѣ уже минуло семнадцать лѣтъ. Въ Панаевскомъ саду играла оперетка. Я, конечно, каждый вечеръ торчалъ тамъ. И вотъ, однажды, какой-то хористъ сказалъ мнѣ:

— Семеновъ-Самарскій собираетъ хоръ для Уфы,— просись!

Я зналъ Семенова-Самарскаго, какъ артиста, и почти обожалъ его. Это былъ интересный мужчина, съ черными нафабренными усами. Они у него точно изъ чугуна были отлиты. Ходилъ онъ въ цилиндрѣ, съ тросточкой, въ цвѣтныхъ перчаткахъ. У него были этакіе «роковые» глаза и манеры заядлаго барина. На сценѣ онъ держался, какъ рыба въ водѣ, и чрезвычайно выразительно пѣлъ баритономъ въ «Нищемъ-студентѣ»:

— Цэловалъ гор-ря-чо,
Но вэдь только въ плеч-чо!

Барыни таяли предъ нимъ, яко воскъ предъ лицомъ огня.

Набравшись храбрости, я подошелъ къ нему въ саду, снялъ картузъ.

— Что вамъ? Ага! Придите ко мнѣ въ гостиницу завтра!

Пошелъ я въ гостиницу, а швейцаръ не пускаетъ меня къ Самарскому. Я умолялъ его, уговаривалъ, чуть не плакалъ и, наконецъ, примучилъ швейцара до того, что онъ, плюнувъ, послалъ къ Семенову-Самарскому мальчика спросить, хочетъ ли артистъ видѣть какого-то длиннаго, плохо кормленнаго оборванца.

— Приказано пустить,—сказалъ мальчикъ, возвратясь.

Я засталъ Семенова въ халатѣ. Лицо его было осыпано пудрой. Онъ напоминалъ мельника, который, кончивъ работу, отдыхаетъ, но еще не успѣлъ умыться. За столомъ про-

тивъ него сидѣлъ молодой человѣкъ, видимо кавказецъ, а на кушеткѣ полулежала дама.

Я былъ очень застѣнчивъ, а передъ женщинами—особенно. Сердце у меня екнуло: ничего не сумѣю сказать я при дамѣ.

Семеновъ-Самарскій ласково спросилъ меня:

— Что же вы знаете?

Меня не удивило, что онъ обращается со мною на вы,—такой баринъ иначе не могъ бы,—но вопросъ его испугалъ меня: я ничего не зналъ. Рѣшился соврать:

— Знаю «Травіату», «Карменъ».

— Но у меня оперетка.

— «Корневильскіе колокола».

Я перечислилъ всѣ оперетки, названія которыхъ вспомнились мнѣ, но это не произвело впечатлѣнія.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Девятнадцать,—безстыдно сочинялъ я.

— А какой голосъ?

— Первый басъ.

Его ласковый тонъ, ободряя меня, придавалъ мнѣ храбрости.

Наконецъ, онъ сказалъ:

— Знаете, я не могу платить вамъ жалованье, которое получаютъ хористы съ репертуаромъ...

— Мнѣ не надо. Я безъ жалованья,—бухнулъ я.

Это всѣхъ изумило. Всѣ трое уставились на меня молча. Тогда я объяснилъ:

— Конечно, денегъ у меня никакихъ нѣтъ. Но, можетъ быть, вы мнѣ вообще дадите что-нибудь?

— Пятнадцать рублей въ мѣсяцъ.

— Видите ли,—сказалъ я,—мнѣ нужно столько, чтобы какъ-нибудь прожить, не очень голодая. Если я сумѣю прожить въ Уфѣ на десять, дайте десять. А если мнѣ нужно будетъ шестнадцать или семнадцать...

Кавказскій человѣкъ захохоталъ и сказалъ Семенову-Самарскому:

— Да ты дай ему 20 рублей! Что такое?

— Подписывайтесь,—предложилъ антрепренеръ, протягивая мнѣ бумагу. И рукою, «трепетавшей отъ счастья», я подписалъ мой первый театральный контрактъ.

Вошелъ еще хористъ Нейбергъ, маленькій, кругленькій человѣкъ, независимо поздоровался съ антрепренеромъ.

— Здравствуйте, Семенъ Яковлевичъ!

— Этотъ подписалъ контрактъ на сорокъ рублей.

— Черезъ два дня, — сказалъ Семеновъ-Самарскій, — я выдамъ вамъ билеты до Уфы и авансъ.

Авансъ? Я не зналъ, что это такое, но мнѣ очень понравилось слово. Я почувствовалъ за нимъ что-то хорошее.

Я вышелъ съ Нейбергомъ. Онъ служилъ хористомъ въ оперѣ Серебрякова, куда я очень стремился попасть, когда мнѣ было лѣтъ 15, и куда меня не взяли потому, что какъ разъ въ этотъ годъ ломался мой голосъ. Славнымъ товарищемъ мнѣ оказался потомъ этотъ маленькій Нейбергъ.

Дома, т. е. у Петрова, я созвалъ друзей и съ величайшей гордостью показалъ имъ документъ, вводившій меня служителемъ во храмъ Таліи и Мельпомены. Товарищи относились къ моимъ стремленіямъ въ театръ очень скептически и обидно для меня. Теперь я торжествовалъ, напоминая имъ прежнія насмѣшки. Бывало, играя въ бабки, цѣлясь биткомъ въ конъ, я запою фразу изъ какой-нибудь оперы, а они, окаянные, хохочутъ.

— Подождите, чортъ васъ возьми,—обѣщалъ я имъ:— черезъ три года, я буду пѣть Демона!

Черезъ три года, я дѣйствительно пѣлъ. Только не Демона, а Мефистофеля.

Прошло двое сутокъ, и вотъ я, получивъ авансомъ двѣ трешницы и билетъ второго класса на пароходъ Якимова, ѣду въ Уфу.

Былъ сентябрь. Холодно и пасмурно. У меня, кромѣ пиджака, ничего не было. Мать Петрова подарила мнѣ старенькую шаль, которую я и надѣлъ на себя, какъ пледъ. Чувствовалъ я себя превосходно: первый разъ въ жизни ѣхалъ во второмъ классѣ и куда ѣхалъ! Служить великому искусству, чортъ возьми!

На рѣкѣ Бѣлой нашъ пароходъ началъ раза по два садиться на мель на перекатахъ, и капитанъ довольно безцеремонно предлагалъ пассажирамъ второго и третьяго классовъ «погулять по берегу». Стоялъ отчаянный холодъ. Чтобы согрѣться, я ходилъ по берегу колесомъ, выдѣлывалъ разныя акробатическія штуки, а мужички, стоя около сто-

товъ сѣна, которые они возили въ деревню, глумились надо мной:

— Гляди, гляди, какъ барина-то жметъ! Чего выдѣлываетъ, жердь!

— Баринъ!—думалъ я.

Какъ-то ночью мнѣ не спалось, вышелъ я на палубу, поглядѣть на рѣку, на звѣзды, вспомнилъ отца, мать. Давно уже я ничего не зналъ о нихъ, зналъ только, что изъ Астрахани они переѣхали въ Самару.

Мнѣ стало грустно и я запѣлъ:

— «Ахъ ты, ноченька, ночка темная».

Пѣлъ и плакалъ.

Вдругъ въ темнотѣ слышу голосъ:

— Кто поетъ?

Я испугался. Можетъ быть, по ночамъ на пассажирскихъ пароходахъ запрещается пѣть?

— Это я пою.

— Кто я?

— Шаляпинъ.

Ко мнѣ подошелъ кавказскій человѣкъ, Пеняевъ, славный парень. Онъ, видимо, замѣтилъ мои слезы и дружески сказалъ:

— Славный голосъ у тебя! Что-жъ ты сидишь тутъ одинъ? Пойдемъ къ намъ. Тамъ купецъ какой-то. Идемъ!

— А купецъ не прогонитъ?

— Ничего. Онъ пьяный.

Въ большой каютѣ перваго класса за столомъ сидѣлъ толстый, краснорожій купецъ, сильно выпившій и настроенный лирически. Передъ нимъ стояли бутылки водки, вина, икра, рыба, хлѣбъ и всякая всячина. Онъ смотрѣлъ на всѣ эти яства тупыми глазами и размазывалъ пальцемъ по столу лужу вина. Ясно было, что онъ скучаетъ. Пеняевъ представилъ меня ему. Онъ поднялъ жирныя вѣки, сунулъ подъ носъ мнѣ четыре пальца правой руки и приказалъ:

— Нюхай!

Я понюхалъ.

— Чѣмъ пахнетъ?

Пальцы пахли виномъ, селедкой.

— Рыбой,—сказалъ я.

— Ну, и глупъ! Чулками пахнетъ! А ты—рыбой! Долженъ сразу угадывать.

Но, несмотря на то, что я не угадалъ сразу, онъ все-таки сейчасъ же налилъ мнѣ водки.

— Пей! Ты кто таковъ?

Я сказалъ.

— Ага! Тоже этотъ... изъ этакихъ. Ну, ничего. Валяй! Я люблю! Ты что умѣешь?

— Пою.

— А фокусы показывать не умѣешь?

— Нѣтъ.

— Ну, пой!

Я что-то запѣлъ, а купецъ послушалъ и заплакалъ, сопя, подергивая плечами. Потомъ я попросилъ позвать Нейберга, и мы пѣли вдвоемъ, а купецъ угощалъ насъ и все хлипалъ, очень разстроенный.

Такъ впервые выступилъ я передъ «серьезной публикой».

Наконецъ, рано утромъ пароходъ подошелъ къ пристани Уфы. До города было верстъ пять. Стояла отчаянная слякоть. Моросилъ дождь. Я забралъ подъ мышку мои «вещи»,—ихъ главной цѣнностью былъ пестренькій галстухъ, который я всю дорогу бережно прикалывалъ къ стѣнкѣ,— и мы съ Нейбергомъ пошли въ городъ: одинъ—костлявый, длинный, другой—маленькій и толстый.

Вскорѣ насъ обогналъ на извозчикѣ Пеняевъ съ дамой и крикнулъ мнѣ, смѣясь:

— До свиданья, Геннадій Демьяновичъ!

Я зналъ «Лѣсъ» Островскаго и тоже захохоталъ, поглядѣвъ на себя и Нейберга.

Въ городѣ мы отправились въ гостинницу, гдѣ остановился Семеновъ-Самарскій, но «услужающій» строго сказалъ намъ:

— Такихъ грязныхъ не пускаемъ.

Мы сняли сапоги и отправились къ антрепренеру босикомъ. Онъ, какъ и въ Казани, встрѣтилъ насъ въ халатѣ, осыпанный пудрой, посмѣялся надъ нами и предложилъ чаю.

Въ тотъ же день я съ Нейбергомъ нашелъ комнату у театральнаго музыканта, по 14 рублей съ головы. За эти деньги мы должны были получать чай, обѣдъ, ужинъ. Я тотчасъ же отправился къ Семенову-Самарскому и заявилъ ему:

— Я устроился здѣсь на четырнадцать рублей; шесть

лишніе мнѣ. Я пошелъ къ вамъ не ради денегъ, а ради удовольствія служить въ театрѣ...

— Вы чудакъ,—сказалъ онъ мнѣ.

Начались репетиціи. Насъ было 17 мужчинъ и 20 женщинъ въ хорѣ. Занимались мы подъ скрипку, на которой игралъ хормейстеръ — милый добродушный человѣкъ, отчаянный пьяница. Вдругъ, къ ужасу моему, начали говорить, что антрепренеръ «перебралъ» хористовъ и нѣкоторые, являясь лишними, будутъ уволены. Я былъ увѣренъ, что уволятъ именно меня. Но, когда было предложено разсчитать меня, хормейстеръ заявилъ:

— Нѣтъ, этого мальчика надо оставить. У него недурной голосъ и онъ, кажется, способный...

Цѣлый Уралъ свалился съ души моей.

Сезонъ начался «Пѣвцомъ изъ Палермо». Конечно, больше всѣхъ волновался я. Боже мой, какъ пріятно было мнѣ видѣть на афишахъ мою фамилію: «вторые басы: Афанасьевъ и Шаляпинъ».

Первымъ спектаклемъ шелъ «Пѣвецъ изъ Палермо». Костюмы для хора раздѣлялись на испанскіе и пейзанскіе.

Пейзанскій костюмъ — шерстяное трико или чулки, стоптанныя туфли, коротенькіе штанишки-«трусики», куртка изъ казинета или чортовой кожи, отороченная тесьмой, и поверхъ куртки бѣлый воротникъ. Испанскій костюмъ «строился» изъ дешеваго плюша. Штаны были еще короче пейзанскихъ. Вмѣсто куртки—колетъ, а на плечахъ—коротенькій плащъ. Къ сему полагались картонныя шапки, обшитыя плюшемъ или атласомъ.Я надѣлъ испанскій костюмъ, сдѣлалъ себѣ маленькіе усики, подвелъ брови, накрасилъ губы, набѣлился, нарумянился, во всю мочь, стараясь сдѣлать себя красивымъ испанцемъ.

Я былъ неимовѣрно худъ. Впервые въ жизни я надѣлъ трико, и мнѣ казалось, что ноги у меня совершенно голыя. Было стыдно, неловко. Когда хоръ позвали на сцену, я всталъ въ первомъ ряду хористовъ и принялъ надлежащую испанскую позу: выставилъ ногу впередъ, руку—фертомъ положилъ на бедро, гордо откинулъ голову. Но оказалось, что эта поза—свыше моихъ силъ. Нога, выставленная впередъ, страшно дрожала. Я оперся на нее и выставилъ другую. Она тоже предательски тряслась, несмотря на всѣ мои усилія побороть дрожь. Тогда я позорно спрятался за хористовъ.

Подняли занавѣсъ, и мы дружно запѣли:

—Разъ, два, три.
Посмотри
Тамъ на картѣ поскорѣй...

Внутри у меня тоже все дрожало отъ страха и радости. Я былъ, какъ во снѣ. Публика кричала, апплодировала, а я готовъ былъ плакать отъ волненія. Лампы-молніи, стоявшія передъ рампой, плясали огненный танецъ. Черная пасть зрительнаго зала, наполненная ревомъ и всплесками бѣлыхъ рукъ, была такой весело-грозной.

Черезъ мѣсяцъ я уже могъ стоять на сценѣ, какъ хотѣлъ. Ноги не тряслись и на душѣ было спокойно. Мнѣ уже начали давать маленькія роли въ два-три слова. Я выходилъ на средину сцены и громогласно объявлялъ герою оперетки:

—Человѣкъ изъ подземелья
Хочетъ видѣть васъ!

Или что-нибудь въ этомъ родѣ. Труппа и даже рабочіе всѣ относились ко мнѣ очень ласково, хорошо. Я такъ любилъ театръ, что работалъ за всѣхъ съ одинаковымъ наслажденіемъ: наливалъ керосинъ въ лампы, чистилъ стекла, подметалъ сцену, лазалъ на колосники, устраивалъ декораціи. Семеновъ-Самарскій тоже былъ очень доволенъ мною.

На Святкахъ рѣшили поставить оперу «Гальку». Роль стольника, отца Гальки, долженъ былъ пѣть сценаріусъ, человѣкъ высокаго роста съ грубымъ лицомъ и лошадиной челюстью,—очень несимпатичный дядя. Онъ вѣчно дѣлалъ всѣмъ непріятности, сплетничалъ, вралъ. Репетируя партію стольника, онъ пѣлъ фальшиво, не въ тактъ и, наконецъ, дня за два до генеральной репетиціи, объявилъ, что не станетъ пѣть,—контрактъ обязываетъ его участвовать только въ опереткѣ, а не въ оперѣ. Это ставило труппу въ нелѣпое положніе. Замѣнить капризника было некѣмъ.

И вотъ вдругъ антрепренеръ, позвавъ меня къ себѣ въ уборную, предлагаетъ:

— Шаляпинъ, можете вы спѣть партію стольника?

Я испугался, зная, что это партія немаленькая и отвѣтственная. Я чувствовалъ, что нужно сказать:

— Нѣтъ, не могу.

И вдругъ сказалъ:

— Хорошо, могу.

— Такъ вотъ: возьмите ноты и выучите къ завтраму...

Я почувствовалъ, что мнѣ отрубили голову. Домой я почти бѣжалъ, торопясь учить, и всю ночь провозился съ нотами, мѣшая спать моему товарищу по комнатѣ.

На другой день на репетиціи я спѣлъ партію стольника, хотя и со страхомъ, съ ошибками, но всю спѣлъ. Товарищи одобрительно похлопывали меня по плечу, хвалили. Зависти я не замѣтилъ ни въ одномъ изъ нихъ. Это былъ единственный сезонъ въ моей жизни, когда я не видѣлъ, не чувствовалъ зависти ко мнѣ и даже не подозрѣвалъ, что она существуетъ на сценѣ.

Все время до спектакля я ходилъ по воздуху, вершка на три надъ землей, а въ день спектакля началъ гримироваться съ пяти часовъ вечера. Это была трудная задача—сдѣлать себя похожимъ на солиднаго стольника. Я наклеилъ носъ, усы, брови, измазалъ лицо, стремясь сдѣлать его старческимъ и кое-какъ добился этого. Но необходимо устранить мою худобу. Надѣлъ толщинку—вышло нѣчто отчаянное: животъ, точно у больного водянкой, а руки и ноги, какъ спички. Хоть плачь!

И я подумалъ:

— А что, если сейчасъ вотъ, не говоря никому ни слова, убѣжать въ Казань.

Мнѣ вспомнилось, какъ меня гнали со сцены въ Панаевскомъ саду. Я былъ увѣренъ, что и здѣсь мой дебютъ кончится тѣмъ-же. Но бѣжать поздно было. А тутъ кто-то подошелъ ко мнѣ сзади, похлопалъ по плечу и дружески сказалъ:

— Бояться не надо. Веселѣй! Все сойдетъ отлично!

Я оглянулся. Это говорилъ Янушъ—Семеновъ-Самарскій. Ободренный, я вышелъ на сцену. Направо стоялъ столъ и два кресла, налѣво—тоже столъ и два кресла. По сценѣ ходили товарищи, притворяясь поляками, беззаботно пошучивая. Я позавидовалъ ихъ самообладанію и сѣлъ въ кресло, выпятивъ животъ, елико возможно.

Взвился занавѣсъ. Затанцовали лампы. Желтый туманъ ослѣпилъ меня. Я сидѣлъ неподвижно, крѣпко пришитый къ креслу, ничего не слыша, и только, когда Дземба спѣлъ свои слова, я нетвердымъ голосомъ, автоматически началъ:

— Я за дружбу и участье,
Братья, чару поднимаю...

Хоръ отвѣтилъ:

На счастье!

Я всталъ съ кресла и ватными ногами, пошатываясь, отправился, какъ на казнь, къ суфлерской будкѣ. На репетиціи дирижеръ говорилъ мнѣ:

— Когда будешь пѣть, обязательно смотри на меня!

Я уставился на него быкомъ и, слѣдя за палочкой, началъ въ тактъ мазурки мою арію:

— Ахъ, друзья, какое счастье!
Я теряюсь, я не смѣю,
Выразить вамъ не сумѣю,
Благодарность за участье!

Эти возгласы стольникъ, очевидно, обращалъ къ своимъ гостямъ, но я стоялъ къ гостямъ спиною, не только не обращая на нихъ вниманія, но даже забывъ, что на сценѣ существуетъ еще кто-то, кромѣ меня, очень несчастнаго человѣка въ ту минуту. Вытаращивъ глаза на дирижера, я пѣлъ и все старался сдѣлать какой-нибудь жестъ. Я видѣлъ, что пѣвцы разводятъ руками и вообще двигаются. Но мои руки вдругъ оказались невѣроятно тяжелыми и двигались только отъ кисти до локтя. Я отводилъ ихъ на поларшина въ сторону и поочередно клалъ на животъ себѣ то одну, то другую. Но голосъ у меня, къ счастью, звучалъ свободно. Когда я кончилъ пѣть, раздались апплодисменты. Это изумило меня, и я подумалъ, что апплодируютъ не мнѣ. Но дирижеръ шепталъ:

— Кланяйся, чортъ! Кланяйся!

Тогда я началъ усердно кланяться на всѣ стороны. Кланялся и задомъ отходилъ къ своему креслу. Но одинъ изъ хористовъ—Сахаровъ, человѣкъ, занимавшійся фабрикаціей каучуковыхъ штемпелей и очень развязный на сценѣ, зачѣмъ-то отодвинулъ мое кресло въ сторону. Разумѣется, я сѣлъ на полъ. Помню, какъ нелѣпо взлетѣли мои ноги кверху. Въ театрѣ раздался громовой хохотъ и снова грянули апплодисменты. Я былъ убитъ, но все-таки всталъ, поставилъ кресло на старое мѣсто и всадилъ себя въ него, какъ можно прочнѣе. Сидѣлъ и, молча, горько плакалъ. Слезы смывали гримъ, текли по подусникамъ. Обидно было и за свою неуклюжесть, и на публику, которая одинаково жарко апплодируетъ и пѣнію, и паденію. Въ антрактѣ меня всѣ успокаивали. Но это не помогло мнѣ, и я продолжалъ пѣть оперу до конца уже безъ подъема, механически, въ глубокомъ убѣжденіи, что я бездаренъ на сценѣ.

Но послѣ спектакля Семеновъ-Самарскій сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ, не упомянувъ о моей неловкости, и это нѣсколько успокоило меня. «Галька» прошла раза три. Я пѣлъ стольника съ успѣхомъ и уже, когда пятился задомъ, то нащупывалъ рукою, тутъ ли кресло.

Потомъ мнѣ поручили партію Фернандо въ «Трубадурѣ», а Семеновъ-Самарскій прибавилъ пять рублей. Я отказывался отъ прибавки, говоря:

— Мнѣ уже достаточной наградой служитъ тотъ фактъ, что я играю.

Но антрепренеръ убѣдилъ меня:

— Пять рублей—деньги нелишнія.

Въ «Трубадурѣ» я пѣлъ увѣреннѣе и даже началъ думать, что, пожалуй, я не хуже другихъ хористовъ: хожу по сценѣ такъ же свободно, какъ и они.

Очень хорошо относился ко мнѣ кавказскій человѣкъ, Пеняевъ. Онъ жилъ съ какой-то дамой, чрезвычайно ревнивой и сварливой, а самъ онъ былъ хотя и добродушенъ, но тоже очень вспыльчивъ. Каждый день почти у нихъ бывали драмы. Почти каждую недѣлю они разъѣзжались на разныя квартиры, а потомъ снова съѣзжались. И каждый разъ я долженъ былъ помогать имъ разъѣзжаться и съѣзжаться: таскалъ съ квартиры на квартиру чемоданы, картонки и прочее.

Стояла зима, но я гулялъ въ пиджакѣ, покрываясь шалью, какъ пледомъ. Пальто себѣ я не могъ купить. У меня даже бѣлья не было, ибо деньги почти цѣликомъ уходили на угощеніе товарищей. Сапоги тоже развалились: на одномъ отстала подошва, другой лопнулъ сверху.

Какъ-то разъ, примирившись со своей дамой, Пеняевъ на радостяхъ подарилъ мнѣ пальто. Оно было нѣсколько коротко мнѣ, но хорошо застегивалось,—его хозяинъ былъ толще меня.

Но вскорѣ послѣ этого случилась уличная драка, въ которой и я принялъ посильное участіе. Въ бою у меня вырвали изъ рукава пальто всю подкладку, вмѣстѣ съ ватой. Тогда, для симметріи, я выдралъ подкладку изъ другого рукава и сталъ носить пальто «въ накидку», какъ плащъ, застегивая его на одну верхнюю пуговицу. Это дѣлало меня похожимъ на огородное пугало.

Была у насъ въ хорѣ одна пѣвица «изъ благородныхъ», какъ я думалъ. Она одѣвалась не хуже нашихъ артистокъ; отъ нея всегда пахло хорошими духами и у нея была своя горничная, не менѣе красивая, чѣмъ сама госпожа. Однажды, увязывая въ огромный узелъ костюмы своей барыни, горничная сказала мнѣ:

— Чѣмъ шляться зря по закулисамъ, вы бы, господинъ актеръ, отнесли мнѣ узелъ домой.

Я рыцарски выразилъ полную готовность служить ей. Пріятно было мнѣ, что она назвала меня актеромъ.

Было морозно. Идти далеко. Въ сапоги мои набивался снѣгъ. Ноги замерзали. Но горничная интересно говорила о бракѣ, о женщинахъ, о томъ, что она лично никогда не выйдетъ замужъ, даже за актера не выйдетъ. Когда дошли до дома, она выразила сожалѣніе, что не можетъ пригласить меня къ себѣ и угостить чаемъ: во-первыхъ, очень поздно, во-вторыхъ, надо идти черезъ парадный ходъ, а это не очень удобно для ея скромности. Чай? Это очень заманчиво, а сама она—того болѣе.

— У васъ комната отдѣльная?

— Да.
— Черный ходъ есть?
— Да. Но ворота заперты.
— Такъ я черезъ заборъ.
— Если можете, перелѣзайте!

Я перелѣзъ. А чтобы не шумѣть въ домѣ, я снялъ сапоги и оставилъ ихъ на крыльцѣ, внизу черной лѣстницы. Съ удовольствіемъ напился я чаю, закусилъ. Потомъ горничная предложила мнѣ ночевать у нея. Все шло прекрасно, очень мило и счастливо, но вдругъ, часа въ 3 ночи, раздался звонокъ.

— Это баринъ,—сказала моя дама и пошла отпирать дверь.

Я зналъ «барина». Онъ былъ богатъ, кривой, носилъ синее пенснэ и сидѣлъ у насъ въ театрѣ всегда въ первомъ ряду. Я слышалъ, какъ онъ вошелъ въ домъ, какъ горничная разговаривала съ нимъ, и спокойно дожидался ее, лежа въ теплой, мягкой постели, подъ ватнымъ одѣяломъ изъ пестрыхъ лоскутковъ. Вдругъ около постели явился огромный песъ, въ родѣ сенъ-бернара понюхалъ меня и грозно зарычалъ. Я омертвѣлъ. Вдругъ этотъ человѣкъ, постоянно бывающій въ нашемъ театрѣ, увидитъ меня здѣсь! Раздались шаги, дверь широко раскрылась и «баринъ» спросилъ:

— Чего онъ рычитъ?

Горничная ударила собаку ногою въ бокъ и ласково сказала ей:

— Иди прочь! Прочь, Султанъ...

Собака отошла, а горничная объяснила барину:

— Не знаю, что ему показалось.

«Баринъ» ушелъ, а я остался, восхищаясь присутствіемъ духа моей дамы.

На разсвѣтѣ я собрался домой. Черезъ заборъ лѣзть было опасно — городъ проснулся. Горничная предложила выпустить меня парадным ходомъ. Я пошелъ за сапогами, но увы, они смерзлись и не лѣзли на ноги. Кое-какъ я разогрѣлъ ихъ и стремглавъ бросился домой, давъ себѣ слово никогда больше не ходить къ прелестнымъ дамамъ въ худыхъ сапогахъ.

Въ театрѣ дѣла шли великолѣпно. Труппа и хоръ жили дружно, работали отлично. Случалось, и не рѣдко, что послѣ спектакля мы оставались репетировать слѣдующій до 4 и до 5 часовъ утра. Дирекція покупала намъ по бутылкѣ пива на брата, хлѣба, колбасы, и мы, закусивъ, распѣвали. Хорошо жилось!

Недѣли за двѣ до «прощенаго воскресенья» Семеновъ-Самарскій сказалъ мнѣ:

— Вы, Шаляпинъ, были очень полезнымъ членомъ

труппы, и мнѣ хотѣлось бы поблагодарить васъ. Поэтому я хочу предложить вамъ бенефисъ.

Я чуть не ахнулъ.

— Какъ бенефисъ?

— Такъ. Выбирайте пьесу и, въ воскресенье утромъ мы ее поставимъ. Вы получите часть сбора.

Къ концу сезона у меня развилась храбрость, вѣроятно, граничавшая съ нахальствомъ. У меня уже давно таилась въ душѣ мечта спѣть Неизвѣстнаго въ «Аскольдовой Могилѣ»,—роль, которую всегда пѣлъ самъ Семеновъ-Самарскій. Я сказалъ ему:

— Мнѣ бы хотѣлось сыграть въ «Аскольдовой Могилѣ».

— Кого?

— Неизвѣстнаго...

— Эге! Ну что-же! Вы знаете роль?

— Не совсѣмъ! Выучу!

— Играйте Неизвѣстнаго!

Въ «прощеное воскресенье» я приклеилъ себѣ черную бороду, надѣлъ азямъ, подпоясался краснымъ кушакомъ и вышелъ на сцену съ весломъ въ рукѣ.

Роль Неизвѣстнаго начинается прозой и, какъ только я началъ говорить, мнѣ сразу стало ясно, что я говорю по-«средневолжски», круто упирая на «о». Это едва не погубило меня, страшно смутивъ. Но за арію «Въ старину живали дѣды» публика все-таки апплодировала мнѣ.

Ужасно было слышать мнѣ самого себя, когда я читалъ во второмъ дѣйствіи монологъ:

— Глупое стадо! Посмотримъ, что-то вы заговорите!

Публика улыбалась.

Послѣ этого я рѣшилъ, что мнѣ необходимо учиться говорить «по-барски» на «а».

Послѣ бенефиса Семеновъ-Самарскій принесъ мнѣ въ конвертѣ 50 руб.—подарокъ отъ публики, да кто-то изъ публики же подарилъ закрытые серебряные часы на стальной цѣпочкѣ. Кромѣ того, отъ сбора «съ верхушекъ» мнѣ очистилось рублей 30. Я сталъ богатымъ человѣкомъ. Никогда у меня не было такой кучи денегъ. Да еще и часы.

Сезонъ кончился. Труппа разъѣзжалась. Дирижеръ подарилъ мнѣ новенькій жокейскій картузъ съ пуговкой на макушкѣ и съ длиннымъ козырькомъ. Я купилъ себѣ верблюжье пальто, мохнатое темно-коричневое, кожаную куртку съ хлястикомъ,—такія куртки носятъ машинисты,—купилъ сапоги, перчатки и тросточку. Напяливъ на себя все это великолѣпіе, я отправился гулять по главной улицѣ Уфы и каждый разъ, когда встрѣчный человѣкъ казался мнѣ заслуживающимъ вниманія, я небрежно вы-

таскивалъ изъ кармана мои часы и смотрѣлъ, который часъ. Очень хотѣлось, чтобы люди видѣли, что я при часахъ.

Чувствовалъ я себя человѣкомъ, совершенно счастливымъ. А тутъ еще позвалъ меня къ себѣ Семеновъ-Самарскій и говоритъ:

— Я съ нѣкоторыми изъ артистовъ ѣду въ Златоустъ. Хотимъ сыграть тамъ нѣсколько отрывковъ изъ оперетокъ и дадимъ концертъ. Вы знаете какіе-нибудь романсы?

Разумѣется, я неистово обрадовался. Я зналъ арію Руслана, «О поле, поле», «Чуютъ правду», «Въ старину живали дѣды» и романсъ Козлова «Когда бъ я зналъ».

— Вотъ и превосходно!—сказалъ Самарскій и добавилъ съ легонькой усмѣшкой, что ѣдетъ и Таня Рѣпникова.

Я почувствовалъ себя окончательно счастливымъ человѣкомъ. Таня Рѣпникова, второстепенная артистка нашей оперетки, была женщина лѣтъ тридцати, шатенка, съ чудными синими глазами и очень красивымъ овалomъ лица. Я былъ неравнодушенъ къ ней, но не только не смѣлъ ей сказать объ этомъ, а даже боялся, чтобы она не замѣтила моихъ нѣжныхъ чувствъ. Она же относилась ко мнѣ ласково и просто, какъ старшая сестра.

Я тотчасъ же отправился къ ней съ предложеніемъ помочь ей уложить вещи и выпросилъ разрѣшеніе устроить ее въ поѣздѣ, на что она благосклонно согласилась.

Въ вагонѣ я уложилъ ее спать въ купэ, затѣмъ вышелъ въ корридоръ и ушелъ на площадку. Я впервые ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Было интересно слѣдить, какъ мимо поѣзда течетъ земля сѣрымъ потокомъ, мелькаютъ деревья, золотыми нитями пронизываютъ воздухъ искры. Шелъ снѣгъ, но было довольно тепло. Въ снѣгу вспухали крыши деревень, двигались куда-то церкви, по полю плыли стога сѣна. Я любовался всѣмъ этимъ до утра, думая о Танѣ, о счастьѣ любить женщину.

Утромъ пріѣхали въ Златоустъ. Я устроилъ Таню Рѣпникову въ гостиницѣ и самъ снялъ номеръ рядомъ съ обожаемой женщиной. Вскорѣ я услышалъ въ ея номерѣ мужской голосъ, радостныя восклицанія, веселый смѣхъ. Въ душѣ моей вспыхнуло ревнивое чувство. Но когда Таня позвала меня къ себѣ и познакомила съ мужчиной, чувство ревности сразу погасло. Соперникъ мой оказался очень милымъ и славнымъ человѣкомъ и при этомъ онъ былъ мужъ Тани, что, конечно, еще болѣе увеличивало его достоинства. Наконецъ, онъ былъ актеръ-комикъ, а мнѣ въ ту пору хотѣлось знать всѣхъ актеровъ міра и знакомство съ каждымъ изъ нихъ было для меня честью и радостью.

Спектакль мы устраивали въ арсеналѣ. Рѣшено было поставить актъ «Синей Бороды», но вдругъ оказалось, что Семеновъ-Самарскій забылъ взять съ собою волосы и ему не изъ чего было сдѣлать «синюю бороду».

Тогда я отрѣзалъ солидный клокъ моихъ длинныхъ волосъ, выкрасилъ ихъ въ синій цвѣтъ и предложилъ Самарскому. Онъ былъ тронутъ этимъ жестомъ. Онъ не зналъ, что если бы ему потребовался мой палецъ или ухо, я охотно предложилъ бы ему и ухо, и палецъ.

— Но, Шаляпинъ,—сказалъ онъ, глядя на меня съ улыбкой,—въ концертѣ нельзя выступать такимъ машинистомъ, въ кожаной курткѣ, да еще съ неестественной плѣшью на головѣ. Возьмите мой фракъ и завейте себѣ волосы.

Я сдѣлалъ все это, и вотъ первый разъ въ жизни я стою предъ публикой во фракѣ. Публика смотритъ на меня очень весело. Я слышу довольно глумливые смѣшки. Я знаю, что фракъ не по плечу мнѣ и что я, вѣроятно, похожъ на журавля въ жилетѣ. Но все это не смутило меня.

Я спѣлъ «Чуютъ правду». Меня наградили дружными апплодисментами. Понравились публикѣ и арія Руслана и романсъ Козлова. Я очень волновался, но пѣлъ хорошо.

Въ антрактѣ ко мнѣ подошелъ какой-то военный человѣкъ, толстый, съ одышкой, потный, лысый, съ огромными усами, подошелъ и говоритъ не безъ удивленія:

— А я думалъ, что вы дискантомъ поете.

— Что вы,—говорю,—сколько же мнѣ лѣтъ по вашему? вашему?

— Лѣтъ пятнадцать..

Я даже обидѣлся:

— Двадцать скоро.

— Скажи на милость! Здоровый голосище! Вотъ бы намъ такого парня!

— Куда вамъ?

— Въ полицію! Я же исправникъ.

Семеновъ-Самарскій далъ мнѣ за концертъ 15 рублей.

— Пятнадцать цѣлковыхъ за одинъ вечеръ,—думалъ я.—Чортъ знаетъ, какъ меня балуютъ!

Возвратясь въ Уфу, я почувствовалъ себя одиноко и грустно, какъ будто на кладбищѣ. Театръ стоялъ пустой. Никого изъ актеровъ не было, и весь городъ создавалъ впечатлѣніе какихъ-то вѣковыхъ буденъ.

Жилъ я на хлѣбахъ у прачки, въ большомъ домѣ, прилѣпившемся на крутомъ обрывѣ рѣки Бѣлой. Этотъ домъ, уснащенный пристройками и флигелями, былъ, точно банка икрой, набитъ театральными плотниками, рабочими, лакеями изъ ресторановъ—бѣднотой, искавшей счастья въ

пьянствѣ. Невесело жилось среди нихъ мнѣ, человѣку, вкусившему радости призрачной, но яркой театральной жизни. Но мою жизнь немножко скрашивало то обстоятельство, что за мною сильно ухаживала дочь прачки, солдатка, очень красивая, хотя и рябая. Помню, она кормила меня какими-то особенными котлетами, которыя буквально плавали въ маслѣ. Это было не очень вкусно, даже приторно, но, чтобы не огорчать солдатку, я ѣлъ котлеты.

Прошла недѣля, другая. Деньги быстро таяли. Надо было искать работы. Но вдругъ на нашъ грязный дворъ въѣхала отличная коляска. Въ ней, правя сытой, красивой лошадью, сидѣлъ превосходно одѣтый человѣкъ. Я обомлѣлъ отъ изумленія, услыхавъ, что онъ спрашиваетъ именно меня. Я вышелъ къ нему и увидалъ, что это адвокатъ Рындзюнскій, котораго я не однажды видѣлъ въ театрѣ. Онъ поздоровался со мною, заявивъ, что желаетъ говорить со мной «по дѣлу». Не рѣшаясь пригласить его въ мою убогую комнату, я столбомъ всталъ передъ нимъ среди двора, а онъ объяснилъ мнѣ, что мѣстный кружокъ любителей искусства затѣваетъ устроить спектакль-концертъ и разсчитываетъ на мое благосклонное участіе. Я былъ польщенъ, обрадованъ, немедля согласился, началъ усердно готовиться къ спектаклю, но вдругъ къ ужасу моему, за два дня до спектакля простудился и охрипъ.

Какъ быть? Чего только ни дѣлалъ я съ горломъ: полоскалъ его бертолетовой солью, глоталъ сырыя яйца. Ничто не помогало. Тутъ, на горе мое, я вспомнилъ, что отъ хрипоты помогаетъ гоголь-моголь, въ составъ котораго входятъ сырыя яйца, коньякъ и жженый сахаръ. Я тотчасъ же отправился въ трактиръ, купилъ за 35 коп. полбутылки рома, вылилъ его въ чашку, выпустилъ туда нѣсколько штукъ яицъ, затѣмъ растолокъ въ тряпкѣ сахаръ и сталъ поджаривать его на огнѣ свѣчи въ металлической ложкѣ. Сочинивъ нѣкое сильно пахучее и отвратительное на вкусъ пойло, я началъ глотать его и пробовать голосъ. Мнѣ показалось, что хрипота исчезаетъ, а къ вечеру, къ репетиціи, я былъ увѣренъ, что голосъ звучитъ у меня совсѣмъ хорошо. Рындзюнскій прислалъ мнѣ фракъ. Я одѣлся, сунулъ въ карманъ бутылку съ остатками гоголь-моголя, и отправился къ мѣсту дѣйствія.

Но на улицѣ я вдругъ почувствовалъ, что пьянѣю,

почувствовалъ, но не сдѣлалъ изъ этого должныхъ выводовъ, а храбро явился въ Дворянское собраніе и, кажется, очень развязно заговорилъ, встрѣтивъ Рындзюнскаго на лѣстницѣ въ залъ:

— Здравствуйте, г. Рындзюнскій! Какъ поживаете? Вотъ я и пріѣхалъ! А!

Адвокатъ пристально оглядѣлъ меня и спросилъ—съ испугомъ, показалось мнѣ:

— Что съ вами?

— Ничего! А что?

— Вы нездоровы?

— Нѣтъ, ничего, здоровъ!

Но я уже почувствовалъ въ его вопросахъ нѣчто, угрожавшее мнѣ непріятными послѣдствіями. Такъ и случилось. Адвокатъ строго сказалъ мнѣ:

— Вы положительно нездоровы! Вамъ слѣдуетъ сейчасъ же ѣхать домой и лечь!

Тогда, смущенный, я вынулъ изъ кармана бутылку проклятой бурды и объяснилъ:

—Я, ей Богу здоровъ! Но вотъ, можетъ быть, этотъ гоголь-моголь...

Онъ все-таки уговорилъ меня отправиться домой. Съ болью въ сердцѣ вышелъ я на улицу, чувствуя, что все пропало. Дома, съ горя, завалился спать, и дня два не рѣшился показаться на глаза Рындзюнскаго, печально поглядывая на его фракъ, висѣвшій на стѣнѣ моей комнаты. Наконецъ, собравъ всю храбрость, я завернулъ фракъ въ бумагу и понесъ его хозяину. Къ моему удивленію, Рындзюнскій встрѣтилъ меня радушно, смѣясь и говоря:

— Ну, батенька, хорошъ гоголь-моголь выдумали вы! Нѣтъ, ужъ въ другой разъ я не совѣтую вамъ лѣчиться домашними средствами. А то еще отравитесь! Пожалуйте завтра на репетицію.

Я ушелъ домой, окрыленный радостью, и черезъ два дня съ успѣхомъ пѣлъ Мефистофеля.

Любители, публика и даже самъ предсѣдатель уѣздной земской управы очень хвалили мой голосъ, говорили, что у меня есть способности къ сценѣ и что мнѣ нужно учиться. Кто-то предложилъ собрать денегъ и отправить меня въ Петербургъ или Москву учиться, потомъ рѣшили, что лучше мнѣ не уѣзжать изъ Уфы, а жить здѣсь, уча-

ствовать въ любительскихъ спектакляхъ и служить въ управѣ, гдѣ предсѣдатель дастъ мнѣ мѣсто рублей на 25—30. Я буду пѣть и служить въ управѣ, а тѣмъ временемъ доброжелатели мои соберутъ кучу денегъ на мою поѣздку въ столицу для ученія.

Мнѣ очень не хотѣлось служить въ управѣ, но, соблазненный перспективой учиться, я снова началъ переписывать какія-то скучнѣйшія бумаги, неуловимаго для меня смысла, и съ первыхъ же дней замѣтилъ, что всѣ другіе служащіе относятся ко мнѣ крайне недовѣрчиво, почти враждебно. Для меня, человѣка веселаго и общительнаго, это было тяжело, не говоря уже о томъ, что это было совершенно ново для меня: никогда еще я не испытывалъ столь недружелюбнаго отношенія. Замѣчая, что служащіе остерегаются говорить при мнѣ, прерываютъ бесѣды, какъ только я появляюсь среди нихъ, я страдалъ отъ обиды и все думалъ—въ чемъ дѣло? Ужъ не принимаютъ ли меня за шпіона отъ начальства?

Когда мнѣ стало невмоготу терпѣть это, я откровенно заявилъ одному изъ служащихъ, молодому человѣку:

— Послушайте, мнѣ кажется, что всѣ вы принимаете меня за человѣка, который посаженъ для надзора за вами, для шпіонства. Такъ позвольте же сказать вамъ, что я сижу здѣсь только потому, что меня за это обѣщали устроить въ консерваторію. А самъ я ненавижу управу, перья и чернила, и всю вашу статистику.

Этотъ человѣкъ повѣрилъ мнѣ, пригласилъ меня къ себѣ въ гости и, должно быть въ знакъ особеннаго довѣрія, сыгралъ для меня на гитарѣ польку-трамбланъ.

Послѣ сего отношеніе управцевъ ко мнѣ круто измѣнилось въ мою пользу. А кто-то изъ служащихъ даже сказалъ мнѣ съ чарующей простотой:

— Мы, дѣйствительно, думали, что ты—шпіонъ. Да и какъ не думать? Самъ предсѣдатель управы протягиваетъ тебѣ руку, здороваясь съ тобой. Вѣдь никому же изъ насъ онъ не подаетъ руки!

Вотъ, чѣмъ начальство можетъ скомпрометировать служащаго!

Жилъ я тихо и скучновато. Товарищемъ моимъ по квартирѣ у прачки былъ какой-то чиновникъ на костылѣ. Одна нога у него была отрѣзана по щиколотку. Это былъ

ласковый и тихій человѣчекъ, видимо, очень больно ушибленный жизнью. Ложась спать, онъ всегда просилъ меня:

— Шаляпинъ, помурлыкай что-нибудь!

Я вполголоса напѣвалъ ему разныя пѣсенки. Онъ незамѣтно засыпалъ подъ нихъ, а иногда и самъ подтягивалъ мнѣ замѣчательно фальшиво.

Эхъ, Господи! Вспоминаешь сотни и тысячи этихъ кроткихъ, запуганныхъ жизнью людей, одинокихъ пустынножителей, и такъ грустно становится на душѣ. Плохо живутъ люди!

Дочь прачки была тоже очень несчастная женщина и, видимо, истерическая. Она мало говорила, смотрѣла на все хмурымъ взглядомъ и много, какъ лошадь, работала. Но иногда она напивалась пьяной, пѣла пѣсни, плясала въ присядку и ругала мужиковъ словами, которыхъ цензура совершенно не выноситъ. Грѣшенъ, у меня съ нею былъ «романъ».

Но однажды къ намъ на дворъ ворвался здоровенный слободскій парень, въ одной рубахѣ, безъ пояса, въ тиковыхъ штанахъ, босый, съ оглоблей въ рукахъ. Онъ размахивалъ этой оглоблей, какъ Васька Буслаевъ телѣжной осью, билъ окна, вышибалъ филенки дверей и оралъ:

— Передушу всѣхъ актеровъ! Передушу!

Такъ какъ актеръ въ домѣ былъ одинъ я, то я сразу догадался, что парень охваченъ припадкомъ свирѣпой ревности. Я тотчасъ же выскочилъ въ окно на крышу сарая. За мною полѣзъ хромой товарищъ, и едва мы успѣли отбѣжать отъ окна, какъ парень ворвался въ нашу комнату и началъ сокрушать все, что попадало подъ его буйную руку: столы, стулья, посуду, гитару. Что намъ дѣлать? Хромой, кое-какъ спустившись съ крыши на улицу, нашелъ полицейскаго и вскорѣ вернулся съ нимъ во дворъ. Стражъ общественной безопасности, сопровождаемый нами, вошелъ въ нашу комнату. На полу, посреди нея, на черепкахъ посуды, въ обломкахъ мебели, мирно лежалъ сокрушитель, обнаживъ животъ.

Будочникъ ткнулъ его ногою:

— Вставай!

Парень не шелохнулся. Тогда городовой отстегнулъ свой ремень и со словами: «притворяется, сволочь!» началъ хлестать парня пряжкой ремня. Утомленный парень

замычалъ, почесался, всталъ и, поглядѣвъ на будочника, качаясь, пошелъ къ двери.

— Скорѣе уходи, дьяволъ!—кричалъ будочникъ. — Скорѣе, а то я тебя въ полицію сведу!

Парень ускорилъ шаги, а городовой, надѣвая ремень, предложилъ намъ:

—Ну, теперь надобно дать мнѣ на чай!

Такъ закончился этотъ героическій эпизодъ, внушивъ мнѣ уваженіе къ полиціи и состраданіе къ бунтующимъ людямъ.

Я съѣхалъ съ квартиры отъ прачки, нанявъ комнату у какого-то столоначальника. Онъ тоже игралъ на гитарѣ. Мнѣ кажется, что въ ту пору всѣ обыватели Уфы играли на гитарахъ. Столоначальникъ музицировалъ тихо и мечтательно, поднявъ глаза къ небу и не моргая ими, точно деревянная кукла. Жилъ онъ съ женой. Дѣтей у нихъ не было. Жизнь текла скучно и покойно. Казалось, что они оба и я съ ними медленно засыпаемъ. Узнавъ, что я пою, столоначальникъ немедленно научилъ меня пѣть очень странный романсъ — «Не для меня придетъ весна». Въ этомъ романсѣ были удивительныя слова:

«Не для меня, въ саду ростя,
Распуститъ роза цвѣтъ душистый.
Погибнетъ трудъ мой безызвѣстный!
Не для меня, не для меня!

Когда я пѣлъ эту заунывную пѣсню, столоначальникъ дѣлалъ какіе-то порывистые жесты, смахивалъ съ глазъ пальцами навернувшіяся слезы, уходилъ въ переднюю, за дверь, снова являлся и вообще велъ себя очень нервно. Особенно же сильно волновало его пѣніе, когда онъ былъ выпивши, а бывало это съ нимъ не только 20-го числа. Однажды онъ грустно позавидовалъ мнѣ:

— Счастливъ ты, что можешь пѣть! У меня смолоду тоже былъ голосъ, да пропилъ я его.

Эта тихая жизнь начала душить меня. Я чувствовалъ, что изъ обѣщаній любительскаго кружка ничего не выйдетъ. Въ кружкѣ начались какіе-то нелады. Спектакли и концерты не устраивались. А уже подошелъ май.

Въ театрѣ лѣтняго сада появилась малороссійская труппа. Я тотчасъ же отправился въ садъ и завелъ знакомство съ хористами. Все это были очень веселые люди,

въ свиткахъ нараспашку, въ вышитыхъ рубахахъ, съ яркими лентами, вмѣсто галстуховъ. Говорили они языкомъ не вполнѣ понятнымъ для меня. Раньше я слышалъ слова малороссійскаго языка, но почему-то не вѣрилось, что это самостоятельный языкъ. Я думалъ, что такъ мягко говорятъ «нарочно», изъ кокетства. А тутъ вдругъ цѣлые спектакли играютъ на этомъ языкѣ.

Пріятно мнѣ было видѣть этихъ новыхъ людей, такъ не подходящихъ къ тихой, сѣрой Уфѣ, пріятно слушать новыя, славныя пѣсни.

Я разсказалъ хористамъ, что и я тоже актеръ въ нѣкоторомъ родѣ, игралъ въ этомъ самомъ театрѣ, даже имѣлъ бенефисъ и получилъ подарокъ—вотъ эти часы.

Кажется, они не очень вѣрили мнѣ. Все щелкали языкомъ и тянули:

— Да а... Мм...

Сказалъ я имъ, что меня хотятъ отправить въ консерваторію. Въ это ужъ я и самъ не вѣрилъ. Консерваторія тоже не увеличила интереса хористовъ ко мнѣ. Тогда я однажды въ трактирѣ спѣлъ имъ что-то.

— Слухай,—сказали хористы,—чего же ты не поступаешь къ намъ?

— А консерваторія?

— Да ну ее къ бѣсу ту консерваторію! У насъ вотъ какая консерваторія: ѣздимъ изъ города въ городъ, вотъ и все! Хорошо, весело!

— Да, заманчиво,—подумалъ я.

Пошелъ къ управляющему труппой. Онъ послушалъ меня и сказалъ:

— Что-же, поступайте! Сорокъ рублей дадимъ...

Хорошее жалованье! Я совсѣмъ было рѣшился поступить къ малороссамъ, но вдругъ, мнѣ стало жалко столоначальника съ гитарой, его добрую жену, которая ухаживала за мною, какъ мать, и молодую, красивую учительницу, которая обыкновенно выходила на дворъ съ книжкой въ рукахъ, какъ только я начиналъ пѣть. Я не былъ знакомъ съ нею, даже голоса ея никогда не слыхалъ, но оставить ее въ Уфѣ мнѣ было жалко. А тутъ еще предсѣдатель управы подтвердилъ, что меня все-таки рѣшено отправить учиться.

Труппа сыграла нѣсколько спектаклей и уѣхала въ Златоустъ, откуда должна была перебраться въ Самару.

На другой день послѣ ея отъѣзда я проснулся рано утромъ съ ощущеніемъ гнетущей тоски о театрѣ. Я чувствовалъ, что не могу больше оставаться въ Уфѣ. Но ѣхать мнѣ было не съ чѣмъ. Но въ тотъ же день я взялъ въ управѣ ссуду въ 15 руб., купилъ четвертку табаку, а вечеромъ, раньше обыкновеннаго, отправился спать на сѣновалъ. Я не рѣшился сказать столоначальнику о томъ, что ухожу изъ города, но передъ тѣмъ, какъ идти спать, почувствовалъ такой жгучій приливъ нѣжности къ нему, къ его женѣ, и крѣпко, благодарно расцѣловалъ ихъ. Невѣроятно жалко мнѣ было этихъ людей и не только потому, что они прекрасно относились ко мнѣ, но такъ какъ-то помимо этого. Пролежавъ на сѣновалѣ часа полтора, я тихонько слѣзъ, забралъ съ собой табакъ, гильзы и, оставивъ одѣяло, подушку все мое «имущество», отправился на пристань, «яко тать въ нощи». Въ семь часовъ утра я уже сидѣлъ на пароходѣ, терзаясь тѣмъ, что взялъ въ управѣ ссуду, которую едва-ли сумѣю возвратить.

Пріѣхалъ въ Казань. Въ Панаевскомъ саду играла оперетка Любимова. Я пошелъ «наниматься» и засталъ Любимова въ халатѣ. Сидя за столомъ, онъ ѣлъ салатъ. Первый разъ я видѣлъ человѣка, который ѣстъ траву, обильно поливая ее уксусомъ и масломъ. Любимовъ оказался мрачнымъ юмористомъ:

— Желаете пѣть въ хорѣ?—спросилъ онъ меня.— Пожалуйста, пойте! Сколько хотите и когда хотите! Днемъ, ночью. Но денегъ я вамъ не буду платить за это, ужъ извините меня. Мнѣ и тѣмъ, которые у меня сейчасъ поютъ, платить нечѣмъ!

И онъ сталъ набивать ротъ травой.

Не теряя времени, я снова сѣлъ на пароходъ, отходившій въ Самару, надѣясь застать тамъ малороссійскую труппу. Въ Самарѣ жили отецъ и мать. Я не однажды писалъ имъ, что у меня все идетъ великолѣпно, что я уже богатъ. Они отвѣчали мнѣ, что живутъ плохо, но это «ничего» и что вообще «слава Богу».

Ѣхалъ я въ въ темно-синей шевіотовой тужуркѣ, надѣтой на голое тѣло. Грудь и шею закрывали гуттаперчевые манишка съ воротничкомъ. Галстухъ былъ тоже гуттаперчевые, но этакій красивый, съ веселыми крапинками. Неловко было явиться къ родителямъ такимъ франтомъ и, пріѣхавъ въ Самару, я сначала отправился къ малорос-

самъ. Управляющій труппой насмѣшливо поглядѣлъ на меня узенькими глазками и сказалъ:

— Теперь вы намъ не нужны!

Я должно быть поблѣднѣлъ.

— Своихъ дѣвать некуда,—добавилъ онъ, но тотчасъ же неожиданно предложилъ:

— За 25 рублей въ мѣсяцъ возьму!

—Чортъ съ тобой,—подумалъ я, тотчасъ же подписалъ контрактъ, взялъ авансъ 5 рублей и бѣгомъ пустился къ родителямъ.

Ихъ не было дома. На дворѣ, грязномъ и тѣсномъ, игралъ мой братишка. Онъ провелъ меня въ маленькую комнатку, нищенски унылую. Было ясно, что родители живутъ въ страшной бѣдности. А какъ я могу помочь имъ? Пришелъ отецъ, постарѣвшій, худой. Онъ не проявилъ особенной радости, увидавъ меня, и довольно равнодушно выслушалъ мои разсказы о томъ, какъ я жилъ, что собираюсь дѣлать.

— А мы плохо живемъ, плохо! — сказалъ онъ, не глядя на меня. — Службы нѣтъ...

Изъ окна я увидалъ, что во дворъ вошла мать съ котомкой черезъ плечо, сшитой изъ парусины, потомъ она явилась въ комнатѣ, радостно поздоровалась со мной и, застыдившись, сняла котомку, сунула ее въ уголъ.

— Да,—сказалъ отецъ,—мать-то по міру ходитъ!

Тяжело мнѣ было. Тяжело чувствовать себя безсильнымъ, неспособнымъ помочь.

Въ Самарѣ я прожилъ дня два и отправился съ труппой въ Бузулукъ, городокъ, гдѣ по всѣмъ улицамъ ходили огромныя свиньи. Въ садикѣ общественнаго собранія тоже гуляли свиньи, куры, овцы.

Изъ Бузулука поѣхали въ Уральскъ, чтобы играть тамъ въ присутствіи наслѣдника цесаревича, но, такъ какъ у насъ было лишнее время, рѣшили заѣхать въ Оренбургъ и отправились туда степью на телѣгахъ.

Стояли знойные, лѣтніе дни. Мучила жажда. А по обѣимъ сторонамъ дороги лежали бахчи арбузовъ и дынь. Разумѣется, мы, хористы, пользовались этой сочной благодатью Божіей. Избѣгая жары, мы ѣхали ночами, и вдругъ въ одну изъ ночей насъ остановило гиканье какихъ-то всадниковъ, которые, догнавъ насъ, стали стрѣлять изъ ружей. Что такое? Разбойники?

— Управляющій труппой поспѣшно скомандовалъ:

— Берите оружіе! Вооружайтесь!

Мы живо достали изъ телѣгъ бутафорское оружіе: тупыя желѣзныя шашки, изломанныя ружья, расхватали все это и попрятались за телѣги. Женщины кричали, визжали, а всадники, окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, пострѣливали въ нашъ таборъ. Хорошо еще, что было темно, да и стрѣляли въ насъ должно быть холостыми зарядами. Мы видѣли только огоньки выстрѣловъ и черные силуэты лошадей. Признаюсь, я испугался, хотя, вообще говоря, и не трусъ. Но тутъ невольно подумалъ:

— Пропала моя жизнь!

— А управляющій храбро командовалъ:

— Не сдавайтесь, черти, не сдавайтесь! Держитесь до послѣдняго! Надо продержаться до разсвѣта!

Но драться было не съ кѣмъ. Всадники не наступали на насъ, гарцуя въ отдаленіи и все пострѣливая. Такъ мы вооруженными и простояли до утра всѣмъ обозомъ. А когда разсвѣло, выбрали парламентеровъ и послали ихъ къ врагу съ бѣлыми платками въ рукахъ. Всадники, завидя это, собрались въ кучу. Нѣкоторые изъ нихъ спѣшились и вступили съ нашими послами въ крикливую бесѣду. Мы издали слушали крики, недоумѣвая: въ чемъ же дѣло? Утро такое хорошее, ясное; восходитъ солнце; въ полѣ тихій праздникъ; все вокругъ такъ ласково и мирно, а мы собираемся воевать. Точно сонъ, нелѣпый и непріятный. Хочется протереть глаза...

Наконецъ, наши парламентеры воротились и объявили, что всѣ мы должны заплатить казакамъ по двугривенному съ головы за то, что воровали дыни и арбузы. Только-то? Мы немедленно съ радостью исполнили требованіе храбраго войска и были отпущены изъ плѣна. Но тутъ одна изъ нашихъ артистокъ, напуганная происшедшимъ, преждевременно разрѣшилась отъ бремени. Ея подруги, засучивая рукава кофточекъ, погнали насъ прочь отъ кибитки роженицы, закричали, засуетились. На эту бабью суету, смѣясь, смотрѣло солнце. Мы, мужчины, пустились въ путь, оставивъ женщинъ среди поля встрѣчать новорожденнаго человѣка.

Всю дорогу до Оренбурга казаки относились къ намъ болѣе, чѣмъ недружелюбно. Мнѣ казалось, что мы путешествуемъ по непріятельской странѣ наканунѣ объявленія ею войны Россіи.

Ф. Шаляпинъ.

МАЛАША СЪ ПЕРЕКОПСКИХЪ ГОРЪ.

Иванъ Федоровичъ Забазновъ, кавалеръ и станичный цѣлитель, возвращался домой изъ Перекопской, куда ходилъ провѣдать выданную внучку. Несмотря на неблизкій путь и старые свои годы, онъ чувствовалъ себя очень хорошо, какъ эта блѣдно-синяя съ золотомъ, шершавая степь, съ которой постепенно сползали подъ солнцемъ заночевавшіе на ея крѣпкихъ разлапыхъ кустарникахъ и мелкодонныхъ овражкахъ легкіе туманы. «Курганы, курганики». — выкрикивалъ онъ со старческой хрипотцей свой обычный степной разговоръ... «Курганы, курганики»!.. И видѣлъ не одни неровные вырѣзы старыхъ кургановъ въ клубахъ бѣлаго пара, а сиреневую, влажную отъ ночной сырости дорогу и далекій провалъ степи, гдѣ закрылась утренней завѣской изъ луговыхъ испаринъ его родная станица Березовская, и лазурнокрылыхъ мухъ, и блестящія густыя травы, по которымъ сіяли цвѣты — то лазоревые, то синіе, то бѣлые, то огневые...

— Спаси ихъ Христосъ, — начиналъ онъ думать, когда вспоминалъ про пріемъ его въ Перекопской. — Что жъ, конечно... Разъ они живутъ, какъ слѣдуетъ, а мы ужасные грѣшники. А все-таки старика надо бы уважить, чаемъ напоить. эхъ, народы! И старикъ-то не чужой, родной дѣдъ Малашѣ, замѣсто отца, по случаю его кончины.—Онъ сокрушенно покачалъ головою за тѣхъ, которые остались на высокихъ мѣловыхъ горахъ и не оказали старому человѣку гостепріимства. И напрасно сокрушался, — самъ сейчасъ же вспомнилъ, что иначе быть не могло. Кто онъ? Дѣдъ Забазновъ изъ станицы Березовской. И довольно, этимъ все сказано! Разъ изъ станицы Березовской, значитъ, изъ веселой станицы, гдѣ давятъ вино и любятъ пить его, гдѣ дѣвки—алогубыя красавицы, съ серебряными голосами, какъ на подборъ, гдѣ вотъ въ такую пору, какъ теперь, стонъ стоитъ отъ нахлынувшей радости: тамъ хороводятъ, тамъ «горятъ», тамъ въ матово-серебряныхъ кущахъ виноградныхъ и малиновыхъ садовъ слышны страстные шопоты, какъ горячіе вздохи земли...

И сама собою приходитъ на память Перекопская, ея дикія горы, ея молчаливые крѣпкіе дома, ея святые жители съ изподлобья смотрящими одинаковыми сѣро-пепельными глазами... Даже удивительно: между Березовской и Перекопской девять верстъ, а такая разница! Березовцы — луговые, земляные, въ садахъ виноградныхъ и малиновыхъ; перекопцы—на высочайшихъ мѣловыхъ горахъ, расписанныхъ темно-зелеными узорами ползучаго жесткаго можжевельника. Березовцы словно опьянены духомъ влажной зеленой земли, наливающей имъ къ августу свои соки въ упругія виноградины — бѣлыя и черныя. Перекопцы безстрастны и съ презрѣніемъ смотрятъ съ своихъ бѣлыхъ высотъ на Березовскую, утонувшую въ облакахъ земного тумана. Березовцы живутъ, какъ подсказываетъ имъ земля, а такъ какъ ихъ земля полгода мерзнетъ подъ морозомъ, а полгода радуется, то и березовцы полгода сидятъ подъ своими соломенными стрѣхами, какъ нахохлившіеся воробьи зимою, а полгода радуются и веселятся подъ виноградниками и малиновыми кущами. Перекопцы имѣютъ особый святой законъ, отличный отъ закона земли; впрочемъ, законъ этотъ не одинковъ, и равновѣрье можно встрѣтить чуть ли не въ каждомъ домѣ. Березовцы въ религіи слабы, а бабы ихъ почитаются на перекопскихъ горахъ за вѣдьмъ. Перекопцы имѣютъ не переводящагося святого подвижника гдѣ-нибудь въ трещинахъ мѣловыхъ горъ, надъ старой рѣкой, и пользуются почетомъ среди окрестныхъ жителей за суровость своихъ домашнихъ обиходовъ. Березовцы наивны, легкомысленны, дразнятся на дорогахъ при встрѣчахъ съ хмурыми перекопцами, то будто, если табакъ, которымъ промышляютъ святые перекопцы, покропить крещенской водой, то онъ завянетъ, то будто въ Перекопской нѣтъ свѣмъ дѣдовъ изъ-за березовцами же выдуманной исторіи: будто разъ овца поѣла весь посѣянный перекопцами табакъ и убѣжала, а перекопскіе дѣды погнались за нею на боронѣ, но по дорогѣ попали въ рѣку и утонули. Перекопцы въ отвѣтъ на дразнящую кличку, молча, жестоко дерутся палкой или особо скрученнымъ, съ свинцомъ на концѣ, кнутомъ... Два особыхъ отдѣльныхъ міра — Березовская и Перекопская! И вдругъ прошлой осенью случилось невѣроятное событіе: дѣдъ Забазновъ выдалъ свою молоденькую внуку въ Перекопскую за святого. Какъ это произошло, гадали одинаково и въ Березовской и въ Перекопской. И обѣ станицы приходили къ

неутѣшительнымъ выводамъ: Березовцы,—что Малаша сдурилась, а старый кавалеръ Забазновъ погнался за копѣйкой; Перекопцы,—что Малаша, вѣроятно, вѣдьмочка, какъ всѣ березовскія бабы, и испортила ихъ молодого святого...

И ушла Малаша съ такими синими глазами, какъ круглое озеро около ихъ Березовской хаты, въ горы, къ святымъ перекопцамъ. Остался дѣдъ Забазновъ одинъ въ новыхъ желтыхъ некрашенныхъ горницахъ, поставленныхъ послѣ свадьбы Малаши. Зимою, какъ будто, скучновато было безъ внуки, а какъ весной подуло, вспрянулъ дѣдъ, какъ самое верхнее зерно въ талой землѣ навстрѣчу будоражащему березовскому солнцу. У него есть дѣло въ Божьемъ мірѣ: онъ цѣлитель. Какъ отрыгнетъ земля изъ своихъ теплыхъ глубинъ первые водянисто-зеленыя былинки, онъ ищетъ ихъ: и расходникъ, и дикопку, и мяту-кудрявку, и кукушечье добро, и дремоту, и чернотравникъ, и сурѣпку, и тысячелиственникъ — всякое, всякое цѣлительное разнотравье! За всю зиму онъ не собрался къ внукѣ,—старыя ноги не влѣзутъ на обледенѣлыя перекопскія горы. А вотъ вчера ходилъ» — благо и въ степи есть теперь работа цѣлителю. «Ничего, слава Богу», — опредѣляетъ онъ результатъ своего посѣщенья. «Малаша ничего, слава Богу. Спаси ее Христосъ! Конечно, вышла замужъ за святого перекопца, и въ клѣти у нихъ съ мужемъ замѣчательныя картинки: будто адъ, и въ адскомъ сѣрномъ пламени ужасные грѣшники...»

Но, если говорить правду, картинки хотя и замѣчательныя, а дѣдъ Забазновъ ихъ не любитъ. Любитъ онъ другія исторійки, которыя сами пристаютъ къ нему во время его странствованій по степи, какъ колючая овонъ-трава къ старымъ лаптямъ. Вотъ исторійки про Іофу Праведнаго, про Филарета Милостиваго. Іофа Праведный жилъ при государынѣ Екатеринѣ Великой и былъ, въ концѣ концовъ, послѣ страшныхъ испытаній сдѣланъ генералъ-баритономъ. Филаретъ Милостивый жилъ сначала среди язычниковъ, подъ властью англичанки, а подъ старость попалъ тоже въ царствованіе Екатерины и выдалъ свою дочь-красавицу за царскаго сына. Исторійки были прекрасны тѣмъ, что въ нихъ обязательно побѣждали Іофы Праведные и Филареты Милостивые, а ихъ разсчетливыя жены и чванливые вельможи неизмѣнно терпѣли великій конфузъ...

— Курганы, курганики! — переходитъ онъ незамѣтно отъ всѣхъ своихъ мыслей, — курганы, курганики! И видитъ

блещущіе курганы у неба, и подсыхающую подъ дневнымъ жаромъ вишневую дорогу, и миріады бѣлыхъ веселыхъ бабочекъ на курящихся торжественными запахами цвѣтахъ, и могучее, зеленое, былинное разнотравье. И видитъ свою власть, полегшую на эту безконечную степь со всѣми ея весенними богатствами, какъ длинную тѣнь своей палки. Онъ властитель степи. Когда-то въ молодости онъ подслушалъ въ степяхъ и надъ старой рѣкой, какъ имена владычицъ всего живущаго—воды и земли, и теперь въ своихъ зовахъ обращался къ нимъ, какъ имѣющій власть. Но онъ не жестокій властитель,—зеленая веселая сила, подчиненная ему, сама окутываетъ его съ ногъ до головы мягкой благостной волной, какъ живой душой. Онъ цѣлитель, чрезъ него владычицы—земля и вода — дуютъ на людей благостными вѣтрами... «Вѣдунъ»!—злобно кричала на него сегодня святая свекровь Малаши, Фамаида Степановна, спаси ее Господи!... А какой вѣдунъ,—такъ, Забазновъ, цѣлитель, дурачекъ.

Къ вечеру на перекопскихъ горахъ засверкала гроза огненными монистами и словно подъ чьей-то тяжелой стопой содрогался воздухъ,—Богъ ходилъ по весенней засѣянной землѣ... «Слава, тебѣ, Царю, значитъ, окажутся добрые люди съ хлѣбушкомъ и кавалеръ Забазновъ будетъ около нихъ сытъ!..»

Совсѣмъ поздно вошелъ онъ съ своей сумой, распертой отъ всякихъ пахучихъ травъ, въ березовскую веселую улицу.

— Иванъ Федорычъ, ты, что-ль?—крикнула Осипа Семіютенкова молодайка, задвигавшая плетневое прясло за тяжелой отъ нагулянныхъ на сладкихъ степныхъ травахъ молокъ коровой.

— Я, касатка, спаси тя Христосъ!..

Молодайка надѣла на верею хворостяное кольцо и подошла къ кавалеру.

— Здорово дневалъ! Далеко ли ходилъ?

— По траву. Да къ Малашѣ, къ внучкѣ, заходилъ посмотрѣть, какъ живетъ. Ничего живетъ, славу Богу! Свекры у нея, какъ слѣдуетъ быть, святая...

— Не слыхалъ, Ванька-то Бастрыкинъ вернулся — понизивъ голосъ, сообщаетъ молодайка.—Сказываютъ, въ плѣну былъ!

— Живой? — изумляется цѣлитель.

— Стало быть, живой! Мать-то рада-радешенька, какъ овца. Съ утра ликуютъ!..

Молодайка съ любопытствомъ ждетъ, что скажетъ старый кавалеръ. Кавалеръ же долго молчитъ. «Спаси тя Христосъ», — бормочетъ онъ смущенно и идетъ дальше по сумеречной улицѣ.

— Значитъ, Ванька Бастрыкинъ вернулся, вотъ такъ штука! А Малаши нѣту, Малаша замужемъ на перекопскихъ горахъ за святымъ!.. Вотъ какая оказія...

Дома онъ узнаетъ отъ сосѣдки Федоры, что два раза заходилъ къ нему объявившійся казакъ Ванька Бастрыкинъ. Забазновъ только крякнулъ, онъ зналъ, что Ванька непремѣнно долженъ былъ зайти. А вотъ что ему сказать, вотъ подскажите вы, народы, старому кавалеру, дурачку!..

Ванька почему-то не зашелъ сегодня въ третій разъ, и старикъ всю ночь не сомкнулъ глазъ. Лежитъ, вотъ-вотъ будто кто теплымъ пухомъ проведетъ по лицу, какъ вдругъ вспомнитъ, что Ванька Бастрыкинъ вернулся, и теплаго пуха на лицѣ какъ не бывало. Сразу представится, какъ тамъ, черезъ нѣсколько хатъ, Ванька Бастрыкинъ не спитъ и думаетъ, что его кралю, Малашу, старикъ въ перекопскія горы отдалъ. Наконецъ, не выдержалъ безсонной пытки, всталъ и вышелъ на дворъ, бѣлый отъ яркой зари. А около самой хаты, на срубленномъ дубу, сидитъ Ванька Бастрыкинъ. Хотя и два года прошло, а сразу узналъ его кавалеръ: такой же молодой, да прямой, да чернявый, чисто пиковый валетъ на картѣ!...

— Здравствуишь, Иванъ, — поздоровался старикъ.

— Здравствуйте, дѣда, — всталъ съ дуба строгій Иванъ.

— Что жъ ты въ хату не стучалъ? Я все равно не спалъ, объ тебѣ думалъ...

— Что же намъ стучать къ вамъ, дѣда, разсудите. Вы вонъ какіе хоромы поставили!..

«Значитъ, узналъ... Сказали! Экіе народы не христіанскіе!»—сообразилъ дѣдъ.

— Что же сердишься, Иванъ? Дѣло такое вышло. Сказали, что ты будто померъ. Бумага была въ правленіи за подписаніемъ и печатью!..

— Да ужъ лучше бы померъ! — дико, въ голосъ, закричалъ казакъ.

Наступило утро. Изъ-за забора сосѣдки Федоры пряно

запахло мокрой лебедой, — трава пускала свой зоревый духъ по росѣ, по положенію.

— Что жъ, забыла, поди, совсѣмъ?—опавшимъ голосомъ спросилъ Иванъ.

— Не знаю, Ваня, — устало сказалъ старикъ и сѣлъ рядомъ съ гостемъ на срубленный дубъ. — Не знаю, не знаю ничего. Видѣлъ ее одинъ ментъ, какъ сказано. Свекры у нея серьезная!...

— Такъ неужели же мнѣ, на самомъ дѣлѣ, въ самое глубокое озеро головою внизъ?—спокойно удивился казакъ.

Цѣлитель молчалъ. Къ запаху лебеды присоединили свои запахи огуречная огудина, кустистая конопля, клеверъ, капустная разсада—зеленая жизнь начинала пробуждаться. Чирикнулъ первый воробей подъ застрѣхой соломеннаго амбарчика и съ просонокъ перелетѣлъ на бѣлую вѣтку вербы, осмотрѣлся на всѣ стороны и сноьа камнемъ назадъ подъ теплую солому, еще рано! Въ озерѣ, въ которомъ мыла свое бѣлое лицо Малаша, еще не угомонились отъ ночныхъ забавъ лягушки, шевелили густую мокрую осоку-траву... Хорошо пустила духъ проснувшаяся, бѣло-жемчужная отъ осѣвшей росы, гусиная трава...

—Какая оказія!—бормочетъ самъ съ собою дѣдъ.— Вѣдь мужняя жена, какъ сказано. Законъ приняла!..

Травы пахнутъ все сильнѣе. Вотъ отошла онъ сна и пустила свой ласковый запахъ вишневая листва. Откуда-то издалека, съ чьихъ-то омоченныхъ грядъ, донесся сквозь другіе запахи торжествующій, какъ звонъ блестящихъ мѣдныхъ трубъ, запахъ золотистаго укропа...

— Такъ какъ же, дѣда, значитъ, совѣта мнѣ никакого нѣту? — рѣшительно встаетъ съ дуба казакъ.

— Погоди, экой прыткой воинъ, — нетерпѣливо морщится дѣдъ, одновременно замѣчая, какъ совсѣмъ около срубленнаго дуба дала свой скромный запашекъ копеечка-трава, — заспалась мальва нынче по случаю воскреснаго дня!..

— Думаю такъ, парень, — медленно и твердо выговариваетъ, наконецъ, онъ,—что не можетъ она забыть тебя. Не такая наша порода березовская!...

— Спасибо, дѣда, вамъ на заступѣ вашей!..

— И вотъ тебѣ, парень, мое слово напечатанное: коли выйдешь къ вечеру на горы и сядешь около тропки, которая къ святому подвижнику ведетъ, то будетъ по тропкѣ, по

заходѣ солнца, Малаша съ бѣлымъ ведерочкомъ идти къ святому подвижнику за непитой водой для свекры, больна у ней свекры грудями. И вотъ тебѣ весь мой сказъ!..

Солнце подошло къ краю бѣлаго озера и черезъ прогалины въ сѣдыхъ отъ тумана, дуплистыхъ огромныхъ вербахъ ударило кавалеру въ старые глаза краснымъ великолѣпнымъ животворящимъ огнемъ. И сейчасъ же всѣ земляные и травяные запахи перемѣшались, закипѣли, пошли въ тонкія ствольчатыя иглы, какъ крѣпчающее березовское вино въ многоведерныхъ замшивѣвшихъ старинныхъ боченкахъ.

II.

Высоки Перекопскія святыя бѣлыя горы! Въ стеклянные весенніе полдни хорошо видны съ нихъ и старый Раскопинъ-городъ, и зеленый Черкасскъ, и далекій, гремучій Ростовъ... Гдѣ то въ провалѣ подъ горами великая зеленая степь дымится складками дыма и розовыхъ чеборовъ, бѣло-зеленыхъ полыней, ржавыхъ звѣробоевъ, золотоокихъ ромашекъ, медовыхъ кашекъ, цвѣтущихъ полевыхъ липъ...

Давно сидѣлъ на мѣловомъ обрывѣ, около тропки къ святому подвижнику, молодой казакъ Иванъ Бастрыкинъ. Жаркій полдень слинялъ уже, отряхнули дурманные солнечные сны цвѣты и травы, и снова, какъ на разсвѣтѣ, поползли освѣженныя запашки, каждый порознь, вмѣстѣ съ народившимися тѣнями. Солнце уплывало въ большомъ розово-синемъ небѣ, какъ веселый корабль подъ золотыми парусами,—съ бѣлаго блещущаго обрыва видно, какъ оно должно скоро зачалить за мглистую синюю землю.

Тѣни травъ совсѣмъ заполнили узенькую, оттоптанную ногами усердныхъ перекопцевъ, тропку. Солнце причалило, наконецъ, къ землѣ крѣпкими канатами, крѣпкими якорями. Въ Перекопской тоненько прозвенѣлъ колоколецъ восемь разъ. Тишина собралась съ каждаго затѣненнаго овражка и стала въ степи, какъ живая...

Гдѣ-то межъ замолкшихъ травъ заскрипѣло ведерко на желѣзной звонкой дужкѣ. Слышно, какъ тяжело шуршитъ высокая потревоженная трава. Въ опаловомъ безсолнечномъ воздухѣ далекой зори намѣтился бѣлый платочекъ надъ темными горными зарослями.

— Малаша!—гукнулъ казакъ изъ травъ.

Она остановилась и спокойно посмотрѣла въ

травы, откуда шелъ голосъ. Словно не въ первый разъ шелъ ей этотъ голосъ изъ вечернихъ травъ.

— Иль не признала?—вышелъ казакъ изъ своей засады.

—«Яко исчезаетъ дымъ»,—зашептала бѣлая, какъ бѣленый воскъ, Малаша, а сама смотрѣла ненасытными глазами на видѣніе.

— Иль не вѣришь, что я живой? Вотъ те святая икона, живой!—перекрестился молодой казакъ.

Попрозрачнѣла бѣловосчатая Малаша: видно, еще страшнѣе стало, что передъ ней живой человѣкъ, а не духъ.

— Иль, можетъ не рада?—жалко усмѣхнулся казакъ и накрѣпко, въ горькомъ томленіи, закусилъ бѣлѣвшими зубами попавшуюся подъ руки мокрую травинку.—Говори прямо: рада или нѣтъ?

Медленно опустила Малаша на землю бѣлое скрипучее ведерко, переступила дождевую лужину и близко подошла къ казаку.

—Инъ ты, на самомъ дѣлѣ, Иванъ? Когда вернулся?

— Вчера утромъ.

— Не ты ли ѣхалъ на ворономъ конѣ по шляху? Я шла какъ разъ съ водой отъ святого подвижника...

— Я,—говоритъ казакъ.

— И сзади переметная сума и зеленой травы пукъ?...

— Да я же это былъ! — настойчиво повторяетъ казакъ.

— Ну здравствуишь, Ваня,—глубоко усмѣхнулась Малаша и, закрывъ глаза длиннѣйшими темными рѣсницами, крѣпко прильнула къ старому другу. И только одно чудно молодому казаку: какъ будто вся звенитъ его Малашенька, какъ хрустальная,—зн... зн... зн... Хотѣлъ было спросить онъ, что такое, да не успѣлъ —какъ будто сладкимъ травянымъ мглистымъ зноемъ задымило на святыхъ, бѣлыхъ горахъ...

Ночь проплыла, какъ синее-синее облако. Побѣлѣло. Гдѣ-то внизу, у шляха, вздохнули освѣжившіяся травы, зачирикала проснувшаяся заботливая птаха-родительница. Въ бѣло-туманныхъ глубинахъ неба стали видны концы золотыхъ широкихъ парусовъ, корабль солнца былъ недалеко...

Вышла Малаша изъ дымившихся травъ, подняла бѣлое ведерко.

— Когда же теперь идти къ святому подвижнику?— тихо спросила она.

— Почерпни изъ колдыбоинки, — Богъ проститъ,— сказалъ молодой казакъ.

Почерпнула воды изъ лужицы для больной свекрови Малаша и пошла обратно къ станицѣ.

— Что припоздала?—спрашиваетъ святая свекровь.

— Запутлялась, — сказала Малаша. — Ночь не мѣсячная.

— Непитая ль вода?—строго допрашивала старуха. —Допрежъ тебя не успѣлъ ли кто придти къ святому подвижнику, не снялъ-ли самую святость?

— Непитая, маменька,—шепчетъ Малаша...

— Пойди, поспи въ свою клѣть, невѣстушка,— приласкала старуха.—Ишь, лица на тебѣ нѣту! Какъ мужъ твой вернется съ грядъ, прикажу ему ходить за святой водой,—ему, какъ человѣку, легче!

— Нѣтъ, нѣтъ, маменька,—пугается, какъ трава подъ злымъ вѣтромъ, бѣловосчатая Малаша.—Іосифъ за день и такъ наработается на грядахъ. Я буду сама ходить, я съ усердіемъ!..

— Жалѣешь, что-ль, свекры?

— Жалѣю, маменька,—шепчетъ Малаша.

— Ты хорошая,—сказала старуха такъ, будто судила ее,—я, грѣшница, по первамъ на сына обижалась, что взялъ жену изъ Березовской... Теперь вижу — грѣхъ дѣлала, прости меня, Господи!... Такая слава у березовскихъ бабъ, будто вѣдьмы!.. Сама видѣла разъ, грѣшница, —охъ, святитель Николай Мирылики, спаси насъ! — Сама видѣла: разъ съ старикомъ ѣхали по зимнему времени и надо было на ночь остановиться въ Березовской. Хозяйка-бабочка, вотъ какъ ты. И все она передъ моимъ то юлитъ, все юлитъ... Охъ, Николай Мирылики!.. Чтой-то вода сегодня теплая?

— Не знаю, маменька... Тепло на дворѣ.

— И иломъ будто попахиваетъ... Изъ самого-ли источника черпалъ подвижникъ?

— Инъ кажется, можетъ!.. И все она юлитъ, подлая, предъ моимъ, а мой то, вѣришь ли, перекопецъ, а вижу— разжигается... Я его толкъ: смотри, говорю, стервецъ,

лучше, что у нея назади то обозначается! Смотритъ онъ,—ничего, говоритъ, не видно, это ты по бабьему дѣлу вздорничаешь!—Нѣтъ, не вздорничаю, говорю, а назади у нея обозначается хвостъ... Поняла, невѣстушка, кто баба была?

—Вѣдьма?—звенитъ, какъ хрустальная, Малаша.

—Самая настоящая! И вотъ какъ полегли спать, я однимъ глазомъ не сплю, наблюдаю: встала вѣдьмочка, посѣяла около загнетки проса, сказала нечистыя слова и просто, вотъ тебѣ, какъ на полѣ къ Казанской Бугородицѣ, готово! Сварила она кашу, намазалась, сѣла на рочагъ да въ трубу!..

— А знаешь, кто такова бабочка была?—спрашиваетъ старуха, почувствовавъ отъ святой воды, какъ обычно, облегченіе,—не хотѣла говорить, да полюбила я тебя, сердце... Мать твоя была эта бабочка!..

III.

Ходила Малаша десять дней къ подвижнику на источникъ за святой водою. И хотя вода все время была теплая и придорожной пылью попахивала, но была на ней изъ-за ночного усердія невѣстки полная непитая святость, и воздвигъ Богъ старуху отъ одра болѣзни къ вечеру десятаго дня. И особенно ласковая была въ тотъ вечеръ старуха къ невѣсткѣ за ея полуночные труды—пути къ святому подвижнику. И когда сынъ вернулся съ грядъ въ запахахъ спѣющей на горячемъ вѣтру широко лопушистой тучной табачной травы, она, старая, обмолвилась добрымъ словомъ о невѣсткѣ даже передъ нимъ:

— Благодарю Господа, — сказала она, — что далъ намъ въ семью не змѣиный послѣдъ, а Божье благословеніе! Одно печалитъ мое старое сердце, что нѣту у васъ съ Малашей сѣмени. Кто тутъ причина, Богъ одинъ знаетъ, а только завтра иду я къ святому подвижнику благодарить его за милости и возьму съ собою Малашу,—пусть святой подвижникъ надъ ней произнесетъ свое обѣтованіе!..

— Благодаримъ, маменька, за заботу, — придакнулъ за обоихъ покорливый неразговорчивый сынъ.

И пошли на другой день, какъ упала тѣнь съ запада на востокъ, обѣ женщины въ путь—благодарить святого подвижника за милости. Несли ему дары, какъ

заповѣдно было нагорнымъ обычаемъ: медъ, печеную рыбу и хлѣбъ. Не тяжела поклажа въ сумѣ, а тяжело ступаетъ Малаша, какъ полевая овца, разбитая на ноги....

— Иль не можется? — замѣтила свекры ея слабость.

— Не можется, маменька!..—шепчетъ бѣлыми губами Малаша.

Миновали мѣстечко на тропкѣ, около дождевой колдыбаинки. Какъ будто около мѣлового обрыва въ алыхъ пятнахъ заката надъ густой травой казачья черная голова мелькнула...

— Святитель Николай Мирылики! — обмахнулась отъ навожденія святымъ именемъ старуха.

— Иль совсѣмъ не можется?—опять поворачиваетъ она лицо къ невѣсткѣ.

— Не въ себѣ, маменька,—звенитъ, какъ хрустальная, Малаша.—Я, маменька, къ святому подвижнику сегодня не пойду, я около пещернаго спуска, на камушкѣ, посижу, можетъ, вѣтромъ обвѣетъ съ рѣки, я и очунѣюсь...

— Инъ быть такъ,—легко согласилась старуха и съ суровой покорностью, какъ степной дубъ передъ ласковымъ вѣтромъ, переложила съ плечъ невѣстки на свои старушечьи плечи дары подвижнику.

Осталась Малаша одна на спускѣ къ святому подвижнику. Сидитъ на бѣломъ горючемъ камушкѣ и думаетъ: узнаетъ свекра отъ подвижника, что десять ночей не была она у него, или нѣтъ?

Лекгимъ шагомъ возвернулась наверхъ къ Малашѣ, старуха.

— Не очунѣлась?—спрашиваетъ невѣстку, и голосъ ласковый... — Вотъ я тебя святой водой умою: это дурной глазъ на тебѣ. «Да воскреснетъ Богъ, расточатся врази!..

— Не узнала, значитъ,—подумала Малаша.

И въ обратный путь пустились женщины. Опять попалась на тропкѣ дождевая колдыбаинка съ высыхающей водой, а поодаль, на бѣломъ разсвѣтѣ, въ травѣ, зачернѣлась нетерпѣливая казачья голова. Не отмахнулась старуха отъ навожденія святымъ именемъ, только изъ подлобья остро взглянула на невѣстку, старыми пепельными святыми глазами.

— Нѣтъ, узнала,—подумала Малаша.

Женщины вернулись къ станичнымъ дворамъ около

солнца. Іосифъ уѣхалъ уже на грядки.—Пойди по домачности, невѣстушка,—сказалъ свекоръ,—я Богу помолюсь!..

Работаетъ Малаша, а сама думаетъ: должно быть, узнала свекры отъ святого подвижника, что я не была у него десять ночей,—и словно кто ее, живую, этой мыслью къ землѣ наглухо прижметъ. А вспомнитъ про черную казачью голову въ сизой туманной травѣ и усмѣхнется: ишь, значитъ, выходилъ опять,—и какъ на солнышкѣ погрѣется зазябшая душа...

Вдругъ слышитъ она глухой крикъ изъ свекровиной моленой клѣти: «Маланья, Маланья!» прибѣжала, не помня себя, а старуха на постели: «охъ, худо опять мнѣ, невѣстушка. Прогневала я, видно, святого подвижника; иди опять вечеромъ къ нему за непитой водой!..»

— И откуда мнѣ это?—радостно изумляется Малаша.

Вечеръ опустился на землю, какъ призрачный водяной пузырь, и тихо стало близко и далеко. Слышно, какъ по шляху, верстъ за пять, атарщики гонятъ на ночлегъ стадо.

— Пора, пора въ путь, невѣстушка, къ святому подвижнику, — торопитъ старуха, — смертное томленье на сердцѣ! И смотри же, невѣстушка, не забудь моего старухинаго желанія: выпроси у святого подвижника воды себѣ на сухое чрево!..

Взяла Малаша свое бѣлое ведерочко на поскрыпывающей дужкѣ и веселымъ шагомъ сошла со двора.

Подождала въ своей моленой клѣти свекры, пока ночь не загустѣла совсѣмъ, взяла клюку и поползла той же тропкой къ святому подвижнику. —«Святитель Николай Мирылики»,—шепчетъ заступающее отъ всякой нечисти святое имя. Не доползла до проклятой дождевой колдыбаинки, какъ заслышала молодой казачій голосъ:

— Малашенька, сердце, убѣжимъ съ бѣлыхъ горъ!

— Свекры боюсь,—звенитъ, какъ хрустальная, Малаша,—она святая!

— Ага, вѣдьмочка!—трясетъ отъ ненавидящей радости костлявымъ подбородкомъ старуха и клюкой упирается назадъ отъ проклятаго мѣста.—«Да воскреснетъ Богъ, расточатся врази...»

Незамѣтно крѣпнетъ ночь у дождевой колдыбаинки, какъ пачкающая темно-синяя вода теплаго моря И въ Перекопской давно тихо. Слышно на весь дворъ Ѳатаиды

Степановны, какъ храпитъ подъ повѣткой въ саняхъ вернувшійся съ грядъ хозяйскій сынъ. Однѣ синія звѣзды цвѣтутъ вверху лугами, да проступаетъ свѣтъ въ завѣшанномъ ветошкой оконцѣ моленой клѣти старой хозяйки: отчитывается старая святыми словами отъ нечисти, заведшейся въ домѣ, и кладетъ, по особымъ положеніямъ, крестныя заклятья на желтый порошокъ изъ особо отмѣченныхъ табачныхъ цвѣтковъ съ двумя лепестками въ честь двурогаго властителя подземнаго царства Вельзевула, — тьфу, тьфу, тьфу, — отмой, Господи, скверну нечистаго имени съ заклявшихъ устъ!

Вѣдьмочка вернулась подъ солнце съ ведеркомъ теплой мутной воды.—Спаси Христосъ, — благодарно сказала старуха. — Что жъ, молвила святому подвижнику насчетъ сухого чрева?

— Молвила,—заалѣло лицо Малаши.

— Что жъ онъ?

— Велѣлъ пить святую воду.

— Инъ вмѣстѣ пить будемъ,—довольно сказала старуха.—Пойди невѣстушка, по домачности!

Вышла Малаша изъ клѣти. Старуха отлила изъ ведерка половину въ поганое ведро, и въ остатокъ всыпала положенное заклятое зѣлье...

— Крѣпка ты, вѣдьмочка, а заклятый порошочекъ крѣпче тебя, — шептала она постными, трясущимися отъ святой ненависти губами. — Ходи, ходи, вѣдьмочка, носи, носи воду теплую изъ колдыбаинки, — за каждую твою ночь будетъ тебѣ чаша съ святымъ питіемъ, пока не изведешься совсѣмъ, проклятая!...

Зоветъ невѣстку таково ласково: «Выкушай, невѣстушка, святое питіе за молитвою!..»

Творитъ Малаша предъ питіемъ молитву Іисусову по положенію, и пьетъ безтрепетными устами дикую, медленную отраву...

— Вѣдьмочка!—окончательно заключаетъ старуха.

IV.

И опять ходитъ Малаша десять дней къ святому подвижнику, носитъ илистую теплую воду въ бѣломъ ведеркѣ старой свекры и себѣ, на сухое чрево, а сама блекнетъ съ каждымъ разомъ. Иной разъ едва-едва къ вечеру выйдетъ изъ своей клѣти.

— Инъ, какая ты слабая, сердце,—покачаетъ малень-

кой, высохшей головой свекры,—трудишься! Можетъ, не пойдешь ужъ сегодня, поспишь утреннюю то зорьку?

— Нѣтъ, маменька, пойду!—заалѣетъ Малаша.

Заалѣетъ и свекры. И какъ возвращалась въ клѣть, особыя крѣпкія заклятья, какъ самые дикіе непримѣтные яды съ Вельзевуловыхъ грядъ, приводила въ памяти и крѣпила ими и безъ того дикій, смертельный порошокъ...

Разъ покорливый сынъ, Іосифъ, передъ тѣмъ, какъ уѣхать на гряды, зашелъ къ матери:

— Маменька, примѣчаю я, есть какая то хворь на Малашѣ!

— Присушила вѣдьмочка сына,—замерла отъ страха старая.—Трудится,—ласково отвѣчаетъ,—каждую ночь на источникъ ходитъ къ святому подвижнику!

— Такъ-то такъ,—сказалъ сынъ, — да лучше бы ужъ я ходилъ за святой водой,—пускай бы она поспала ночь!

— Эхъ ты, — задорно посмотрѣла на сына старая,—молодо-зелено: не ради меня, старой, можетъ, ходитъ твоя жена къ святому подвижнику, ради себя. Годъ прошелъ, какъ поженились, а нѣту мнѣ внучатной радости до сей поры!

Нахмурился покорливый до сего времени сынъ.

— Мы, — сказалъ, — маменька, живемъ, какъ женихъ и невѣста предъ Господомъ, не будетъ у насъ плода здѣшняго, какъ сказано!..

— Такъ, такъ — молодые, стало быть, вострѣе старой вышли!.. Ну, ваше дѣло! А только говорю я твоей женѣ: попросила бы ты у святого подвижника воды себѣ на сухое чрево. «Благодарю»,—отвѣчаетъ,—«маменька, я попрошу у святого подвижника воды на сухое чрево!..»

— Такъ сказала?—недовѣрчиво вскинулъ сынъ на мать пепельно-сѣрые перекопскіе глаза.

— Такъ сказала, строка въ строку!

— Маменька, а вѣдь это она сама мнѣ молвила въ первую же ночь: «Будемъ»,—говоритъ,—«вѣчные женихъ и невѣста, какъ сказано! И вотъ,—сказала,—моя задача тебѣ: коли любишь, исполнишь мое желаніе».

— Видно, любишь?—усмѣхнулась въ тонкія истаявшія губы святая старуха.

— Больше она мнѣ души спасенья,—твердо сказалъ покорливый до сего времени сынъ и, какъ остріе копья. овнзилъ въ сердце матери.

— Смотри, стервецъ, у меня!—гнѣвно пристукнула низенькимъ костыликомъ святая водительница двора, а сама думала:—не вѣдьмочка, а вѣдьма, великая вѣдьма!

— И поняла, что больше медлить нельзя: послѣднее заклятье,—тяжелое, какъ желѣзная желтая руда во всѣхъ буграхъ и горахъ земли, — должно напоять самый дикій ядъ съ Вельзевуловыхъ грядъ. Цѣлую ночь творила она въ клѣти, около вынутыхъ изъ родительской кладки темныхъ незрячихъ боговъ святое зелье, кланялась на востоки и запады, сѣверы и юги, вычитывала тысячи тысячъ святыхъ именъ, крестила, плевала, дула, шептала и лишь къ самому солнцу присѣла, истомленная мольбами, на край старинной кладки. Вошла невѣстка съ бѣлымъ ведерочкомъ.

—Богъ милости прислалъ,—сказала по обычаю, отдавая ведерко.

—Спаси Христосъ тебѣ за труды, невѣстушка. Уважаю твои труды—пути! Отвернись, свѣтъ, на востокъ, молитву сотворимъ предъ святымъ питіемъ.

Сама отлила въ ведро, по обыкновенію, половину грязной теплой воды, а въ остатокъ бросила заклятой порошекъ.—Кушай теперь, невѣстушка, можетъ, за твои труды-пути дастъ тебѣ святой подвижникъ отъ своего питія зачалъ на сухое чрево!..

Кушаетъ Малаша святое питіе безкровными губами.

—Ну, какъ?—спрашиваетъ свекры.

—Маменька,—радостно вскричала невѣстка,—словно на самомъ дѣлѣ что-то я сейчасъ почувствовала подъ сердцемъ!

—Ну, ну?—жадно тянется святая старуха къ невѣсткѣ.

— Будто что-то произошло во мнѣ святою водою подвижника!..

А сама не можетъ уже стоять отъ слабости, присѣла на высокій порогъ.

—Инъ безъ мужа понесла плодъ, отъ святой воды изъ колдыбаинки?—шепелявитъ святая старуха.

Смотритъ на нее Малаша во всѣ закрывающіеся въ смертной нѣгѣ глаза.

—Смерть это, вѣдьма!—торжествующе шепелявитъ святая, и Малаша видитъ, какъ въ старухиныхъ глазахъ

вспыхиваетъ сѣрное пламя, какое было нарисовано на картинкѣ въ ихъ клѣти.

— Горю! — негромко застонала она и повалилась съ порога навзничъ...

День приходитъ и день уходитъ. Съ великимъ усиліемъ открывала Малаша свинцовыя вѣки: сѣрное пламя дуло на нее, какъ подъ сильнѣйшимъ вѣтромъ...

— Маменька, дѣда бы мнѣ, смертная тоска на груди!

—Поганить дворъ,—шепелявитъ святая старуха.

V.

—Курганы, курганики!

Ходитъ цѣлитель по золотой, спѣющей степи, ищетъ засѣменившуюся на день священномученика Мокія золотую змѣй-траву... Смотритъ: кто-то виднѣется на шляху Ближе, ближе,—ясное дѣло къ старому кавалеру, дурачку Забазнову, спаси его Христосъ, путь держитъ! Присмотрѣлся, а это молодой объявившійся казакъ Иванъ Бастрыкинъ. Не видалъ его старый кавалеръ съ той ночи, какъ открылъ ему слово, напечатанное про Малашу.

—Здравствуйте, дѣда!—сказалъ казакъ.

—Здравствуишь, Иванъ! Что ты такой съ лица! Не заболѣлъ ли притчинкою?

—Не заболѣлъ я притчинкою,—торопливо отвѣтилъ запыхавшійся казакъ,—а только бѣжите вы, дѣда, во весь духъ на горы, поспрашивайте стороною, не приключилось ли чего съ Малашей? Три недѣли дѣлили мы съ ней ночи, а вотъ нынче ужъ седьмой день, какъ ее нѣтъ ни повиданьемъ, ни слухомъ, ни духомъ!...

— Такъ, такъ, — говоритъ кавалеръ и понимаетъ все, какъ по писанному...

—Бѣгите, бѣгите вы, дѣда, во весь духъ,—просилъ закакъ.—Я же буду ждать васъ на шляху, у Горячавкина пруда. Какъ узнаете, и бѣгите вы хоть для души спасенья къ Горячавкину пруду, потому я помереть могу!...

Стучитъ кавалеръ Забазновъ по шляху своей палкой,—травы всякія стелятся ницъ: здравствуешь, кавалеръ Забазновъ, дурачекъ!...—Ишь, какая оказія,—думаетъ старый кавалеръ,—заперли святые бабочку на свои горы, какъ въ клѣтку!...

Какъ разъ Малаша въ себя пришла на своемъ земляномъ ложѣ, около моленой клѣти Увидѣла она — стоитъ,

какъ геенскій столпъ, старая свекры и дуетъ сѣрнымъ, смраднымъ пламенемъ, а за нею какъ будто подходитъ дѣдъ Иванъ Ѳедоровичъ...

—Дѣдушка,—прошептала, какъ холодную капельку положила на пылающее сердце...

Очнулась она гдѣ-то далеко въ степи, на шляху. Ночь стояла степная, травяная, темно-синяя, съ бѣлыми кремнями-звѣздами...

— Гдѣ я?—думаетъ она и не узнаетъ мѣста.—Иль случаемъ я уже преставилась и все это мнѣ только мерещится? О-охъ,—простонала она едва слышно.

—Что сердце?—наклонилась надъ ней знакомая, милая, черная даже въ ночной мглѣ, казачья голова.—Иль все болитъ? Но поддержись, сердце,—уже скоро Березовская! Вырвали мы тебя отъ святой старухи во-время. Слава Богу!.. Теперь не отдамъ никому ни на день, ни на полдня, ни на часъ,—убѣжимъ на Кавказъ или въ Японскую землю, заживемъ сладко, сердце!..

—А гдѣ же дѣдушка?—шепчетъ Малаша.

— Вонъ онъ,, надъ травами!..

И слышала Малаша, какъ краемъ уха, кроткіе призывы стараго цѣлителя:

—Мать сыра земля Алена, свята вода Настасея, ты омываешь горы и долы, желтые пески и каменья, мелкіе травы и коренья, омой отъ лютыхъ огненныхъ глазъ рабу Божію Маланью!..

И чувствуетъ Малаша твердо, что она не умретъ, что она не можетъ умереть,—такъ тиха эта ночь, и ясенъ сонъ про черноголоваго казака, и освѣжаютъ пылающую грудь дуновенія благостныхъ матерей всего живущаго—сырой земли Алены и святой воды Настасеи...

Романъ Кумовъ.

БАЛЛАДА

о графинѣ Элленъ де Курси,

украшенная различными сентенціями, среди которыхъ есть весьма забавныя.

Извѣстно ли Вамъ, о, мой другъ, что въ Бретани
Нѣтъ лучше—хоть камни спроси!—
Нѣтъ лучше средь Божьихъ созданій
Графини Элленъ де Курси?
Все, что творится въ мірѣ,
Мы видѣть и слышать должны,
Для этого намъ добрымъ Богомъ
Глаза и уши даны.
Изъ замка она выплываетъ, какъ лебедь,
Къ подъемному мосту идетъ.
Солнце смѣется въ небѣ.
Нищій стоитъ у воротъ.
Но если случится—излишне
Остеръ и зорокъ глазъ,
Тогда это значитъ—Всевышній
Хочетъ помучить насъ.
Влюбленныя очи поднять не дерзая,
За ней юный пажъ по слѣдамъ.
А также собака борзая—
Любимица доброй madame.
Мы знаемъ—не рѣдко собака
Любимаго друга честнѣй,
И пріятно любить собаку—
Никто не ревнуетъ къ ней!
Скажу Вамъ, что нищій былъ молодъ и строенъ
И—былъ онъ слѣпъ, какъ поэтъ.
Но—развѣ слѣпой не достоинъ
Вниманія дамы,—нѣтъ?
Слѣпой завидуетъ зрячимъ.
О, если бъ онъ зналъ, сколько мы

Въ душѣ нашей тайно прячемъ
Тяжелой и страшной тьмы!
Вздрогнуло сердце графини, въ которомъ
Любовь обитала всегда;
Бретанка окинула нищаго взоромъ:
«Достоинъ вниманія, да!»
У всѣхъ есть мысли сердца,—
У льва, у тебя, у змѣи.
Но—кто эти мысли знаетъ?
И—знаешь ли ты свои?
И вотъ говоритъ она нищему:—«Слушай!
Съ тобою—графиня Эллень!
Мнѣ жаль твою темную душу,
Чѣмъ я облегчу ея плѣнъ?»
Когда ты почувствуешь въ сердцѣ
Избытокъ меда иль яда,
Отдай его ближнимъ скорѣе,
Зачѣмъ тебѣ лишнее надо?
— «Madame!—отвѣчаетъ ей нищій покорно, —
Моя дорогая Madame!
Всѣ дни моей жизни черной
За Вашъ поцѣлуй я отдамъ!»
О правдѣ красивой тоскуя,
Такъ жадно душой ее ждешь,
Что любишь безумно, какъ правду,
Тобой же рожденную ложь.
— «Мой маленькій, ты отвернись немного!—
Сказала графиня пажу,—
Для славы добраго Бога
Я скромность мою не щажу!»
Какъ все—и женщина тоже
Игрушка въ Божьихъ рукахъ...
Подумаешь лучше о звѣздахъ,
О ласточкахъ и мотылькахъ.
Слѣпой обнимаетъ станъ гордой графини,
Устами прижался къ устамъ,
Туманится взоръ ея синій,
Сгибается тонкій станъ.
Друзья! Да здравствуетъ счастье!
Что жъ,—пусть его жизнь только мигъ!
Но мудрости въ счастьѣ больше,
Чѣмъ въ сотнѣ толстыхъ книгъ.

Тутъ гордость графини вдругъ страсть одолѣла.
Румянѣй вечерней зари,
Бретанка пажу повелѣла:
— «Этьенъ, о, дитя, не смотри!»
Враги наши—чортъ и случай
Всегда побѣждаютъ насъ,
И такъ ты себя не мучай—
Грѣха не избѣженъ часъ!
Потомъ, поднимаясь съ земли утомленно,
«Убей!»—приказала пажу,
И радостно мальчикъ влюбленный
Далъ волю рукѣ и ножу.
Кто пьетъ изъ единой чаши
Любовь и ревность вмѣстѣ,
Тотъ неизбѣжно выпьетъ
Красный напитокъ мести.
Тутъ, влажныя губы платкомъ отирая,
Графиня сказала Христу:
— «Тебѣ, Повелитель рая,
Дала я мою чистоту!»
О томъ, куда вѣтеръ дуетъ,
Намъ честно былинка скажетъ,
Но то, чего женщина хочетъ,
Самъ Богъ не знаетъ даже!
А мальчика нѣжно и кротко спросила:
— «Не правда ли, какъ я добра?
О чемъ же ты плачешь, милый?
Идемъ, намъ домой пора!»
Любовь возникаетъ, какъ пламя,
И мы, сгорая въ немъ,
Чудесно становимся сами
Прекраснымъ и яркимъ огнемъ.
Онъ ей не отвѣтилъ, онъ только беретомъ
Смахнулъ капли слезъ со щекъ,
Но тяжкаго вздоха при этомъ
Этьенъ удержать не могъ.
Мы щедро жизнь одаряемъ!
Вѣдь каждый въ нее принесъ
Немножко веселаго смѣха
И полное сердце слезъ.
Нахмурила черныя брови Бретанка
И, злыя сдержавъ слова,

Сбросила съ мѣста ребенка
Въ зеленую воду рва.
Если мы строго осудимъ
Всѣхъ, кто достоинъ кары,
Мы счастливѣй не будемъ,
Но опустѣетъ міръ старый.
И вновь свои гордыя, синія очи
Элленъ въ небеса подняла:
— «Будь мнѣ судьею, Отче,
Будь добръ, какъ я была!»
Мы знаемъ, грѣхи красотокъ—
Не больше, какъ милыя шутки.
А Богъ—такъ добръ и кротокъ,
А Онъ такой мягкій и чуткій!
Ночью графиня, позвавъ аббата,
Разсказала грѣхи свои,
И были съ души ея сняты
Грѣхи за пятнадцать луи.
Все, что творится въ мірѣ,
Мы видѣть и слышать должны,
Для этого намъ добрымъ Богомъ
Глаза и уши даны.
Все это для міра осталось бы тайной,
Не зналъ бы объ этомъ свѣтъ,
Но въ лепту попало случайно
Девять фальшивыхъ монетъ.
А если бываетъ—излишне,
Остеръ и зорокъ глазъ,
Тогда это значитъ—Всевышній
Хочетъ помучить насъ.
И вотъ, раздавая ихъ бѣднымъ вилланамъ,
Монахъ позлословить радъ.
Нескромность его и дала намъ
Одну изъ прекрасныхъ балладъ.
Мучительны сердца скорби
И часто помочь ему нечѣмъ,—
Тогда мы забавной шуткой
Боль сердца успѣшно лечимъ!

М. Горчкій

ОЖЕРЕЛЬЯ ДНЕЙ.

Пора бы жизнь осмыслить, подытожить.
Уже въ былomъ—сороковой порогъ,
И, если дни на счетъ годовъ помножить,
Пятнадцать тысячъ превзойдетъ итогъ.
Но эти тысячи, порой несчастныхъ,
Порой счастливыхъ, пережитыхъ дней,—
Какъ ожерелья—бѣлыхъ, синихъ, красныхъ,
Зеленыхъ, желтыхъ, всѣхъ цвѣтовъ огней!
И эти бусы жгутъ и давятъ шею,
По тѣлу разливаютъ смертный ядъ.
Я погасить ихъ пламя не умѣю,
И въ ночь и днемъ они меня язвятъ...
Какіе камни сбросить мнѣ? Не васъ ли,
Рубины алые, гдѣ тлѣетъ страсть?
Беру ихъ въ руку... Но давно погасли,
Какъ жемчуга, они. За что жъ ихъ клясть?
Такъ васъ, быть можетъ, жаркіе алмазы,
Васъ, тайныя, преступныя мечты?
Нѣтъ! Въ ясномъ свѣтѣ вы—слѣпыя стразы,
Обманный блескъ поддѣльной красоты!
Такъ васъ тогда, глубокіе опалы,
Воспоминанья скорби и могилъ?
Нѣтъ, нѣтъ! И вы—цвѣтокъ уже завялый,
И вашъ огонь сталъ мертвымъ и остылъ.
А вы, исканья Бога—аметисты,
И вы, сапфиры вдумчивыхъ стиховъ!
Сверкалъ изъ васъ, въ былomъ, огонь лучистый,
Но вы, теперь—лишь грузъ холодныхъ словъ!
Такъ что жъ горитъ? Вы, скромные агаты?
Ты, нѣжная, святая бирюза?
Ты, гіацинтъ?—случайныя утраты,
Мелькнувшіе въ вечерней мглѣ глаза.
Сны не довидѣнные, встрѣчъ мгновенныхъ,

Губъ не доласканныхъ прощальный судъ?
Что жжетъ еще межъ зеренъ драгоцѣнныхъ?
Смарагдъ, топазъ, лаллъ, оникъ, изумрудъ?
Всмотрюсь,—и блекнетъ блескъ великолѣпій:
На бѣлыхъ нитяхъ—только тусклый грузъ...
Но эти нити сжали жизнь, какъ цѣпи.
Палятъ, какъ угли, сочетанья бусъ!
И жаль порвать уборы ожерелій:
Палимъ, любуясь ими я въ тиши...
Пусть каждый камень—мертвъ: они горѣли,
Горятъ и нынѣ—факеломъ души!

Валерій Брюсовъ.

ВОЗСТАНІЕ АНГЕЛОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

содержащая въ немногихъ строкахъ исторію одной французской семьи отъ 1789 г. до нашихъ дней.

Подъ сѣнью святого Сюльпиція сурово высится трехъ-этажный барскій особнякъ Эспарвье. Онъ стоитъ между обомшалымъ дворомъ и садомъ, который суживался изъ вѣка въ вѣкъ, подъ напоромъ надвигающихся все ближе и выростающихъ все выше зданій — садомъ, въ которомъ еще подымаютъ уже высохшія вершины два громадныхъ каштана. Въ этомъ домѣ жилъ отъ 1825 до 1857 года великій человѣкъ Александръ Бюссаръ д'Эспарвье, вице-предсѣдатель Государственнаго Совѣта во время іюльской монархіи, членъ Академіи нравственныхъ и политическихъ Наукъ, авторъ трехтомнаго in—octavo «Опыта изслѣдованія гражданскихъ и религіозныхъ учрежденій народовъ», труда, къ несчастью, оставшагося неконченнымъ.

Этотъ выдающійся теоретикъ либеральной монархіи оставилъ наслѣдникомъ своего рода, имущества и славы Фюльжанса-Адольфа Бюссара д' Эспарвье. Фюльжансъ, бывшій сенаторомъ во время второй имперіи, значительно увеличилъ наслѣдственное состояніе, скупивъ земли, по которымъ должна была пройти новая улица Императрицы, и произнесъ замѣчательную рѣчь въ защиту свѣтской власти папъ.

У Фюльжанса было три сына. Старшій, Маркъ-Александръ, поступилъ въ армію и сдѣлалъ тамъ блестящую карьеру: онъ обладалъ даромъ слова. Второй, Гаэтанъ, не обнаружилъ никакихъ особенныхъ способностей, жилъ больше въ деревнѣ, охотился, держалъ конскій заводъ, занимался музыкой и живописью. Третій, Рене, съ дѣтства предназначенный къ судебной карьерѣ, былъ уже товарищемъ прокурора, когда подалъ въ отставку, чтобы не участвовать въ примѣненіи декретовъ Ферри относительно конгрегацій; а во время президентства Фальера, рѣшивъ, что возвращаются дни Деція и Діоклетіана, онъ отдалъ

свои знанія и свое усердіе на службу преслѣдуемой церкви.

Со времени конкордата 1801 г. и до послѣднихъ лѣтъ второй имперіи всѣ Эспарвье ходили къ обѣднѣ, примѣра ради. Скептики въ глубинѣ души, они смотрѣли на религію, какъ на средство управленія. Маркъ и Рене, первые въ своемъ роду, обнаружили признаки истиннаго благочестія. Будучи командиромъ полка, генералъ посвятилъ свой полкъ Святому Сердцу Іисуса и исполнялъ требованія религіи съ пыломъ, обращавшимъ на себя вниманіе даже въ военной средѣ, хотя извѣстно, что набожность, дочь небесъ, избрала своимъ предпочтительнымъ мѣстопребываніемъ на землѣ сердце генераловъ третьей республики.

Есть превратности судьбы и у вѣры. При старомъ режимѣ народъ былъ вѣрующимъ, а дворянство и образованная буржуазія нѣтъ. Во время первой имперіи армія сверху донизу была очень нечестива. Въ настоящее время народъ не вѣритъ ни во что. Буржуазія хочетъ вѣрить и иногда это ей удается, какъ удалось Марку и Рене д'Эспарвье. Наоборотъ, ихъ братъ, Гаэтанъ, сельскій дворянинъ, не пришелъ къ вѣрѣ; онъ былъ агностикомъ, какъ говорятъ въ свѣтѣ, чтобы не употреблять ненавистнаго термина: «свободный мыслитель». И онъ даже заявлялъ себя агностикомъ, въ противность прекрасному обычаю, требующему, чтобы это скрывалось. Въ вѣкѣ, въ которомъ мы живемъ, есть столько способовъ вѣрить и не вѣрить, что будущимъ историкамъ трудно будетъ разобраться въ этихъ вопросахъ. Но развѣ мы сами лучше оріентируемся въ состояніи вѣрованій во времена Симмаха и Амвросія?

Будучи пылкимъ христіаниномъ, Рене д'Эспарвье былъ въ то же время горячимъ сторонникомъ либеральныхъ идей, которыя, какъ священное наслѣдство, были переданы ему предками. Принужденный бороться съ безбожною и якобинскою республикой, онъ заявлялъ себя все же республиканцемъ. Во имя свободы требовалъ онъ независимости суверенной церкви. Когда начались большіе споры объ отдѣленіи церкви отъ государства и столкновенія изъ-за церковнаго инвентаря, совѣщанія епископовъ и собранія вѣрныхъ происходили въ его домѣ.

Въ большомъ зеленомъ салонѣ собирались они, самые призванные вожди католической партіи, прелаты, генералы, журналисты. И въ то время, какъ души всѣхъ присутствующихъ обращались къ Риму, однѣ съ нѣжнымъ подчиненіемъ, другія съ вынужденною покорностью, а господинъ д'Эспарвье, облокотившись на мраморъ камина, противопоставлялъ гражданскому праву право каноническое, краснорѣчи-

во протестуя противъ ограбленія французской церкви, — двѣ нѣмыя старинныя фигуры неподвижно глядѣли на это современное собраніе. Справа отъ камина—это былъ писанный Давидомъ, въ куртк‍ѣ и штанахъ изъ канифаса, Ромэнъ Бюссаръ, земледѣлецъ въ Эспарвье, грубый, лукавый крестьянинъ съ немного насмѣшливымъ видомъ. И у него были свои причины для усмѣшки: простецъ положилъ фундаментъ матеріальному благосостоянію семьи скупкою церковныхъ земель. А слѣва—писанный Жераромъ, въ парадномъ мундирѣ, весь въ орденахъ, сынъ крестьянина, баронъ Эмиль Бюссаръ д'Эспарвье, префектъ имперіи и главный рефендарій печати Франціи при Карлѣ X, умершій въ 1837 г. церковнымъ старостой своего прихода со стишками изъ Pucelle на устахъ.

Рене д'Эспарвье женился въ 1888 г. на Маріи-Антуанетт‍ѣ Купэлль, дочери барона Купэлля, директора завода въ Блэнвиллѣ (въ департаментѣ Верхней Луары). Супруга Рене д'Эспарвье съ 1903 года состоитъ предсѣдательницей ассоціаціи матерей-христіанокъ. Выдавъ замужъ въ 1908 г. старшую дочь, эта превосходная брачная чета жила затѣмъ съ тремя остальными дѣтьми—одной дѣвочкой и двумя мальчиками.

У младшаго, шестилѣтняго Леона, комната была рядомъ съ комнатами матери и сестры, Берты. А старшій, Морисъ, жилъ въ небольшомъ павильонѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, въ глубинѣ сада. Молодой человѣкъ пользовался тамъ свободой, которая дѣлала для него сносною семейную жизнь. Это былъ довольно красивый парень, изящный, безъ излишней аффектаціи; его улыбка, приподымавшая лишь одинъ уголъ губъ, не лишена была пріятности.

Въ двадцать пять лѣтъ Морисъ обладалъ мудростью Экклезіаста. Сомнѣваясь, чтобы былъ какой-нибудь прокъ въ трудахъ и стараніяхъ человѣка подъ солнцемъ, онъ никогда не нудилъ себя работой, избѣгая малѣйшихъ страданій. Съ самаго нѣжнаго дѣтства этотъ сынъ семьи изощрялся въ искусствѣ избѣгать ученія, и такъ и остался совершенно непричастнымъ ко всему школьному образованію, что не помѣшало ему, однако, стать докторомъ права и адвокатомъ при апелляціонномъ судѣ.

Онъ не говорилъ защитительныхъ рѣчей, не велъ процессовъ. Не зналъ ничего и знать ничего не хотѣлъ, сообразуясь со своимъ геніемъ, не переобременяя его милой ничтожности, и счастливый инстинктъ подсказывалъ ему, что ему лучше понимать мало, чѣмъ понимать плохо.

Морисъ получилъ съ неба, по выраженію аббата Патуйля, благодѣяніе христіанскаго воспитанія. Съ самаго дѣтства въ домашней средѣ его окружали примѣры благочестія, и когда онъ вышелъ изъ колледжа и былъ зачисленъ на юридическій факультетъ, то онъ нашелъ у домашняго очага и науку ученыхъ, и добродѣтели исповѣдниковъ, и постоянство женщинъ. Начавъ политическую и общественную жизнь во время великаго преслѣдованія церкви во Франціи, Морисъ не пропустилъ ни одной манифестаціи католической молодежи; строилъ баррикады въ своемъ приходѣ, когда шли столкновенія изъ-за инвентаря, и вмѣстѣ съ товарищами выпрягалъ лошадей изъ экипажа архіепископа, изгоняемаго изъ его дворца. Однако, онъ обнаруживалъ при этомъ лишь умѣренное рвеніе: его никогда не видѣли въ первыхъ рядахъ этой героической кучки, призывавшей солдатъ къ славному неповиновенію и забрасывавшей агентовъ правительства нечистотами и оскорбленіями.

Онъ выполнялъ свой долгъ и ничего не дѣлалъ сверхъ того, а если и отличился во время великаго пилигримства въ 1911 г., выдѣлившись среди носильщиковъ въ Лурдѣ, то это было сдѣлано, пожалуй, лишь ради того, чтобы понравиться госпожѣ де-ла-Вердельеръ, которая любитъ сильныхъ мужчинъ. Другъ семьи аббатъ Патуйль, глубокій знатокъ душъ человѣческихъ, зналъ, что у Мориса было лишь умѣренное стремленіе къ мученичеству. Онъ упрекалъ его за тепловатое отношеніе къ церкви и, потянувъ иногда за ухо, называлъ нерадивымъ. Но, по крайней мѣрѣ, Морисъ оставался вѣрующимъ. Въ заблужденіяхъ юности вѣра его оставалась нетронутой, такъ какъ онъ не касался ея. Никогда ни единаго пункта ея не подвергалъ онъ изслѣдованію. Не больше вниманія удѣлялъ онъ и разсмотрѣнію нравственныхъ идей, господствовавшихъ въ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Онъ ихъ принималъ такими, какими получилъ. Поэтому онъ и оказывался при всѣхъ обстоятельствахъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, а это было бы невозможно, если бы онъ началъ размышлять объ основахъ нравственности. Онъ былъ раздражителенъ, гнѣвенъ, обладалъ чувствомъ чести и заботливо культивировалъ его въ себѣ. Не былъ ни честолюбивъ, ни тщеславенъ. Какъ большинство французовъ, не любя тратить денегъ, онъ ничего бы не дарилъ женщинамъ, если бы онѣ не умѣли заставить его дѣлать имъ подарки. Ему казалось, что онъ ихъ презираетъ, а на самомъ дѣлѣ онъ обожалъ ихъ и обладалъ слишкомъ естественною чувственностью для того, чтобы замѣчать ее. А въ глубинѣ души былъ нѣженъ и

способенъ на дружбу, но этого никто не зналъ и даже самъ онъ не вѣдалъ этого, а это можно было бы, однако, угадать по влажному блеску, который вспыхивалъ иногда чуть замѣтно въ его красивыхъ свѣтло-карихъ глазахъ. Въ обиходѣ повседневной жизни онъ отличался, впрочемъ, довольно большою вялостью.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

гдѣ можно найти полезныя свѣдѣнія объ одной библіотекѣ, въ которой вскорѣ разыграются странныя событія.

Охваченный жаждой обнять весь кругъ человѣческихъ знаній и желая создать для своего энциклопедическаго генія вещественный символъ и соотвѣтствующій его денежнымъ средствамъ аппаратъ, баронъ Александръ д'Эспарвье собралъ библіотеку въ триста шестьдесятъ тысячъ томовъ, печатныхъ и рукописныхъ. Въ основаніе этой библіотеки легли, главнымъ образомъ, книжныя богатства бенедиктинцевъ въ Лигуже.

Спеціальною оговоркою въ завѣщаніи онъ предписалъ своимъ наслѣдникамъ пополнять послѣ него эту библіотеку, пріобрѣтая все, что появится замѣчательнаго въ области естественныхъ, нравственныхъ, соціальныхъ, политическихъ, философскихъ и религіозныхъ наукъ. Онъ указалъ суммы, которыя нужно было выдѣлить для этой цѣли изъ наслѣдства, и поручилъ слѣдить за этимъ своему старшему сыну Фюльжансу-Адольфу. Фюльжансъ-Адольфъ выполнялъ съ сыновнимъ почтеніемъ волю своего знаменитаго отца.

Послѣ него эта громадная библіотека, въ которую вложено было болѣе одной доли наслѣдства, оставалась не подѣленною во владѣніи трехъ сыновей и двухъ дочерей сенатора, и Рене д'Эспарвье, которому достался особнякъ на улицѣ Гарансьеръ, получилъ въ завѣдываніе эту богатую коллекцію. Двѣ сестры его, госпожи Поле де-Сенъ-Фэнъ и Кюиссаръ, много разъ настаивали на ликвидаціи этого имущества, не приносящаго никакого дохода. Но Рене и Гаэтанъ выкупили часть своихъ двухъ сонаслѣдницъ, и библіотека была спасена. Рене д'Эспарвье занялся даже ея пополненіемъ, согласно волѣ основателя. Но изъ года въ годъ пріобрѣтаемыя имъ новинки уменьшались и по числу, и по значенію, такъ какъ онъ полагалъ, что умственная производительность Европы идетъ на убыль.

Гаэтанъ, однако, обогащалъ ее на свои деньги новыми книгами, появлявшимися во Франціи и заграницей, которыя онъ находилъ заслуживающими вниманія, и нельзя было отказать ему въ силѣ сужденія, хотя братья его и не видѣли

въ немъ ни капли здраваго смысла. Благодаря любознательности этого празднаго человѣка, книжныя коллекціи барона Александра были доведены приблизительно до уровня современности.

Библіотека д' Эспарвье еще и въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ частныхъ книгохранилищъ во всей Европѣ по части богословской, юридической и исторической литературы. Въ ней вы можете изучать физику или, лучше сказать, всѣ отрасли физическихъ наукъ, и метафизику, или науки метафизическія, т. е. то, что не присоединяется къ наукамъ физическимъ и что не имѣетъ другого названія, такъ какъ затруднительно обозначить однимъ существительнымъ то, что совсѣмъ не имѣетъ существа и является лишь мечтой и иллюзіей. Въ этой библіотекѣ вы можете слѣдить за философами, оперирующими разрѣшеніемъ, разложеніемъ и возсоединеніемъ абсолюта, опредѣленіемъ неопредѣленнаго и отграниченіемъ безконечнаго. Все можно встрѣтить въ этомъ скопленіи книгъ и книжонокъ, и священныхъ, и ничего общаго со святостью не имѣющихъ, все, вплоть до самоновѣйшаго и изящнѣйшаго прагматизма.

Въ другихъ библіотекахъ, можетъ быть, въ большемъ изобиліи найдутся книги въ почтенныхъ своею древностью славныхъ своимъ происхожденіемъ переплетахъ, пріятныхъ по своей шероховатости и цвѣту кожи, драгоцѣнныхъ по искусству позолотчика, пускающаго металлическую накладку полосками, кружевомъ, вѣтвями, цвѣточками, гербами, эмблемами, чарующихъ своимъ мягкимъ блескомъ взоры ученыхъ; въ другихъ, можетъ быть, имѣется больше рукописей, украшенныхъ тонкими и живыми миніатюрами венеціанской, фламандской или турской кисти. Но ни одна изъ нихъ не превосходитъ эту библіотеку прекрасными и изящными изданіями, древнихъ и современныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ авторовъ.

Въ ней можно найти все, что намъ осталось отъ античной древности: всѣхъ отцовъ церкви, и апологетовъ и декреталистовъ, всѣхъ гуманистовъ Возрожденія, всѣхъ энциклопедистовъ, всю философію, всю науку.

Это заставило кардинала Мерлена, удостоившаго ее своимъ посѣщеніемъ, сказать:

— Нѣтъ человѣка, который бы обладалъ достаточно крѣпкою головою, чтобы вмѣстить всю премудрость, собранную на этихъ страницахъ. По счастью, въ этомъ нѣтъ и необходимости.

А монсеньеръ Кашпо, въ бытность свою викаріемъ въ

Парижѣ часто работавшій въ этой библіотекѣ, имѣлъ обыкновеніе говорить:

— Я вижу здѣсь многое, на чемъ могло бы вырости нѣсколько Томасовъ Аквинскихъ и нѣсколько Аріевъ, если бы умы не утратили своего прежняго пыла къ добру и злу.

Рукописи составляютъ неоспоримо наибольшее богатство этого громаднаго собранія книгъ. Тутъ хранится неизданная переписка Гассенди, отца Мерсенна, Паскаля, бросающая новый свѣтъ на состояніе умовъ XVII вѣка. Не нужно забывать также коллекціи еврейскихъ библій, талмудовъ, раввинскихъ трактатовъ, печатныхъ и рукописныхъ, арамейскихъ и самарійскихъ текстовъ на бараньей кожѣ и на листахъ сикомора, всѣ эти старинные и драгоцѣнные экземпляры, собранные въ Египтѣ и въ Сиріи знаменитымъ Моисеемъ изъ Дины и пріобрѣтенные Александромъ д' Эспарвье за безцѣнокъ, когда въ 1836 г. ученый эбраистъ умеръ въ Парижѣ въ старости и въ нищетѣ.

Библіотека занимаетъ второй этажъ стараго зданія. Груды, представляющіе посредственный интересъ, въ родѣ книгъ по протестантской экзегетикѣ XIX и XX вѣка, подаренные Гаэтаномъ, были сложены безъ переплета на чердакѣ. Каталогъ съ дополненіями составлялъ не менѣе восемнадцати томовъ in-folio. Этотъ каталогъ былъ доведенъ до послѣдняго времени, и библіотека содержалась въ полномъ порядкѣ. Палеографъ-архивистъ Жюльенъ Саріэттъ, скромный бѣднякъ, жившій уроками, сталъ въ 1895 г., по рекомендаціи епископа Агры, наставникомъ молодого Мориса и почти одновременно хранителемъ библіотеки. Одаренный методическимъ прилежаніемъ и упорнымъ терпѣніемъ, Саріэттъ взялся за классификацію и разнесъ по рубрикамъ всѣ книги этого обширнаго книгохранилища. Система, изобрѣтенная и примѣненная имъ, была до такой степени сложна, отмѣтки, которыя онъ наклеивалъ на книги, состояли изъ такого количества большихъ и малыхъ латинскихъ и греческихъ буквъ, изъ столькихъ цифръ арабскихъ и римскихъ, сопровождаемыхъ простыми, двойными, тройными звѣздочками и знаками, употребляемыми въ математикѣ для обозначенія степеней и корней, что изученіе этой системы потребовало бы больше времени и труда, чѣмъ сколько понадобилось бы для изученія въ совершенствѣ всей алгебры. А такъ какъ не было никого, кто захотѣлъ бы посвятить постиженію этихъ темныхъ символовъ часы, которые можно съ большею пользою употребить на уразумѣніе законовъ числъ, то г. Саріэттъ остался единственнымъ человѣкомъ, способнымъ разобраться въ своей

классификаціи, и оказалось, что безъ его помощи совершенно невозможно стало разыскать нужную кому-нибудь книгу среди трехсотъ шестидесяти тысячъ томовъ, ввѣренныхъ его заботамъ. Таковъ былъ результатъ его трудовъ. Это обстоятельство нимало не огорчало его, напротивъ, онъ испытывалъ отъ этого чувство живого удовлетворенія.

Г. Саріэттъ любилъ свою библіотеку. Онъ любилъ ее ревнивою любовью. Каждый день онъ уходилъ туда въ семь часовъ утра, и тамъ, на большомъ краснаго дерева письменномъ столѣ, велъ свою работу каталогизаціи. Карточки, записанныя его рукой, наполняли монументальную картотеку, стоявшую около него. На картотекѣ былъ поставленъ гипсовый бюстъ Александра д' Эспарвье, со взвихренными волосами, съ величественнымъ взглядомъ, съ заячьей лапкой у уха, какъ у Шатобріана, съ округленными устами и съ обнаженною грудью. Когда часы били полдень, г. Саріэттъ отправлялся завтракать въ узкую и мрачную улицу Канеттъ, въ молочную Четырехъ Епископовъ, когда-то посѣщавшуюся Бодлэромъ, Теодоромъ де Банвилемъ, Шарлемъ Асселино, Луи Менаромъ и однимъ испанскимъ грандомъ, переведшимъ «Парижскія тайны» на языкъ конквистадоровъ. И утки, такъ мило полощущіяся на старой каменной вывѣскѣ, отъ которыхъ и получила свое названіе улица, узнавали г. Саріэтта. Онъ возвращался ровно въ три четверти перваго въ свою библіотеку, изъ которой выходилъ уже только въ семь часовъ, чтобы сѣсть у Четырехъ Епископовъ за свой скромный обѣдъ, заканчивавшійся черносливомъ. Каждый вечеръ, послѣ обѣда, его товарищъ Мишель Гинардонъ, или, какъ всѣ его называли, отецъ Гинардонъ, художникъ-декораторъ, реставрировавшій въ церквахъ испорченныя картины, приходилъ со своего сѣновала на Принцессиной улицѣ къ Четыремъ Епископамъ, чтобы выпить кофе съ ликеромъ, и друзья играли свою партію въ домино. Отецъ Гинардонъ, ядренный, терпкій, но еще въ соку, былъ старѣе, чѣмъ онъ сознавалъ себя: онъ помнилъ Шенавара. Жестокій въ своемъ цѣломудріи, онъ обличалъ нечистое нео-язычество языкомъ ужасающей непристойности. Онъ любилъ поговорить. А г. Саріэттъ любилъ послушать. Отецъ Гинардонъ развлекалъ своего друга преимущественно разсказами о капеллѣ Ангеловъ въ церкви Св. Сюльпиція, гдѣ живопись мѣстами лупится и осыпается, а реставрировать ее придется ему, Гинардону, Богъ знаетъ когда, потому что со времени отдѣленія отъ государства церкви стали принадлежать только Господу Богу, и никто ужъ не заботится о самыхъ даже настоятель-

ныхъ поправкахъ и починкахъ. Но отецъ Гинардонъ не требовалъ платы за трудъ.

— Михаилъ — мой ангелъ, — говорилъ онъ, — а я къ святымъ ангеламъ отношусь съ особымъ благоговѣніемъ.

Сыгравъ партію въ домино, друзья уходили вмѣстѣ и въ бесѣдѣ, не обращая вниманія на погоду, шли рядкомъ по площади св. Сюльпиція,—г. Саріэтъ маленькій и худенькій, а отецъ Гинардонъ могучій, какъ дубъ, волосатый, какъ левъ, рослый, какъ святой Христофоръ. Г. Саріэттъ шелъ прямо къ себѣ на квартиру, къ великому сожалѣнію художника, говоруна и ночного гуляки.

На другой день, ровно въ семь часовъ, г. Саріэттъ снова занималъ свое мѣсто въ библіотекѣ и работалъ надъ каталогомъ. Однако, изъ-за своего письменнаго стола онъ металъ взгляды Медузы на каждаго посѣтителя, опасаясь, что тотъ пожелаетъ взять какую-нибудь книгу на домъ. Онъ бы желалъ этимъ взглядомъ превратить въ камень не только чиновниковъ, политическихъ дѣятелей, прелатовъ, которые на основаніи своей близости съ прежнимъ хозяиномъ чувствовали себя въ правѣ требовать выдачи себѣ на домъ какого-нибудь труда; онъ пожелалъ бы того же и г. Гаэтану, благодѣтелю библіотеки, когда тотъ забиралъ себѣ иногда на дождливые дни въ деревнѣ какую-нибудь забавную или безбожную книгу, и супругѣ Рене д' Эспарвье, когда та приходила выбрать что-нибудь для чтенія больнымъ въ своемъ госпиталѣ, и самому г. Рене д' Эспарвье, довольствовавшемуся обыкновенно Уголовнымъ Уложеніемъ и сборникомъ Далло. У него душа болѣла, когда кто-нибудь уносилъ какую-нибудь самую ничтожную старую книжонку. Чтобы отказать въ выдачѣ книги даже тѣмъ, кто имѣлъ на это наибольшее право, г. Саріэттъ изобрѣталъ тысячу остроумныхъ или грубыхъ небылицъ, не останавливаясь даже передъ поклепомъ на самого себя, заставляя сомнѣваться въ бдительности своего присмотра, и разсказывалъ, что куда-то заложилъ или гдѣ-то затерялъ какой-нибудь томикъ, который онъ только что любовно оглядывалъ или даже прижималъ къ сердцу. И когда, наконецъ, ему приходилось все-таки выдать какую-нибудь книгу, то онъ разъ двадцать бралъ ее изъ рукъ посѣтителя, прежде чѣмъ окончательно передать ее ему.

Онъ все время былъ въ трепетѣ, какъ бы не запропастилась куда-нибудь какая-нибудь изъ довѣренныхъ ему книгъ. Хранитель трехсотъ шестидесяти тысячъ томовъ, онъ постоянно имѣлъ триста шестьдесятъ тысячъ поводовъ для

тревоги. Иногда онъ просыпался ночью, обливаясь холоднымъ потомъ и съ крикомъ ужаса на устахъ, когда ему снилось что-нибудь вродѣ пустого мѣста на одной изъ полокъ его книжныхъ шкафовъ.

Его приводило въ отчаяніе, ему казалось чудовищно несправедливымъ, когда какая-нибудь книга вынималась со своего мѣста. Его благородная скупость приводила въ раздраженіе г. Рене д' Эспарвье, который, не умѣя оцѣнить добродѣтелей своего великолѣпнаго библіотекаря, третировалъ его, какъ стараго маніака. Г. Саріэттъ не зналъ о такой несправедливости. Но онъ бы неустрашимо пошелъ навстрѣчу самой жестокой немилости, перенесъ бы и позоръ, и обиду ради неприкосновенности своего книгохранилища. Благодаря его прилежанію, его бдительности, его усердію,— словомъ, благодаря его любви къ дѣлу, библіотека Эспарвье не потеряла ни листика за все время его управленія ею, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, закончившихся 9-го сентября 1912 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

гдѣ начинается таинственное.

Вечеромъ этого дня, размѣстивъ, какъ обыкновенно, всѣ вынутыя за день книги по полкамъ и увѣрившись, что все остается въ добромъ порядкѣ, онъ вышелъ изъ библіотеки и заперъ дверь, повернувъ ключъ два раза въ замкѣ.

Онъ пообѣдалъ, по своему обыкновенію, въ молочной Четырехъ Епископовъ, прочелъ газету «La Croix» вернулся въ десять часовъ въ свою маленькую комнатку на улицѣ Дю-Регаръ. Этотъ простодушный человѣкъ не испытывалъ ни малѣйшей тревоги, у него не было никакихъ предчувствій, и сонъ его былъ безмятеженъ. На другой день утромъ, войдя ровно въ семь часовъ въ прихожую библіотеки, онъ снялъ, какъ дѣлалъ это каждый день, свой парадный сюртукъ, досталъ изъ шкафа надъ умывальникомъ старый и надѣлъ его. Затѣмъ онъ прошелъ въ свой рабочій кабинетъ, гдѣ въ теченіе шестнадцати лѣтъ по шести дней въ недѣлю работалъ надъ каталогомъ подъ величественнымъ взглядомъ Александра д' Эспарвье, и, собираясь произвести обычный осмотръ помѣщенія, вошелъ въ первую, самую большую комнату, заключающую книги богословскаго и религіознаго содержанія въ обширныхъ шкафахъ, на карнизахъ которыхъ были разставлены гипсовые бронзированные бюсты поэтовъ и ораторовъ древности. Два огромныхъ шара, изображающихъ землю и небо, украшали

амбразуры оконъ. Но на первомъ же шагу г. Саріэттъ остановился въ остолбенѣніи, не смѣя сомнѣваться въ томъ, что онъ видѣлъ, и не смѣя повѣрить своимъ глазамъ. На голубой скатерти рабочаго стола, небрежно разбросанныя, лежали раскрытыя книги, однѣ внизъ, другія вверхъ корешками. Томы in-quarto были нагромождены одинъ на другой столбомъ неустойчиваго равновѣсія. Два греческихъ словаря, перепутавшись страницами, составляли одно существо, болѣе чудовищное, чѣмъ человѣческія пары божественнаго Платона. Одинъ золотообрѣзный фоліантъ лежалъ развернутый, и три страницы его были недостойнымъ образомъ загнуты на углахъ.

Выйдя черезъ нѣсколько мгновеній изъ своего глубокаго остолбенѣнія, библіотекарь приблизился къ столу и узналъ въ этой безпорядочной кучѣ свои самыя драгоцѣнныя еврейскія, греческія и латинскія библіи, увидалъ талмудъ, представляющій уникумъ, и печатные и рукописные трактаты раввиновъ, разглядѣлъ аравійскіе и самарійскіе тексты и свитки изъ синагоги, драгоцѣннѣйшіе памятники Израиля,—и все это сброшенное въ кучу, развернутое, смятое.

Непонятная вещь была передъ глазами г. Саріэтта, и однако же онъ пытался объяснить себѣ ее. Съ какою поспѣшностью ухватился онъ было за мысль, что виновникомъ этого ужаснаго безпорядка былъ г. Гаэтанъ, человѣкъ безъ принциповъ, въ виду своей щедрости по отношенію къ библіотекѣ считавшій себя въ правѣ черпать изъ нея полными руками во время пребыванія въ Парижѣ. Но г. Гаэтанъ вѣдь находился въ это время въ путешествіи, онъ былъ въ Италіи. Подумавъ нѣсколько мгновеній, Саріэттъ предположилъ, что это, вѣроятно, г. Рене д' Эспарвье поздно вечеромъ забралъ ключи у своего лакея Ипполита, который уже двадцать пять лѣтъ убиралъ комнаты во второмъ этажѣ и наверху. Но г. Рене д'Эспарвье не работалъ никогда ночью и не читалъ по-еврейски; но, можетъ быть, думалъ Саріэттъ, онъ привелъ или приказалъ привести въ эту комнату какого-нибудь священника, какого-нибудь іерусалимскаго монаха, проѣзжаго ученаго оріенталиста, преданнаго изученію священной экзегетики. Возникалъ у г. Саріэтта вопросъ и о томъ, не аббатъ ли это Патуйль, который вѣдь отличался любознательностью и у котораго была привычка загибать углы страницъ въ книгахъ, набросился на всѣ эти библейскіе и талмудическіе тексты, загорѣвшись внезапнымъ желаніемъ познать душу Сима. На минуту мелькнуло у него подозрѣніе, что, можетъ быть,

это старый служитель, Ипполитъ, четверть вѣка обтиравшій книги и подметавшій библіотеку, хронически отравлявшійся ученою пылью и ставшій слишкомъ любопытнымъ, внезапно рехнувшись, въ эту ночь, при лунномъ свѣтѣ, сталъ портить себѣ и глаза и разумъ надъ этими не поддающимися разгадкѣ знаками. Г. Саріэттъ дошелъ до того, что заподозрилъ Мориса. Что-жъ, человѣкъ молодой; вышелъ изъ засѣданія своего кружка или какого-нибудь націоналистическаго собранія, ну, и повытащилъ съ полокъ и раскидалъ въ безпорядкѣ эти еврейскія книги изъ ненависти къ древнему Якову и его современному потомству; потому что вѣдь онъ заявлялъ себя антисемитомъ и изъ евреевъ водился лишь съ такими же антисемитами, какъ и самъ. Гипотеза была, разумѣется, очень смѣлая. Но умъ г. Саріэтта не могъ успокоиться, заблудившись въ самыхъ странныхъ предположеніяхъ. Въ нетерпѣніи узнать истину, усердный хранитель книгъ позвалъ служителя.

Ипполитъ ничего не зналъ и не вѣдалъ. Отъ швейцара также нельзя было получить никакихъ указаній. Никто изъ служащихъ ничего не слыхалъ. Г. Саріэттъ спустился въ кабинетъ г. Рене д' Эспарвье, который принялъ его въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, выслушалъ его разсказъ съ видомъ человѣка, котораго безпокоютъ по пустякамъ, и отпустилъ со словами, въ которыхъ сквозило жестокое состраданіе:

— Не тревожьтесь и будьте увѣрены, мой милый г. Саріэттъ, что книги оказались сегодня утромъ тамъ, гдѣ вы ихъ оставили вчера.

Г. Саріэттъ разъ двадцать повторилъ свое разслѣдованіе, не добился толку, и отъ этого у него стало безпокойно на душѣ, и онъ потерялъ сонъ. На другой день, войдя въ комнату бюстовъ и глобусовъ, онъ увидалъ, что все въ порядкѣ, и вздохнулъ облегченно. А потомъ вдругъ его сердце забилось такъ, что чуть не разорвалось въ груди; онъ замѣтилъ на выступѣ камина томъ in octavo безъ переплета, съ самшитовымъ разрѣзнымъ ножомъ между страницами, нѣкоторыя изъ которыхъ были разрѣзаны. Это была диссертація относительно двухъ версій, соединенныхъ въ книгѣ Бытія, трудъ, который г. Саріэттъ отнесъ на чердакъ и никогда не выносилъ оттуда, такъ какъ до того никто не обнаруживалъ любопытства узнать, что было написано авторомъ единобожникомъ и что внесено авторомъ многобожникомъ при составленіи первой изъ священныхъ книгъ. Эта книга носила помѣтку $R < 3214 \frac{VIII}{2}$. И тутъ умъ г. Саріэтта былъ внезапно пораженъ тягостной истиной,

что самая ученая нумерація не можетъ помочь въ отысканіи книги, которая находится не на мѣстѣ.

Во всѣ слѣдующіе дни, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, столъ оказывался перегруженнымъ книгами. Греческія и латинскія книги были перемѣшаны съ еврейскими. Г. Саріэттъ спрашивалъ себя, не дѣло ли это рукъ какихъ-нибудь злоумышленниковъ эти ночныя перестановки, не проникали ли злодѣи сквозь слуховыя окна, чтобы похитить рѣдкія и драгоцѣнныя книги. Но онъ не могъ открыть никакихъ слѣдовъ воровства и, несмотря на самое тщательное изслѣдованіе, не могъ установить пропажи ни единаго экземпляра. Ужасное смятеніе овладѣло его мозгомъ и онъ задалъ себѣ вопросъ, не штуки ли это какой-нибудь обезьяны, пробиравшейся откуда-нибудь по сосѣдству по крышѣ и черезъ трубу, для того, чтобы устроить здѣсь подражаніе ученымъ занятіямъ. Обезьяны, размышлялъ онъ, очень ловко подражаютъ человѣческимъ дѣйствіямъ. Зная нравы этихъ животныхъ, главнымъ образомъ, по картинамъ Ватто и Шардена, онъ представлялъ ихъ себѣ подобными, въ искусствѣ подражанія жестамъ или характерамъ, Арлекинамъ, Скарамушамъ, Церлинамъ и докторамъ итальянской комедіи. Онъ воображалъ ихъ себѣ манипулирующими палитрой или щетками, толкущими въ ступкѣ лѣкарственныя снадобья или перелистывающими у химической печи какой-нибудь старинный трактатъ по алхиміи. И вотъ въ одно несчастное утро, увидавъ большую кляксу на страницѣ третьяго тома Библіи на разныхъ языкахъ, переплетенной въ синій сафьянъ съ гербами графа Мирабо, онъ уже не сомнѣвался, что виновницей такого поступка можетъ быть только обезьяна. Разумѣется, обезьяна. Она дѣлала видъ, будто записываетъ замѣтки и опрокинула чернильницу. Вѣроятно, это была обезьяна какого-нибудь ученаго.

Охваченный этой мыслью, г. Саріэттъ тщательно изучилъ топографію квартала, чтобы точно оріентироваться въ домахъ вокругъ особняка Эспарвье. А затѣмъ онъ пошелъ по улицамъ, окружающимъ этотъ кварталъ, распрашивая у каждыхъ воротъ, нѣтъ-ли въ домѣ обезьяны. Съ вопросами своими онъ обращался къ швейцарамъ, къ прачкамъ, къ служанкамъ, спрашивалъ у сапожника, у фруктовщицы, у книгоношъ, у священника, у переплетчика, у двоихъ полицейскихъ, у дѣтей; при этомъ онъ имѣлъ случай испытать различіе характеровъ и настроеній; потому что отвѣты, которые онъ получалъ, были непохожи одинъ на другой; были сердитые и были ласковые, были грубые и вѣжливые, иные отвѣчали просто, другіе иронически, одни мно

горѣчиво, другіе коротко, иные совсѣмъ не отвѣчали. Но животнаго, котораго онъ искалъ, не было ни слуху, ни духу. И вотъ, подъ сводомъ стараго дома на улицѣ Сервандони, рыжая дѣвочка, вся въ веснушкахъ, находившаяся въ швейцарской, отвѣтила:

— Да, у насъ есть обезьяна. Это у господина Ордонно... Хотите посмотрѣть?

И не говоря больше ни слова, она повела старика въ глубину двора, къ сараю. Тамъ на соломѣ и лохмотьяхъ одѣяла, на цѣпи, прикрѣпленной у пояса, дрожалъ отъ холода молодой макакъ. Ростомъ онъ былъ не больше пятилѣтняго ребенка. Выраженіе смертельной тоски было на его синеватомъ лицѣ со сморщеннымъ лбомъ и тонкими губами. Онъ поднялъ на посѣтителя еще живой взглядъ своихъ желтыхъ глазъ. Затѣмъ схватилъ маленькою высохшей рученкой морковку, поднесъ ее ко рту и сейчасъ же отбросилъ въ сторону. Поглядѣвъ мгновеніе на подошедшихъ, изгнанникъ отвернулъ голову, какъ бы не ожидая больше ничего ни отъ людей, ни отъ жизни. Согнувшись и положивъ руку на колѣно, онъ больше не шевелился, но временами сухой кашель потрясалъ его грудь.

— Это Эдгаръ,—сказала дѣвочка.—Знаете, онъ продается..

Но старый любитель книгъ, вооруженный гнѣвомъ и жаждой мести въ ожиданіи встрѣтить ироническаго врага, чудовище злости, антибибліофила, теперь стоялъ пораженный, опечаленный, удрученный передъ этимъ маленькимъ существомъ, у котораго не было ни силы, ни радости, ни желаній. Сознавая свою ошибку, смущенный этимъ почти человѣческимъ лицомъ, которому придавало еще болѣе человѣческій видъ выраженіе печали и страданія, онъ сказалъ, поклонившись:

— Простите!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

въ своей могучей краткости уносящая насъ къ предѣламъ чувственнаго міра.

Прошло два мѣсяца; хозяйничанье съ книгами не прекращалось; г. Саріэттъ сталъ думать, что это дѣло рукъ франкъ-масоновъ. Газеты, которыя онъ читалъ, были полны извѣстій объ ихъ преступленіяхъ. Аббатъ Патуйль считалъ ихъ способными на самыя черныя злодѣянія и полагалъ, что, вмѣстѣ съ евреями, они замыслили осуществить полное разрушеніе христіанскаго общества.

Достигши въ настоящее время высшей степени могущества, они вѣдь господствуютъ во всѣхъ важнѣйшихъ

государственныхъ учрежденіяхъ, руководятъ палатами, имѣютъ пятерыхъ своихъ въ министерствѣ, завладѣли Елисейскимъ дворцомъ. Совершивъ недавно убійство президента, вся вина котораго заключалась въ его патріотизмѣ, они дали возможность скрыться и орудіямъ и свидѣтелямъ своего ужаснаго преступленія. Рѣдко проходили дни, чтобы Парижъ не былъ потрясенъ какимъ-нибудь таинственнымъ убійствомъ, подготовленнымъ въ ихъ ложахъ. Это вѣдь были факты, которыхъ нельзя подвергать сомнѣнію. Какими способами проникали они въ библіотеку? Г. Саріэттъ не могъ этого понять. Чего ради являлись они туда? Почему такъ набросились они на священную древность, что заставило ихъ интересоваться происхожденіемъ церкви? Какіе безбожные планы ковали они? Густой мракъ покрывалъ эти ужасные замыслы. Чувствуя на себѣ взоръ сыновъ Хирама, архивистъ-католикъ былъ охваченъ ужасомъ, не выдержалъ и слегъ.

Еле оправившись отъ болѣзни, онъ рѣшилъ провести ночь въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершались эти ужасныя вещи, и накрыть на мѣстѣ преступленія хитрыхъ и страшныхъ гостей. Немалаго стоило робкому человѣку принять такое мужественное рѣшеніе.

Слабый физически, съ безпокойствомъ на душѣ, г. Саріэттъ естественно былъ подверженъ страху. 8-го января, въ девять часовъ вечера, когда городъ засыпалъ подъ снѣжной метелью, разведя большой огонь въ комнатѣ, которую украшали бюсты древнихъ поэтовъ и философовъ, усѣлся онъ въ кресло у камина, положивъ одѣяло на колѣни. На маленькомъ столикѣ около него стояла лампа, чашка чернаго кофе и револьверъ, который онъ попросилъ у молодого Мориса. Онъ попытался прочесть газету «La Croix», но строчки прыгали у него въ глазахъ. Тогда онъ сталъ пристально глядѣть передъ собою, и, не видя ничего, кромѣ мрака, и не слыша ничего, кромѣ вѣтра, уснулъ.

Когда онъ проснулся, огонь въ каминѣ погасъ; погасла, начадивъ, и лампа, а потемки вокругъ него были полны какихъ-то молочныхъ мерцаній, какихъ-то фосфорическихъ свѣченій. Ему показалось, что что-то шевелится на столѣ. До мозга костей пронизанный ужасомъ и холодомъ, но поддерживаемый рѣшимостью болѣе сильною, чѣмъ страхъ, поднялся онъ, подошелъ къ столу и провелъ руками по скатерти. Не видно было ни зги, свѣченія исчезли, но подъ пальцами онъ ощутилъ раскрытый фоліантъ. Онъ хотѣлъ его закрыть, но книга ока-

зала сопротивленіе, подскочила и хлопнула тремя сильными ударами неблагоразумнаго библіотекаря по головѣ. Г. Саріэттъ упалъ, лишившись чувствъ...

Съ этого времени вещи стали только ухудшаться. Въ большемъ изобиліи, чѣмъ когда-либо прежде, книги покидали свои мѣста и иногда было невозможно вернуть ихъ обратно: онѣ исчезали. Г. Саріэттъ каждый день устанавливалъ новыя пропажи. Болландисты оказались разрозненными, не хватало тридцати томовъ экзегетики. Г. Саріэтта было не узнать; голова его сжалась, стала не больше кулака и пожелтѣла, какъ лимонъ, шея безмѣрно удлинилась, плечи свисли; одежда на немъ казалась повѣшенной на гвоздь. Онъ пересталъ ѣсть, и въ молочной Четырехъ Епископовъ, съ угрюмымъ видомъ и съ опущенной головой, онъ пристально глядѣлъ невидящимъ взоромъ въ тарелку, въ которой въ мутномъ соку купался его черносливъ. Онъ не слышалъ, какъ отецъ Гинардонъ возвѣщалъ ему, что, наконецъ-то, онъ принялся за реставрацію картинъ Делакруа въ святомъ Сюльпиціѣ.

Г. Рене д'Эспарвье на тревожные доклады несчастнаго библіотекаря сухо отвѣчалъ:

— Эти книги не пропали; онѣ, вѣроятно, куда-нибудь засунуты; поищите-ка, г. Саріэттъ, поищите, и вы ихъ найдете.

А за спиной старика онъ бормоталъ:

— Бѣдняга Саріэттъ, плохи его дѣла.

— Я думаю,—прибавилъ аббатъ Патуйль,—что голова у него не въ порядкѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

въ которой Капелла Ангеловъ, въ церкви св. Сюльпиція, даетъ матеріалъ для размышленія объ искусствѣ и богословіи.

Капелла Святыхъ Ангеловъ, находящаяся направо отъ входа въ церковь святого Сюльпиція, была закрыта досчатой перегородкой. Аббатъ Патуйль, г. Гаэтанъ, племянникъ его г. Морисъ и г. Саріэттъ проникли туда черезъ низенькую дверцу, продѣланную въ оградѣ, и застали отца Гинардона на площадкѣ его лѣстницы, установленной противъ Иліодора. Старый художникъ, вооруженный всякаго рода инструментами и приспособленіями, вдавливалъ бѣловатую замазку въ трещину, раздѣлившую на двѣ части первосвященника Онію. Зефирина, любимая натурщица Поля Бодри, Зефирина, чьи русые волосы и бѣломраморныя плечи явились моделью для столькихъ Маг-

далинъ, Маргаритъ, сильфидъ и ундинъ, Зефирина, въ которую, говорятъ, былъ влюбленъ императоръ Наполеонъ III, стояла у лѣстницы, растрепанная, съ землистымъ лицомъ, съ поблекшими глазами, съ подбородкомъ, украшеннымъ длинными волосами, еще болѣе старая, чѣмъ отецъ Гинардонъ, съ которымъ она прожила болѣе полувѣка. Она принесла въ корзинкѣ завтракъ для художника.

Хотя свѣтъ изъ рѣшетчатаго въ свинцовой оправѣ окна падалъ косыми холодными лучами, краски Делакруа блистали, и его изображенія людей и ангеловъ соперничали въ своемъ блескѣ съ сіяющей рожей отца Гинардона, подымавшейся надъ колонною храма. Эти фрески на стѣнахъ Капеллы Ангеловъ, встрѣченныя когда-то столькими насмѣшками и оскорбленіями, въ настоящее время причислены къ классическимъ произведеніямъ и раздѣляютъ безсмертіе съ шедеврами Рубенса и Тинторетто.

Старый Гинардонъ, бородатый и волосатый, казался воплощеніемъ времени, стирающаго творенія Генія. Гаэтанъ, испуганный, крикнулъ:

— Осторожнѣе, господинъ Гинардонъ, осторожнѣе! Не скоблите такъ сильно.

Художникъ успокоилъ его:

— Не безпокойтесь, господинъ д'Эспарвье. Я не пишу въ этой манерѣ. Мое искусство болѣе высокое. Я подновляю Чимабуэ, Джіотто, Беато Анджелико, но не Делакруа. Эта страница черезчуръ перегружена противорѣчіемъ и контрастами, чтобы дать впечатлѣніе истинной святости. Правда, Шенаваръ говорилъ, что христіанство любитъ живописное, но Шенаваръ былъ бездѣльникъ, безбожникъ и беззаконникъ, невѣрующій... Вотъ, видите ли, господинъ д'Эспарвье, я замазываю трещину и наклеиваю приподнявшуюся пленку краски. Вотъ и все... Порча, вслѣдствіе осадки стѣны, а вѣроятнѣе, вслѣдствіе сейсмическаго сотрясенія, произошла на очень небольшомъ пространствѣ. Эти краски на маслѣ и на воскѣ, написанныя на хорошо просохшей штукатуркѣ, болѣе прочны, чѣмъ можно было предполагать. Я видѣлъ, какъ Делакруа работалъ надъ этой картиной. Пылкій, но безпокойный, онъ дѣлалъ наброски съ лихорадочной быстротой, стиралъ и снова, и снова накладывалъ краски; его могучая рука дѣлала ребяческіе промахи; тутъ было мастерство генія и безпомощность школьника. И чудо, что краски еще держатся.

Добрякъ умолкъ и снова принялся замазывать трещину.

— Какой классическій и традиціонный характеръ носитъ эта композиція,—сказалъ Гаэтанъ.—Когда-то въ ней видѣли лишь поразительныя новшества. А въ настоящее время намъ бросаются въ глаза старыя итальянскія формулы въ этой картинѣ.

— Я могу позволить себѣ роскошь быть справедливымъ, мнѣ это ничего не стоитъ,—сказалъ старикъ съ гордой высоты своей лѣстницы. — Делакруа жилъ во времена богохульства и нечестія. Художникъ декаданса. Нельзя отрицать за нимъ ни гордости, ни величія. Онъ былъ лучше своей эпохи. Но у него не хватало вѣры, простоты сердечной, чистоты. Чтобы видѣть и писать ангеловъ, у него не хватало добродѣтели ангеловъ и примитивовъ, высшей добродѣтели, въ которой, съ помощью Божіей, я упражнялся насколько могъ,—именно, цѣломудрія.

— Молчалъ бы ужъ ты, Мишель, ты вѣдь такая же свинья, какъ и всѣ остальные!

Такъ воскликнула Зефирина. Ее мучила ревность, потому что утромъ она видѣла, какъ ея возлюбленный поцѣловалъ на лѣстницѣ дочку разносчицы хлѣба, молоденькую Октавію, грязную и лучезарную, точно невѣста Рембрандта. Въ давно минувшіе прекрасные дни Зефирина была безумно влюблена въ Мишеля, и любовь не угасла еще въ ея сердцѣ.

Отецъ Гинардонъ принялъ это лестное оскорбленіе съ улыбкой, которую онъ постарался скрыть, и, поднявъ глаза къ небу, гдѣ въ сіяніи славы возносился архангелъ Михаилъ, грозный въ своей лазуревой бронѣ и червонномъ шлемѣ.

Тѣмъ врменемъ аббатъ Патуйль, заслонивъ прищуренные глаза отъ оконнаго свѣта шляпой, разсматривалъ поочередно Иліодора, бичуемаго ангелами, побѣдителя демоновъ, святого Михаила и борьбу Якова съ ангеломъ.

— Все это прекрасно,—пробормоталъ онъ, наконецъ, —но почему же художникъ изобразилъ на этихъ стѣнахъ исключительно лишь раздраженныхъ ангеловъ? Напрасно ищу я взоромъ въ этой капеллѣ иныхъ образовъ, я вижу только вѣстниковъ гнѣва небеснаго, только служителей мести Господней! Богъ хочетъ, чтобы его боялись; но онъ хочетъ также, чтобы его любили. Съ какимъ удовольствіемъ встрѣтилъ бы глазъ на этихъ стѣнахъ вѣстниковъ милосердія и мира. Хотѣлось бы увидѣть

здѣсь серафима, который очистилъ уста пророка; святого Рафаила, возвратившаго зрѣніе старому Товію; Гавріила, возвѣстившаго Маріи таинство воплощенія; ангела, освободившаго Петра изъ веригъ; херувимовъ, вознесшихъ усопшую святую Екатерину на вершину Синая. И особенно радостно было бы созерцать здѣсь небесныхъ охранителей, которыхъ Господь даетъ всѣмъ крещаемымъ во имя его. У каждаго изъ насъ есть свой ангелъ-хранитель, который слѣдуетъ за нами по пятамъ, утѣшаетъ и поддерживаетъ насъ. Какъ пріятно было бы любоваться въ этой капеллѣ восхитительными образцами этихъ очаровательныхъ духовъ!

— Э, господинъ аббатъ, тутъ нужно брать то, что есть,—возразилъ Гаэтанъ.—Делакруа нѣжнымъ не былъ. Отецъ Энгръ не такъ ужъ былъ неправъ, когда говорилъ, что отъ картинъ этого великаго художника несетъ сѣрою. Вы взгляните только на этихъ ангеловъ съ ихъ ослѣпительной и мрачной красотою, на этихъ гордыхъ и суровыхъ андрогиновъ, на этихъ жестокихъ юношей, подымающихъ на Иліодора мстительныя лозы, на этого молодого таинственнаго борца, который схватилъ патріарха за бедро...

— Постойте! — сказалъ аббатъ Патуйль. — Въ библіи этотъ ангелъ не похожъ на другихъ; если это ангелъ, то это ангелъ-создатель, вѣчный сынъ Бога. Я поражаюсь, что почтенный священникъ святого Сюльпиція, довѣрившій господину Эжену Делакруа украсить живописью эту капеллу, не разсказалъ ему, что символическая борьба патріарха съ тѣмъ, кто не назвалъ своего имени, происходила глубокою ночью и что этотъ сюжетъ здѣсь не къ мѣсту, такъ какъ онъ знаменуетъ воплощеніе Іисуса Христа. Лучшіе мастера могутъ впасть въ ошибку, если ихъ не наставитъ кто-либо изъ духовныхъ, свѣдующій въ христіанской иконографіи. Уставы христіанскаго искусства являются предметомъ множества ученыхъ трудовъ, какъ вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, г. Саріэттъ. Не такъ ли?

Г. Саріэттъ поводилъ невидящими глазами. Это было на третье утро послѣ его ночного приключенія въ библіотекѣ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ уклониться отъ отвѣта на поставленный почтеннымъ аббатомъ вопросъ было невозможно, то онъ собрался съ мыслями и отвѣтилъ:

— На этотъ счетъ полезныя указанія можно найти у Молануса, De historia s crarum imaginum et picturarum въ изданіи Ноэля Пако, Лувенъ, 1771, у кардинала Фредерика Борромея, въ его Pictura Sacra; и въ Иконографіи Дидрона;

однако, послѣднимъ нужно пользоваться съ осторожностью.

Сказавъ это, г. Саріэттъ погрузился въ молчаніе. Онъ сталъ думать о своей разгромленной библіотекѣ.

— Съ другой стороны,—снова заговорилъ аббатъ Патуйль,—въ капеллѣ этой нужно вѣдь было представить и святой гнѣвъ ангеловъ, и художникъ правъ, когда онъ выбралъ, подражая здѣсь Рафаэлю, сцену наказанія Иліодора посланниками неба. Исполняя порученіе царя сирійскаго Селевка, Иліодоръ хотѣлъ забрать сокровища храма, но былъ пораженъ ангеломъ въ золотыхъ доспѣхахъ, сидѣвшимъ на великолѣпно убранномъ конѣ. А два другихъ ангела стали сѣчь его розгами. Онъ упалъ на землю, какъ это изобразилъ здѣсь господинъ Делакруа, и очи его были объяты мракомъ. Все-таки и въ интересахъ справедливости, и въ интересахъ спасенія душъ, хорошо, что это приключеніе изображено здѣсь. По крайней мѣрѣ, примѣръ, въ назиданіе комиссарамъ республиканской полиціи и святотатственнымъ агентамъ казны. Разумѣется, Иліодоры всегда найдутся, но пускай хоть знаютъ, что каждый разъ, какъ они дерзнутъ посягнуть на имущества церкви, имущества, которыя суть достояніе бѣдняковъ, руки ангеловъ накажутъ ихъ розгами и ослѣпятъ ихъ. Я бы желалъ, чтобы эта картина, или, еще лучше, великое произведеніе Рафаэля на ту же тему было воспроизведено въ видѣ небольшой гравюры, но въ краскахъ, и чтобы оно раздавалось школьникамъ въ видѣ награды.

— Дядя,—сказалъ вдругъ молодой Морисъ, зѣвая,—а, по моему, эти машины неважны. Я предпочитаю Матисса и Метцингера.

Но никто не обратилъ вниманія на эти слова, и отецъ Гинардонъ со своей лѣстницы снова началъ вѣщать тономъ пророка:

— Однимъ лишь примитивамъ дано было видѣть небо. Прекрасное можно найти лишь въ промежуткѣ между XIII и XV вѣкомъ. Античная древность, нечистая античная древность, заразившая своимъ тлетворнымъ вліяніемъ умы XVI вѣка, внушила поэтамъ и художникамъ преступныя мысли и безстыдные образы, ужасную грязь и свинство. Всѣ художники Возрожденія—это боровы, не исключая и Микель Анджело.

Затѣмъ, видя, что Гаэтанъ собирается уйти, Гинардонъ принялъ добродушный видъ и, понизивъ голосъ, сказалъ, словно довѣряя ему какой секретъ:

— Господинъ Гаэтанъ, не полѣнитесь взобраться на

мои пять этажей, загляните въ мою каморку; у меня есть два-три небольшихъ холста, отъ которыхъ я не прочь отдѣлаться и которые васъ, вѣроятно, заинтересуютъ. Хорошія вещи, безъ лукавства, настоящія. Покажу вамъ, между прочимъ, маленькаго Бодуэна, такъ прямо пальчики оближете: съ перцемъ, и просто на зубахъ хруститъ.

Выслушавъ это предложеніе, Гаэтанъ вышелъ. И такъ какъ рядомъ съ нимъ, когда онъ спускался по ступенькамъ паперти и повернулъ на улицу Принцессы, оказался г. Саріэттъ, то онъ сталъ изливать передъ нимъ, какъ сдѣлалъ бы это передъ любымъ человѣческимъ существомъ, передъ деревомъ, газовымъ фонаремъ, собакой, своею собственной тѣнью, то негодованіе, которое внушали ему эстетическіе взгляды стараго художника.

— Ну, нагналъ таки тоски отецъ Гинардонъ со своимъ христіанскимъ искусствомъ и своими примитивами! Вѣдь все это отъ земли взято, рѣшительно все, что художникъ изображаетъ, какъ небесное. Господь, дѣва, ангелъ, святые и святыя, свѣтъ, облака. Вонъ отецъ Энгръ работалъ образа на стеклахъ для капеллы Дре. Ну, такъ онъ написалъ, между прочимъ, съ натурщицы прекрасную, чистую женскую фигуру,—ее можно видѣть въ музеѣ Бонна въ Байоннѣ. А для себя, чтобы не забыть, отецъ Энгръ сдѣлалъ отмѣтку: «Мадемуазель Сесиль, восхитительныя ноги и бедра». И чтобы сдѣлать изъ этой дѣвицы святую въ раю, онъ нарядилъ ее въ платье и плащъ, и покрывало, чѣмъ только испортилъ ея фигуру, такъ какъ всѣ ткани Ліона и Генуи ни въ какое сравненіе не идутъ съ живою тканью молодого тѣла, розовѣющаго отъ бьющейся въ его жилахъ чистой крови. И самыя прекрасныя складки одежды не заслуживаютъ того, чтобы ими любовались, если ихъ сравнить съ линіями прекраснаго тѣла, потому, что одежда для тѣла, желаннаго, для тѣла, созрѣвшаго для брака, есть незаслуженный позоръ и худшее изъ униженій.

И небрежно ступая ногами въ замерзшую лужу на улицѣ Гарансьеръ, Гаэтанъ продолжалъ:

— Отецъ Гинардонъ—вредный идіотъ. Онъ богохульствуетъ противъ античной древности, противъ священной античной древности, когда живы были добрые боги. Онъ восторгается эпохой, когда живопись и скульптура должны были все начинать сызнова. Въ дѣйствительности христіанство противно искусству; такъ, оно не поощряло изученія голаго тѣла. Искусство—это изображеніе при-

роды, а природа —это въ первую очередь человѣческое тѣло, нагота.

— Позвольте, позвольте,—пролепеталъ г. Саріэттъ.— Существуетъ красота духовная и, такъ сказать, внутренняя, и ее-то, начиная съ брата Анджелико до Ипполита Фландрскаго, христіанское искусство...

Но ничего не слушая, Гаэтанъ кидалъ свои бурныя рѣчи камнямъ старой улицы и снѣговымъ тучамъ, проходившимъ надъ его головою:

— Нельзя судить о примитивахъ огуломъ, они вѣдь совсѣмъ не похожи одинъ на другого. А этотъ старый дуракъ всѣхъ смѣшалъ въ одну кучу. Чимабуэ—это испорченный византіецъ. А въ Джіотто чувствуется могучій геній, только онъ не умѣетъ рисовать контуровъ, и, точно дѣти, всѣмъ своимъ фигурамъ ставитъ одну и ту же голову. У итальянскихъ первобытниковъ есть и грація и жизнерадостность, потому что они итальянцы. У венеціанцевъ есть чутье прекраснаго сочетанія цвѣтовъ. Но въ концѣ концовъ всѣ эти изысканные мастера больше работаютъ узорами и позолотой, чѣмъ пишутъ красками. У вашего блаженнаго Анджелико и сердце, и палитра, на мой вкусъ, черезчуръ нѣжны. Вотъ фламандцы, это совсѣмъ иное дѣло. У нихъ есть мастерство руки, и ихъ блестящее искусство можно сравнить съ искусствомъ китайскихъ мастеровъ по лаку. Техника у братьевъ Ванъ-Эйковъ чудесная. Въ «Поклоненіи Агнцу» не могу я открыть того очарованія и той тайны, которую такъ восхваляютъ въ этомъ произведеніи. Все въ немъ изображено съ какимъ-то неумолимымъ совершенствомъ, все представлено вульгарнымъ по чувству и до жестокости безобразнымъ. Мемлингъ, можетъ быть, трогателенъ, но онъ писалъ все только заморышей да калѣкъ, и подъ богатыми, тяжелыми и неизящными платьями его дѣвственницъ и святыхъ женщинъ угадываешь жалкое, хилое тѣло. Мемлингу я предпочелъ бы Рожіера ванъ-деръ-Видена, предпочелъ бы, и не зная, что онъ сталъ французомъ и переименовалъ себя въ Роже де-ла-Патюръ. Этотъ Рожіеръ-или Роже не такъ пустъ, зато онъ болѣе унылъ, и твердость его письма на его декоративныхъ панно только обнаруживаетъ жалкую нищету формъ. Поистинѣ странная аберрація любоваться этими великопостными фигурами, когда существуютъ картины Леонардо-да-Винчи, Тиціана, Корреджіо, Веласкеза, Рубенса, Рембрандта, Пуссена, Прюдона. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ есть какой-то садизмъ!...

А слѣдомъ за эстетомъ и библіотекаремъ медленно

шагали аббатъ Патуйль и Морисъ д'Эспарвье. Аббатъ Патуйль, обыкновенно несклонный вдаваться въ богословскіе разговоры съ мірянами, да и съ духовными тоже, тутъ, однако, увлекся чарующей темой и сталъ излагать молодому Морису святое служеніе ангеловъ-хранителей, къ сожалѣнію, исключенныхъ господиномъ Делакруа изъ круга образовъ, изображенныхъ на его картинахъ. Для лучшаго выраженія своихъ мыслей относительно столь возвышеннаго предмета, аббатъ Патуйль заимствовалъ у Боссюэ обороты, выраженія, цѣлыя фразы, заученныя наизусть для того, чтобы вставить ихъ въ свои проповѣди. Потому, что аббатъ Патуйль былъ очень приверженъ къ традиціи.

— Да, сынъ мой, — говорилъ онъ, — да, Господь поставилъ около насъ духовъ, охраняющихъ насъ. Они приносятъ намъ дары его благодати; они возносятъ къ нему наши моленія. Таково ихъ служеніе. Въ каждый часъ, въ каждое мгновеніе готовы намъ помогать они, эти всегда усердные и неутомимые хранители наши, вѣчно бодрствующіе надъ нами стражи наши.

— Да, да, господинъ аббатъ, — бормоталъ Морисъ, обдумывая, какимъ бы способомъ разнѣжить ему свою мамашу, чтобы она раскошелилась и отпустила ему малую толику до-зарѣзу нужныхъ ему денегъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

въ которой г. Саріэттъ находитъ свои пропавшія сокровища.

На другой день, утромъ, г. Сарiэттъ вошелъ, не постучавшись, въ кабинетъ г. Рене д' Эспарвье. Руки его были подняты къ небу; рѣдкіе волосы дыбились на головѣ; глаза стали большими отъ ужаса. Безсвязно разсказалъ онъ о приключившемся несчастіи: исчезли очень древній манускриптъ Іосифа Флавія въ шестидесяти томахъ разнаго формата, безцѣнная драгоцѣнность—Лукреціи съ гербами Филиппа Вандомскаго, великаго пріора Франціи, съ помѣтками, сдѣланными рукою Вольтера, рукопись Ришара Симона и переписка Гассенди съ Габріелемъ Ноде, заключающая двѣсти тридцать восемь никогда еще неизданныхъ писемъ.

На этотъ разъ собственникъ библіотеки встревожился. Торопливо вбѣжалъ онъ въ комнату философовъ и сферъ и тамъ собственными глазами констатировалъ размѣры несчастія. На нѣсколькихъ полкахъ видны были зіяющія пустоты. Онъ сталъ искать наудачу, заглянулъ въ стѣн-

ные шкафы, нашелъ тамъ метлы, тряпки, противопожарные снаряды, потрогалъ лопаткой горящій коксъ въ печи, встряхнулъ парадный сюртукъ г. Саріэтта, висѣвшій въ умывальной, и, обезкураженный, сталъ глядѣть на пустыя мѣста, гдѣ раньше находились папки съ письмами Гассенди. Весь ученый міръ уже полстолѣтія настойчиво требовалъ опубликованія этой переписки. Рене д' Эспарвье ничего не дѣлалъ для удовлетворенія этого всеобщаго желанія. Ему не хотѣлось ни самому взяться за эту трудную задачу, ни передать ее кому другому. Убѣдившись, что въ письмахъ этихъ было много смѣлыхъ мыслей и немало мѣстъ, болѣе вольныхъ, чѣмъ могла это стерпѣть набожность XX вѣка, онъ предпочиталъ оставить неизданными эти страницы; но онъ чувствовалъ свою отвѣтственность за ихъ сохранность и передъ своею страною, и передъ всемірною цивилизаціею.

— Какъ же вы могли допустить, чтобы у васъ похитили такое сокровище?—строго спрашивалъ онъ у г. Саріэтта.

— Какъ могъ я допустить похищеніе такого сокровища?—отвѣчалъ несчастный библіотекарь.—Ахъ, г. Рене, если бы кто раскрылъ мою грудь, онъ нашелъ бы этотъ вопросъ врѣзаннымъ въ мое сердце.

Не тронутый этими сильными словами, г. Эспарвье продолжалъ со сдержаннымъ гнѣвомъ:

— И у васъ нѣтъ никакой зацѣпки, что навело бы васъ на слѣдъ вора, г. Саріэттъ? Нѣтъ никакихъ подозрѣній, ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ все это произошло? Вы ничего не видѣли, ничего не слышали, ничего не замѣтили, ничего не узнали? Согласитесь, что это непостижимо. Подумайте, г. Саріэттъ, подумайте только о возможныхъ послѣдствіяхъ этого неслыханнаго воровства, совершеннаго у васъ на глазахъ. Исчезаетъ документъ, неоцѣнимый для исторіи духа человѣческаго. Кто его укралъ? Почему его украли? Для кого? Лица, похитившія его, знаютъ безъ сомнѣнія, что во Франціи его сбыть невозможно. Продавать его они поѣдутъ въ Америку, въ Германію. Жадность Германіи къ такого рода памятникамъ литературы извѣстна. Какой ужасъ, скажу даже—какой скандалъ, если переписка Гассенди съ Габріелемъ Ноде попадетъ въ Берлинъ, если она будетъ издана германскими учеными! Господинъ Саріэттъ, объ этомъ вы не подумали?

Г. Сарріэттъ тупо молчалъ подъ тяжестью этого порицанія, тѣмъ болѣе жестокаго, что онъ и самъ гово-

рилъ себѣ все это. А г. д' Эспарвье продолжалъ осыпать его рѣзкими упреками.

— И вы ничего не пытаетесь предпринять, не находите никакихъ способовъ разыскать эти неоцѣнимыя сокровища. Примитесь за дѣло, г. Саріэттъ, шевелитесь, соображайте. Тутъ есть изъ-за чего потрудиться.

И г. д' Эспарвье удалился, бросивъ на своего библіотекаря ледяной взглядъ.

Г. Саріэттъ снова принялся за поиски, заглядывая чуть не въ сотый разъ во всѣ мѣста, даже въ такія, куда никоимъ образомъ не могли попасть исчезнувшія книги и рукописи, вродѣ, напр., ведра съ углемъ или мѣста подъ кожанымъ сидѣніемъ кресла.

Когда пробило двѣнадцать, онъ машинально вышелъ и, встрѣтивъ на лѣстницѣ своего бывшаго ученика Мориса, обмѣнялся съ нимъ привѣтствіемъ. Но и людей, и вещи онъ видѣлъ словно сквозь облако.

Несчастный библіотекарь былъ уже въ передней, когда Морисъ окликнулъ его:

— Кстати, г. Саріэттъ, чуть было не забылъ вамъ сказать: уберите вы этотъ хламъ, что нагромоздили у меня въ павильонѣ.

— Какой хламъ, Морисъ?

— Не знаю, право, г. Саріэттъ; тамъ что-то, изъѣденное червями по-еврейски и вообще цѣлый ворохъ старыхъ бумагъ. Прямо завалена комната, повернуться негдѣ.

— Кто же вамъ ихъ принесъ?

— А кто его знаетъ.

И молодой человѣкъ легкими шагами направился въ столовую, гдѣ уже было подано къ завтраку.

Г. Саріэттъ побѣжалъ въ павильонъ. Морисъ сказалъ правду. Сотня томовъ была тамъ разбросана по столамъ, по стульямъ, по полу. Увидя это, библіотекарь, внѣ себя отъ изумленія, взволнованный и пораженный, переходилъ отъ радости къ страху, счастливый, что нашелъ утраченное сокровище, боясь снова потерять его, и то лепеталъ какъ младенецъ, то рѣзко вскрикивалъ, какъ безумный. Онъ узнавалъ свои еврейскія библіи, свои старые талмуды, свой древнѣйшій манускриптъ Іосифа Флавія, свои письма Гассенди къ Габріэлю Ноде и свое самое драгоцѣнное сокровище—Лукреція съ гербами великаго пріора Франціи, съ помѣтками Вольтера. Онъ и смѣялся, и плакалъ, и обнималъ эти сафьяны, телячьи кожи, пергаменты, велены, дощечки, украшенныя гвоздями.

По мѣрѣ того, какъ Ипполитъ перетаскивалъ ихъ,

одну охапку за другою, въ библіотеку, г. Саріэттъ дрожащими руками благоговѣйно водворялъ ихъ на мѣста.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

представляющая живой интересъ и мораль которой, надѣюсь, понравится большинству читателей, такъ какъ она формулируется горестнымъ восклицаніемъ: «Куда увлекаешь ты меня, мысль моя?» и такъ какъ въ самомъ дѣлѣ пользуется общимъ признаніемъ истина, что мыслить опасно и что истинная мудрость заключается въ томъ, чтобы ни о чемъ не думать.

Всѣ книги были снова собраны и находились въ благоговѣйномъ завѣдываніи г. Саріэтта. Но этому счастью сужденъ былъ недолгій срокъ. На слѣдующую-же ночь двадцать томовъ снова отлучились и Лукрецій Вандомскаго пріора былъ въ томъ числѣ. Черезъ недѣлю древніе еврейскіе и греческіе тексты обоихъ Завѣтовъ всѣ возвратились въ павильонъ. И весь слѣдующій мѣсяцъ, каждую ночь, они тайно покидали свои полки и направлялись тѣмъ же путемъ. Другія же исчезли неизвѣстно куда.

Въ отвѣтъ на сообщеніе объ этихъ таинственныхъ явленіяхъ г. Рене д'Эспарвье ограничился лишь тѣмъ, что сказалъ недружелюбно своему библіотекарю:

— Ахъ, господинъ Саріэттъ, господинъ Саріэттъ, все это очень странно, очень странно.

А когда г. Саріэттъ предложилъ подать жалобу или предупредить полицейскаго комиссара, г. д'Эспарвье воскликнулъ:

— Что такое вы предлагаете, господинъ Саріэттъ? Разболтать эти домашніе секреты, чтобы объ этомъ поднялись разговоры!.. Вы объ этомъ не думаете!.. У меня есть враги, и я этимъ горжусь: я полагаю, что заслужилъ ихъ. Я могу, конечно, пожаловаться, что въ моей собственной партіи на меня нападаютъ съ неслыханнымъ ожесточеніемъ рьяные монархисты, которые, хочу вѣрить, добрые католики, да только очень плохіе христіане... Словомъ, за мною наблюдаютъ, за мною шпіонятъ, меня подстерегаютъ, а вы, г. Саріэттъ, предлагаете мнѣ отдать на растерзаніе журналистовъ комическую тайну, смѣхотворное приключеніе—словомъ, исторію, въ которой мы оба играемъ довольно жалкую роль. Что же вы хотите на посмѣяніе меня выставить, что-ли?..

Въ результатѣ разговора они согласились на томъ, что необходимо перемѣнить всѣ замки въ библіотекѣ. Составили смѣту, заказали рабочихъ. Шесть недѣль въ домѣ съ утра до вечера стучали молотки, визжали сверла, скрежетали подпилки. Огонь горѣлъ въ комнатѣ

философовъ и глобусовъ и тошнотворный запахъ грѣтаго масла разносился по всему дому. Старые, мирные и беззвучные замки на дверяхъ комнатъ и шкафовъ были замѣнены капризными и упрямыми. Устроены были сложныя комбинаціи врѣзныхъ коробчатыхъ замковъ съ буквенными висячими, задвижекъ, предохранительныхъ запоровъ-цѣпочекъ, съ электрическими сигнализаторами. Всѣ эти мѣдныя приспособленія наводили страхъ своими сверкающими коробками и оскаленными засовами. Чтобы отпереть комнату, шкафъ, выдвижной ящикъ, нужно было знать шифръ, извѣстный одному господину Саріэтту. Голова его теперь была полна странныхъ словъ и громадныхъ чиселъ, и онъ сбивался въ этихъ криптограммахъ, путался въ квадратныхъ, кубическихъ числахъ. Онъ уже не могъ открывать ни дверей, ни шкафовъ, и каждое утро онъ находилъ ихъ раскрытыми настежь, а книги опрокинутыми, разбросанными, унесенными. Полицейскій какъ-то ночью поднялъ въ сточной канавѣ на улицѣ Сервандони брошюру Соломона Рейнака о тождествѣ Варравы и Іисуса На ней былъ штемпель библіотеки и онъ занесъ ее владѣльцу.

Не удостоивъ сообщить объ этомъ г. Саріэтту, Рене д'Эспарвье рѣшилъ посовѣтоваться съ однимъ изъ своихъ пріятелей, служившимъ въ судѣ, человѣкомъ достойнымъ довѣрія, господиномъ Дезобель, совѣтникомъ судебной палаты, которому приходилось уже вести слѣдствіе по нѣсколькимъ важнымъ дѣламъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, круглый, очень красный, очень лысый, съ черепомъ, блестѣвшимъ, какъ биллiардный шаръ. Онъ зашелъ разъ утромъ въ библіотеку, притворившись библіофиломъ, но сейчасъ же обнаружилъ, что ничего не смыслитъ въ книгахъ. И въ то время, какъ бюсты античныхъ философовъ отражались въ его лысинѣ, онъ задалъ нѣсколько коварныхъ вопросовъ г. Саріэтту. Тотъ смутился и покраснѣлъ, потому что невинность быстро смущается. А г. Дезобель возымѣлъ сильнѣйшее подозрѣніе, что г. Саріэттъ и былъ виновникомъ тѣхъ кражъ, на которыя жаловался съ такимъ ужасомъ; и онъ задумалъ изловить соучастниковъ преступленія. Что касается мотивовъ, то о нихъ онъ не безпокоился: мотивы всегда найдутся. Г. Дезобель предложилъ господину Рене д'Эспарвье устроить такъ, чтобы домъ находился подъ тайнымъ надзоромъ какого-нибудь агента изъ префектуры.

— Я скажу, чтобы къ вамъ отрядили Миньона,—ска-

залъ онъ.—Это великолѣпный сыщикъ, внимательный и благоразумный.

На другой день, съ шести часовъ утра, Миньонъ прогуливался передъ особнякомъ Эспарвье. Фигура его, съ начесанными на виски волосами, съ громадными матово-черными усами, гигантскими ручищами и ножищами, сразу бросалась въ глаза. Въ узкополомъ котелкѣ, приподнявъ плечи и бросая косые взгляды, шагалъ онъ поближе къ колоннамъ съ бараньими головами, украшающимъ отель де-ла-Сордьеръ, доходя до конца улицы Гарансьеръ и до входа на хоры церкви святого Сюльпиція и капеллы Пресвятой Дѣвы. Съ этого времени нельзя было ни выйти изъ дома д'Эспарвье, ни войти туда, не почувствовавъ, что за всѣми движеніями и даже помыслами вашими здѣсь установленъ надзоръ.

Миньонъ былъ удивительное существо, одаренное способностями, въ которыхъ природа отказываетъ другимъ людямъ. Онъ не ѣлъ и не пилъ: во всякій часъ дня и ночи, въ дождь и въ вѣтерь, его можно было встрѣтить передъ особнякомъ, и никто не ускользалъ отъ радія его взгляда. Человѣкъ чувствовалъ себя пронизаннымъ во всѣхъ частяхъ, чувствовалъ себя раздѣтымъ не то, что донага, а прямо таки до костей, до скелета. И это было дѣломъ одной секунды: агентъ даже не останавливался и продолжалъ свою вѣчную прогулку. Этого невозможно было выдержать. Молодой Морисъ угрожалъ, что не вернется болѣе подъ отчій кровъ, если не прекратится эта радіографія. Мать его и сестра его Берта жаловались на этотъ пронизывающій взглядъ, оскорблявшій цѣломудренную скромность ихъ душъ. Мадемуазель Капораль, гувернантку маленькаго Леона д'Эспарвье, онъ стѣснялъ до крайности. Доведенный до нервнаго состоянія, Рене д'Эспарвье не переступалъ порога своего дома, не нахлобучивъ, чтобы избѣжать этого испытующаго луча, шляпу на глаза и не пославъ къ чорту г. Саріэтта, начало и причину всего зла. Близкіе, вродѣ аббата Патуйля и дяди Гаэтана, стали рѣдкими гостями, перестали бывать посѣтители, поставщики задумывались, доставлять ли продукты въ этотъ домъ, и еле осмѣливались останавливаться передъ нимъ грузовики большихъ магазиновъ. Но самый серьезный безпорядокъ былъ внесенъ этимъ надзоромъ въ среду прислуги. Боясь навѣщать, подъ бдительнымъ окомъ полиціи, жену сапожника въ послѣобѣденные часы, когда она работала у себя одна, лакей нашелъ, что жизнь въ этомъ домѣ невыносима, и попросилъ разсчета.

Одиль, горничная госпожи д'Эспарвье, не рѣшалась болѣе послѣ отхода ко сну своей хозяйки впускать къ себѣ въ комнату на чердакѣ красавца приказчика изъ сосѣдней книжной лавки, загрустила, сдѣлалась раздражительна и нервна, стала драть госпожѣ во время причесыванія волосы, дерзить ей на каждомъ словѣ и начала дѣлать авансы г. Морису. Кухарка, мадамъ Мальгуаръ, серьезная женщина лѣтъ около пятидесяти, когда пересталъ посѣщать ее Огюстъ, приказчикъ изъ виннаго погреба на улицѣ Сервандони, по своему темпераменту оказалась не въ силахъ вынести такого лишенія и сошла съ ума: подала господамъ на столъ сырого кролика и заявила, что на ней хочетъ жениться папа.

Наконецъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ сверхчеловѣческаго усердія, противнаго всѣмъ извѣстнымъ намъ законамъ органической жизни и существеннымъ условіямъ экономіи животнаго организма, агентъ Миньонъ, не обнаруживъ ничего ненормальнаго, прекратилъ свой надзоръ и удалился, не сказавъ ни слова и отказавшись отъ всякаго вознагражденія. А въ библіотекѣ пляска книгъ продолжалась во всю.

— Это очень хорошо,—сказалъ г. Дезобель.—Разъ ничто не входитъ и не выходитъ, значитъ, преступникъ живетъ въ домѣ.

Г. Дезобель рѣшилъ, что виновника преступленія можно будетъ открыть и безъ допросовъ и обысковъ. Сговорившись относительно дня, онъ приказалъ въ полночь посыпать слоемъ талька полы въ библіотекѣ, на лѣстницѣ, въ прихожей, аллею сада, ведущую въ павильонъ г. Мориса, и переднюю павильона. На другой день утромъ, г. Дезобель въ сопровожденіи фотографа изъ префектуры, г. Рене д'Эспарвье и г. Саріэтта пришелъ снимать слѣды. Въ саду не нашли ничего: вѣтеръ сдулъ весь талькъ. Морисъ сказалъ, что думалъ, что это плохая шутка, и смелъ эту бѣлую пыль помеломъ, что стояло около камина. Въ дѣйствительности, онъ замелъ слѣды ботинокъ горничной Одили. На лѣстницѣ и въ библіотекѣ констатированы были на нѣкоторыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого легкіе слѣды голой ноги, которая, повидимому, скользила въ воздухѣ и прикасалась къ землѣ лишь черезъ долгіе промежутки, притомъ не имѣя вѣса. Всего было замѣчено пять такихъ слѣдовъ. Самый явственный былъ найденъ въ комнатѣ бюстовъ и глобусовъ, у стола, гдѣ были набросаны книги. Фотографъ префектуры сдѣлалъ нѣсколько снимковъ этого отпечатка.

— Это страшнѣе всего остального,—пробормоталъ г. Саріэттъ.

Г. Дезобель еле могъ скрыть свое изумленіе.

Три дня спустя антропометрическое отдѣленіе префектуры вернуло представленные ему снимки съ заявленіемъ, что въ его карточкахъ такихъ отпечатковъ не имѣется. Послѣ обѣда г. Рене показалъ эти фотографіи своему брату Гаэтану, который осмотрѣлъ ихъ съ глубокимъ вниманіемъ и воскликнулъ послѣ долгаго молчанія:

— Ну, разумѣется, въ префектурѣ у нихъ нѣтъ ничего подобнаго. Это нога бога или античнаго атлета. Очертаніе подошвы, оставившей этотъ слѣдъ, отличается совершенствомъ, не встрѣчающимся у нашихъ расъ и въ нашихъ климатахъ. Тутъ поражаетъ изящество пальцевъ и божественная форма пятки.

Рене д'Эспарвье воскликнулъ, что братъ его сумасшедшій.

— Поэтъ,—вздохнула госпожа д'Эспарвье.

— Дядя, — сказалъ Морисъ. — вы еще влюбитесь въ эту ногу, если встрѣтите ее.

— Такая исторія случилась съ Виваномъ Денономъ, сопровождавшимъ Бонапарта въ Египетъ,—отвѣчалъ Гаэтанъ.—Денонъ нашелъ въ Ѳивахъ, въ подземельѣ, разграбленномъ арабами, маленькую ногу муміи поразительной красоты. Онъ любовался ею съ необычайнымъ восторгомъ. «Это нога молодой женщины,—думалъ онъ,—какой-нибудь принцессы, какого-нибудь восхитительнаго созданія; никакая обувь не уродовала совершенство ея божественной формы». Денонъ восхищался ею, сталъ обожать, сталъ любить ее. Рисунокъ этой ноги муміи можно найти въ атласѣ путешествія Денона по Египту, а этотъ атласъ, чтобы не ходить далеко, можно было бы перелистать, если бы отецъ Саріэттъ давалъ когда-нибудь поглядѣть хоть на одинъ томъ изъ библіотеки.

Иногда Морису, когда онъ просыпался въ ночи, слышался въ сосѣдней комнатѣ шумъ перелистываемыхъ страницъ или паденія переплетовъ на паркетъ пола.

Разъ утромъ, въ пять часовъ, возвратившись изъ своего кружка послѣ ночи, проведенной въ неудачной игрѣ, онъ стоялъ у дверей своего павильона, роясь въ карманахъ въ поискахъ своихъ ключей, и вдругъ до слуха его донесся совершенно явственно вздыхающій голосъ:

— Познаніе, куда ведешь ты меня? Куда увлекаешь меня ты, мысль моя?

Но когда онъ зашелъ въ комнаты, онъ ни въ той,

ни въ другой не нашелъ никого. И онъ сказалъ себѣ, что слухъ обманулъ его.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

въ которой говорится о любви, что понравится читателю, потому что разсказъ безъ любви, все равно какъ кровяная колбаса безъ горчицы,—безвкусная вещь.

Морисъ не удивлялся ничему. Онъ не старался познать причины вещей и жилъ спокойно въ мірѣ явленій. Не отрицая вѣчной истины, онъ гонялся, въ угоду своимъ желаніямъ, за пустыми формами.

Менѣе большинства своихъ сверстниковъ, увлекался онъ спортомъ и физическими упражненіями, безсознательно храня старую эротическую традицію своей расы. Французы всегда были самыми галантными изъ людей, и было бы жаль, если бы они утратили это преимущество.

Морисъ его сохранилъ. Не влюбленный по настоящему ни въ одну, онъ любилъ любить, какъ выражается блаженный Августинъ. Отдавъ справедливую дань не поддающейся зубамъ времени красотѣ и тайнымъ искусствамъ госпожи Де-Вердельеръ, онъ насладился затѣмъ молодою стремительной нѣжностью лирической пѣвицы Люсіолы; теперь выносилъ безъ особой радости стихійную извращенность Одили, горничной своей матери, и шумное обожаніе со стороны красавицы госпожи Буатье. Но чувствовалъ большую пустоту въ сердцѣ.

И вотъ какъ-то случилось, что въ среду, когда мать его принимала гостей, онъ зашелъ въ гостиную, и здѣсь, въ интимномъ кружкѣ, среди суровыхъ и въ большинствѣ непривлекательныхъ дамъ, между старцевъ и очень молодыхъ людей, замѣтилъ госпожу Дезобель, жену совѣтника судебной палаты, того самаго, къ которому безуспѣшно обращался г. Рене д'Эспарвье по поводу таинственныхъ хищеній изъ библіотеки. Она была молода; онъ нашелъ ее красивой, и не безъ основанія. Жильберта была сваяна геніемъ Рода, и никакой другой геній не принималъ участія въ этомъ творчествѣ. Все въ ней внушало желаніе обладать ею, и ничто, ни во внѣшности, ни въ душевномъ складѣ ея, не будило иныхъ чувствъ. Управляющая тяготѣніемъ міровъ, Мысль толкнула молодого Мориса и заставила его приблизиться къ этому очаровательному созданію. Онъ предложилъ ей руку и повелъ къ чайному столу.

Когда Жильбертѣ былъ поданъ чай, онъ сказалъ:

— А мы могли бы поладить между собою. Вы не находите?

Онъ заговорилъ такъ въ духѣ времени, желая избѣжать пошлыхъ комплиментовъ и избавить госпожу Дезобель отъ набившаго оскомину старомоднаго объясненія въ любви съ недомолвками и намеками, не ставящими вопроса ясно, такъ чтобы на него можно было получить точный и опредѣленный отвѣтъ. Воспользовавшись возможностью переговорить съ Дезобель нѣсколько минутъ безъ свидѣтелей, онъ сдѣлалъ ей опредѣленныя и настойчивыя предложенія. Жильберта была, насколько можно судить, болѣе создана для того, чтобы внушать желанія, чѣмъ для того, чтобы испытывать ихъ. Однако, она чувствовала, что ея назначеніе было любить, и она охотно и съ удовольствіемъ выполняла его. Въ частности, нельзя сказать, чтобы Морисъ не понравился ей. Она бы предпочла, чтобы онъ былъ сиротою, зная по опыту, какая это иногда ненадежная вещь, какъ любовь молодого человѣка изъ хорошаго дома.

— Согласны?—спросилъ онъ въ видѣ заключенія.

Она притворилась, будто не поняла, и, держа на вѣсу неподвижной у самаго рта булочку съ ливерной колбасой, посмотрѣла на Мориса удивленными глазами.

— На что согласна?—спросила она.

— Вы знаете сами.

Госпожа Дезобель потупила глаза, хлебнула глотокъ чаю и не отвѣтила на вопросъ, потому что ея стыдливость еще не была побѣждена.

Тогда Морисъ сказалъ, взявъ у нея изъ рукъ порожнюю чашку:

— Въ субботу, въ пять часовъ, номеръ сто двадцать шесть по Римской улицѣ, нижній этажъ, дверь направо подъ сводомъ; постучите три раза.

Госпожа Дезобель подняла на него строгій и спокойный взоръ и подошла увѣреннымъ шагомъ къ кружку почтенныхъ женщинъ, слушавшихъ сенатора Лефоля, который объяснялъ имъ устройство аппаратовъ для искусственнаго высиживанія яицъ въ земледѣльческой колоніи въ Сенъ-Жюльенѣ.

Въ слѣдующую субботу Морисъ ожидалъ госпожу Дезобель. Онъ ждалъ ее напрасно. Маленькая рука ея не постучалась тремя ударами въ дверь подъ сводомъ воротъ. Взбѣшенный Морисъ сталъ проклинать отсутствующую, называя ее внѣ себя отъ ярости дурой и верблюдомъ. Обманутое ожиданіе, напрасное желаніе дѣлали его несправедливымъ. Госпожа Дезобель не пришла, но она и не обѣщала прійти, и потому не заслу-

живала этихъ именъ. Но мы судимъ о поступкахъ людскихъ по тому удовольствію или огорченію, какія они намъ причиняютъ.

Морисъ показался въ гостинной матери только черезъ двѣ недѣли послѣ разговора за чайнымъ столомъ. Онъ пришелъ поздно, госпожа Дезобель уже полчаса находилась тамъ. Холодно поклонившись ей, онъ сѣлъ подальше и притворился, будто слушаетъ.

—... Достойные другъ друга, — говорилъ мужской красивый голосъ,—оба противника были какъ разъ таковы, что борьба должна была разгорѣться страшная и исходъ ея нельзя было предвидѣть. Генералъ Боль съ неслыханною стойкостью оставался на мѣстѣ, словно вкопанный. А генералъ Мильпертюи, одаренный сверхчеловѣческою подвижностью, совершалъ ошеломительно быстрыя движенія вокругъ своего непоколебимаго противника. Битва продолжалась съ ужаснымъ упорствомъ. Мы всѣ были въ тревогѣ....

Это генералъ д'Эспарвье описывалъ большіе осенніе маневры трепетно внимавшимъ его разсказу дамамъ. Онъ говорилъ съ большимъ искусствомъ, и его рѣчь нравилась. Проводя затѣмъ параллель между методами французскимъ и германскимъ, онъ опредѣлилъ ихъ характерные признаки, съ высокимъ безпристрастіемъ оцѣнивъ достоинства и того, и другого, и не побоялся указать, что оба они обладаютъ своими преимуществами. Сначала онъ нарисовалъ картину наступленія Германіи, передъ которымъ дрогнула сила Франціи. Пораженныя, разочарованныя, смущенныя, дамы слушали его съ вытянувшимися лицами. Но мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ военный спеціалистъ углублялся въ характеристику обоихъ методовъ, французскій методъ оказывался гибкимъ, изящнымъ и мощнымъ, въ немъ чувствовалась грація, умъ, бодрость, тогда какъ методъ германскій обнаруживалъ свои недостатки, и становилось ясно, что онъ и тяжелъ, и неуклюжъ, и робокъ. И мало-по-малу лица дамъ прояснялись и округлялись въ радостную улыбку. Чтобы окончательно успокоить этихъ матерей, этихъ женъ, сестеръ, любовницъ, генералъ указалъ, что Франція можетъ, когда ей это выгодно, примѣнить и германскій методъ, тогда какъ методъ французскій не по плечу нѣмцамъ.

При этихъ словахъ къ генералу подошелъ и отвелъ его въ сторону г. Летрюкъ де-Рюффекъ. Послѣдній основывалъ патріотическое общество «Фехтованіе для всѣхъ». Общество ставило себѣ цѣлью обновленіе Франціи.

оно должно было обезпечить Франціи превосходство надъ всѣми противниками. Общество рѣшило принимать дѣтей съ колыбели. И г. Летрюкъ де-Рюффекъ предложилъ генералу д'Эспарвье стать почетнымъ предсѣдателемъ общества.

Тѣмъ временемъ Морисъ дѣлалъ видъ, будто интересуется бесѣдою одной старой дамы очень кроткаго вида съ аббатомъ Лапетитъ, священникомъ женскаго монастыря Святой Крови. Старуха, которой пришлось пережить за послѣднее время много тяжелаго, смерть близкихъ и самой перенести нѣсколько болѣзней, желала знать, зачѣмъ это нужно, чтобы человѣкъ былъ несчастенъ въ этомъ мірѣ, и она спрашивала аббата:

— Какъ объясняете вы себѣ всѣ эти бичи, свирѣпствующіе надъ человѣчествомъ? Для чего созданы чума, голодъ, наводненія, землетрясенія?

— Очевидно, нужно, чтобы Господь вспоминалъ о насъ отъ времени до времени,—отвѣтилъ аббатъ Лапетитъ съ небесной улыбкой.

Морисъ, повидимому, глубоко былъ заинтересованъ этой бесѣдой. А затѣмъ онъ, казалось, былъ очарованъ госпожей Филло-Гранденъ. Это была молодая женщина, довольно свѣжая, но несложность ея невинности отнимала всякій ароматъ у ея красоты, лишала ее всякой пикантности. Одна очень старая дама, рѣзкая и крикливая, въ бѣдномъ шерстяномъ нарядѣ, но съ гордостью великосвѣтской львицы изъ христіанской финансовой среды, воскликнула вдругъ лающимъ голосомъ:

— Ахъ, да! Милая госпожа д'Эспарвье, вѣдь у васъ были непріятности; газеты намекали на какое-то воровство, указывали на пропажи изъ богатой библіотеки господина д'Эспарвье, говорили, что письма какія-то похищены.

— Можно ли вѣрить всему, что пишутъ газеты!— отвѣтила госпожа д'Эспарвье.

— Конечно, моя милая, ваши сокровища отыскались? Все хорошо, что хорошо кончается.

— Библіотека наша въ полномъ порядкѣ,—сказала госпожа д'Эспарвье.—И ничего изъ нея не пропало.

— А библіотека эта здѣсь же въ домѣ, этажемъ выше, не правда-ли?—спросила молодая госпожа Дезобель, обнаруживая неожиданный интересъ къ книгамъ.

Госпожа д'Эспарвье отвѣтила ей, что библіотека занимаетъ весь третій этажъ и что менѣе цѣнныя книги помѣщаются на чердакѣ.

— А нельзя ли мнѣ ее посмотрѣть?

— Ничего нѣтъ легче,—отвѣтила хозяйка и, обращаясь къ сыну, сказала:

— Морисъ, пойди, покажи библіотеку госпожѣ Дезобель.

Морисъ всталъ и, не произнеся ни слова, поднялся на третій этажъ вслѣдъ за госпожей Дезобель. Онъ казался равнодушнымъ, но въ душѣ былъ обрадованъ, такъ какъ не сомнѣвался, что Жильберта нарочно придумала, будто желаетъ посмотрѣть библіотеку, а на самомъ дѣлѣ сдѣлала это исключительно ради того, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ. И сохраняя равнодушный видъ, онъ рѣшилъ повторить свои предложенія, увѣренный, что на этотъ разъ они не будутъ отвергнуты.

Подъ романтическимъ бюстомъ Александра д'Эспарвье ихъ молча встрѣтилъ высохшій, какъ тѣнь, старичокъ, съ землистымъ лицомъ, съ глубоко запавшими глазами, съ привычнымъ выраженіемъ испуга.

— Не безпокойтесь, г. Саріэттъ,—сказалъ Морисъ,—я только покажу библіотеку госпожѣ Дезобель.

Морисъ и госпожа Дезобель прошли въ большую залу, гдѣ по четыремъ стѣнамъ высились шкафы, полные книгъ, а на шкафахъ красовались бронзированные бюсты поэтовъ, философовъ и ораторовъ древности. Все было здѣсь въ совершенномъ, казалось, никогда не нарушавшемся, порядкѣ. Только на мѣстѣ, еще наканунѣ занятомъ неизданнымъ манускриптомъ Ришара Симона, зіяла черная пустота. Г. Саріэттъ, блѣдный, незамѣтный, молча и беззвучно сопровождалъ молодыхъ людей.

Морисъ, устремивъ на госпожу Дезобель упрекающій взглядъ, промолвилъ:

— Сказать правду, вы не были любезны.

Она сдѣлала ему знакъ, что библіотекарь можетъ услышать. Но онъ успокоилъ ее:

— Не обращайте вниманія. Это отецъ Саріэттъ. Онъ сталъ совсѣмъ идіотомъ.

И прибавилъ:

— Нѣтъ! Нехорошая вы были. Я ждалъ васъ. Вы не пришли. Я былъ очень несчастенъ.

Прошла минута молчанія. Слышно было лишь тихое и печальное пѣніе астмы въ дыхательныхъ путяхъ несчастнаго Саріэтта. Молодой Морисъ заговорилъ снова съ большою настойчивостью:

— Вы должны признать свою вину.

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что не согласились.

— А вы еще помните?

— Разумѣется.

— Стало быть, это было серьезно.

— Серьезнѣе и быть не можетъ.

Тронутая этимъ заявленіемъ искренности и постоянства чувства и полагая, что оказала уже достаточное сопротивленіе, Жильберта согласилась на то, въ чемъ отказала ему двумя недѣлями раньше.

Они скользнули въ амбразуру окна и укрылись за громаднымъ небеснымъ глобусомъ, на которомъ можно было видѣть знаки Зодіака и фигуры созвѣздій. И здѣсь, со взоромъ, устремленнымъ на Льва, на Дѣву и на Вѣсы, въ присутствіи множества библій, предъ лицомъ греческихъ и латинскихъ твореній Святыхъ Отецъ, подъ изображеніями Гомера, Эсхила, Софокла, Еврипида, Геродота, Ѳукидида, Сократа, Платона, Аристотеля, Демосѳена, Цицерона, Виргилія, Горація, Сенеки и Эпиктета,—они запечатлѣли свои клятвы любви долгимъ, долгимъ поцѣлуемъ.

Сейчасъ же послѣ этого госпожа Дезобель вспомнила, что ей предстоитъ еще нѣсколько визитовъ и что надо торопиться; потому что любовь не заставила ее позабыть заботы о доброй славѣ.

Они вышли на площадку. Въ это время раздался хриплый крикъ и на лѣстницу, не помня себя, выпрыгнулъ г. Саріэттъ.

— Держите его! Держите!—кричалъ онъ.—Я видѣлъ, какъ онъ полетѣлъ!.. Онъ самъ сорвался съ полки... Онъ перенесся черезъ комнату... Вонъ онъ! вонъ онъ!... Спускается внизъ надъ лѣстницей... держите!... Онъ проскользнулъ черезъ дверь нижняго этажа...

— Кто?—спросилъ Морисъ.

Г. Саріэттъ глядѣлъ съ площадки лѣстницы въ окно и бормоталъ въ ужасѣ:

— Движется черезъ садъ!... Летитъ въ павильонъ!... Держите! Держите его!..

— Кого?—снова спросилъ Морисъ.—Ради Бога, скажите, наконецъ, кого?

— Моего Іосифа Флавія!—воскликнулъ г. Саріэттъ.—Остановите, задержите его!..

И онъ тяжело грохнулся на каменный полъ.

— Вы видите, онъ совсѣмъ сумасшедшій,—сказалъ Морисъ госпожѣ Дезобель, подымая несчастнаго библіотекаря.

Жильберта поблѣднѣла. Ей тоже показалось, что что-то пролетѣло по направленію, указанному этимъ бѣднягой.

Морисъ ничего не видѣлъ, но ему почудилось, какъ будто дуновеніе вѣтра пронеслось мимо него.

Онъ оставилъ г. Саріэттта на рукахъ Ипполита и служанки, прибѣжавшихъ на шумъ.

— Старикъ расшибъ себѣ голову.

— Тѣмъ лучше, — сказала служанка, — Эта рана, можетъ быть, не дастъ крови броситься въ мозгъ.

Госпожа Дезобель дала свой носовой платокъ, чтобы унять кровотеченіе, и посовѣтовала примочки изъ арники.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

изъ которой явствуетъ, что, какъ сказалъ одинъ древнегреческій поэтъ, «ничего нѣтъ сладостнѣе золотой Афродиты».

Хотя Морисъ обладалъ госпожею Дезобель уже цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, онъ еще любилъ ее. Правду сказать, лѣтніе дни разлучили ихъ. Безденежье принудило его сопровождать свою мать въ Швейцарію, затѣмъ жить съ семьею въ замкѣ д'Эспарвье. А она провела лѣто со своей матерью въ Ніорѣ, а осень въ Нормандіи, въ маленькомъ мѣстечкѣ на берегу моря, съ мужемъ, и за все время имъ удалось встрѣтиться не болѣе четырехъ или пяти разъ. Съ тѣхъ поръ, какъ благосклонная къ любовникамъ зима снова соединила ихъ подъ своимъ мглистымъ покровомъ въ городѣ, Морисъ принималъ ее два раза въ недѣлю въ своей маленькой комнаткѣ на Римской улицѣ. И никого, кромѣ нея, не принималъ. Ни одна женщина не внушала ему чувства такой прочной привязанности. Сознаніе взаимности любви еще увеличивало его удовольствіе. Онъ думалъ, что она не обманываетъ его, не потому, чтобы имѣлъ какія-нибудь основанія вѣрить этому, а просто потому, что ему казалось справедливымъ и естественнымъ, чтобы она довольствовалась имъ однимъ. Сердило его только то, что она постоянно заставляла себя ждать и опаздывала на свиданія, не всегда одинаково и часто на много.

Въ субботу 30-го января, въ четыре часа, послѣ обѣда, галантно одѣтый въ пижаму, узоры которой изображали цвѣты, Морисъ ожидалъ госпожу Дезобель. Онъ сидѣлъ у огня въ своей маленькой розовой комнаткѣ и курилъ восточный табакъ. Сначала онъ мечталъ, что встрѣтитъ ее градомъ поцѣлуевъ и жаркими объятіями. Прошло четверть часа, и онъ сталъ обдумывать, какіе упреки пообиднѣе и побольнѣе сдѣлаетъ онъ ей. Затѣмъ, послѣ часа обманутаго ожиданія, онъ рѣшилъ принять ее съ холоднымъ презрѣніемъ.

Она явилась, наконецъ, свѣжая и надушенная.

— Не стоило уже и являться,—сказалъ онъ горько, въ то время, какъ она складывала на столъ муфту и маленькій сачекъ и развязывала вуальку передъ зеркальнымъ шкафомъ.

Она стала увѣрять своего милаго въ томъ, что никогда еще она не была такъ огорчена, и разсыпалась въ извиненіяхъ, которыя онъ упрямо отвергалъ. Но, когда она догадалась замолчать, онъ не сталъ дѣлать ей болѣе упрековъ: ничто уже не отвлекало его отъ желанія, которое она внушала ему.

Созданная на то, чтобы нравиться и очаровывать, она стала раздѣваться спокойно, какъ женщина, знающая, что ей хорошо быть нагою и что ей пристойно показать свою красоту. Онъ сталъ ласкать ее сначала съ мрачною яростью человѣка, находящагося во власти Необходимости, владычицы людей и боговъ. При всей своей хрупкой внѣшности, Жильберта была достаточна сильна, чтобы выдержать удары неотвратимой богини. А затѣмъ его ласки приняли характеръ менѣе роковой, онъ сталъ послушенъ внушеніямъ Венеры Эрудиты, подчинившись указкѣ изобрѣтательныхъ Эротовъ. Къ проявленіямъ естественной силы у него присоединились тогда ухищренія похоти. Такъ хмель сбвивается вокругъ тирса вакханокъ. Видя, что ей нравится эта игра, онъ продолжалъ ее, такъ какъ въ природѣ любящихъ—заботиться объ удовлетвореніи любимаго предмета. А затѣмъ они оба впали въ состояніе нѣмой и томной разслабленности.

Шторы были спущены; комната купалась въ теплой тьмѣ, въ которой танцовали отсвѣты догоравшихъ въ каминѣ головешекъ. И тѣла, и бѣлье на постели казались фосфоресцирующими. Зеркала въ дверцахъ шкафа и надъ каминомъ были полны таинственнаго свѣта.

Жильберта приподняла голову и, опершись локтемъ на подушку, задумалась. Одинъ ювелиръ, человѣкъ, заслуживающій довѣрія и очень умный, показалъ ей чудесной красоты жемчужный съ сапфирами браслетъ. Браслетъ былъ очень дорогой, а между тѣмъ пріобрѣсти его можно бы за безцѣнокъ. Какая-то кокотка, которой до зарѣзу нужны были деньги, передала его ювелиру, чтобы онъ спѣшно продалъ его. Рѣдкій случай и жаль было бы упустить его.

— Милый, хочешь посмотрѣть? Я попрошу, ювелиръ мнѣ довѣритъ.

Морисъ не отклонилъ предложенія наотрѣзъ. Но

было видно, что онъ нимало не интересуется чудеснымъ браслетомъ.

— Когда ювелирамъ представляется рѣдкій случай, —сказалъ онъ,—такъ они берегутъ его про себя, а не даютъ воспользоваться имъ своимъ покупательницамъ. Впрочемъ, драцѣнности и вообще утратили въ настоящее время свое значеніе. Великосвѣтскія дамы не носятъ ихъ больше. Всѣ теперь увлекаются спортомъ, а драгоцѣнности не уживаются со спортомъ.

Морисъ расходился съ истиной, говоря это. Но онъ только что подарилъ своей возлюбленной мѣховую накидку и не хотѣлъ спѣшить съ новымъ подаркомъ. Не будучи скупымъ, онъ былъ осмотрителенъ въ расходахъ. Родители отпускали ему не слишкомъ много, и долги его росли съ каждымъ днемъ. Онъ опасался, что если станетъ слишкомъ быстро исполнять прихоти своей милой, то у нея желаній окажется слишкомъ много. Случай, о которомъ говорила Жильберта, казался ему не такимъ ужъ рѣдкимъ. Во всякомъ случаѣ, онъ считалъ важнымъ сохранить за собою починъ. И наконецъ, говорилъ онъ себѣ, если бы онъ сталъ дѣлать слишкомъ много подарковъ, то вѣдь у него не было бы увѣренности, что его любятъ ради него самого.

Госпожа Дезобель не была ни огорчена, ни поражена такимъ отношеніемъ; она была женщина кроткая и умѣренная; знала мужчинъ и полагала, что ихъ нужно брать такими, каковы они есть; знала, что большинство ихъ не отличается щедростью и что женщина должна умѣть поставить себя такъ, чтобы ей дѣлали подарки.

Внезапно сквозь шторы блеснулъ лучъ свѣта отъ заженнаго на улицѣ газоваго фонаря.

— Половина седьмого,—сказала она,—надо одѣваться. — Словно пришпоренный сознаніемъ, что время бѣжитъ, Морисъ почувствовалъ, что къ нему вернулось желаніе и силы.

Бѣлая, какъ лучезарная жертва, съ запрокинутой головой, съ умирающимъ взоромъ, съ полуоткрытыми устами, Жильберта въ полузабытьи испустила глубокій вздохъ. И вдругъ, привставъ, она вскрикнула въ ужасѣ:

— Что это такое?

— Успокойся,—сказалъ Морисъ, удерживая ее въ объятьяхъ. Онъ былъ въ такомъ состояніи, что не обезпокоился бы даже, если бы рухнуло все небо. Но однимъ прыжкомъ она вырвалась отъ него. Прижавшись къ стѣнѣ

за кроватью, съ ужасомъ въ глазахъ, она указывала пальцемъ на фигуру, появившуюся въ углу комнаты, между каминомъ и зеркальнымъ шкафомъ. А затѣмъ, не въ состояніи вынести этого вида, близкая къ обмороку, она закрыла лицо руками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Анатоль Франсъ.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ВЕСНА.

Разсказъ Мартинеса Сьерры.

Когда онъ открылъ глаза, солнечный лучъ, шаловливо, дерзко смотрѣвшій въ окно, привелъ его въ дурное настроеніе: онъ безсознательно надѣялся, что соучастникомъ его черныхъ замысловъ будетъ сѣрое небо, а вмѣсто этого его встрѣчаетъ почти женское легкомысліе перваго весенняго дня! Надо сказать, что первый день весны былъ вдобавокъ днемъ карнавала въ маленькомъ, веселомъ городкѣ съ лазурнымъ моремъ и цвѣтущими апельсиновыми рощами, въ резиденціи королевства, названіе котораго — въ концѣ концовъ, оно не болѣе, какъ звукъ!—можно обойти молчаніемъ.

Весенній трепетъ февральскаго дня неожиданно и внезапно смѣнилъ долгую скуку необычайно тоскливой зимы. Съ конца сентября съ неимовѣрнымъ упорствомъ шелъ дождь; во всемъ королевствѣ, благопріятствуемые сыростью разрослись грибы и философскія разсужденія; нѣкоторые монахи почувствовали влеченіе къ ереси Лютера, а многіе счастливые любовники дошли до мыслей о самоубійствѣ. Словомъ, у народа, привыкшаго, чтобы мозги его жарились на солнцѣ, подъ тяжкимъ дѣйствіемъ дождя, лившаго цѣлую треть года, потускнѣлъ весь чистый металлъ коллективнаго оптимизма.

Загнанные упорной немилостью хмураго неба въ дома, гуляки-мужчины принялись мучить бѣдныхъ женщинъ своими философствованіями, неминуемо пессимистическими, ибо извѣстно, что кто философствуетъ случайно, тотъ выскакиваетъ изъ лабиринта мысли, въ отчаяніи схватившись руками за голову. А бѣдняжки жены, напуганныя неожиданнымъ глубокомысліемъ, съ которымъ ихъ мужья, еще въ прошломъ году столь непослѣдовательные, въ этомъ, подъ вліяніемъ тайныхъ чувствъ, отравляли малѣйшій пустякъ,—онѣ ходили растерянныя и грустныя, и даже немножко растрепанныя, потому что сырость—непримиримый врагъ завитыхъ горячимъ способомъ волосъ.

Итакъ, была печальная, унылая зима, полная ѣдкой критики и нетерпимости. Небо въ столицѣ казалось такимъ

же грязнымъ, какъ земля; съ покорностью отчаянія, въ какое обычно впадаютъ счастливые люди передъ лицомъ страданія, жители, погруженные въ сѣрую мглу, дошли до того, что стали считать синее небо парадоксомъ и бормотали, растравляя собственную муку:

— «Дождь будетъ идти вѣчно; солнце никогда не выглянетъ».

А оно выглянуло, съ дерзкой веселостью возлюбленной, которая ушла, потому что ей такъ захотѣлось, и вернулась, потому что ей такъ вздумалось. Выглянуло, вполнѣ увѣренное, что уже однимъ появленіемъ своимъ заслужитъ не прощенье даже, а благодарность. Выглянуло—и принесло съ собой весну, въ то самое утро, когда первый лучъ его раздосадовалъ героя этой исторіи, столь же правдивой, какъ и всякая другая.

Герой былъ высокій брюнетъ, съ матово-блѣднымъ лицомъ, изможденнымъ усиленными занятіями наукой. И въ черныхъ глазахъ его горѣла искра, которую зажигаетъ мечта, опаснѣйшая изъ всѣхъ: мечта облагодѣтельствовать человѣчество, хотя бы цѣною собственной жизни!

Окно, въ которое смотрѣло утреннее солнце, освѣщало комнату наипочтеннѣйшей бѣдности, какой можетъ быть только бѣдность добровольная: узенькая желѣзная кровать подъ бѣлымъ одѣяломъ; на строгой наготѣ простого стола—четыре книги и безсильный протестъ пышныхъ розъ въ грубомъ глиняномъ кувшинѣ. Да на сѣрой стѣнѣ маленькое зеркальце, передъ которымъ, послѣ обильныхъ омовеній, герой тщательно пригладилъ свои волосы, вившіеся крупными волнами, изъ тѣхъ, что нѣкоторые поэты красиво назвали «живыми» и что будятъ грезу о шелковистой ласкѣ нѣжныхъ рукъ.

Причесываясь передъ зеркаломъ, отражавшимъ солнце, онъ размышлялъ о томъ, какъ нелѣпа его досада: если бы не прояснилось хмурое небо, не могли бы состояться карнавальныя увеселенія съ традиціонной кавалькадой, а въ дождь король не выѣхалъ бы принять участіе въ народныхъ танцахъ, какъ подобаетъ милостивому монарху. Значитъ, солнце, встрѣченное имъ съ недовольной гримасой, является не болѣе не менѣе, какъ его сообщникомъ, и вполнѣ заслуживаетъ благодарность. Дойдя до этого пункта, размышленія героя выкристаллизовались въ лирическое воспоминаніе, и невольно онъ произнесъ вслухъ звучныя слова поэта:

— «Привѣтъ тебѣ, благословенное, побѣдное свѣтило!»

—съ такимъ пылкимъ восторгомъ, что даже выступили на глазахъ слезы. Это снова вызвало въ немъ сильную досаду, потому что—разсуждалъ онъ, поспѣшно окончивъ туалетъ и распахнувъ окно— «сегодня не должно быть мѣста лиризму и сантиментамъ».

Широкими струями ворвался воздухъ, теплый и благоухающій весной, волнующимъ обновленіемъ жизни, чѣмъ-то терпкимъ, незрѣлымъ—сокомъ еще не совсѣмъ позеленѣвшихъ стеблей, клеемъ листьевъ, не успѣвшихъ расправить заложенныя въ почкѣ складки. Герой, противъ воли своей, впивалъ теплую струю такими глубокими вздыханіями, что они казались почти скорбными вздохами, и потягивался медлительно и томно, какъ кошка, когда ее гладятъ.

Но на этотъ разъ реакціей сознанія была не досада, а гнѣвъ, какой пробуждаетъ въ мнящихъ себя твердыми душахъ угрызеніе.

«Возможно ли! Все это умиленіе чувствъ изъ-за глотка теплаго и благовоннаго воздуха? Нѣтъ! нѣтъ»—и порывисто захлопнулъ окно.

«Будемъ сильны!»

И чтобы обрѣсти эту силу, онъ отыскалъ то, что должно было быть ея орудіемъ: маленькій, черненькій, мавританскій кинжалъ съ тонкими золотыми арабесками, съ твердымъ и гибкимъ, какъ живое существо, лезвіемъ.

«Точно пламя», — подумалъ онъ и думалъ дальше, что это чудесное оружіе вполнѣ достойно пронзить грудь развратнаго, жестокаго и деспотическаго короля. Еще бы не достойно! Пожалуй, сердце помазанника, обиталище низкихъ страстей, мелкой злобы, вздорныхъ и эгоистическихъ причудъ, и не заслуживаетъ такого прекраснаго кинжала. Потому, что онъ былъ безусловно, опредѣленно, гармонически прекрасенъ, какъ стихи, какъ женщина, какъ мысль, осуществленная въ совершенной формѣ!... — Мало пользы захлопывать окно, если весна уже успѣла пробраться въ комнату.

Герой отдавалъ себѣ отчетъ, что всѣ эти эстетическія отклоненія мало имѣютъ общаго съ «красной лихорадкой», всю зиму воспалявшей его кровь, и еще въ истекшую ночь томившей его кошмаромъ. Эта лихорадка состояла наполовину изъ любви и наполовину изъ жажды убійства, она еще вчера заставляла его вздрагивать и задыхаться при мысли объ алой и горячей крови, бьющей изъ королевской

раны, и о народѣ, освобожденномъ удачнымъ кровопусканіемъ.

Освобожденный народъ! Сердце короля, пронзенное его рукой! И собственная жизнь, принесенная въ жертву офиціальному мщенію, одному Богу извѣстно, съ какимъ страстнымъ и высокимъ наслажденіемъ!

Герой всосалъ молоко набожной матери и все еще говорилъ: «извѣстно Богу», вмѣсто—«извѣстно мнѣ».

— О, благодѣтельный пылъ, гдѣ ты?

Онъ сѣлъ, оперся руками на столъ, закрылъ ими лицо и громко окликнулъ себя, чтобы вызвать красный лихорадочный ознобъ. Тщетное усиліе! Напрасно онъ заранѣе комбинировалъ детали момента, дѣйствія, движенія; мысль о предстоящемъ актѣ утратила всякую пластичность, какъ въ театральномъ представленіи, когда актеры, изображая перипетіи сна, движутся безшумно и въ полусвѣтѣ за зеленой газовой завѣсой.

— Тѣмъ лучше! — успокоилъ онъ себя и всталъ. — Такъ я убью его въ полномъ самообладаніи, безъ волненія, не отуманенный страстью, а спокойно и хладнокровно, какъ подобаетъ человѣку, исполняющему нравственный долгъ... и вдобавокъ—не промахнусь!

Удовлетворивъ этимъ софизмомъ совѣсть, герой положилъ кинжалъ, легонько его погладивъ, въ лѣвый карманъ, у сердца, вынулъ изъ кувшина розу и вышелъ на улицу. Его ослѣпила точно отшлифованная солнцемъ синева неба; онъ поднесъ къ глазамъ руку, въ которой держалъ розу, и, ощутивъ свѣжесть лепестковъ, почувствовалъ, что вѣки у него горятъ, какъ послѣ любовной или безсонной ночи.

— А между тѣмъ, я спалъ шесть часовъ, а любовь...— гордая, цѣломудренная улыбка закончила фразу къ полному его удовлетворенію.

А между тѣмъ... любовь носилась въ воздухѣ, и отъ нея некуда было уйти. Улицы звенѣли многоголосымъ шумомъ карнавальнаго безумія: крики, музыка, грохотъ колесъ, ревъ невѣроятныхъ трубъ, гулъ говора и пѣнія. Порывы легкаго вѣтерка изрѣдка приподнимали маски и развѣвали дразнящіе кисейные воланы. Женщины, полныя того же дерзкаго веселья, что и солнце, проходили, точно паря въ упругомъ и звонкомъ воздухѣ, «отчеканенномъ, какъ пѣсня», по слову Эмерсона, отдаваясь его ласкѣ и сами лаская все, на что падалъ ихъ бархатный взоръ. Такъ что, пронизанная стрѣлами томныхъ женскихъ взглядовъ, вся атмосфера зыбилась отъ сильной вибраціи, и самыя слова

точно раскалывались и плыли, превращаясь въ лоскутки или цвѣты, или звѣзды, или брилліанты, и сталкивались съ волнующимъ звукомъ... Въ одинъ часъ интенсивнаго трепетанья чувствъ городъ вознаграждалъ себя за весь вынужденный спиритуализмъ томительной зимы.

Въ ожиданіи момента, герой позавтракалъ въ кафэ, заботливо поставивъ на это время розу въ стаканъ съ водой. Залъ былъ почти пустъ, потому что большинство посѣтителей наслаждалось солнцемъ за столиками, выставленными на улицу. На прощанье съ жизненными утѣхами онъ, улыбнувшись, заказалъ дессертъ: чашку крѣпчайшаго кофе, уже давно запрещеннаго ему врачами, и провелъ полчаса, съ неизъяснимымъ наслажденіемъ потягивая этотъ ядъ. Сердцебіеніе, вызванное напиткомъ, пробудило въ немъ исчезнувшее волненіе, нетерпѣливую жажду убійства, и, страстно призывая моментъ удара, онъ, какъ любовникъ, началъ бояться, что небо омрачится, что поднимется вѣтеръ, что что-нибудь на землѣ или на небѣ—предчувствіе, болѣзнь, капризъ — помѣшаетъ выѣзду короля. Одну минуту онъ подумалъ, что король можетъ скоропостижно умереть, естественной смертью или отъ какой-нибудь случайности, и испыталъ почти нечеловѣческую тревогу при мысли объ этой возможности, избавляющей его отъ преступленія. Нѣтъ. Смерть короля должна быть дѣломъ высшей справедливости, примѣрной карой, яркимъ выраженіемъ мщенія всего народа—больше!—всего человѣчества, оскорбляемаго тираніей глупца.

И онъ взглянулъ на небо съ пламенемъ безмолвной молитвы въ глазахъ. Да, онъ, атеистъ по убѣжденію, позволилъ себѣ молиться, чтобы король не остался дома; онъ страстно желалъ существованія сверхъ-естественныхъ силъ, чтобы взывать къ нимъ, ища правосуднаго сообщничества, какъ нестерпимо страдающій человѣкъ ищетъ утѣшенія. И снова на мгновеніе перестрадалъ боль долгихъ лѣтъ сомнѣній, въ расцвѣтѣ юности—отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ—приведшихъ его отъ вѣры къ отрицанію.

Прижавъ къ груди руку, чтобы облегчить невыносимое безпокойство, онъ ощутилъ твердую форму кинжала, и его потрясла волна такой невыразимой нѣжности, что онъ прижалъ къ сердцу стальное лезвіе, какъ руку любимой. Почти лишаясь чувствъ отъ восторга, онъ вынулъ кинжалъ, теплый, поцѣловалъ его, какъ святыню, долго смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и вышелъ на улицу, забывъ розу въ стаканѣ.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ женщиной: изъ вѣжли-

вости поднялъ глаза и извинился. Она была маленькая и кругленькая блондинка, съ синевато-сѣрыми глазами. Большой ротъ обнажалъ въ улыбкѣ ослѣпительно бѣлые, острые, чуть-чуть неровные зубы. Одѣта въ голубое платье изъ дешевенькой матеріи, но изящно сшитое; пожалуй, немножко великоватъ вырѣзъ у ворота; шляпа вся въ розахъ; кроткій взглядъ и вольная походка.

— Какъ ты спѣшишь, молодчикъ!

— Ба! Одна изъ тѣхъ несчастныхъ...

Герой питалъ нѣкоторый страхъ, смѣшанный съ жалостью, именно къ этимъ «несчастнымъ»; а отсюда—величайшее отвращеніе къ развращеннымъ цивилизаціямъ, которыя,—думалъ онъ,—усложняя жизнь, вынуждаютъ слабыхъ женщинъ продавать то, что, по словамъ Бальзака, «создано, чтобъ быть свободнымъ даромъ». Цивилизаціи, конституціи, монархіи... да, да, благо твое дѣло, мавританскій кинжалъ, свято твое пламя, жертвенный рубинъ—рана, которой ты вскроешь грудь одного, ради счастья многихъ!..

На улицахъ густая толпа уже кипѣла въ бурливомъ броженіи; утративъ всякую индивидуальную духовность, уже сформировался безпорядочный звѣрь, составленный изъ сращенія сотни тысячъ тяжко-дышащихъ тѣлъ съ одной похотливой и глупой душой. Сверху полуденное солнце изливало на него тепло; ясность неба ненарушаемой лазури казалась высочайшей ироніей. Звѣрь направлялся къ Парку, разумѣется, не въ поискахъ новорожденной весенней тѣни.

Въ Паркъ направился также и герой, говоря съ самимъ собой и держа наготовѣ кинжалъ, переложенный изъ грудного кармана въ боковой; окончательно превратившись въ пламя, онъ жегъ ему пальцы.

— Ахъ, жаръ, лихорадка, алканіе и жажда справедливости—будьте благословенны!

Горсть ощипанныхъ цвѣточныхъ лепестковъ ударила ему въ лицо, заставила закрыть глаза, попала въ ротъ, полураскрытый, чтобы дать выходъ сердечному волненію. Нападеніе сопровождалось серебристымъ женскимъ смѣхомъ. А врагъ—блондинка въ голубомъ... Герой взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ изумленіемъ, она на него—съ веселымъ задоромъ:

— И ты пришелъ посмотрѣть на маски?

Голосъ — герой уже замѣтилъ это, когда она назвала его «молодчикомъ» у двери кафе—былъ немножко рѣзковатый, но, на его слухъ, странно волнующій; отъ его звука по тѣлу пробѣгалъ какой-то холодокъ, какъ бываетъ, когда укусишь зеленое яблоко. Да и бѣло-янтарная шейка, и ян-

тарно-розовое личико были въ бархатистомъ пушкѣ, какъ незрѣлый плодъ; а невысокая, округлая грудь...

Хлынувшая за проѣзжавшей каретой толпа оттѣснила женщину.

— Какъ долго не ѣдетъ король!

— Во дворцѣ былъ банкетъ. Но онъ пріѣдетъ, онъ до смерти любитъ ряженыхъ.

— Вотъ несутъ цвѣты для королевской бесѣдки!

Бесѣдка находилась на главной аллеѣ Парка. По обѣимъ сторонамъ ея фантастической стражей стояли огромныя пихты; за пихтами начинались кустарники; зябкія вѣтки ихъ уже покрывались нѣжными, какъ пухъ, листочками; ихъ легкія тѣни цѣловали мраморъ статуй. Широкая аллея внезапно обрывалась въ глубинѣ, какъ будто въ томъ мѣстѣ кончалась земля, и она, дѣйствительно, кончалась, потому что прямо отъ подножія послѣдней пихты простиралось море....

- Море! Какъ счастливы могли бы быть народы, которымъ дано было поселиться на теплыхъ берегахъ, если бы, отрѣшившись отъ политическихъ сложностей и псевдосоціальныхъ условностей, пожелали жить въ свободѣ и любви! Свобода, простота, возвращеніе къ здоровой жизни, подъ покровомъ материнской любви природы—сколько крови будетъ намъ стоить вернуть все это тебѣ, о человѣчество, свернувшее съ правильнаго пути!

— Ну, милый мой, ясно, что мы рождены другъ для друга. Три встрѣчи въ полчаса! Что это ты декламируешь съ такимъ вдохновеннымъ видомъ? Пойдемъ вмѣстѣ смотрѣть ряженыхъ.

Не дожидаясь отвѣта, «несчастная» схватила подъ руку ошеломленнаго героя. Онъ хотѣлъ протестовать—только этого недоставало!—но жестъ ея былъ властенъ, а сквозь голубую ткань онъ ощутилъ теплое прикосновеніе, взбудоражившее голодную плоть цареубійцы.

Она расхохоталась при видѣ его растерянnаго лица. А нѣкоторыя женщины въ смѣхѣ своемъ держатъ ключи отъ сердецъ.

— Не бойся, дружокъ, я никого не ѣмъ...

Острые зубы какъ будто краснорѣчиво утверждали обратное.

— А тѣмъ болѣе тебя, потому что ты мнѣ очень сим-

патиченъ! Ну-ка, разскажи мнѣ, о чемъ ты сейчасъ такъ серьезно думалъ?

И герой, наполовину побѣжденный нѣжной тяжестью лукаво склонившейся на его руку, и сладостнымъ сіяніемъ сине-сѣрыхъ глазъ, принялся говорить, но не для нея. Эгоистически онъ произнесъ вслухъ монологъ, развивавшійся въ его душѣ:

— Потому, что это лазурное небо создано для всяческаго преуспѣянія, а этотъ теплый воздухъ для всяческаго изобилія; и люди у этого моря могли бы жить свободными и счастливыми, беря у заботливо обработанной земли все необходимое для жизни и употребляя часы досуга на усовершенствованіе въ знаніи, любви и красотѣ; и стали бы прекрасны, какъ статуи, съ здоровымъ тѣломъ, обитаемымъ совершеннымъ духомъ, какъ свѣтильникъ во дворцѣ, или еще лучше, какъ шумъ моря въ тѣлесно-розовомъ перламутрѣ жемчужной раковины...

Она смотрѣла на него, слушала, не понимая экзальтированной рѣчи, но не рѣшалась смѣяться подъ вдохновеннымъ огнемъ его глазъ, и мало-по-малу, съ религіознымъ инстинктомъ, живущимъ въ душѣ каждой женщины, увлекла его изъ толпы, какъ бы для того, чтобы охранить отъ оскверненія святыню, заключенную въ тайнѣ его словъ.

Воспламененный ритмомъ собственнаго голоса, обвѣянный исходившимъ отъ нея ароматомъ фіалокъ, теплотой ея тѣла, магнетизмомъ внимательныхъ глазъ и яркоалыхъ губъ, раскрытыхъ съ страннымъ выраженіемъ удивленія и надежды, онъ далъ увести себя, говоря, какъ во снѣ.

— И все это будетъ достигнуто въ тотъ день, когда силой крови и убѣжденія, мы раскроемъ глаза человѣчеству. За насъ говоритъ краснорѣчіе нашихъ принесенныхъ въ жертву жизней, нашей пролитой крови, которая расцвѣтетъ обильной жатвой пшеницы и оливокъ, молокомъ мира, сладостью меда. Такъ важно ли, убиваемъ мы или умираемъ?! Слава смерти, несущей жизнь!

И такъ онъ продолжалъ ходить и говорить, безсознательно подстрекаемый заговорщической теплотой женскаго тѣла, позлащеннаго солнцемъ. Она же обладала драгоцѣннымъ знаніемъ или чудеснымъ инстинктомъ молчать слушая, и ласкать молча. Когда же, доведенная до пламени желанія музыкой восторженныхъ словъ и огнемъ

черныхъ глазъ, она отважилась прильнуть губами къ губамъ героя. и онъ очнулся отъ обжигающей реальности поцѣлуя, они стояли на берегу моря—надъ мирнымъ просторомъ его уже величественно склонялось солнце—очень далеко отъ шума главной аллеи... и было слишкомъ поздно убивать короля, который, навѣрное, уже давно вернулся во дворецъ. А чѣмъ же утѣшиться въ потерѣ героическаго плода дня, какъ не покорившись, со сладчайшимъ угрызеніемъ сердца, необходимости отдать ночь любви?

Такъ, по милости куртизанки, спасся король. Изъ чего слѣдуетъ, что въ интересахъ царствующихъ династій необходимо сохранять въ своихъ владѣніяхъ этихъ жалкихъ безумицъ, умѣющихъ иногда во-время засмѣяться.

Перев. съ испанскаго **К. Жихаревой**.

БОГОРОДИЦА.

— Аль по зеленому саду ходила,
Сизая горлинка, милая Мати,
Русыя косы вѣнками рядила—
Въ теплой росѣ, въ луговомъ ароматѣ?

— Нѣтъ, не по раю гуляла я, Сыне,
Днесь я земли чудеса созерцала!..
Ласково ночь надо мною мерцала,
Теплилось небо, обширно и сине,
Рощи глядѣлись въ рѣчныя зерцала.

Нынѣ открылося мнѣ, что красою
Долы земныя небесныхъ чудеснѣй.
Шла незапаханной я полосою—
Мокрой травою, медвяной росою...
Звонъ по туману мнѣ чудился пѣсней...

Чадо, не лѣпо-ль въ обителяхъ рая?
Краше земля расцвѣтаетъ сырая:
Тихи озера, цвѣты медоносны,
Побѣдоносны мятежныя весны!..

Лишь объ одномъ воздыхала я, Сыне,
Дабы другъ другу молясь, какъ святынѣ,
Люди земной красотой наслаждались,
Дабы повсюду—въ лѣсу и въ пустынѣ—
Дивные ими цвѣты насаждались...

Голубемъ сердце мое трепетало...
Благословляла я пашни и рѣки,
Дабы сырая земля процвѣтала,
Какъ вертоградъ зеленѣющій нѣкій,
Всяческой твари на радость во-вѣки.
Аминь.

Д. Семеновскій.

* * *

Пусть солнце въ небѣ остынетъ.
Спустись, безначаліе ночи!
Побѣдно пойду по пустынѣ
Туда, куда воля захочетъ.

И тамъ, гдѣ понравится взгляду,
Раскину свою палатку,
И все перестрою, какъ надо,
Рѣшивъ міровыя загадки.

И новое солнце вылью
Изъ лавы живого сердца.
А ты, кто предался безсилью,
Приди къ нему обогрѣться.

Горячаго солнца отвѣдавъ,
Что ярче, чѣмъ солнце божье.
Къ новымъ иди побѣдамъ
По новому бездорожью.

Д. Выгодскій.

УЧИТЕЛИ УЧИТЕЛЕЙ.[1]

3. Хозяева лабиринта.

Тотъ образъ хозяевъ лабиринта, какой выступаетъ передъ нами изъ одного внимательнаго разсмотрѣнія критской столицы, подтверждается документальными данными: фресками, эгейскими и египетскими, статуарными изображеніями, рисунками на саркофагахъ, на вазахъ, на геммахъ, на разныхъ другихъ предметахъ. И мы вправѣ привлечь для такой общей характеристики жителей лабиринта не только памятники критскихъ городовъ, но и археологическія находки въ другихъ частяхъ эгейскаго міра, даже за его предѣлами. При всемъ различіи, какое представляютъ памятники эгейской жизни разныхъ эпохъ и разныхъ мѣстностей, всѣ они остаются свидѣтельствами объ единой эгейской культурѣ. За 25 вѣковъ своего существованія, она не могла не видоизмѣняться, и весьма существенно; она не могла не представлять большого разнообразія и не имѣть характерныхъ мѣстныхъ отличій на протяженіи отъ Южной Италіи (гдѣ были колоніи эгейцевъ) до побережья Геллеспонта, отъ Южнаго берега Крита до сѣверныхъ областей материковой Греціи. Однако, всѣ эти измѣненія и различія сохраняютъ нѣкоторое внутреннее единство, какъ это сохраняетъ, напр., ново-европейская культура, при всѣхъ особенностяхъ культуръ французской и русской, англійской и испанской. Эгейскіе памятники—черепки драгоцѣнной вазы, которая разбита въ дребезги, но была когда-то цѣльнымъ, совершеннымъ сосудомъ. Хозяева лабиринта были высшимъ воплощеніемъ типа эгейца—вообще: что является разрозненнымъ и случайнымъ въ другихъ мѣстностяхъ и въ другіе вѣка, то было соединено и отчетливо выражено въ жизни критскихъ столицъ, въ періодъ ихъ полнаго расцвѣта, въ началѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х.

Разумѣется, говоря о «хозяевахъ лабиринта», приходится имѣть въ виду верхній слой эгейскаго общества. Только объ его представителяхъ съ достаточной полнотой свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ памятники; только въ жизни свободныхъ и знатныхъ людей могли, по условіямъ времени, ярко отразиться основныя черты народа; наконецъ, рѣзкое дѣленіе на классы, даже, быть можетъ, на касты—характерно для всей Эгеи. Ниже

[1] См. «Лѣтопись» № 5—6.

этого слоя стоялъ классъ купцовъ и промышленниковъ, о которыхъ мы еще можемъ составить себѣ довольно опредѣленное понятіе. Но многое въ ихъ жизни и психологіи выясняется, само собой, изъ характеристики аристократіи: вѣдь торговля и промышленность служила, прежде всего, ей, руководствовалась ея вкусами, удовлетворяла ея требованія. Еще ниже слѣдовала масса «простого народа», уже плохо различимая, при современномъ состояніи нашихъ знаній, и, наконецъ, масса рабовъ, сливающаяся въ одно неопредѣленное пятно, безъ индивидуальныхъ чертъ, сходная съ такими же рабскими массами иныхъ эпохъ и иныхъ странъ, да, вѣроятно, и состоявшая изъ представителей иныхъ національностей. Въ концѣ концовъ, истинными представителями эгейскаго міра остаются для насъ «цари и герои», а среди нихъ именно «цари» лабиринтовъ и «герои» критскихъ столицъ.

Ученые до сихъ поръ спорятъ, каково племенное происхожденіе эгейцевъ. Пока мы можемъ оставить въ сторонѣ противорѣчивыя рѣшенія этого вопроса, сказавъ, что всего правдоподобнѣе и осторожнѣе относить эгейцевъ къ арійской расѣ, европейскаго, но не эллинскаго типа. Такими вырисовываются большинство лицъ на фрескахъ, гдѣ эгейцы изображали сами себя, и гдѣ ихъ изображали египтяне, опредѣленно ихъ отличая отъ своего національнаго, семитическаго типа. Таково, напр., лицо полуобнаженнаго юноши, несущаго длинный и тонкій, серебряный съ золотой оправой, сосудъ, изображеннаго на фрескѣ въ одномъ корридорѣ Кносскаго лабиринта. «Типъ благородный, чисто-европейскій, но не греческій, съ правильными чертами и чистымъ профилемъ, высокій, бракикефальный черепъ, черные курчавые волосы, смуглая кожа, темные глаза»,—такъ описываетъ это лицо одинъ изъ изслѣдователей (проф. Б. Фармаковскій). Такія лица и понынѣ встрѣчаются на Критѣ, въ горныхъ областяхъ и на побережьяхъ. Юноша строенъ, его осанка благородна, движенія полны изящества, хотя, можетъ быть, онъ не принадлежалъ къ знати, судя по его занятію и отсутствію локоновъ.[1] Того же характера большинство другихъ лицъ, мужскихъ и женскихъ. Вездѣ передъ нами, несомнѣнно, европейцы, но не эллины, люди, которымъ многовѣковая культура положила на лица отпечатокъ утонченной сознательности.

Изображенія женщинъ останавливаютъ, прежде всего, своими одѣяніями. Мы видимъ не народные національные костюмы только сдѣланные болѣе богато, изъ лучшаго матеріала, и не одежды, приспособленныя къ тѣмъ или инымъ потребностямъ жизни, а характерныя созданія тираннической моды, мало считающейся съ условіями дѣйствительности. Туалеты эгейскихъ женщинъ, «хозяекъ лабиринта», подчинены одному закону: красотѣ. Дамы въ критскихъ дворцахъ одѣвались такъ, чтобы, согласно со своими представленіями о прекрасномъ и изящномъ, радовать взоры окружающихъ и, вѣроятно, даже изумлять ихъ.

[1] Воспроизведеніе этой фрески—у Фармаковскаго, въ альбомѣ Винтера и въ большинствѣ иллюстрированныхъ работъ объ Эгейѣ.

Такъ одѣваются и современныя дамы, выѣзжая на балъ, на премьеру, на пышный верниссажъ. Многія изображенія эгейскихъ женщинъ прежде всего приводятъ на память,—что и было не разъ отмѣчено,—картинки современныхъ модныхъ журналовъ. Одно изъ такихъ изображеній слыветъ среди изслѣдователей эгейской старины подъ многозначительнымъ названіемъ «парижанка». Между тѣмъ изображеніе это относится къ началу 2-го тысячелѣтія до Р. Х. Парижъ XX в. по Р. Х. и Критъ XX. в. до Р. Х. какъ бы совпадаютъ въ туалетахъ представительницъ своего «большого свѣта».

Особенно любопытны двѣ фаянсовыхъ статуэтки, одна—найденная въ Кносскомъ лабиринтѣ, другая—въ Петсофѣ, на Критѣ-же. [1] Нѣкоторые полагаютъ, что эти статуэтки даютъ нарядъ жрицъ, женщинъ при исполненіи какого-то религіознаго обряда. Есть много основаній не соглашаться съ такимъ объясненіемъ. [2] Но, независимо отъ рѣшенія вопроса, костюмы, изображенные на статуэткахъ, остаются крайне поучительными. Не такъ важно, надѣвала ли свой исхищренный туалетъ эгейская дама, чтобы присутствовать на пиру или на балу, даваемомъ въ лабиринтѣ, или чтобы выполнить нѣкую культовую церемонію, можетъ быть, давно утратившую прежній смыслъ и превратившуюся тоже въ поводъ къ празднеству. Такъ, въ наши дни, надѣваютъ роскошныя платья, въ католическихъ странахъ, дѣвочки для перваго причастія, у насъ женщины—для пасхальной заутрени, вездѣ невѣсты—въ день свадьбы, чтобы «стоять подъ вѣнцомъ». Важно то, что подобныя платья шились и надѣвались, что въ нихъ находили красоту, по меньшей мѣрѣ—торжественность. Кромѣ того, свидѣтельства двухъ статуэтокъ подтверждаются другими, гдѣ находимъ сходные элементы туалета, такъ что многое въ немъ можно считать достаточно распространеннымъ.

Петсофская статуэтка стилизована (какъ большинство созданій эгейскаго искусства), кажется, даже нѣсколько утрирована. Костюмъ состоитъ изъ широчайшей юбки, на металлическихъ или костяныхъ обручахъ, и баски, съ далеко отогнутымъ назадъ воротникомъ a la Marie Stuart и съ декольтэ, оставляющимъ обнаженной всю грудь. По таліи перекинутъ широкій поясъ, обернутый два раза и впереди спадающій длиннымъ концомъ, съ бантомъ внизу, почти до уровня щиколодки. По юбкѣ идутъ полосы другого цвѣта, накладки другой матеріи, образующія «елочки», расходящіяся отъ трехъ вертикальныхъ,

[1] Воспроизведеніе—тамъ же.

[2] На кносской статуэткѣ религіознымъ аттрибутомъ еще можно признать змѣй на шляпѣ; петсофская лишена малѣйшаго указанія на какой-либо культъ. Если-бы предположеніе не было слишкомъ произвольнымъ, мы скорѣе предположили бы въ петсофскомъ изображеніи—маскарадный костюмъ, вдобавокъ, быть можетъ, утрированный художникомъ. Почему въ лабиринтахъ не могли устраиваться празднества, на которыхъ участники «костюмировались», одѣвались почуднѣе или въ костюмы стариннаго покроя? И почему эгейскій художникъ не могъ создать карикатуры на такое празднество? Впрочемъ, все это—чистое предположеніе.

параллельныхъ полосъ. Двигаться въ такомъ платьѣ было никакъ не удобнѣе, чѣмъ въ самыхъ предѣльныхъ по размѣрамъ кринолинахъ нашихъ бабушекъ. Прическа у фигуры—цѣлое сооруженіе изъ волосъ, въ видѣ громаднаго рога, загнутаго впередъ и раскрашеннаго въ двѣ краски, двумя поперечными полосами.

На Кносской статуэткѣ—туалетъ иного типа, вѣроятно, другой эпохи. Юбка гораздо уже и кроена прямыми линіями (тогда какъ «кринолинъ» изогнутъ въ формѣ боченка). Зато юбка богато украшена: покрыта большимъ числомъ поперечныхъ полосъ, что означаетъ, несомнѣнно, рядъ складокъ, находящихъ одна на другую (такой фасонъ отчетливѣе видѣнъ на нѣкоторыхъ другихъ изображеніяхъ): внизу, по подолу, идетъ красивая прошивка съ узоромъ. Верхняя часть тѣла одѣта въ то, что у нашихъ модницъ называется теперь «туникой» («тюникъ»); кофточку, которая, спереди и сзади, до начала ногъ, спускается овальными фартучками, а по бокамъ поднимается къ таліи: по краямъ фартучки тоже обшиты прошивкой, съ инымъ узоромъ. Грудь опять глубоко декольтирована: рукава короткіе, не доходящіе до локтя: талія крайне перетянута какимъ-либо родомъ корсета. На головѣ кносской статуэтки высокая шляпа, въ три яруса, со змѣями, подъ которой особый платокъ, закрывающій уши и спадающій на спину.

Сходные туалеты мы видимъ на другихъ статуэткахъ, на фрескахъ, на разныхъ рисункахъ. Повидимому, въ Эгеѣ долго держалась мода, побуждавшая женщинъ украшать свои юбки нѣсколькими горизонтальными полосами складокъ и оборокъ: иногда вся юбка состоитъ изъ ряда (напр., шести) складокъ, находящихъ одна на другую, словно бы былъ надѣтъ рядъ юбокъ, одна короче другой; иногда отъ подола вверхъ идетъ рядъ оборокъ, которыхъ можно насчитать до десяти. Точно также верхняя часть костюма часто спускается, спереди и сзади, въ видѣ современной «тюникъ», закрывая весь животъ или и еще ниже до самаго подола; такія «тюникъ» бываютъ ординарныя и двойныя, кроенныя овально и угломъ и т. п., можетъ быть, согласно съ капризами моды. Грудь большею частью открыта больше, чѣмъ то допускается по современнымъ понятіямъ. На другихъ изображеніяхъ, вѣроятно, позднѣйшей эпохи, напр., на саркофагѣ изъ лабиринта въ Агія-Тріадѣ, видна другая мода. Длинныя юбки замѣняются короткими, позволяющими высоко видѣть ноги, какъ то принято въ наши дни: подолъ или прямой, съ нѣсколькими рядами прошивокъ, или скругленный, съ маленькимъ разрѣзомъ сзади. Измѣняется и прическа: вмѣсто монументальныхъ сооруженій изъ волосъ, являются завитые локоны, съ умышленной небрежностью, низко, разложенные по головѣ: вьющіяся кудряшки спадаютъ на лобъ, а болѣе длинныя пряди спускаются до плечъ; иногда прическа дополняется лентами, спущенными на спину и по сторонамъ[1]. Вообще, исторія жен-

[1] Впрочемъ, ленты въ прическѣ женщинъ найдены пока только на изображеніяхъ тиринѳскаго дворца; аналогій въ критскихъ памятникахъ неизвѣстно.

скихъ модъ въ Эгейѣ, по своему разнообразію, могла бы составить предметъ особаго изслѣдованія.

Фрески знакомятъ насъ еще съ одной деталью эгейскаго женскаго туалета: на нихъ, нерѣдко, отчетливо видна искусственная раскраска лица. Эгейскія модницы подводили себѣ брови, ярко багрянили губы, несомнѣнно, румянили шеки, подкрашивали, кажется, и другія части тѣла: напр., клали пятна кармина на грудь (что особенно явно на одной кносской фрескѣ). Очень вѣроятно, что и волосы окрашивались въ желаемый цвѣтъ. У петсофской статуэтки волосы рѣзко раскрашены: на саркофагѣ изъ Агія-Тріады, у одной изъ участницъ совершаемаго обряда,—свѣтлые, льняные кудри, что врядъ ли могло быть естественнымъ среди эгейскихъ женщинъ, сплошь брюнетокъ. Этому соотвѣтствуетъ большое количество найденныхъ при раскопкахъ флаконовъ и ларчиковъ для благовоній и притираній. Меньше знакомы съ женской обувью: по кое-гдѣ видны изображенія изящныхъ сандалій—туфелекъ. Остается добавить, что эгейскія женщины широко пользовались украшеніями изъ золота и серебра съ драгоцѣнными каменьями: браслетами, ожерельями, серьгами и т. д. [1]

Всѣ такіе наряды могли создаваться никакъ не для жизни, занятой домашними работами и присмотромъ за хозяйствомъ. Это—не туалетъ жены-матери, кормящей и воспитывающей дѣтей, готовящей обѣдъ мужу, хлопочащей на кухнѣ и въ огородѣ: въ такой одеждѣ не могла бы царевна Навсикая стирать свое царское бѣлье. Это «костюмъ для выѣздовъ» или «роскошный бальный туалетъ», какъ теперь подписываютъ подъ рисунками въ модныхъ журналахъ. Изображенія эгейскихъ дамъ эпохи расцвѣта лабиринтовъ подразумѣваютъ существованіе многаго, безъ чего были бы немыслимы даже въ воображеніи художника. Такія изображенія подразумѣваютъ рѣзкое дѣленіе общества на классы, такъ какъ не всѣмъ же въ народѣ была доступна безпечная жизнь модницъ; затѣмъ,—особый укладъ жизни, позволявшій женщинамъ отдавать много времени заботамъ о своей красотѣ, обезпечивавшій такое времяпрепровожденіе; наконецъ,—развитыя свѣтскія отношенія, публичность собраній, празднествъ, выѣздовъ, на которыхъ женщины могли блистать своими нарядами въ мужскомъ обществѣ. Съ другой стороны, такіе туалеты подразумѣваютъ существованіе въ Эгейѣ, въ ея лучшіе годы, высоко-развитой промышленности.

Въ самомъ дѣлѣ: чтобы создать кносскіе, петсофскіе и агіятріадскіе туалеты, въ Эгейѣ должны были существовать фабрики, выдѣлывающія изящныя и разнообразныя ткани и окрашивающія ихъ въ разные цвѣта;—мастерскія, вырабатывающія мелкія части женскаго туалета,—ленты, кружева, прошивки, кисти, шнурки, тесемки и всякіе другіе предметы «галантереи», не говоря уже о ниткахъ, иголкахъ, булавкахъ и т. под.;—бѣлошвейки, привыкшія къ тонкому матеріалу, модистки, изготовляющія модныя

[1] Воспроизведеніе упомянутыхъ изображеній см. тамъ же. Саркофагъ изъ Агія-Тріады воспроизведенъ въ краскахъ, въ альбомѣ Винтера.

шляпы, башмашники, точающіе красивыя сандаліи и башмачки, корсетницы, вязальщицы, гофрировщицы, плиссировщицы и т. д.;—парфюмеры, поставляющіе всякіе ароматы, духи, помады, бѣлила, румяна, краску для волосъ;— ювелиры, оправляющіе самоцвѣтные камни въ золото, продающіе браслеты, діадемы, ожерелья, цѣпочки и другія украшенія;—также много другихъ мастеровъ-профессіоналовъ, работа которыхъ чувствуется за изысканной внѣшностью эгейскихъ дамъ, начиная съ искусныхъ портнихъ и портныхъ, своего рода «Пакеновъ» и «Вортовъ» критскаго міра, кончая, можетъ быть, поставщиками искусственныхъ локоновъ и поддѣльныхъ икръ. Въ то же время, «на дому» у модницъ чувствуется присутствіе вышколенныхъ горничныхъ, одѣвавшихъ, обувавшихъ и затягивавшихъ свою госпожу, куаферши, создававшей ея монументальную или намѣренно-небрежную прическу, массезы, помогавшей пропитывать тѣло благоуханіями, можетъ быть, даже «маникюрши» и «педикюрши». Въ другихъ же комнатахъ должны были имѣться кормилицы и няни, воспитывавшія дѣтей вмѣсто матери.

Весь туалетъ эгейской модницы требовалъ цѣлыхъ часовъ, проведенныхъ за туалетнымъ столикомъ, передъ зеркаломъ, при содѣйствіи цѣлой толпы рабынь. И, конечно, затянутая, расфранченная, надушенная красавица не могла и думать о томъ, чтобы пойти куда-нибудь пѣшкомъ или заняться какимъ нибудь дѣломъ. Если и не приходилось ей распорядиться, чтобы шоффферъ немедленно подалъ собственный автомобиль, то къ услугамъ ея, навѣрное, были крытыя носилки, съ мягкими пуховыми подушками и кисейными занавѣсками. Покачиваясь на плечахъ дюжихъ рабовъ, съ милой улыбкой отвѣчая на привѣтствія встрѣчныхъ знакомыхъ, придворная львица XX вѣка до Р. Х. отправлялась, вѣроятно, на другой конецъ лабиринта, на jour fixe къ своей подругѣ-соперницѣ. Тамъ, среди столь же расфранченныхъ дамъ и столь же изысканно одѣтыхъ кавалеровъ, въ гостинной, украшенной фресками и горельефами, уставленной дорогими вазами и цѣнными бездѣлушками, велась летучая болтовня, обмѣнивались свѣтскими новостями, остро злословили объ отсутствующихъ друзьяхъ... Если бы современная парижанка понимала языкъ эгейцевъ, она, вѣроятно, почувствовала бы себя дома въ салонѣ лабиринта.

Эгейскіе кавалеры были достойными партнерами этихъ модницъ. Съ костюмами мужчинъ ближе знакомятъ насъ фрески Тиринѳскаго дворца,—живопись, открытая въ послѣднее пятилѣтіе (1911—1916 г.). Исполненные техникой al fresco, съ красной раскраской по голубому фону, эти рисунки, какъ обычно у эгейцевъ, нѣсколько стилизованы, но все же правдивы и заключаютъ въ себѣ много чисто-реалистическихъ чертъ. Тиринѳскія фрески относятся ко времени болѣе позднему, чѣмъ разсмотрѣнныя раньше, но ихъ показанія пополняются отдѣльными свидѣтельствами изъ лабиринтовъ и египетской живописи. Въ основныхъ чертахъ тиринѳскія фрески совпадаютъ съ кносскими. Повидимому, въ Тиринѳъ моды приходили съ Крита, и мы вправѣ, по-

этому, тиринѳскія показанія распространить на жизнь въ лабиринтахъ. Тѣ черты изысканности и утонченности, какія мы находимъ въ Тиринѳѣ, должны были еще въ большей мѣрѣ существовать въ кносскомъ дворцѣ.

Въ болѣе древней части Тиринѳскаго дворца сохранился фрагментъ фрески, изображающій двухъ идущихъ мужчинъ. Ихъ головы обнажены и волосы тонко завиты локонами, ниспадающими на плечи,—мода, которая особенно долго, цѣлыя столѣтія, держалась въ эгейскомъ мірѣ; одежда—хитоны съ короткими рукавами, охваченные до таліи поясами, концы которыхъ спущены до середины бедеръ. Въ правой рукѣ у каждаго—по два копья. И костюмъ и уборъ головы показываютъ большую заботу о туалетѣ. Это своего рода «петиметры» стараго французскаго двора, для которыхъ неудачно надѣтый поясъ могъ составить чуть ли не несчастье всей жизни. По техникѣ исполненія, по характерному перегибу назадъ верхней части тѣла, по стилизаціи, рисунокъ очень близокъ къ кносскимъ образцамъ. Кромѣ того, совершенно такое же одѣяніе мужчинъ мы находимъ въ рисункахъ на кубкахъ, найденныхъ въ лабиринтѣ. Слѣдовательно, такъ же, приблизительно, одѣвались и «хозяева лабиринта».

Въ болѣе новой части Тиринѳскаго дворца открыты остатки фриза, изображающаго охоту на кабана. Фризъ уцѣлѣлъ въ значительной своей части, такъ что можно возстановить всю композицію. Участіе въ охотѣ принимаютъ какъ мужчины, такъ и женщины[1]. Въ центрѣ композиціи—затравленный кабанъ, окруженный собаками, кабанъ, къ которому устремляются охотники и охотницы; далѣе—слуги, держащіе другихъ собакъ на сворахъ; на краяхъ фриза—колесницы, съ лицами, не принимающими непосредственнаго участія въ охотѣ и являющимися только зрителями и зрительницами. Внѣшній видъ участниковъ—тотъ же, какъ на фрескѣ съ идущими мужчинами: опять хитоны съ короткими рукавами, опять длинные, тщательно завитые локоны. Одинъ изъ охотниковъ, красивый юноша въ такихъ же, щегольски закрученныхъ локонахъ, подступилъ близко къ звѣрю и театрально изогнувъ тѣло, наноситъ послѣдній ударъ копьемъ. Форма стоящихъ по сторонамъ колесницъ—легкая, изящная, съ разукрашенными колесами о четырехъ спицахъ. Кстати сказать, точно такія же колесницы изображены на гробницѣ въ Атія-Тріадѣ, что даетъ лишнее право распространить тиринѳскія изображенія на жизнь въ лабиринтахъ [2].

Все характерно въ этомъ фризѣ: и манера его художественнаго исполненія, и содержаніе композиціи. Рисунокъ стилизованъ, образуетъ нѣкоторое графическое цѣлое: тѣламъ и рукамъ охотниковъ приданы красивые изгибы, дающіе графически - пріятную для глазъ линію; размѣщеніе фигуръ изыскапно,

[1] Эгейскіе художники, какъ египетскіе, употребляли условно-различныя краски для изображенія тѣла мужчинъ (бурая) и женщинъ (бѣлая).

[2] Описаніе фресокъ тиринѳскаго дворца основано на статьѣ А. Захарова («Гермесъ» 1912 г. № 13), излагающаго доклады K. Müller, G. Ropenwaldt и E. Waldmann.

съ намѣреннымъ нарушеніемъ полной симметріи. Характерно участіе въ охотѣ женщинъ, которыя не только остаются ея зрительницами, но, какъ истинныя спортсменки нашихъ дней, и сами берутся за копье. Характерны колесницы, явно предназначенныя не для тяжелыхъ переѣздовъ, а для катанья по нетруднымъ дорогамъ, гдѣ не могутъ поломаться ихъ хрупкія колеса съ разукрашенными ободами. Наконецъ, характерны костюмы и позы охотниковъ, особенно юноши, поражающаго звѣря. Въ такихъ локонахъ, въ хитонѣ съ хитро-завязаннымъ поясомъ, въ тѣсныхъ полусапожкахъ, нечего было и думать о серьезной борьбѣ съ кабаномъ. Звѣрь, несомнѣнно, былъ сначала измученъ, загнанъ, затравленъ слугами, какъ то дѣлалось для изящныхъ кавалеровъ-охотниковъ при дворѣ Людовика XIV: отъ участниковъ требовалась только красивая поза и спортсменское умѣніе. То былъ пережитокъ настоящей охоты, нѣчто вродѣ стрѣльбы по тарелочкамъ въ современной Англіи. Суровая забава охоты превращена въ безопасную partie de plaisir.

Заключительные штрихи къ этимъ наблюденіямъ даютъ рисунки египетскіе. Египтяне, какъ мы увидимъ далѣе, рано познакомились съ эгейцами, которыхъ называли народами кефтіу, кефтійцами, и оставили ихъ изображеніе на многихъ изъ своихъ памятниковъ. Это уже свидѣтельства со стороны, свидѣтельства безпристрастныхъ наблюдателей, у которыхъ не было причинъ прикрашивать дѣйствительность. Кромѣ того, всѣми признанная наблюдательность египетскихъ художниковъ, ихъ традиціонное умѣніе схватывать «натуру», подмѣчать все самое характерное и выражать его мѣтко, въ немногихъ чертахъ, позволяютъ отнестись съ особымъ довѣріемъ къ рисункамъ египтянъ. И что же? Глядя на египетскія изображенія кефтійцевъ, тотчасъ и легко узнаемъ знакомые типы съ памятниковъ Кносса, Агія-Тріады, Тиринѳа. Таковы изображенія въ гробницѣ Сенмута, архитектора царицы Хатшепсутъ (XV в. до Р. Х.), въ гробницѣ Рекмара, перваго министра фараона Тутмоса III (1501—1447 г. до Р. Х.), въ гробницѣ сына Рекмары и его преемника по должности, Мен-капр-ре-сенеба, въ гробницѣ Аменехмеба, въ пирамидѣ Сенусерта II и др. Въ гробницѣ Рамсеса III (1198—1167 г. до Р. Х.) изображены, между прочимъ, и корабли кефтійцевъ.

Интереснѣйшая изъ этихъ картинъ та, гдѣ кефтійцы, т. е. эгейцы, вѣроятно, именно критяне, изображены приносящими дань фараону (фреска изъ могилы Мен-капр-ре-сенеба)[1]. Мы видимъ тѣ же лица, какъ на національныхъ эгейскихъ фрескахъ, опредѣленно не семитическаго типа. Одежда состоитъ изъ широкой повязки на бедрахъ, богато вышитой, иногда украшен-

[1] Описаніе фрески основано на статьѣ А. Захарова («Гермесъ» 1911 г. № 1), пользовавшагося цвѣтными воспроизведеніями въ II томѣ труда M. Müller, «Egyptological Researches», Washington 1910. Красочныя воспроизведенія фресокъ изъ гробницы Рекмары въ I томѣ того же труда, (Washington. 1906). Другія воспроизведенія египетскихъ изображеній народа кефтіу—въ спеціальныхъ изд. и въ болѣе доступныхъ книгахъ Lagrange, Hall и др. (о которыхъ см. ниже).

ной бахрамой: у нѣкоторыхъ широкій поясъ вокругъ талін, конецъ котораго, съ кисточкой, спадаетъ по боку, ниже колѣнъ; обувь—высокій, на толстой подошвѣ, сапогъ изъ кожи. Верхняя часть тѣла обнажена. Прическа—опять длинные, можетъ быть, искусственные локоны, мелко завитые, спущенные на плечи тремя или четырьмя прядями; у нѣкоторыхъ вокругъ головы тонкая перевязь-тесьма, родъ фероньерки. (Сходное одѣяніе встрѣчается на фрескахъ въ Микенахъ; сходная обувь—на фрескахъ въ Орхоменѣ; та же прическа—на большинствѣ эгейскихъ фресокъ). Руки у пословъ заняты; у одного въ рукахъ—мечъ, у другого—жезлъ, у третьяго—поясъ съ кистями; кромѣ того большинство (всѣхъ сохранившихся фигуръ—девять) несетъ дары, кто на особомъ блюдѣ, кто въ свободной рукѣ или на плечѣ. Въ числѣ этихъ даровъ: характерныя «эгейскія» вазы, керамическія съ орнаментомъ, мѣдная съ крышкой въ формѣ головы быка, сосудъ съ желѣзной головой собаки, серебряная амфора съ золотой инструктаціей, а также серебряная голова быка, серебряная статуя быка, бусы, рога каменнаго оленя, и т. под. [1] Египетскій художникъ придалъ изображенію гостей Египта благородную осанку и красивыя позы. Приблизительно такъ же представлены кефтійцы на фрескахъ въ гробницѣ Рекмары и др.

На многихъ эгейскихъ предметахъ сохранились изображенія и цѣлыхъ сценъ изъ жизни. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ содержаніе вполнѣ понятно. Вотъ (на микенской вазѣ) маршируетъ строй солдатъ: они идутъ нога въ ногу, одинаково прикрываясь маленькимъ щитомъ, ровно держа копье, въ шлемахъ съ развѣвающимися султанами. Вотъ (на микенской геммѣ) пляшущія женщины, изгибающіяся сладострастно и явно выполняющія опредѣленное па. Вотъ упомянутыя нами «скачки съ быками» (на тиринѳской фрескѣ, на вазѣ изъ Вафіо и др. предметахъ),—несомнѣнно, религіозный обрядъ. Вотъ борьба на мечахъ, можетъ быть, двухъ гладіаторовъ (микенская золотая пластинка); женщины, приносящія жертву богинѣ (саркофагъ изъ Агія-Тріады): поимка быка въ большую сѣть (золотая ваза изъ Вафіи), и т. п. Другія изображенія, особенно на геммахъ, возбуждаютъ сомнѣніе, что именно дано художникомъ: сцена миѳологическая, религіозный обрядъ, или просто жанровая картинка. Обычно въ этихъ изображеніяхъ предпочитаютъ видѣть выполненіе религіозныхъ обрядовъ; намъ же кажется, что часто это, просто, сцена изъ домашней жизни. Такъ, напр., иныя сцены можно истолковать, какъ посѣщеніе гостьей своей подруги, какъ прогулку въ колесницѣ и т. под. Но, какъ бы ни объясняли содержаніе отдѣльныхъ изображеній, всѣ остаются крайне типичными по отдѣльнымъ фигурамъ, по придаваемымъ имъ позамъ.

[1] Египетскіе художники употребляли условно-различныя краски для изображенія различныхъ металловъ: для мѣди—красную, для бронзы—желтую, для желѣза—голубую. Почти все развитіе Эгейи падаетъ на бронзовый вѣкъ, когда желѣзо еще не вошло въ употребленіе. Въ Египтѣ изображенія желѣзныхъ предметовъ появляются только на памятникахъ Новаго Царства (съ XVI в. до Р. Х.), но въ широкое употребленіе желѣзо входитъ лишь въ послѣдніе вѣка 2-го тысячелѣтія до Р. Х.

по представленнымъ нарядамъ. Вездѣ вѣетъ одинъ и тотъ же духъ эгейской жизни, насыщенной условностью, этикетомъ и стремленіемъ къ красотѣ и изяществу.

Конечно, при характеристикѣ эгейской жизни въ Эгейѣ по памятникамъ ея искусства, не надо забывать, что эгейскіе художники были склонны все стилизовать, но и эта склонность, очевидно, отвѣчаетъ формамъ самой жизни. Представлены ли эгейцы послами предъ иноземнымъ государемъ, охотниками ли лицомъ къ лицу со звѣремъ, воинами ли, выступающими на смотру, изображены ли эгейскія женщины, исполняющими религіозный обрядъ, или въ обстановкѣ повседневной жизни, или наконецъ, просто на портретахъ,—вездѣ оказывается благородство движеній, изысканность жестовъ, какая-то заученность положеній тѣла, головы, рукъ и ногъ, что должно быть слѣдствіемъ привычки, переходившей отъ поколѣнія къ поколѣнію. Повидимому, въ эгейскомъ мірѣ существовали строгія правила относительно того, какъ держать себя въ обществѣ, выработанный и застывшій этикетъ при дворѣ, вродѣ византійскаго, общепризнанный и мало измѣнявшійся кодексъ «хорошаго тона» въ свѣтской жизни. Немного отгибать спину назадъ, ровно ставить ноги при ходьбѣ, красивымъ изгибомъ поднимать руки или протягивать ихъ съ чуть замѣтнымъ сгибомъ въ локтяхъ, прямо держать голову, чтобы не нарушать расположенія локоновъ, всему этому (отчетливо видимому на фрескахъ и рисункахъ) эгейскіе мальчики и дѣвочки должны были учиться съ ранняго дѣтства. Танцы, вѣроятно, входили въ курсъ эгейскаго воспитанія, какъ необходимѣйшій элементъ. Въ то же время, человѣческія фигуры на большинствѣ изображеній окружены богатствомъ и роскошью, обстановкой, изысканность которой вполнѣ соотвѣтствуетъ изысканности движеній и позъ.

Пробѣгая глазами рядъ сценъ этого отдаленнѣйшаго прошлаго, самыя позднія изъ которыхъ не выходятъ за предѣлы 2-го тысячелѣтія до Р. Х., чувствуешь себя въ жизни искусственно-усложненной, переполненной традиціями, красивой въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, созданной вкусомъ воспитаннымъ и избалованнымъ. Эту жизнь можно назвать праздной, въ томъ смыслѣ, что многимъ въ ней чужды были заботы о «хлѣбѣ насущномъ», непосредственное его добываніе, тѣмъ болѣе—физическимъ трудомъ. Но эта жизнь должна была быть наполненной заботами другого рода,—для многихъ занятіями государственными, для всѣхъ интересами духовными, интеллектуальными: вопросами религіозными, философскими, научными, художественными. Не умѣя еще читать минойскіе (эгейскіе) тексты, мы только смутно угадываемъ чисто-умственные интересы эгейцевъ; но ясно видимъ, что интересы искусства живо занимали всѣхъ. Въ Эгейѣ искусство, чистое и прикладное, занимало почетное мѣсто, и въ искусствѣ въ значительной мѣрѣ выражалась душа эгейцевъ. По изображеніямъ на фрескахъ и рисункахъ мы можемъ судить о внѣшности эгейцевъ: ихъ искусство поможетъ намъ заглянуть въ ихъ внутренній міръ.

4. Эгейское искусство.

Ни въ чемъ не выражается такъ полно душа народа, какъ въ созданіяхъ его искусства. Народъ можетъ заимствовать у сосѣдей орудія для разныхъ работъ, научныя свѣдѣнія, политическія и общественныя установленія. Но искусство всегда національно. Даже подражая, народъ беретъ изъ чужихъ художественныхъ произведеній то, что отвѣчаетъ его вкусу, его уровню развитія. Есть опредѣленное мѣрило, чтобы рѣшить какой плугъ лучше для обработки земли, какая система счисленія удобнѣе, даже какая форма правленія предпочтительнѣе. Но какъ обставить свой домъ, какія помѣстить на стѣнахъ картины, какія выбрать статуи, на эти вопросы отвѣчаетъ тотъ «вкусъ», о которомъ, по пословицѣ, «не спорятъ». Народъ говоритъ: «Мнѣ нравится это, а не то», и такими словами рѣшаетъ весь споръ. Пусть художники и ремесленники, подчиняясь чужому вліянію, иноземной выучкѣ, создаютъ произведенія, идущія въ разрѣзъ со вкусами народа: такія произведенія недолговѣчны. Только малое число ихъ сохраняется, и то, если во вкусахъ происходитъ соотвѣтствующая перемѣна. Большинство гибнетъ: стихи забываются, картины разрушаются, золото переплавляютъ для новыхъ созданій,—въ томъ чудовищномъ подборѣ, который совершается рядами поколѣній, въ теченіе тысячелѣтій Изъ эгейскаго міра до насъ должны были дойти только тѣ вещи, которыя были одобрены признаніемъ вѣковъ, тѣ, которыя отвѣчали понятіямъ «народа» (въ данномъ случаѣ, высшаго его класса, которому только искусство и служило въ Эгейѣ) о прекрасномъ.

Уже самые лабиринты и дворцы на материкѣ Греціи, въ Микенахъ, Тиринѳѣ, Орхоменѣ, были созданіями искусства,—зодчества. Въ запутанности критскихъ «городовъ-государствъ», въ роскоши и пышности убранства тронныхъ залъ, въ киклопическихъ камняхъ «Львиныхъ воротъ» тоже сказался духъ эгейскаго народа, искавшаго величія и красоты. Но въ самой сущности архитектуры есть нѣчто, придающее ея созданіямъ нѣкоторую общность, подъ какими бы широтами, въ какія бы времена у и какого бы народа они ни возникали. Масса и тяжесть, линіи и площади, математика и механика—вездѣ одинаковы. Кромѣ того, лабиринты строились на вѣка: поколѣнія за поколѣніями смѣнялись въ нихъ, не имѣя возможности существенно измѣнять дворецъ по своему вкусу. Напротивъ, созданія «малаго» искусства, особенно прикладного, чутко подчиняются къ индивидуальнымъ требованіямъ. Такую-то шпильку женщина выбираетъ для себя самой, никакъ не считаясь съ вѣками; такой-то книжалъ нравится юношѣ своей инкрустаціей, независимо отъ того, нравился ли этотъ узоръ его предкамъ; такой-то поясъ былъ исполненъ по заказу своего владѣльца, такъ, какъ ему хотѣлось, какъ это шло къ его лицу, къ его туалету. «Малыя» вещи, которыя мы теперь

подбираемъ подъ холмами наносной земли въ Кноссѣ, въ Фестѣ, въ Агія-Тріадѣ, среди каменныхъ грудъ, оставшихся въ арголидскихъ и беотійскихъ дворцахъ, и на мѣстѣ священнаго Иліона,—украшали когда-то салоны и спальни эгейскихъ красавицъ и «львовъ сезона». Въ этихъ вещахъ—затаена душа отдѣльныхъ людей, являющихся для насъ представителями эгейской культуры.

Среди археологическихъ находокъ въ эгейскомъ мірѣ особое мѣсто занимаютъ *вазы*. Ихъ цѣлыми и черепки отъ нихъ находятъ въ большомъ количествѣ на всѣхъ мѣстахъ эгейскихъ поселеній. По этимъ слѣдамъ всего вѣрнѣе можно прослѣдить путь эгейскаго народа въ его разселеніи по землѣ; эгейцы несли съ собой свою «гончарную технику», и каждый этапъ ихъ продвиженія (какъ полагаютъ, поэтому, изъ Испаніи до побережій Эгейскаго моря) отмѣченъ черепками вазъ, оставшимися на мѣстахъ временныхъ становій. Въ настоящее время уже возможно возстановить эволюцію вазоваго искусства у эгейцевъ отъ наиболѣе раннихъ памятниковъ съ преобладаніемъ геометрическаго орнамента, главнымъ образомъ зигзага, черезъ позднѣйшіе образцы, когда употребленіе кисти вызвало переходъ къ орнаменту криволинейному, съ особеннымъ пристрастіемъ къ спирали, до эпохи высшаго расцвѣта вазовой техники, съ многообразіемъ орнамента, образованнаго изъ элементовъ растительнаго и животнаго міра, и до послѣдняго періода, когда наступилъ общій упадокъ эгейскаго художества, въ томъ числѣ и производства вазъ [1]. Но для выясненія народнаго характера, для пониманія души эгейцевъ, ихъ вкусовъ и ихъ пристрастій, важны, конечно, лучшія изъ художественныхъ созданій, вѣнцы творчества. Эпоха расцвѣта вазовой техники, совпадающая съ эпохой расцвѣта лабиринтовъ, живѣе всего знакомитъ съ внутреннимъ міромъ «эгейца».

Наиболѣе замѣчательны вазы именно критскія, особаго стиля, называемаго теперь *камаресъ* (по названію пещеры въ горномъ хребтѣ Иды, на Критѣ, гдѣ впервые были найдены вазы такого типа). Вазы камаресъ исполнены опытными и искусными гончарами, изъ хорошо промытой глины, на усовершенствованномъ, чисто-работающемъ станкѣ. Встрѣчаются, впрочемъ, вазы не только глиняныя и фарфоровыя, но также изъ металловъ, изъ камня, изъ стекла. Стѣнки гончарныхъ вазъ тонки, линіи ихъ четки, рисунокъ украшеній безукоризненъ: видно, что мастеръ достигалъ того самаго, чего хотѣлъ. Вазамъ обычно придана не только изящная, но и изысканная форма. Создавая амфоры, киликти, кратеры, гидріи, лекиѳы, пелики, скифы, пиѳы, фіалы и другія формы сосудовъ, ставшія традиціонными у эллиновъ, эгейскіе мастера умѣли достигать безконечнаго разнообразія. Нѣкоторыя вазы вытянуты, какъ венеціанскіе бокалы; другія причудливо согнуты, нарушая строго-

[1] Историческая эволюція эгейской вазовой техники прослѣжена въ работѣ: Edith H. Hall, The decorative art of Crete in the bronze age. Philadelphia. 1907. (Отчетъ объ этой книгѣ—въ «Гермесѣ» 1910 г.).

геометрическую точность очертаній; третьи, напротивъ, совпадаютъ своими чертами съ безукоризненно вычерченными кривыми: эллипсомъ, параболой, синусоидой; есть шаровидныя, съ узкимъ горлышкомъ надъ формой мяча; есть остроконечныя, которыя могли стоять лишь на подставкѣ; есть кувшинчики, рюмочки, леечки, флакончики, баночки, и т. д. У большинства прихотливо изогнутыя ручки, линіи которыхъ дополняютъ сферическій рисунокъ самого сосуда. Самыя плѣнительныя дразнятъ воображеніе не совершенной гармоніей фигуры, а сознательнымъ уклоненіемъ отъ полной правильности формъ.

Гончарныя вазы камаресъ обычно лакированы и покрыты сложнымъ писанымъ орнаментомъ или цѣлыми миніатюрными картинами (тогда какъ на болѣе древнихъ вазахъ орнаментъ гравированный). Раскраска то бѣлая (какъ и на древнѣйшихъ), то желтая, то оранжевая, то красная—разныхъ оттѣнковъ по черному фону, рѣже—темная по свѣтлому. Всего типичнѣе орнаментъ, гдѣ преобладаютъ спирали и другія кривыя (линіи), но встрѣчаются также звѣздочки, прямоугольники, зубцы, ромбы, затѣмъ—стилизованные элементы растительнаго и животнаго міра, наконецъ, реалистическія фигуры, въ томъ числѣ и человѣческія. Иные орнаменты, по смѣлости и прихотливости линій, кажутся произведеніями самаго послѣдняго времени, той, еще не вполнѣ изжитой эпохи, когда въ искусство вторгся style moderne, по-новому изогнувшій наши непельницы и разрѣзальные ножи, измѣнившій узоры нашихъ обоевъ и неожиданными завитками закруживший бордюры театральныхъ афишъ. И, вообще, вазы камаресъ, и своими формами и своимъ орнаментомъ, чаще всего напоминаютъ издѣлія новаго времени, обложки современныхъ книгъ, выставки нѣмецкаго сецессіона, копенгагенскій фарфоръ, проявляя только несомнѣнно большую силу художественной оригинальности и творческаго напряженія.

Вотъ, напр., по сторонѣ вазы, отъ горлышка, но не доходя до низу, сбѣгаетъ круговая линія, почти (но не вполнѣ!) совпадающая съ правильнымъ кругомъ; внутри круга вписаны другія кривыя, неполными спиралями касающіяся окружности, выходящія изъ одной точки и направленныя подъ разными уклонами; низъ вазы украшенъ параллельными поперечными полосами; свободное пространство въ кругѣ оживлено звѣздочками и пальметками. Или вотъ со дна шаровидной вазы дерзко вскидываются къ ея серединѣ лучевыя линіи, заканчивающіяся широкимъ, вытянуто-округлымъ пятномъ, подобіемъ огромнаго вопросительнаго знака, а сверху вазы изъ сплетенія круговыхъ линій получаются, идущія навстрѣчу, сѣкирообразныя полушарія. Или вотъ изъ рѣзко-стилизованныхъ листьевъ и цвѣтовъ получается сложный узоръ, заполняющій всю поверхность вазы, образующій вогнутые ромбы, ограниченные вытянутыми кругами, причемъ внутренность и круговъ и ромбовъ, въ свою очередь, заполнена комбинаціей изъ пяти звѣздочекъ, оставляющихъ пятиугольникъ. Во всѣхъ этихъ линейныхъ орнаментахъ поражаетъ умѣніе заполнить пространство, дать

впечатлѣніе сложности при помощи самыхъ простыхъ, въ сущности, элементовъ. Глазъ сначала видитъ опредѣленный узоръ; потомъ, пытаясь вникнуть въ его систему, запутывается безнадежно; лишь послѣ, усиліемъ мысли, удается возстановить сложно-простое построеніе.

Еще изумительнѣе орнаменты съ элементами растительнаго и животнаго міра, заставляющіе вспомнить японскую живопись и наше «декадентство», во многомъ ей подражавшее. Вотъ стилизованныя линіи, сходныя съ традиціонными «лиліями Бурбона»; вотъ упрощенные цвѣты папируса; вотъ условно изображенные лотосы, «ампирные» лавровые вѣнки, скромные дѣвичьи вѣночки; вотъ совсѣмъ фантастическія растенія, стебли которыхъ лучеобразно вырастаютъ со дна вазы, чтобы завершиться у ея верха симметрично поставленными символами цвѣтка... На другихъ вазахъ—стилизація низшихъ морскихъ животныхъ: раковины, улитки, полипы; далѣе—изображенія рыбъ, дельфиновъ, птицъ; наконецъ,—фигуры четвероногихъ, особенно быковъ, и человѣка; формы растеній и животныхъ переданы условно, не ради реалистичности изображенія, но исключительно ради красоты линій, образующихъ орнаментъ. Бываютъ и цѣлые рисунки: какіе-то сады спутавшихся между собой растеній, садки морскихъ чудищъ, переплетающихся хвостами и плавниками, сцены, взятыя съ арены цирка... Но во всѣхъ случаяхъ художники, расписывавшіе вазу, не упускали изъ виду своей основной цѣли: украсить орнаментомъ сосудъ; рисунокъ всегда остается въ подчиненіи у формы вазы, слѣдуя за ней и пополняя ее. По гармоніи орнамента съ формой сосуда лучшія эгейскія вазы могутъ смѣло спорить съ прославленнѣйшими созданіями Бенвенутто Челлини, Бернара Палисси, копенгагенской фабрики; вазы этрусскія остаются далеко позади. [1]

Тѣ же свойства орнамента—неисчерпаемое разнообразіе, создаваемое изъ простѣйшихъ элементовъ, умѣніе заполнять пространство, графическая красота цѣлаго, стилизація образовъ природы и подчиненіе украшеній общему замыслу мастера,—мы находимъ и на другихъ эгейскихъ издѣліяхъ: въ орнаментѣ на стѣнахъ и на саркофагахъ и въ орнаментаціи различныхъ мелкихъ предметовъ. Наконецъ, эти свойства сказываются и въ тѣхъ произведеніяхъ искусства, которыя не могутъ быть отнесены непосредственно къ орнаментальнымъ: въ живописи и даже скульптурѣ; и въ нихъ эгейцы склонялись къ стилизаціи и графической красотѣ. Вотъ, напр., два дельфина, написанные на стѣнѣ Кносскаго лабиринта, одинъ надъ другимъ; верхніе плавники нижняго сближены съ нижними плавниками верхняго, хвосты обращены въ разныя стороны, тѣламъ приданъ небольшой наклонъ въ противоположномъ направленіи; въ цѣломъ получился какъ бы единый контуръ, не уничтожающій реалистической правды въ изображеніи животныхъ, но прекрасно графически и орнаментально заполняющій данное художнику

[1] Изображенія описанныхъ вазъ—въ трудѣ Б. Фармаковскаго, въ альбомѣ Винтера и др. сочиненіяхъ объ эгейской культурѣ.

мѣсто. Еще замѣчательнѣе такой же пріемъ въ рисункѣ на фаянсовой пластинкѣ, найденной также въ Кноссѣ: изображены морскія животныя; въ центрѣ двѣ летучихъ рыбки,—ихъ раскинутые плавники живописно заполняютъ всю середину рисунка, а изгибы тѣлъ образуютъ двѣ не вполнѣ параллельныя кривыя, которыя зритель невольно продолжаетъ, какъ двѣ пересѣкающіяся спирали; боковыя стороны рисунка заняты раковинами, спиральные завитки которыхъ гармонируютъ съ линіями рыбьихъ тѣлъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляютъ естественную раму картины; кое-гдѣ добавлены пятна другихъ ракушекъ, дающихъ красивыя перекрашиванія линій. Къ этому рисунку приближается, по замыслу, стѣнная живопись, найденная на Мелѣ (Мелосѣ), гдѣ орнаментація достигнута изгибами летучихъ рыбокъ въ разныхъ направленіяхъ. [1]

Стремленіе къ графической красотѣ замѣчается у эгейцевъ и въ изображеніи отдѣльныхъ фигуръ или цѣлыхъ сценъ изъ жизни. Фреска изъ Кносскаго лабиринта, изображающая обнаженную женщину, какъ будто совершенно чужда орнаментальныхъ задачъ; однако, вычерчивая строгій контуръ тѣла, художникъ больше считался съ красотой кривыхъ линій, нежели съ анатоміей. То же должно сказать о женской головкѣ, оттуда же, исполненной той же характерной для эгейцевъ техникой: контуромъ, со слабымъ выявленіемъ рельефа; это опять даетъ просторъ красивому сочетанію линій, которыя были бы затемнены сильной рельефностью портрета. Въ любомъ эгейскомъ рисункѣ чувствуется то же пристрастіе къ графической красотѣ линій. Наклоны тѣлъ, повороты шеи, движенія рукъ, разстановка ногъ въ фигурахъ, все это имѣетъ въ виду не фотографическую вѣрность природѣ, но графическую красоту; она дополняется и изображеніемъ обстановки. Тамъ красота линій достигнута симметріей или тонкой ассиметріей въ расположеніи фигуръ; тамъ—стилизаціей образа животнаго или человѣка; тамъ четырьмя штрихами вожжей, проведенныхъ параллельно; тамъ 16-ю линіями ногъ у кобылицъ съ жеребятами, тамъ еще—комбинаціей этихъ двухъ элементовъ,—вожжей и ногъ,—трактованныхъ, какъ линіи, и т. под. [2]

Графика у эгейцевъ простираетъ свою власть даже на скульптурныя произведенія. Несомнѣнно граченъ разсмотрѣнный раньше фризъ изъ Тиринѳа, представляющій охоту на кабана. На кинжалѣ, найденномъ въ Микенахъ, изображена инкрустаціей охота на львовъ; суживающееся лезвіе ограничивало художника опредѣленнымъ пространствомъ; тѣмъ не менѣе мастеръ сумѣлъ искусно заполнить его и съ большой находчивостью, вмѣсто того, чтобы уменьшать фигуры по мѣрѣ ихъ приближенія къ острію (что встрѣчается на нѣкоторыхъ эллинскихъ издѣліяхъ), придалъ имъ соотвѣтствующія позы, заставивъ бѣгущихъ животныхъ вытянуться въ одну тонкую

[1] Воспроизведенія тамъ-же.

[2] Воспроизведенія тамъ же.

полосу. [1] На золотомъ бокалѣ изъ Вафіо чеканныя фигуры быковъ исполнены вполнѣ реалистично; но рядъ фигуръ, обходящихъ весь сосудъ, все же образуетъ графически прекрасный орнаментъ. То же самое видно на большинствѣ чеканныхъ произведеній, инкрустированныхъ предметовъ, на стѣнныхъ рельефахъ и даже въ цѣльныхъ скульптурахъ. Такова, напр., очаровательная фаянсовая группа изъ Кносса, представляющая козу съ козлятами. Тѣла дѣтенышей вытянуты мастеромъ даже не вполнѣ естественно, такъ чтобы получить изысканныя кривыя, вѣнчаемыя наверху волнообразной линіей, которую образуетъ рогъ козы-матери. [2]

Въ нѣкоторой связи съ пристрастіемъ къ графикѣ стоитъ любовь къ гротеску. Многія художественныя произведенія эгейцевъ представляютъ несомнѣнную утрировку; утрированы разные предметы обихода, цвѣты, животныя, и особенно человѣческіе образы. Мы находимъ настоящія карикатуры: непомѣрно маленькія тѣла съ огромной головой, лица съ преувеличенно выпяченными губами, преднамѣренно вытянутые затылки, и т. под. Иныя изъ этихъ шутокъ художника заставляютъ вспомнить карикатуры Леонардо да-Винчи и созданія японцевъ, этихъ общепризнанныхъ мастеровъ гротеска. Карикатурными гротесками являются и тѣ загадочныя фигурки, которыя у изслѣдователей носятъ, обычно, названіе «идоловъ», грубыя и смѣшныя. Наконецъ, встрѣчаются гротескныя изображенія и въ раскраскѣ вазъ, причемъ особенно часто художники пользовались фигурой спрута восьминога, щупальцы котораго давали поводъ обвить сосудъ любимыми кривыми линіями. [3]

Самое характерное изображеніе спрута найдено въ Микенахъ, въ видѣ золотой бездѣлушки. [4] Эгейскій художникъ тщательно вычеканилъ изъ золота это отвратительное морское чудище, не имѣющее опредѣленной формы, способное растягиваться и выворачиваться на тысячу ладовъ, мѣняясь до неузнаваемости. Изгибы конечностей восьминога позволили художнику использовать красоту кривыхъ линій, завитковъ и спиралей. Расположеніе щупальцевъ скомбинировано такъ искусно, что все образуетъ одно законченное цѣлое, графически и орнаментально — прекрасное, такъ какъ линіи заплетены изящно и гармонично, по существу— отвратительное, такъ какъ реалистично переданы всѣ особенности животнаго: присоски на его мясистыхъ лапахъ, студенистая голова съ круглыми выпученными глазами, мѣшокъ-тѣло, являющееся и затылкомъ и желудкомъ вмѣстѣ. Сочетаніе красоты и безобразія, драгоцѣнности металла и низменности изображаемаго, изощренность замысла

---

[1] Гальванопластическое fac-simile въ Московскомъ музеѣ Изящныхъ искусствъ (Александра III). Въ альбомѣ Винтера—красочное воспроизведеніе.

[2] Воспроизведено въ альбомѣ Винтера.

[3] Воспроизведеніе—тамъ-же. Ваза съ осьминогомъ—у Б. Фармаковскаго. (I,30).

[4] Гальванопластическая копія—въ Московскомъ музеѣ Изящныхъ искусствъ.

и совершенство исполненія, дѣлаютъ изъ этого золотого спрута созданіе искусства, равное которому трудно подыскать у любого скульптора или ювелира наиболѣе прославленныхъ эпохъ творчества. Одинъ этотъ гротескъ доказываетъ, какими исхищренными цѣнителями художества были хозяева лабиринта.

Мастерство орнамента, пристрастіе къ графикѣ, интересъ къ гротеску — вотъ показатели той ступени зрѣлости, которой достигла эгейская культура.

На болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, художникъ стремится лишь къ правдивому воспроизведенію зримаго. Первобытное искусство, по существу, всегда реалистично. Уклоненія къ символикѣ и къ условности вызывается въ немъ не силой, а безсиліемъ мастера. Первобытный художникъ изображаетъ, напр., царя или вождя размѣрами больше другихъ людей не потому, что такая фигура красивѣе по своимъ очертаніямъ, а по неумѣнію достичь экспрессіи «царскаго» лица или портретнаго сходства. Точно также, на примитивныхъ рисункахъ море изображается въ видѣ нѣсколькихъ волнистыхъ линій только потому, что живописцу не подъ силу нарисовать цѣлую картину бурной воды. Стилизація у эгейцевъ совершенно другого характера: это— ступень, слѣдующая за реализмомъ. Эгейцы стилизуютъ дѣйствительность потому, что въ художественныхъ замыслахъ становятся выше ея. Имъ важно уже не то, *что* они изобразятъ, но *какъ* это будетъ изображено. Въ самыхъ раннихъ созданіяхъ эгейскаго искусства уже замѣчается это высшее пониманіе его задачъ. На Критъ, въ Грецію, въ Троаду эгейцы уже принесли съ собой высокое мастерство, переживъ періодъ примитивнаго реализма когда-то раньше, въ предшествующія эпохи своей исторической жизни.

Пристрастіе къ графикѣ является дальнѣйшимъ развитіемъ стилизаціи. Графика есть отвлеченіе. Въ природѣ все— трехмѣрно и все— такъ или иначе окрашено. Графика отвлекается отъ рельефности предметовъ и отъ красокъ, переводитъ существующее на плоскость и разлагаетъ на линіи, въ дѣйствительности не существующія (ибо линіи—только *предѣлы* различной окраски). Въ вазовыхъ рисункахъ, на фрескахъ, на геммахъ, даже, какъ мы видѣли, въ рельефныхъ и скульптурныхъ произведеніяхъ, эгейцы стремились къ графической красотѣ цѣлаго и отдѣльныхъ линій. Притомъ, въ своихъ наиболѣе совершенныхъ созданіяхъ они искали эту красоту въ нѣкоторомъ уклоненіи отъ строгой правильности. Во многихъ случаяхъ появляется нарушеніе геометрической точности фигуры, намѣренная ассиметрія, желаніе избѣжать однообразія и т. д. Такъ, напр., на одной микенской вазѣ, средняя полоса орнамента постепенно расширяется, будучи ограничена не- параллельными кругами; три волнистыя параллельныя линіи, на одной критской вазѣ, дѣлятъ ее на двѣ плѣнительно - неравныя половины; на одной кносской геммѣ, центральной фигурѣ соотвѣтствуютъ по краямъ, слѣва— зданіе, а справа— человѣческій образъ, и т. под. Из-

балованный вкусъ уже не удовлетворялся полной гармоніей частей.

Интересъ къ гротеску вытекаетъ изъ склонности къ нарушенію гармоніи. Красота въ безобразіи— естественный шагъ послѣ красоты въ неправильности. Избалованный вкусъ притупляется и требуетъ прянаго; отвратительное кажется тогда предпочтительнѣе прекраснаго. Эгейцы оставили много созданій высокой красоты, проникнутыхъ той гармоничностью, которую мы обычно считаемъ характерной для эллинскаго искусства. Исканіе прекрасныхъ формъ тѣла, подчиненіе подробностей цѣлому, тонкій вкусъ въ сочетаніи красокъ, все это присутствуетъ въ эгейскомъ художествѣ. Но, наряду съ этимъ, эгейцы понимали и любили гротескъ, искаженіе красоты, силу безобразнаго и отвратительнаго, что у эллиновъ отразилось хотя бы въ образахъ хромого Гефеста или «презрительнаго» Терсита. Надо пройти длинный путь эстетическаго развитія, чтобы найти въ безобразіи красоту и сдѣлать отвратительное художественнымъ. Гротескныя бездѣлушки эгейцевъ если не «вѣнчаютъ» ихъ искусства, то указываютъ на его вершины, и чеканный золотой осьминогъ сверкаетъ на самомъ верху, надъ пирамидой роскошныхъ фресокъ и великолѣпныхъ рельефовъ. Гигантскіе лабиринты заканчиваются маленькимъ спрутомъ.

Эгейское искусство открываетъ передъ нами душу народа,— утонченнаго, избалованнаго, пресыщеннаго. Теперь время обратиться къ исторіи эгейскаго искусства и эгейцевъ вообще, чтобы увидѣть, знаемъ ли мы, какимъ путемъ пришли они къ этимъ вершинамъ своего творчества. Исторія эгейской культуры должна привести насъ къ ея истокамъ.

5. Исторія эгейцевъ.

Многое и понынѣ остается въ культурѣ эгейцевъ загадочнымъ, но нѣкоторыя основныя черты ихъ исторіи можно установить вполнѣ отчетливо.

Въ 4-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., на побережьяхъ Эгейскаго моря появился народъ (или народы), который мы теперь называемъ эгейцами. Эти пришлецы, очевидно, частью потѣснили, частью поработили аборигеновъ. Эти аборигены, какъ показали раскопки, принадлежали къ первобытнымъ племенамъ неолитической культуры, тогда какъ пришлецы принесли съ собой безмѣрно-высшіе культурные навыки: умѣли обрабатывать металлы,— бронзу, мѣдь, золото,— проявляли больше мастерство въ гончарномъ искусствѣ, имѣли государственныя установленія, знали употребленіе письменъ, имѣя собственный алфавитъ. Эгейцы основали рядъ царствъ, построили флоты, вошли въ сношенія съ сосѣдними странами, въ томъ числѣ съ Египтомъ. Наибольшаго значенія достигло то эгейское царство на Критѣ, столицей котораго былъ Кносскій лабиринтъ. Въ концѣ 3-го и въ началѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х., морская держава Крита

обнимала рядъ острововъ, среди нихъ, повидимому, и Кипръ, была въ союзѣ съ малоазіатской Троей, можетъ быть, имѣла колоніи на азіатскомъ берегу. Въ то же время культурное вліяніе эгейцевъ широко распространялось по сосѣднимъ землямъ, отражалось даже въ Египтѣ, и вполнѣ подчинило себѣ царства на материковой Греціи, можетъ быть, также основанныя пришлецами— эгейцами, можетъ быть, возникшія самостоятельно.

Эти материковыя царства эгейской культуры, въ числѣ ихъ Микены и Тиринѳъ, достигли своего расцвѣта позже, нежели Критъ. Ихъ культура, будучи той же «эгейской» по существу, является младшей сестрой «минойской» культуры Крита и можетъ быть названа «микенской». Около середины XIV в., могущество Критской державы ослабѣло, и первенствующее положеніе въ эгейскомъ мірѣ заняли Аргосскія царства, прежде всего— Микены. Ихъ процвѣтаніе продолжалось еще около полутора столѣтій, причемъ въ этотъ періодъ эгейцы производили,—вѣроятно, въ союзѣ съ другими народами,— морскія нападенія на Египетъ. Къ концу 2-го тысячелѣтія, наступилъ упадокъ эгейскаго міра. Въ XIII в. произошло движеніе народовъ съ сѣвера на югъ, напоминающее позднѣйшее «великое переселеніе народовъ». Полудикія тогда племена эллиновъ сокрушили эгейскія государства, разграбили ихъ города, истребили сокровища искусства. Позднѣе завоеватели - варвары поддались вліянію болѣе просвѣщеннаго, побѣжденнаго ими народа. Эллины стали перенимать элементы культуры эгейцевъ, заимствовали у нихъ религіозные культы, художественные идеалы, техническіе пріемы, запечатлѣли воспоминанія о величіи Эгеи и въ своихъ миѳахъ и тѣмъ сохранили сущность эгейской культуры для будущихъ вѣковъ.

Точно установить хронологію эгейской исторіи пока невозможно. Но историки, спеціально занимавшіеся этимъ вопросомъ [1], намѣтили все же нѣкоторыя опредѣленныя вѣхи. Обычно дѣлятъ эгейскую исторію на 3 періода: ранне-минойскій, средне-минойскій и поздне-минойскій, изъ которыхъ каждый подраздѣляется на три подъ - періода, первый, второй, третій, такъ что получается дѣленіе на *девять* эпохъ. Первую ранне - минойскую эпоху относятъ къ годамъ отъ 2.900 до 2.500 до Р. Х., т. е. ко времени 4-ой, 5-ой и 6-ой династіи въ Египтѣ; это — эпоха древнѣйшей культуры кикладъ, второго слоя (раскопокъ) въ Орхоменѣ, перваго въ Троѣ и т. д.; вторую и третью ранне - минойскую эпоху относятъ къ годамъ отъ 2.500 до 2.000 до Р. Х., т. е. ко времени 7-ой— 11-ой династіи въ Египтѣ; въ эгейскомъ мірѣ она всего полнѣе характеризуется вторымъ слоемъ въ Троѣ. Первая средне - минойская эпоха совпадаетъ, приблизительно, съ правленіемъ 12-ой династіи въ Египтѣ, т. е. падаетъ на годы

[1] Эвансъ, Берровсъ, Лагранжъ, Фимменъ, Лихтенбергъ, Дюссо, Галль, также (въ обще-историческихъ работахъ) де-Санктисъ, Сол. Рейнакъ, Эд. Майеръ и др. Болѣе спеціально хронологіей эгейцевъ занимались среди нихъ Эвансъ и Фимменъ. (Заглавіе важнѣйшихъ сочиненій см. ниже, въ концѣ главы).

отъ 2.000 до 1.788 до Р. Х.; она характеризуется позднѣйшей культурой кикладъ и такъ называемой aphidnakeramik на материкѣ; вторая средне-минойская эпоха пріурочивается къ 13-ой династіи въ Египтѣ, отъ 1.788 до 1.660 г. до Р. Х.: это—расцвѣтъ техники камаресъ и время построенія первыхъ дворцовъ въ Кноссѣ и Фестѣ; третья средне-минойская эпоха соотвѣтствуетъ эпохѣ гиксосовъ въ Египтѣ, т. е. годамъ отъ 1.675 до 1.580 до Р. Х.; въ эти годы развивалась ранняя микенская культура. Въ поздне-минойскомъ періодѣ первая эпоха современна началу 18-ой династіи въ Египтѣ, а вторая—ея концу, т. е. обѣ обнимаютъ время отъ 1.580 до 1.350 г. до Р. Х.; въ первую эпоху возникли вторые дворцы въ Кноссѣ и Фестѣ, во вторую—дворцы въ Микенахъ и Тиринѳѣ; третья поздне-минойская эпоха продолжается, приблизительно, отъ 1.350 до 1.200 г. до Р. Х., параллельно 19-ой династіи въ Египтѣ; въ эту пору расцвѣло поздне-микенское искусство и свершилось паденіе эгейскаго міра. Едва ли не самымъ позднимъ его цвѣткомъ была Троя, 6-ой и 7-ой слой которой соотвѣтствуетъ этимъ вѣкамъ. Около того же рубежа, которымъ заканчивается исторія Эгеи, т. е. около 1.200 г. до Р. Х., лежитъ и конецъ «бронзоваго вѣка», окончательный переходъ цивилизованнаго человѣчества къ желѣзной техникѣ.[1]

Такимъ образомъ, хронологическая схема устанавливаетъ слѣдующую послѣдовательность явленій. До 4-го тысячелѣтія до Р. Х., побережья Эгейскаго моря заняты первобытными племенами неолитической культуры. На ихъ мѣстѣ вырастаетъ эгейскій міръ, раздѣляющійся, во времени, на два главныхъ періода: преобладаніе Крита до середины XIV в. и могущество Микенъ до конца XIII в. Культуры этихъ двухъ періодовъ, будучи по существу единой эгейской культурой, называются для различія: первая, старшая — «минойской», вторая, младшая— «микенской». Приблизительно около 1.200 г. мѣсто эгейцевъ занимаютъ эллинскія племена, и начинается періодъ «дорійскій» или «греческое средневѣковье». Судьбы эгейскаго міра обнимаютъ, слѣдовательно, болѣе 25 столѣтій, между XXXVII и XIII вв. до Р. Х.,— періодъ, достаточный для того, чтобы проявить всѣ стороны своей цивилизаціи и достичь высшихъ изъ ступеней доступнаго развитія, если вспомнить, что немногимъ больше просуществовалъ міръ Египта, что вся римская исторія заключена въ 12 вѣковъ, византійская въ 11, а русская не достигла еще и этого предѣла. Для самыхъ позднѣйшихъ эгейцевъ начало ихъ исторіи терялось въ такой же отдаленной древности, какъ для насъ античный міръ. Какъ мы говоримъ о скульптурѣ Эллады, такъ могли говорить эгейцы о своихъ древнѣйшихъ художникахъ.

По вопросу о происхожденіи эгейцевъ и ихъ принадлежности къ той или другой расовой группѣ, ученые до сихъ поръ не при-

[1] Дѣленіе на 9 эпохъ предложено Фимменомъ и Эвансомъ; Дерпфельдъ критиковалъ эту систему, но, ради единства въ терминологіи, присоединился къ ней.

шли къ единогласному рѣшенію. Отдѣльные историки отожествляли эгейцевъ съ самыми различными племенами: съ пеласгами, ахеями, эллинами, ливійцами, финикійцами, карами, лелегами и т. п. Эти противорѣчивыя мнѣнія распадаются на двѣ группы: одни защищаютъ «восточное» происхожденіе эгейцевъ, другія— «западное». Нѣкоторыя изъ гипотезъ нынѣ окончательно отвергнуты наукой [1] и серьезное значеніе сохранили лишь двѣ: одна, отожествляющая эгейцевъ (точнѣе: «минойцевъ», критянъ, такъ какъ «микенцы» могли быть иного племени) съ карами (или «карійцами»), пришедшими въ Европу изъ Малой Азіи; другая— ищущая пра-родину эгейцевъ на Пиринейскомъ полуостровѣ.

Защитники «карской» гипотезы ссылаются на показанія греческихъ историковъ, Геродота, Ѳукидита, Аристотеля,—что кары, въ глубокой древности, были замѣчательнѣйшимъ изъ народовъ, у котораго эллины многому научились; на нѣкоторыя названія мѣстностей на Критѣ, объяснимыя лишь изъ языка каровъ; особенно же на торжество религіозныхъ символовъ: бычачьихъ роговъ (boukrânia) и двойного топора (labrys), которые были, въ историческую эпоху, символами Зевса Карскаго, но во множествѣ встрѣчаются и у эгейцевъ, напр., въ Кносскомъ лабиринтѣ, гдѣ въ одной залѣ всѣ колонны отмѣчены знакомъ «двойного топора» (самое названіе лабиринтъ производятъ отъ слова «labrys»). Однако, эти доводы не заключаютъ въ себѣ ничего рѣшающаго; свидѣтельства греческихъ авторовъ— противорѣчивы, и ничего опредѣленнаго о прошломъ своей страны эллины не знали; географическія названія указываютъ только на пребываніе на Критѣ племени, близкаго къ карамъ по языку; тожество религіозныхъ символовъ— только на общеніе между Критомъ и Каріей. Заключать изъ этихъ соображеній тожество критянъ и каровъ— намъ представляется неосторожнымъ [2].

---

[1] Такъ, послѣ изслѣдованій Эд. Мейера, должно признать, что пеласговъ, какъ особой расовой группы, никогда не существовало: историческіе пеласги, въ долинѣ Пенея, были однимъ изъ эллинскихъ племенъ. Отожествленіе эгейцевъ съ финикійцами основано на одномъ позднемъ, эпохи Птоломеевъ, египетскомъ текстѣ, гдѣ старинному египетскому названію критянъ, въ греческомъ переводѣ, соотвѣтствуетъ слово: финикіане; но рядъ примѣровъ показываетъ, что въ птоломеевомъ Египтѣ часто ошибались въ толкованіи древнихъ терминовъ и именованій; финикійцы выступили въ исторіи уже по завершеніи судебъ эгейскаго міра и были семиты, тогда какъ эгейцы, опредѣленно,—не семиты. Такъ же пало отожествленіе эгейцевъ съ ливійцами (первоначальными до историческихъ [illegible] иптянъ насельниками Египта) и др.

[2] Впервые предположеніе о малоазійскомъ происхожденіи рода, создавшаго микенскую культуру, высказали, еще до раскопокъ на Критѣ, —Келеръ, Дюмлеръ, Студничка; послѣ открытій Эванса, ихъ поддерживали Фуртвенглеръ, Лешке, позднѣе—Дерпфельдъ; у насъ эту гипотезу, съ большой эрудиціей, обосновываетъ Б. Фармаковскій. Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробной критикѣ той или другой исторической гипотезы. Само собой размѣется, что названные выше ученые приводятъ въ доказательство своихъ мнѣній много фактовъ, нами не разобранныхъ; однако, все, болѣе существенное, нами указано, а все остающееся—столь же шатко. Въ лучшемъ случаѣ, собранные факты могутъ установить,

Болѣе убѣдительной представляется гипотеза, выводящая эгейцевъ съ крайняго запада, выставленная и развитая, въ послѣднее время, Р. фонъ-Лихтенбергомъ. Эта гипотеза признаетъ Пиринейскій полуостровъ мѣстопребываніемъ пра-арійцевъ въ эпоху оледенѣнія Европы, между палеолитомъ и неолитомъ. Какъ извѣстно, двѣ главныя группы арійцевъ,— по терминологіи лингвистовъ: kentum и satem, — оставили памятники рѣзкоразличные: для первой группы, такъ называемой «мегалитической» культуры, характерны большія каменныя сооруженія,— дольмены, менгиры, кромлехи; для второй— расписная керамика. На Пиринейскомъ полуостровѣ обнаружены слѣды, какъ мегалитической культуры, такъ и расписной керамики; изъ этого должно заключить, что тамъ и жили арійцы до своего раздѣленія. По минованіи ледниковаго періода, арійцы разселились по всей Европѣ и проникли въ Азію и въ Африку. Путь разселенія именно эгейской вѣтви арійцевъ опредѣляется по археологическимъ находкамъ расписной керамики, указывающимъ, что эгейцы шли съ Запада на Востокъ, проникнувъ и въ Малую Азію, въ частности въ Карію. Съ арійскими племенами распространялось съ Запада на Востокъ также буквенное письмо, тогда какъ неарійскіе народы знали письмо только картинное, въ лучшемъ случаѣ— слоговое: эгейцы принесли съ собой на Эгейскія побережья именно буквенныя «минойскія» письмена. Остается добавить, что данная гипотеза считаетъ пресловутый «двойной топоръ»— старинным арійскимъ символомъ, образомъ небеснаго бога, оплодотворяющаго мать-землю; въ Малую Азію этотъ символъ проникъ также съ Запада. Въ общемъ, эта гипотеза,— о приходѣ «эгейцевъ» съ крайняго Запада, съ береговъ Атлантическаго океана,— не являясь, конечно, доказанной истиной, представляется намъ наиболѣе вѣроятной. [1]

Но, если прошлое эгейцевъ, до ихъ прибытія на новую родину, остается въ области гипотезъ, то дальнѣйшую ихъ судьбу можно прослѣдить довольно пристально по объективнымъ даннымъ археологіи, а, частью, и по литературнымъ свидѣтельствамъ, именно,— за недоступностью для насъ минойскихъ письменъ,— египетскимъ и греческимъ. Крайне важнымъ подспорьемъ въ этомъ изслѣдованіи служатъ данныя египтологіи, такъ какъ между Египтомъ и Эгейей, въ теченіе тысячелѣтій, существовали непрерывныя и оживленныя сношенія и, какъ на египетскихъ памятникахъ, такъ и въ доступныхъ для насъ египетскихъ текстахъ, сохранился рядъ чрезвычайно цѣнныхъ показаній объ эгейцахъ. Міры эгейскій и египетскій развивались почти параллельно, какъ два пышныхъ, гигантскихъ цвѣтка человѣчества, и изученіе одного изъ нихъ контролируетъ изученіе другого. Но египетская исторія, какъ гораздо болѣе, нежели изслѣдованная, естественно должна давать при этомъ исходныя точки.

что кары, въ извѣстную эпоху, *жили* на Критѣ; но вопросъ идетъ о томъ, кто *создалъ* эгейскую культуру.

[1] R. von Lichtenberg, Ueber gegenseitige Einflusse von Orient und Occidnt im Becken des Mittelmeeres. «Oriental. Archiv». 11, Iuli 1912. Изложеніе—въ статьѣ Е. Кагарова, «Гермесъ». 1914, № 2.

Сношенія между Эгейей и Египтомъ начались въ глубочайшей древности. Уже въ слояхъ раскопокъ, относящихся къ 1-ой ранне-минойской эпохѣ, Эвансъ нашелъ сосуды, полированные отъ руки, съ геометрическимъ орнаментомъ, бѣлымъ по черному или бурымъ по свѣтлому, весьма сходные съ египетскими издѣліями временъ 1-ой династіи (т. е. 4-го тысячелѣтія до Р. Х.) Къ югу отъ Кносскаго лабиринта найдена ваза изъ сіенита, уже прямо-вывезенная изъ Египта, фабрики эпохи первыхъ династій; въ самомъ дворцѣ— чаша изъ діорита, такого же происхожденія. Затѣмъ найдена цѣлая серія вазъ изъ камня, мѣстной, критской работы, но представляющихъ несомнѣнное подражаніе египетскимъ образцамъ, а на древнѣйшихъ критскихъ печатяхъ также видно вліяніе египетскихъ «цилиндровъ». То же вліяніе отмѣчено на нѣкоторыхъ критскихъ издѣліяхъ (печати изъ мягкаго камня, печати изъ слоновой кости), относящихся къ позднѣйшимъ эпохамъ ранне-минойской культуры.[1] Изъ этого слѣдуетъ, что критяне 4-го и начала 3-го тысячелѣтія были знакомы съ Египтомъ, вывозили изъ него разныя вещи, и подражали его мастерамъ. Но для того, чтобы предпринимать заморскія поѣздки въ долину Нила, должно было обладать хорошимъ флотомъ, а также—предпріимчивостью и любознательностью: чтобы подражать египетскому искусству, должно было стоять на извѣстной степени культурнаго развитія. Такимъ образомъ, на зарѣ исторіи эгейцевъ, мы ихъ видимъ народомъ отнюдь не варварскимъ, напротивъ,—дѣятельными купцами, смышлеными ремесленниками, художниками съ развитымъ вкусомъ.

Отъ средне-минойскаго періода сохранились свидѣтельства противоположнаго характера: критскія издѣлія, находимыя въ Египтѣ. Особенно много такого рода памятниковъ въ эпоху 12-ой династіи, т. е. въ началѣ 2-го тысячелѣтія (2000—1788 г.). Въ Кахунѣ, въ гробницѣ эпохи Сенусерта II, найдено большое число расписанныхъ критскихъ вазъ; полагаютъ даже, что Кахунъ былъ эгейской рабочей колоніей. Въ Абидосѣ, въ слояхъ той же эпохи, открыты вазы стиля камаресъ. Съ другой стороны, въ Кноссѣ найденъ скарабей, представляющій имитацію экземпляра 12-ой династіи, и разные предметы эпохи 13-ой династіи. [2]

---

[1] Лихтенбергъ не отрицаетъ, что въ противоположность движенію арійцевъ съ Запада на Востокъ, на Сѣверъ и на Югъ, совершалось другое движеніе народовъ, съ Востока, Такъ, напр., тиррены, выходцы изъ Малой Азіи, дали, по мнѣнію Лихтенберга, начало этрускамъ; въ имени Тарквиніевъ скрывается малоазійскій богъ Тархонъ. Задолго до этрусковъ, другія малоазійскія племена переселились морскимъ путемъ въ Европу, на Сардинію и Корсику, на берега южные Франціи и Испаніи; языкъ басковъ, напр., находится въ родствѣ съ малоазійскими нарѣчіями; лигурамъ и иберамъ свойственна двадцатиричная система счисленія, распространенная въ Малой Азіи, но совершенно чуждая арійцамъ, и т. под.

[2] Факты мы беремъ, преимущественно, изъ курса Б. Фармаковскаго, съ дополненіями по работамъ другихъ историковъ. Въ частности, данныя о сношеніяхъ Египта съ Эгейей въ эпоху 6-ой династіи (2625—2475 г.) собраны въ трудѣ англійскаго ученаго Берро (Burrows). Матеріалы по вопросу разсѣяны по сочиненіямъ всѣхъ изслѣдователей эгейскаго міра: Эванса, Фиммена, Лихтенберга, Берро, Голль, Дюссо и др., и египтологовъ. Мы пользуемся сводкой этихъ работъ, сдѣланной въ двухъ статьяхъ:

Слѣдовательно, сношенія Эгейи съ Египтомъ не только продолжались, но и развивались. То была эпоха, когда слава вазъ камаресъ, такъ сказать, «гремѣла по всему свѣту». Богатые египтяне добивались украсить ими свои дома, какъ въ наши дни богачи ставятъ у себя на этажеркахъ копенгагенскій фарфоръ. Эгейская рабочая колонія въ Кахунѣ показываетъ, что критскихъ мастеровъ приглашали въ Египетъ, въ качествѣ особенно ловкихъ работниковъ, какъ въ старину у насъ выписывали итальянцевъ. Въ Кноссѣ и Фестѣ уже стояли первые лабиринты, свидѣтельствующіе о мощи критскихъ государей, объ искусствѣ мѣстныхъ зодчихъ и ихъ обширныхъ познаніяхъ въ техникѣ строительства. Критъ, въ эту эпоху, уже является полноправнымъ членомъ семьи культурныхъ государствъ своего времени.

Исторія 12-ой династіи въ Египтѣ закончилась катастрофой: вторженіемъ гиксосовъ и порабощеніемъ страны иноземному владычеству. Однако, сношенія съ Эгейей не были этимъ прерваны. Въ Кносскомъ лабиринтѣ найдена статуя, относящаяся къ этой эпохѣ, и алебастровая крышка съ именемъ царя гиксосовъ, Хіана. Отъ той же эпохи найдены въ Египтѣ кинжалы мѣстнаго издѣлія, но представляющіе явное подражаніе эгейскимъ: удержавъ свою привычную технику работы, египетскіе мастера точно воспроизвели художественные пріемы эгейцевъ, въ позахъ изображенныхъ на кинжалѣ животныхъ и въ характерномъ эгейскомъ пейзажѣ. Такой кинжалъ былъ найденъ, напр., въ гробницѣ Аоготепъ, матери Яхмоса (Амасиса) I, освободителя Египта отъ гиксосовъ. Но вліянія были взаимны; на кинжалѣ эгейской работы, той же эпохи, мы видимъ характерно-египетскій сюжетъ: дикихъ кошекъ въ заросли папирусовъ. Нѣсколько позднѣе появляются на эгейскихъ издѣліяхъ и другіе чисто-египетскіе мотивы: лиліи, излюбленныя египетскими мастерами, гиппопотамы, животныя, обычныя на Нилѣ, но не встрѣчающіяся на Критѣ, фигуры сфинксовъ и т. под. [1].

Повидимому, около времени вторженія въ Египетъ гиксосовъ, какая-то катастрофа произошла и на Критѣ; объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣды большого пожара въ первомъ, раннемъ, Кносскомъ дворцѣ. Но въ слѣдующіе вѣка Кносскій лабиринтъ былъ возобновленъ и перестроенъ съ новой роскошью. Въ Кноссѣ утверждаются могущественные миносы, и начинается быстрое возрастаніе морской державы Крита. Середина 2-го тысячелѣтія—время высшаго расцвѣта «минойской» культуры. На Критѣ, въ эту эпоху, существовалъ цѣлый рядъ городовъ, ведшихъ міровую торговлю. Раскопки [2] обнаруживаютъ поселенія, съ кривыми, узкими уличками, съ многоэтажными домами, без-

---

Е. Кагаровъ, Новѣйшія изслѣдованія въ области критско-микенской культуры, «Гермесъ», 1909 г., и С. Сингалевичъ, Вопросъ объ отношеніи эгейской культуры къ Востоку, «Гермесъ», 1912 г.

[1] Факты—оттуда же, какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

[2] Въ приморскихъ мѣстностяхъ на Критѣ: въ Палеокастро, Като-Закро, Гіерапетра, Гурнія и др., также въ предмѣстьи Кносскаго лабиринта.

порядочно лѣпящимися по склонамъ скалъ и холмовъ, но и съ признаками городского благоустройства: улица и площади мощены, по нимъ устроены каменные желоба для стока воды, имѣется водопроводъ, бани, и т. под. Какую обширную торговлю вели такіе города, можно судить по тому, что въ одномъ изъ нихъ (Закро) найдено 500 оттисковъ печатей, сдѣланныхъ со 150 оригиналовъ, служившихъ торговыми марками, вродѣ нашихъ пломбъ. Такого же типа городки открыты на сосѣднихъ островахъ, гдѣ слѣдовательно были колоніи и факторіи критянъ: на островѣ Мелѣ (Мелосѣ), гдѣ у критянъ были каменоломни мрамора и обсидіана, на Кипрѣ, который одно время, кажется, былъ въ подчиненіи у миносовъ, и въ другихъ мѣстахъ. Въ лабиринтахъ кипѣла та сложная и утонченная жизнь, которую мы пытались охарактеризовать. Эгейскія издѣлія были цѣнимы далеко за предѣлами родины, такъ что въ Египтѣ появились подражанія имъ и поддѣлки подъ нихъ. Хозяева же лабиринта, со склонностью «баричей» ко всему «экзотическому», выписывали себѣ египетскія издѣлія или заставляли мѣстныхъ мастеровъ подражать имъ. Въ то же время критская культура проникла въ сосѣднія страны и вполнѣ подчинила себѣ родственныя царства материковой Греціи, какъ Микены, Тиринѳъ, Орхоменъ, гдѣ ждали съ Крита модъ и новыхъ идей, какъ въ XVIII в. вся Европа ждала ихъ изъ Парижа.

Послѣ изгнанія гиксосовъ (около 1580 г.), сношенія Египта съ Эгейей становятся еще оживленнѣе, памятниковъ чего особенно много отъ эпохи 18-ой династіи (1580—1350 г.). Въ это время усиливается ввозъ въ Египетъ эгейской керамики; отъ временъ Тутмоса III (1501—1447 г.) дошли до насъ, сдѣланныя египетскими художниками, изображенія критянъ и литературныя свидѣтельства о нихъ, какъ о народѣ, связанномъ съ египтянами союзомъ; въ Кноссѣ найденъ скарабей царицы Тіи, супруги фараона Аменхотпа III (1411—1375 г.); наконецъ, дворецъ въ Тель-эль-Амарнѣ, построенный либеральнымъ фараономъ, религіознымъ реформаторомъ, Эхнатономъ (1375—1358 г.), былъ расписанъ эгейскими художниками, очевидно, призванными въ Египетъ съ высоты трона. Могущественный Египетъ, разросшійся къ этому времени въ огромную имперію и державшій одно время въ своемъ обладаніи значительную часть Передней Азіи, смотрѣлъ на царство миноса, какъ на равную себѣ державу, и сносился съ нимъ черезъ офиціальныя посольства. Добавимъ, что слава эгейскихъ художниковъ пережила и добрыя отношенія между двумя народами, самое существованіе Крита, какъ независимаго государства. Эгейскія вещи найдены въ Египтѣ, при раскопкахъ въ Гуробѣ, въ слояхъ, относящихся къ 20-ой династіи (1200—1090 г.); полагаютъ, что въ Гуробѣ также была эгейская рабочая колонія, такъ что фараоны продолжали приглашать эгейскихъ мастеровъ уже послѣ военныхъ столкновеній Египта съ эгейцами и послѣ паденія лабиринтовъ, когда въ Эгейѣ уже властвовали

иноземцы, и эгейское искусство на родинѣ доживало послѣдніе дни[1].

Къ этому періоду послѣ гиксосовъ относятся первыя письменныя документальныя данныя, какія мы имѣемъ объ эгейцахъ, въ египетскихъ текстахъ. Въ болѣе ранніе вѣка, всѣ земли вокругъ Эгейскаго моря означались египтянами подъ названіемъ «странъ великаго зеленаго моря». Ихъ жители назывались вообще «ха-небу» (ha-nebu), т. е. «сѣверяне», и такое наименованіе равно примѣнялось ко всѣмъ народамъ, жившимъ сѣвернѣе центральнаго Египта, отъ Нильской Дельты до русской равнины, Скиѳіи. Морская дорога вдоль береговъ Сиріи и Малой Азіи называлась «кольцо», а путь до наиболѣе сѣверныхъ странъ — «большое кольцо». Но въ эпоху послѣ гиксосовъ, при 18-ой династіи, египтяне уже различали среди «сѣверянъ» отдѣльныя народности. Для означенія критянъ, какъ жителей западной части сѣверныхъ странъ, появилось отдѣльное слово «кефтіу», кефтійцы» (keftiou), такъ какъ островъ Критъ сталъ называться «Кефти» (kefti, буквально, значитъ— «сзади»). Въ гробницѣ Рекмара, о которой мы говорили раньше, изображены представители всѣхъ четырехъ странъ свѣта, приносящіе дары фараону: коричневые и черные жители Востока, люди изъ Пунта (нынѣшняя страна Сомали); такого же цвѣта жители Юга, нубійцы; бѣлые жители Сѣвера, семиты изъ Азіи; наконецъ, красные жители Запада, кефтійцы. Критяне на фрескѣ приносятъ въ даръ фараону серебряныя и золотыя кольца, слитки металла, ожерелья, тазы, вазы. Надпись гласитъ: «Идутъ въ мирѣ князья кефтіу, склонивъ голову предъ духомъ его величества, царя обоихъ Египтовъ, вѣчно живущаго», и т. д. Изображенные на фрескѣ типы критянъ и характерныя эгейскія вазы не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, кто разумѣется подъ «князьями кефтіу».[2]

Другой текстъ отъ той же эпохи сохранился на стелѣ Тутмоса III. Аммонтъ-Ра говоритъ фараону:

«Я далъ тебѣ разбить Западную страну:—
Кефтіу и Асеби (Азія?)—въ ужасѣ,—
Далъ имъ увидѣть твое величество, какъ юнаго быка
Твердаго сердцемъ, рогатаго и необоримаго».[3]

Выраженіе «далъ разбить» нельзя понимать буквально: у египтянъ не было военнаго флота, который могъ бы нанести

[1] Факты—оттуда же, какъ выше.

[2] Вопросъ объ томъ, кого должно разумѣть подъ «кефтійцами», имѣетъ длинную исторію. Въ надписяхъ эпохи Птоломеевъ, слово «ханебу» переведено, одинъ разъ, по гречески—«эллины», а, въ другомъ случаѣ, слово «кефтіу» переведенс—«финикійцы». Однако, какъ мы уже указывали, нѣтъ поводовъ довѣрять знаніямъ птоломеевой эпохи, когда въ переводахъ дѣлались и болѣе грубыя ошибки. Уже при 19-ой династіи (съ 1350 г.) названіе «кефтіу» для означенія критянъ вышло изъ употребленія, а позднѣе получило новый смыслъ.

[3] Переводъ надписи мы беремъ изъ книги Брэстеда, но подъ «Асеби» онъ (какъ и М. Мюллеръ) разумѣетъ Кипръ.

серьезный ударъ заморскому государству, и никакіе другіе памятники не указываютъ на политическую зависимость Крита отъ царства фараоновъ. Поэтому полагаютъ (Бузольдъ, Эд. Мейеръ, Фармаковскій), что подчиненіе Крита было номинальнымъ, и дары, приносимые эгейцами,—не данью, а условленной платой за право торговли во владѣніяхъ фараона. Дорожа торговыми сношеніями съ Египтомъ, миносы ежегодно отправляли къ фараону посольство, вродѣ изображеннаго въ гробницахъ Рекмара и его сына, съ дарами изъ наиболѣе цѣнимыхъ египтянами критскихъ произведеній, въ томъ числѣ расписныхъ вазъ. Что такая плата продолжала поступать довольно долго, подтверждается, между прочимъ, обломкомъ эгейской вазы, на которомъ уцѣлѣлъ картушъ фараона Тутмоса IV (1420—1411 г.) и надпись «ваза кефтіу». Изнѣженные миносы, владыки «хозяевъ лабиринта», не склонны были утруждать себя веденіемъ войны и предпочитали въ мирѣ наслаждаться всѣми благами жизни, деньгами (т. е. «дарами»), покупая благосклонность сосѣднихъ государей.

Обстоятельства перемѣнились, когда въ эгейскомъ мірѣ преобладаніе получили сѣверныя континентальныя царства. Произошло это въ серединѣ XIV в., при условіяхъ, которыя пока нельзя еще выяснить съ какой-нибудь опредѣленностью. Мы не знаемъ даже, были ли «микенцы» того же племени, какъ и «кефтійцы», т. е. критяне. Всего вѣроятнѣе, что континентальныя царства были основаны при общемъ продвиженіи эгейцевъ на Эгейское побережье. Но возможно, что здѣсь пришлецы-эгейцы остались только высшимъ, правящимъ слоемъ населенія и не были въ силахъ ассимилировать себѣ населеніе коренное, автохтоновъ. По крайней мѣрѣ, по характеру дворцовъ въ Микенахъ, Тиринѳѣ, Орхоменѣ должно предполагать, что правители не чувствовали себя здѣсь въ полной безопасности, но скорѣй сознавали, что окружены элементами враждебными, противъ которыхъ надобно принимать мѣры обороны. Эти дворцы, въ сущности,—настоящія крѣпости. Такъ, напр., въ Тиринѳѣ стѣны дворца сливаются съ отвѣсными склонами утеса, на которомъ поставлены; внутри стѣнъ проложены галлереи; къ дворцу имѣется лишь одинъ доступъ, вводящій въ изгибистый коридоръ, пересѣченный въ нѣсколькихъ мѣстахъ загородками (постоянными баррикадами); ворота, какъ и знаменитыя «львиныя», защищены башнями; во дворѣ устроенъ водопроводъ и цистерны для храненія воды, и т. под. Съ другой стороны, на изображеніяхъ, открываемыхъ при раскопкахъ въ континентальныхъ царствахъ, попадаются лица греческаго типа. Это также заставляетъ полагать, что изъ «эгейцевъ» осталась здѣсь лишь военная аристократія, а масса населенія могла состоять изъ эллинскихъ племенъ.

При всемъ сходствѣ культуръ «минойской» и «микенской», между ними замѣчаются и немаловажныя различія. Въ континентальныхъ поселеніяхъ, гдѣ процвѣтала общая «эгейская» культура, строительство отличается характерными особенно-

стями, чуждыми Криту. Центромъ каждаго дома является постоянно упоминаемый у Гомера «мегаронъ» —обширный покой, зала, по серединѣ съ очагомъ, надъ которымъ отверстіе для дыма, подпираемое четырьмя столбами-колоннами. Въ Троѣ весь домъ ограниченъ такимъ мегарономъ съ немногими, примыкающими къ нему, комнатами. Въ континентальныхъ царствахъ нѣсколько мегароновъ связываются въ одно цѣлое при помощи обходящихъ ихъ коридоровъ. Такъ возникаетъ нѣчто среднее между примитивнымъ троянскимъ домомъ и сложнымъ критскимъ лабиринтомъ. Подобно этому, троянская кладка изъ мелкаго камня и кирпичей замѣнена въ строеніяхъ континентальныхъ царствъ той кладкой изъ огромныхъ глыбъ, которую эллины позднѣе называли «киклопической». Во всемъ этомъ видно вліяніе критскихъ мастеровъ, которые могли пріѣзжать, можетъ быть, и со своими рабочими, въ родственныя сѣверныя царства, какъ пріѣзжали въ Египетъ. При всемъ томъ, въ позднѣйшіе періоды роскошь внутренняго убранства дворцовъ, въ Микенахъ, Тиринѳѣ и Орхоменѣ, не только не уступала пышности лабиринтовъ, но прямо соперничала съ нею.

Большіе дворцы въ Микенахъ и въ Тиринѳѣ возникли, повидимому, во 2-ую эпоху поздне-минойскаго періода, въ XIV в. Судя по даннымъ раскопокъ, то были великолѣпныя строенія, съ пышными, богато разукрашенными фасадами, блиставшія золотомъ и слоновой костью. Орнаментированныя вверху и внизу, колонны, съ затѣйливыми капителями, стояли у входа; орнаментомъ были покрыты архитравы, фризы и карнизы; стѣны также были украшены розетками и, можетъ быть, рельефнымъ орнаментомъ (реставрація Шипье Микенскаго дворца). Внутри стѣны были расписаны фресками, частью тоже орнаментальными, частью представляющими цѣлыя картины: полъ мѣстами былъ мозаичный; потолокъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ лѣпной. Полъ ванной комнаты въ тиринѳскомъ дворцѣ состоялъ изъ одного громаднаго монолита, площадью въ 12 кв. метровъ, вѣсомъ въ нѣсколько тысячъ пудовъ (другой такой монолитъ, вѣсомъ въ 7 ½ тысячъ пудовъ, образуетъ «притолку» Львиныхъ воротъ). Предметы, находимые во дворцахъ, также говорятъ о роскоши и богатствѣ. Среди этихъ вещей—много созданій высоко-художественныхъ, принадлежащихъ къ лучшимъ образцамъ «эгейскаго» искусства. Однако, неизвѣстно, являются ли они работой мѣстныхъ мастеровъ, соперничавшихъ съ критскими, или попали на сѣверъ въ видѣ военной добычи, можетъ быть, послѣ разграбленія самыхъ лабиринтовъ. Послѣднее предположеніе потому вѣроятно, что сѣверныя царства, въ противоположность державѣ миносовъ, выступаютъ въ исторіи съ чертами политики агрессивной, воинственной: «микенцы», даже усвоивъ «минойскую» культуру, остались завоевателями.[1]

---

[1] Подробное описаніе дворцовъ на материкѣ Греціи—во всѣхъ работахъ объ Эгеѣ; см., по-русски, указанную выше статью проф. В. Бузескула въ «Вѣстникѣ Европы». 1916 г.

Съ конца 18-ой династіи въ египетскихъ текстахъ появляются извѣстія о нападеніяхъ «народовъ великаго зеленаго моря». Наиболѣе древнія изъ такихъ извѣстій найдены въ тель-эль-амарнской перепискѣ (середина XIV в.); они повторяются въ эпоху Рамсеса III (1198—1167 г.) и переходятъ въ болѣе новыя времена. Историки среди именъ, которыя египтяне даютъ отдѣльнымъ «морскимъ народамъ», видятъ названія различныхъ племенъ, игравшихъ позднѣе роль въ исторіи. Такъ, *лукки* египтянъ, опустошавшіе союзный съ Египтомъ островъ Алашія (Кипръ), это, по мнѣнію многихъ историковъ, — ликійцы, одинъ изъ народовъ, усвоившихъ микенскую культуру; *сирдана* (или *шардина*), наемные воины того времени, своего рода ландскнехты XIV в. до Р. Х., это — сардинцы; *денуна* — данаи; *чаккара*—тевкры; *акаіуша*—ахеи; *февана*—іонійцы; *пуласата*—пеласги, а по другому толкованію — филистимляне; *туруша*—тирренцы или спеціально—этруски. Если догадки историковъ справедливы, надобно предположить, что «микенцы» принимали участіе въ этихъ морскихъ набѣгахъ, частью какъ союзники другихъ племенъ, частью, какъ ихъ руководители. Но буйная рать, сначала послушно шедшая за тѣми, кто ее велъ за добычей, кончила тѣмъ, что возмутилась противъ своихъ вождей и обратила оружіе на нихъ самихъ. При содѣйствіи наемныхъ воиновъ и племенъ, привлеченныхъ надеждой на удачные грабежи, микенцы сокрушили царство миносовъ и нанесли рядъ безпорядочныхъ ударовъ Египту, но потомъ сами стали жертвой тѣхъ грозныхъ силъ, которыми думали воспользоваться. [1]

Лабиринты въ Кноссѣ и Фестѣ подверглись нападенію, были сожжены и ограблены, приблизительно, въ серединѣ XIV в. Послѣ того, въ теченіе еще полутора столѣтія, мы видимъ расцвѣтъ эгейской культуры въ континентальныхъ царствахъ. Въ Кноссѣ, повидимому, сидѣлъ намѣстникъ одного изъ сѣверныхъ царей, потому что Критъ еще продолжалъ въ эту пору свои сношенія въ Египтомъ, и работа критскихъ мастеровъ продолжалась еще довольно интенсивно. Но въ концѣ XIII в. слѣдуетъ новый ударъ, новая волна завоевателей. На этотъ разъ критскія царства гибнутъ безповоротно; всякая жизнь на мѣстѣ древнихъ лабиринтовъ замираетъ совершенно. Завоеватели-варвары, разграбивъ дворцы, унеся изъ нихъ все, что имъ могло понравиться, по своему блеску или по своей причудливости, не захотѣли поселиться въ гигантскихъ лабиринтахъ. Вѣроятно, самые размѣры фантастическаго строенія пугали полудикихъ побѣдителей, привыкшихъ къ скромнымъ мазанкамъ и походнымъ шалашамъ. Какъ позднѣе вандалы раскидывали палатки подлѣ мраморныхъ дворцовъ Рима и въ пышныхъ покояхъ Палатина, такъ воины «морскихъ наро-

[1] Разные историки различно отожествляютъ египетскія имена съ именами исторически извѣстныхъ намъ племенъ (напр., подъ «пултастами» одни разумѣютъ миенческихъ пеласговъ, другіе—филистимлянъ. Нами приняты наиболѣе обычныя отожествленія.

довъ», еще дикія эллинскія племена, родоначальники будущихъ Праксителей и Перикловъ, робко поблуждавъ по безконечнымъ переходамъ, заламъ и террасамъ лабиринта, спѣшили выбраться на вольный воздухъ, чтобы спокойно заснуть подъ шатромъ изъ воловьихъ шкуръ. Никто не хотѣлъ селиться въ запутанности опустошеннаго лабиринта; можетъ быть, вскорѣ стали бояться даже входить въ него, сложили разсказы о привидѣніяхъ, бродящихъ по полуобгорѣлымъ заламъ, признали это мѣсто «нечистымъ». Постепенно огромные земляные холмы выросли на мѣстѣ прежнихъ лабиринтовъ, оберегая для любознательности грядущихъ вѣковъ остатки орнаментовъ и фресокъ и разные предметы, когда-то принадлежавшіе миносамъ и случайно не захваченные грабителями, сгибавшимися подъ тяжестью доставшейся имъ неимовѣрной добычи...

Нѣкоторые дворцы на континентѣ, напротивъ, пережили этотъ ударъ. Меньшіе по размѣрамъ, построенные по болѣе привычному плану, они, кажется, были использованы вождями завоевателей, превратившими ихъ въ свои резиденціи. Но, разумѣется, уцѣлѣли только стѣны, а весь обиходъ жизни долженъ былъ измѣниться. Впрочемъ, въ самые послѣдніе годы микенской исторіи во всей микенской культурѣ замѣчается быстрый регрессъ, очевидно, подъ вліяніемъ наплыва менѣе культурныхъ элементовъ, смѣшивавшихся съ населеніемъ микенскихъ царствъ. Между этой регрессирующей микенской культурой и культурой архаической Эллады пропасть оказывается уже гораздо менѣе глубокой. Если для Крита завоеваніе конца XIII в. было смертельнымъ ударомъ, то для континентальной Греціи то былъ болѣе или менѣе постепенный переходъ отъ однѣхъ формъ жизни къ новымъ. Тамъ Эллада явилась естественной наслѣдницей эгейцевъ. И дальнѣйшія извѣстія объ эгейцахъ приходится искать уже въ смутныхъ воспоминаніяхъ эллиновъ объ ихъ «сѣдой старинѣ».

Хотя и въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, эллины все же сохранили память о геройческой эпохѣ своего завоевательнаго движенія на Эгейю. Такъ греки помнили, что древнѣйшее населеніе ихъ страны было не эллинское, называя, какъ автохтоновъ, на материкѣ— пеласговъ, на островахъ— каровъ. Помнили греки о былой величіи Микенъ, Тиринѳа и Орхомена. Замокъ Тиринѳа Павсаній считалъ постройкой ликійскихъ киклоповъ; «Львиныя ворота», уцѣлѣвшія въ Микенахъ, также почитались работой киклоповъ. Купольныя могилы Микенъ и Орхомена (что нынѣ называются «сокровищницей Атреевъ» и «Минія») тотъ же Павсаній признавалъ чудомъ свѣта. Платонъ сохранилъ разсказы объ эгейскомъ городѣ въ Аттикѣ, на мѣстѣ будущихъ Аѳинъ. Платонъ же называетъ легендарнаго критскаго Миноса (по миѳу,— братъ Радаманта, оба— сыновья Зевса и Европы)— «праведнѣйшимъ» и «самымъ царственнымъ» среди царей, причемъ знаетъ о могуществѣ Миноса на морѣ, т. е. о морской державѣ Крита.

Эллинскіе миѳы, подъ поэтической формой, также таятъ зерна исторической истины. Согласно съ преданіемъ, съ Крита перешли въ Элладу многіе культы: Зевса, Хроноса и Реи— въ Олимпію; Деметры— въ Элевсинъ; Эпименида— въ Аѳины; Аполлона—въ Дельфы. Основатель Микенъ, Персей, по миѳу явился съ острововъ. Греки разсказывали, что ихъ музыка (орхестрика) также пришла къ нимъ съ Крита. Особенно много сохранилось воспоминаній въ миѳѣ о Минотаврѣ и связанныхъ съ нимъ миѳахъ о Дедалѣ, Пасифаѣ, Тесеѣ, Эгеѣ, Аріаднѣ и др. Злой, свирѣпый, несправедливый тиранъ критскій Миносъ, въ миѳѣ,— олицетвореніе Крита, господствовавшаго надъ Греціей; Минотавръ, полубыкъ— воспоминаніе о религіозныхъ культахъ Эгейи; поѣздка Тесея къ Миносу, давшая содержаніе одѣ Бакхилида,— символическое изображеніе историческаго факта: освобожденія Аттики отъ вассальныхъ отношеній къ Криту, и т. под.[1]

Но, конечно, наиболѣе яркимъ разсказомъ остаются сказанія о Троянской войнѣ, и связанныя съ ними. Трагики, черпая изъ нихъ сюжеты своихъ драмъ, всего охотнѣе переносили мѣсто дѣйствія въ Микены, которыя представлялись озаренными особымъ величіемъ и блескомъ. Недаромъ постояннымъ эпитетомъ Микенъ было— «золотыя». Въ народномъ представленіи Микены, временъ Агамемнона, пастыря народовъ, были средоточіемъ роскоши и богатства, уже недоступныхъ позднѣйшей Элладѣ, странѣ «бѣдной», по признанію самихъ эллиновъ. Въ такомъ же освѣщеніи представлены древнія царства и у Гомера. Троя и дворецъ Пріама изображены какъ недостигаемый образецъ пышности. Въ противорѣчіи съ другими миѳами и съ прямыми утвержденіями отдѣльныхъ стиховъ, дающихъ Троѣ очень небольшую древность, поэмы Гомера постоянно говорятъ о троянскомъ царствѣ, какъ объ чемъ-то уже дряхломъ, связаннымъ съ глубиной вѣковъ и, какъ пророчество о бренности всего земного, даже того, что кажется предназначеннымъ для безконечной жизни, звучатъ слова Гектора:

— Будетъ нѣкогда день и погибнетъ высокая Троя...

Троянская война— послѣдній эпизодъ изъ долгой борьбы эллинскихъ племенъ съ эгейскимъ міромъ. Троянское царство было послѣднимъ оплотомъ погибающей Эгейи. Въ Троѣ еще догорали свѣтлые лучи эгейской культуры, когда они уже погасли и на Критѣ и въ древнихъ замкахъ Микенъ и Тиринѳа. Полчища Агамемнона, на утлыхъ ладьяхъ пересѣкшія воды Архипелага, яростно стремились сломить послѣднюю твердыню вѣкового, наслѣдственнаго врага. Эллинамъ необходимо было до конца истребить древнюю цивилизацію эгейцевъ, чтобы расчистить мѣсто для своего національнаго творчества. Что эгейская жизнь замерла не сразу, доказывается приглашеніемъ эгейскихъ мастеровъ къ египетскому двору еще въ XI вѣкѣ; Троя оставалась, какъ постоянная угроза, какъ живое средоточіе, вокругъ котораго могли вновь объединиться побѣжденные

[1] Рядъ такихъ сопоставленій—у Б. Фармаковскаго.

микенцы. Эллины (можетъ быть, безсознательно), чувствовали это и напрягли всѣ силы своего народа, чтобы сокрушить царство Пріама. Таковъ историческій смыслъ похода Агамемнона, объединившаго почти всѣ эллинскія племена для обще- греческаго дѣла. Вѣроятно, извѣстіе о десяти годахъ осады— миѳично, но борьба должна была длиться долго и быть ожесточенной, такъ какъ троянцы не могли надѣяться на милость побѣдителей. Быть можетъ, есть доля исторической истины и въ преданіяхъ о помощи, которую троянцы получали отъ другихъ народовъ. Въ странахъ, издревле связанныхъ съ эгейскимъ міромъ разнообразнѣйшими отношеніями, частью принявшихъ эгейскую культуру, должны были смотрѣть на оборону Трои, какъ на дѣло не вполнѣ чужое. Эллины, недавніе пришлецы, вторгшіеся въ земли древней культуры, должны были казаться опасными завоевателями всѣмъ членамъ «древне-восточной» семьи народовъ. Даже въ отдаленномъ Египтѣ, политики и жрецы, въ тиши тысячелѣтнихъ храмовъ и въ пышности новыхъ дворцовъ, слѣдили, вѣроятно, съ тревогой за успѣхами молодого народа, уничтожившаго дружественныя эгейскія царства. И не звучитъ ли отголосокъ этой тревоги въ преданіи объ томъ, что Елена, похищенная Паридомъ, была укрыта въ Египтѣ?

Но судьба эгейцевъ на землѣ была предрѣшена всѣмъ ходомъ исторіи. Троя пала, какъ пали ранѣе критскіе лабиринты, эгейскія Микены, дворцы въ Тиринѳѣ, Орхоменѣ (на Иѳакѣ)... Агамемнонъ, Менелай, Одиссей и другіе союзные цари повезли съ собой на родину богатую военную добычу,— сокровища, накопленныя въ священномъ Иліонѣ вѣками культурной жизни. По дворцамъ греческихъ властителей и по домамъ вернувшихся изъ долгаго похода воиновъ разлился новый потокъ эгейскихъ издѣлій, смѣшавшись со всѣмъ тѣмъ, что ранѣе было награблено на Критѣ и въ микенскихъ царствахъ. Эти издѣлія должны были послужить образцами для рождавшагося эллинскаго искусства. Въ то же время отъ эгейцевъ, частью обращенныхъ въ рабство, частью влившихся въ составъ различныхъ греческихъ племенъ, должны были эллины узнать элементарныя начала эгейской мудрости,— религіозныхъ воззрѣній, научныхъ познаній и техническихъ навыковъ древней Эгеи. Архаическое искусство Греціи тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ послѣднему, упадочному періоду искусства эгейскаго. Культура эгейцевъ, хотя и въ новыхъ формахъ, смѣшавшись съ вліяніями другихъ странъ, прежде всего Египта, и съ національными эллинскими началами, должна была возродиться въ культурѣ античнаго міра.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Валерій Брюсовъ.

ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

1. Пролетаріатъ и буржуазія.

Когда вспыхнула русская революція, естественно, прежде всего всталъ вопросъ, каково будетъ ея вліяніе на приближеніе мира. Но, какъ теперешняя война своей силою и значеніемъ далеко превосходитъ русско-японскую, такъ и теперешняя революція обѣщаетъ еще глубже перевернуть всѣ отношенія въ Россіи, чѣмъ это сдѣлала революція 1905 года. Если она утвердится, то ея дѣйствіе скажется и далеко за предѣлами Россіи, она станетъ началомъ новой эпохи во всей Европѣ. Потому что, несмотря на всю національстическую травлю, международное сплетеніе государственной жизни европейскихъ народовъ подвинулось уже такъ далеко, что невозможно, чтобы осталось безъ воздѣйствія на другія государства такое грандіозное событіе, какъ превращеніе царской имперіи въ демократическую республику.

Если демократія утвердится въ Россіи, то австрійскій и польскій вопросъ сейчасъ же обернутся къ намъ новымъ лицомъ. Мысль о независимости Польши и о сохраненіи Австріи питалась у населяющихъ эти страны народныхъ массъ ненавистью и страхомъ передъ деспотизмомъ сосѣдней Россіи. Это измѣнится, если Россія превратится въ Восточно-европейскіе Соединенные Штаты, т. е. станетъ федеративной республикой. Въ совсѣмъ иномъ видѣ предстанетъ тогда передъ нами и балканскій вопросъ.

Еще глубже, чѣмъ этотъ переворотъ во внѣшней политикѣ Восточной Европы, должна будетъ произойти перемѣна во внутренней политикѣ всей Европы. Необходимымъ ея послѣдствіемъ будетъ громадное увеличеніе политическаго могущества рабочихъ классовъ во всей области капитализма.

Но все это будетъ только, если революція утвердится и не будетъ побѣждена контръ-революціей. Судьба революціи 1905 года, а также и революціи 1848 года внушаетъ на этотъ счетъ нѣкоторыя опасенія. И у каждаго изъ насъ, кто не ушелъ съ головою въ минуту, есть, разумѣется, потребность отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, каковы перспективы революціи.

Такъ какъ революція вспыхнула среди войны, то и перспективы ея зависятъ прежде всего отъ хода и исхода ея и въ немалой степени отъ той позиціи, какую займутъ по отношенію къ ней тѣ или другія изъ воюющихъ странъ и въ какой мѣрѣ онѣ окажутся склонны примириться съ нею или начать борьбу про-

тивъ нея. Военная катастрофа русскаго государства могла бы стать катастрофой и для революціи.

И постольку ея перспективы связаны съ тѣмъ, какъ будутъ держаться правительства воюющихъ государствъ, и не только они, но также и ихъ соціалъ-демократическія партіи, и между ними въ первую очередь соціалъ-демократія Германіи.

Но не обречена ли революція на крушеніе уже въ силу одной лишь экономической отсталости Россіи?

Въ своей статьѣ о революціи газета «Yorwärts» 18-го марта поставила вопросъ: «Улучшилъ ли русскій народъ, благодаря революціи, свое положеніе?» и дала на этотъ вопросъ такой отвѣтъ: «Это покажетъ будущее! Пока же онъ лишь промѣнялъ господство самодержавія на господство буржуазіи».

Съ такимъ же правомъ можно было бы спросить: чего добился французскій народъ своею великою революціей? Онъ тогда промѣнялъ лишь господство самодержавія на господство буржуазіи.

Прежде всего, не годится сравнивать господство самодержавія съ господствомъ буржуазіи. Самодержавіе это государственная форма, а буржуазія—классъ, который можетъ господствовать при самыхъ различныхъ государственныхъ формахъ. Если, не дѣлая нелѣпаго сравненія между существованіемъ государственной формы и господствомъ класса, мы сравнимъ государственную форму съ государственною формой, то мы придемъ къ такому результату: русскій народъ замѣнилъ самодержавіе демократіей. Умѣстно ли при такой мѣнѣ словечко «лишь»? Газета «Yorwärts» сама подчеркиваетъ въ той же статьѣ: «намъ нужна демократія».

«Пока же» невѣрно также, будто въ Россіи налицо «господство буржуазіи». Послѣдняя скорѣе растерялась и довольно безпомощна передъ увлекающими ее событіями.

Но это, разумѣется, положеніе, которое не можетъ долго держаться. Упроченіе новаго государственнаго строя тѣсно связано съ рѣшеніемъ вопроса: господство пролетаріата или господство буржуазіи?

Нѣтъ ни одной буржуазной революціи, которая бы совершилась безъ дѣятельнаго содѣйствія пролетаріата. Но при первыхъ буржуазныхъ революціяхъ отъ 1642 до 1848 года масса пролетаріата вступала въ революціонную борьбу сначала безъ выраженнаго классового сознанія. Только въ ходѣ революціоннаго развитія, при первой англійской и великой французской революціяхъ, лишь годы спустя и лишь въ незначительной мѣрѣ пришелъ пролетаріатъ къ тому, чтобы противопоставить свои особые интересы и свое особое пониманіе государства и общества интересамъ и пониманію буржуазіи. Но съ тѣхъ поръ пролетаріатъ выработалъ рѣзко опредѣленное классовое самосознаніе, и это самосознаніе сообщилось и за предѣлы экономически наиболѣе развитыхъ странъ въ страны, экономически отсталыя, если только въ нихъ народился современный капитализмъ и современный пролетаріатъ. Городскіе пролетаріи Россіи обладаютъ

сильнымъ классовымъ самосознаніемъ, и ихъ соціалистическіе вожди стоятъ во всеоружіи знаній двадцатаго вѣка.

А это означаетъ, что они съ самаго начала вступаютъ въ революцію съ зарядомъ сильнаго противорѣчія всякому буржуазному правительству, а не то, чтобы имъ приходилось только въ ходѣ революціи вырабатывать эту враждебность.

При этомъ государственный строй Россіи былъ до сихъ поръ таковъ, что онъ въ сильнѣйшей степени препятствовалъ не только пролетарскому, но и буржуазному развитію и велъ государство къ крушенію. Устраненіе самодержавія было настоятельно необходимо и для буржуазіи, а между тѣмъ его устраненіе насильственнымъ путемъ не было возможно безъ содѣйствія пролетаріата, а его-то при данныхъ условіяхъ больше всего и боялась буржуазія. Поэтому она оказывала самодержавному правительству лишь очень слабое сопротивленіе, и нужно было, чтобы царизмъ привелъ Россію на край гибели, прежде чѣмъ она энергичнѣе выступила противъ него, и то не по собственной иниціативѣ, а лишь повинуясь необходимости. Но въ тѣмъ большей мѣрѣ вспыхнувшая наконецъ революція по первому началу была преимущественно пролетарскою.

Сможетъ ли она сохранить такой характеръ и дальше, въ виду экономической отсталости страны? И не случится ли, что побѣда буржуазныхъ силъ снова уничтожитъ все, чего достигла революція?

Таковы вопросы, которые встаютъ передъ нами. Рѣчь тутъ идетъ не о пророчествахъ, не о томъ, чтобы опредѣленно сказать, утвердится ли революція или нѣтъ. Объ этомъ ничего сказать нельзя. Но можно изъ имѣющихся данныхъ сдѣлать выводы для отвѣта на вопросъ, представляется ли неизбѣжнымъ крушеніе революціи

2. *Соціализмъ.*

Прежде всего нужно дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какія задачи стоятъ передъ революціоннымъ пролетарскимъ режимомъ.

Пролетаріату настоятельно необходимы двѣ вещи: *демократія и соціализмъ*. Демократія, т. е. наиболѣе далеко идущія свободы и политическія права народныхъ массъ, превращеніе учрежденій государственнаго и муниципальнаго управленія въ простыя орудія народныхъ массъ. А затѣмъ—соціализмъ, т. е. превращеніе частнаго производства на рынокъ въ общественное, т. е. въ государственное, коммунальное и кооперативное производство для удовлетворенія потребностей общества. И то и другое нужно пролетаріату въ одинаковой мѣрѣ. Общественное производство безъ демократіи могло бы сковать общество тягчайшимъ гнетомъ. Демократія безъ соціализма сохраняетъ экономическую зависимость пролетаріата.

Изъ этихъ двухъ великихъ требованій пролетаріата требованіе демократіи свойственно не ему одному. Оно можетъ выдвигаться и другими классами. Но пролетаріатъ въ настоящее время, разумѣется, единственный классъ, который, какъ низшій изъ

всѣхъ классовъ, требуетъ и долженъ требовать демократіи съ величайшей энергіей при всѣхъ обстоятельствахъ и въ широчайшей мѣрѣ.

Напротивъ, требованіе соціализма есть только имъ однимъ выдвигаемое требованіе. Всѣ другіе классы стоятъ на точкѣ зрѣнія частнаго производства и допускаютъ общественныя предпріятія самое большее, лишь какъ отдѣльныя вспомогательныя средства частнаго производства, а не какъ всеобщее средство для преодолѣнія послѣдняго.

Различаются между собою эти два требованія и еще въ одномъ отношеніи. Демократія достижима сразу, и ее можно провести повсюду, гдѣ въ народныхъ массахъ пробудился политическій интересъ, стало быть, повсюду, гдѣ ее требуетъ народная масса, между тѣмъ, какъ соціализмъ нигдѣ не можетъ быть введенъ сразу, и мѣра его осуществленія зависитъ отъ высоты развитія капитализма.

Несомнѣнно, русскій капитализмъ представляетъ очень мало исходныхъ пунктовъ, которые могли бы быть развиты въ соціалистическомъ смыслѣ. Однако же и тамъ уже было бы возможно сдѣлать значительные шаги въ этомъ направленіи путемъ перевода въ государственную собственность крупныхъ предпріятій, желѣзныхъ дорогъ, поскольку онѣ еще не перешли во владѣніе казны (общая длина желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, безъ Финляндіи, достигаетъ болѣе 74.000 километровъ, изъ нихъ казенныхъ ж. д. 54.000 километровъ), горной промышленности, а именно добычи угля, золота, нефти, а также отдѣльныхъ громадныхъ предпріятій тяжелой индустріи. Далѣе, путемъ конфискаціи имѣній сверженной династіи и монастырей, пріобрѣтенія государствомъ помѣщичьихъ земель; наконецъ, путемъ передачи земли городамъ для постройки дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ, а также для производства съѣстныхъ припасовъ для городского населенія.

Главною задачей должна, разумѣется, остаться защита пролетарскихъ интересовъ въ частной промышленности: широкая охрана труда и именно восьми-часовой рабочій день; широкое страхованіе рабочихъ, и въ особенности важно страхованіе отъ безработицы, а также снабженіе рабочаго населенія дешевыми продуктами питанія. Наконецъ, покрытіе расходовъ государства на эти и другія цѣли исключительно путемъ прогрессивнаго обложенія имущихъ классовъ.

Это можно, пожалуй, назвать буржуазною программой реформъ, а не пролетарской революціонной программой. Но суть тутъ въ количествѣ. И здѣсь количество, возрастая, должно перейти въ новое качество.

Въ природѣ вещей, что пролетаріатъ будетъ стараться, какъ только онъ почувствуетъ подъ ногами твердую почву, использовать свою революціонную силу въ указанномъ здѣсь направленіи и что при этомъ онъ натолкнется на сопротивленіе капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Отъ его относительной

силы будетъ зависѣть, въ какой мѣрѣ онъ при этомъ добьется исполненія своихъ требованій.

И здѣсь также, т. е. въ размѣрахъ пролетарской силы, скажется экономическая отсталость Россіи. Капитализмъ является предпосылкой соціализма не только въ томъ, что онъ создаетъ матеріальныя условія, но и въ томъ, что онъ создаетъ людей, заинтересованныхъ въ его осуществленіи, создаетъ пролетаріевъ.

Численность промышленнаго городского пролетаріата Россіи еще, разумѣется, незначительна. Въ 1913 году изъ 174 милліоновъ въ Россіи сельскаго населенія считалось почти 150 милліоновъ, и лишь немного болѣе 24 милліоновъ жило въ городахъ. Конечно, при этомъ нужно замѣтить, что именно вслѣдствіе отсталости государства, недостаточности путей сообщенія, большой духовной разобщенности сельскаго населенія, политическое значеніе послѣдняго по сравненію съ городами не соотвѣтствуетъ его численности, а гораздо меньше. Такое несоотвѣтствіе наблюдается и во всѣхъ странахъ, но въ отсталыхъ оно больше, чѣмъ въ передовыхъ. Парижъ въ настоящее время не имѣетъ такого значенія для Франціи, какъ сто лѣтъ назадъ. Политическое значеніе Константинополя для Турціи гораздо больше, чѣмъ Берлина для Германіи.

Въ городахъ Россіи, и именно въ крупныхъ, пролетаріатъ уже и теперь играетъ рѣшающую роль.

Во всякомъ случаѣ, численный перевѣсъ сельскаго населенія слишкомъ силенъ. И отъ сельскаго населенія зависитъ, удержитъ ли и насколько удержитъ пролетаріатъ ту сильную позицію, которую онъ занимаетъ въ настоящее время.

Но отъ сельскаго населенія зависитъ и то, сохранится ли вообще демократія.

3. Демократія.

Демократія въ настоящій моментъ еще важнѣе, чѣмъ экономическое улучшеніе положенія пролетаріата. Конечно, она очень скоро повисла бы въ воздухѣ, если бы оказалось, что она не находитъ быстрыхъ средствъ для того, чтобы значительно улучшить положеніе трудящихся массъ, но это ея моментальное дѣйствіе еще не является самымъ важнымъ. Самое важное здѣсь то, что только демократія и создаетъ основаніе, на которомъ возможно прочное улучшеніе положенія пролетарскихъ массъ.

Для этихъ послѣднихъ она имѣетъ не только то значеніе, что она позволяетъ имъ захватить позиціи, способствующія усиленію ихъ мощи. Демократія для пролетаріата неоцѣнима и тамъ, гдѣ съ точки зрѣнія реальной политики она не даетъ еще сразу осязательныхъ выгодъ.

Для своего освобожденія пролетаріи не только должны опираться на опредѣленныя матеріальныя предварительныя условія и обладать достаточною численностью. Нужно еще, чтобы они стали новыми людьми, одаренными способностями, какія требуются для новоустройства государства и общества. Эти способности получаются въ нихъ только путемъ классовой

борьбы, а для этой борьбы, если она ведется самоуправляющимися, а не по указкѣ тайныхъ комитетовъ дѣйствующими пролетарскими массами, необходимы демократическія права и свободы.

И сколько бы ни далъ моментально новый русскій государственный строй пролетаріямъ въ смыслѣ матеріальныхъ завоеваній и политической мощи, все же этотъ вопросъ отступаетъ по своему значенію на задній планъ по сравненію съ вопросомъ о сохраненіи демократіи. Въ этомъ самая важная сторона теперешней русской революціи. И изъ-за этого будетъ вестись самая жаркая борьба.

Мы должны считаться съ попытками контръ-революціи. Каковы ея шансы?

4. Уроки революціи.

Прежде всего мы должны принять въ соображеніе, что Россія теперь продѣлываетъ вторую революцію въ теченіе немногихъ лѣтъ. А революціи—суровые учителя, и каждый народъ, которому приходится имѣть съ ними дѣло, чрезвычайно многому учится въ ихъ школѣ, и притомъ не только угнетенные и эксплуатируемые, но и господствующіе классы.

Извѣстна чрезвычайная политическая мудрость господствующихъ классовъ въ Англіи, ихъ внимательное изученіе нуждъ и требованій рабочаго люда, ихъ способность, при всемъ упорномъ стремленіи сохранить свои привилегіи и объекты эксплуатаціи, всегда распознать моментъ, когда уже невозможно сохранить ихъ и нужно пожертвовать чѣмъ-нибудь, для того, чтобы сохранить господство и эксплуатацію въ цѣломъ. Благодаря этой разумной политикѣ, политическое развитіе Англіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ отличалось гораздо большимъ постоянствомъ, чѣмъ это было на континентѣ. Объясняется это не какой-нибудь врожденною расовой особенностью или болѣе высокою интеллигентностью англичанъ, а главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что они раньше другихъ націй продѣлали въ эпоху капитализма три революціи, вызванныхъ попыткою насильственнаго пригнетенія народныхъ массъ. Наименьшею глубиною изъ этихъ революцій отличалась вторая, изгнаніе Якова II въ 1688 году, «славная революція», запечатлѣвшаяся въ сознаніи буржуазіи именно потому, какъ «славная», что она исходила не изъ народныхъ массъ, а была проведена лишь частью господствующихъ классовъ. Совсѣмъ иного характера были два другія народныхъ движенія, революція 1642—1660 гг., приведшая въ 1649 г. къ казни короля Карла I, и возстаніе американскихъ колоній, начавшееся въ 1774 году и закончившееся въ 1783 г. признаніемъ ихъ независимости.

Англійская республика семнадцатаго и американская восемнадцатаго вѣка произвели глубокое впечатлѣніе на англійскій народъ. Онѣ въ такой же степени подняли самосознаніе его низшихъ классовъ, въ какой научили его высшіе классы осторожности и уступчивости по отношенію къ послѣднимъ.

Подобные же уроки получаетъ Россія теперь уже во второй

разъ за 12 лѣтъ. Они должны произвести такое же дѣйствіе на ея высшіе и низшіе классы, какъ англійскія революціи въ Англіи, и уже одно это ставитъ предѣлъ контръ-революціи.

5. Армія.

Конечно, предѣлъ этотъ не является непереходимымъ. Господствующіе классы Франціи со времени 1789 г. нѣсколько разъ получали такіе уроки, и однако это не помѣшало тамъ контръ-революціи. Причина этого въ томъ значеніи, которое получила тамъ армія.

Раннихъ и сильныхъ впечатлѣній отъ англійскихъ революцій самихъ по себѣ еще было бы недостаточно, для того, чтобы внушить господствующимъ классамъ Англіи благоразумную боязнь по отношенію къ попыткамъ насильственнаго подавленія сильнаго народнаго движенія, если бы къ этому не присоединилось отсутствіе большой постоянной арміи. Со времени своей революціи Англія односторонне развила лишь свою морскую мощь, а остальные народы Европы въ концѣ концовъ примирились съ господствомъ Англіи на моряхъ, въ виду того, что у нея не было сколько-нибудь значительной сухопутной арміи, которая могла бы угрожать имъ на сушѣ. А флотъ не можетъ поддержать господство внутри страны, онъ годится, лишь какъ опора внѣшняго могущества. Другія великія державы Европы, напротивъ, развивали главнымъ образомъ свои сухопутныя арміи. Этимъ они создали себѣ средство не только для укрѣпленія своего внѣшняго могущества, но и для укрѣпленія своего господства внутри страны, по отношенію къ своему собственному народу. Благодаря этому правительства континентальныхъ державъ стали неодолимы для развивающейся демократіи, пока надежна для нихъ была ихъ армія, безпрекословно повиновавшаяся имъ и противъ внѣшняго, и противъ внутренняго врага. Напротивъ, правительство не могло держаться противъ народнаго возстанія, лишь только войско становилось ненадежно или переходило на сторону народа. Со взятія Бастиліи и до дней Парижской коммуны во Франціи бывалъ побѣдителемъ народъ, когда армія колебалась, и побѣждала контръ-революція, когда правительство могло опереться на свои войска.

То же самое имѣетъ значеніе и для Россіи. Разложеніе русскихъ арміи послѣ пораженій въ Манчжуріи въ связи съ волною массовыхъ забастовокъ привело въ 1905 году къ побѣдѣ революціи. Контръ-революція началась, когда въ рукахъ правительства снова оказались войска, на которыя можно было положиться.

Повторится ли и теперь то же самое? Удастся ли противореволюціоннымъ кликамъ снова залучить на свою сторону армію и разгромить съ ея помощью революцію? Въ этомъ—вопросъ о судьбѣ революціи. По счастью, положеніе въ настоящее время совсѣмъ иное, чѣмъ въ 1905 г. Тогда революціонерамъ удалось принудить царя къ уступкамъ по вопросу о конститу-

ціи, но имъ не удалось свергнуть его режимъ. Команда надъ арміей осталась въ его рукахъ, и онъ смогъ воспользоваться этимъ для того, чтобы сосредоточить надежные элементы арміи въ угрожаемыхъ пунктахъ.

На этотъ разъ революціонеры завоевали исполнительную власть и вмѣстѣ съ этимъ и армія оказалась въ ихъ распоряженіи. Контръ-революція теперь означала бы въ первую очередь не пораженіе народа правительствомъ, а низверженіе правительства вождями арміи путемъ государственнаго переворота: то, что сдѣлалъ Наполеонъ первый 18-го брюмера 1799 г.

Положеніе могло бы оказаться благопріятнымъ для государственнаго переворота, если бы война продолжалась и армія вела бы ее съ воодушевленіемъ. Это было бы возможно, если бы противники Россіи грозили бы уничтожить ея молодую только что добытую свободу. Это, разумѣется, спаяло бы русскую армію, объединивъ ея волю въ одномъ могучемъ стремленіи. Но и это еще не означало бы для нея неизбѣжности стать орудіемъ Наполеона. Прежде всего, откуда взяться Наполеону? Вѣкъ сказочныхъ успѣховъ войны, наносящей противнику одно пораженіе за другимъ, миновалъ. Отошла въ прошлое также эпоха, когда побѣдителямъ, офицерамъ, и часто и рядовымъ солдатамъ доставались большія выгоды отъ войны, доставалась богатая добыча. Современный способъ веденія войны рождаетъ въ солдатахъ совсѣмъ иной духъ, чѣмъ тотъ, какимъ были воодушевлены наполеоновскія арміи. Поэтому и русскія арміи не такъ-то легко создали бы какому-нибудь генералу то громадное могущество, которое дало бы ему возможность совершить государственный переворотъ. Впрочемъ, нельзя забывать, что и могучій Наполеонъ никогда не отваживался перестать считаться съ революціоннымъ характеромъ своей арміи. Онъ могъ заставить ее служить своимъ цѣлямъ, только выступивъ въ роли носителя революціи, громящаго феодальную монархическую Европу.

Стало быть, воспользоваться въ Россіи арміей для контръ-революціонныхъ цѣлей въ настоящее время не такъ-то просто, какъ это представляется нѣкоторымъ людямъ.

Но что, если само революціонное правительство, въ преобладающемъ большинствѣ своемъ составленное изъ представителей буржуазіи, въ одинъ прекрасный день откажется выносить давленіе пролетаріата и попытается устранить его съ помощью арміи? Такъ было въ 1848 г., когда въ іюньскіе дни революціонное правительство бросило армію на пролетаріатъ Парижа. Такой случай, разумѣется, можетъ повториться. Но при этомъ нужно принять во вниманіе два соображенія. Во-первыхъ, русская армія, съ ея быстро набранными милліонами новобранцевъ скорѣе представляетъ народную рать, а не профессіональную армію, какою была армія французская въ 1848 году съ ея долгимъ срокомъ службы. А во-вторыхъ, и для послѣдней не безразлично было настроеніе тѣхъ классовъ населенія, изъ которыхъ она рекрутировалась. Еще въ большей мѣрѣ это имѣетъ зна-

ченіе относительно русской арміи въ настоящее время. Но и здѣсь, какъ и тамъ, классомъ, опредѣляющимъ составъ арміи, является *крестьянство*. Вообще въ арміяхъ до сихъ поръ крестьянство было представлено сильнѣе, чѣмъ въ населеніи. Крестьянинъ считается лучшимъ солдатомъ, это ядро арміи. Гдѣ крестьяне составляютъ большинство населенія, тамъ они цѣликомъ опредѣляютъ характеръ арміи.

6. Крестьяне.

Въ самомъ дѣлѣ, въ революціонныя эпохи, во Франціи, какъ и въ Россіи, настроеніе рядового солдата въ арміи развивается параллельно съ настроеніемъ крестьянства.

Здѣсь мы наталкиваемся на третій факторъ, который до сихъ поръ принуждалъ господствующіе классы въ Англіи держаться по отношенію къ народнымъ массамъ болѣе благоразумной и менѣе разсчитанной на мѣры насильственнаго подавленія тактики, чѣмъ это было на континентѣ. Въ Англіи уже столѣтія отсутствуетъ великій противовѣсъ промышленному пролетаріату, крестьянинъ. Крестьянинъ рѣшилъ судьбу революцій на континентѣ.

Пока господствуетъ феодальный укладъ жизни, крестьянинъ склоненъ идти рука объ руку съ городской мелко-буржуазной и пролетарской демократіей. Рѣшающими для него являются тутъ экономическія основанія. Онъ хочетъ избавиться отъ бремени феодальныхъ повинностей, онъ хочетъ завладѣть феодальной земельной собственностью. Чтобы достигнуть этого, онъ вступаетъ въ союзъ съ демократами городовъ. Такъ было отъ великой крестьянской войны до великой французской революціи.

Напротивъ, современная демократія, стремящаяся подчинить управленіе всѣмъ государствомъ народу, на первыхъ порахъ менѣе близка его сердцу. Малограмотные, экономически самодовлѣющіе крестьяне отдѣльныхъ селъ и волостей, безъ постояннаго общенія со всѣмъ остальнымъ міромъ, безъ пониманія и интереса къ политикѣ государства, долго придавали малую цѣну тому, существуетъ ли демократія въ государствѣ. Для ихъ мѣстныхъ дѣлъ съ нихъ достаточно было демократіи въ общинѣ.

Въ борьбѣ противъ феодальныхъ господъ и ихъ защитниковъ, въ борьбѣ за пріобрѣтеніе церковныхъ и эмигрантскихъ имѣній крестьяне во время французской революціи присоединились къ революціонерамъ городовъ.

Напротивъ, борьбу за демократію въ государствѣ они почти цѣликомъ предоставили горожанамъ. Они образовали оплотъ противъ контръ-революціи, поскольку послѣдняя грозила возстановленіемъ феодальныхъ условій жизни. А республиканской свободѣ они съ спокойной душою дали погибнуть. Ихъ выразителемъ былъ Наполеонъ. Онъ защитилъ экономическія завоеванія революціи и попралъ ногами ея демократическія завоеванія.

Если крестьянинъ оказался энергичнымъ защитникомъ экономическихъ и ненадежнымъ другомъ демократическихъ завоеваній, то тутъ сказался еще третій моментъ. Крестьянинъ обнаружилъ уже задатки прямой вражды по отношенію къ городамъ тамъ, гдѣ для него рѣшающимъ оказалось опредѣленіе цѣнъ съѣстныхъ продуктовъ въ зависимости отъ политики.

Вообще во времена великой революціи и еще нѣсколько десятилѣтій спустя этотъ вопросъ для крестьянина рѣзко не ставился. Его хозяйство покоилось главнымъ образомъ на производствѣ для собственнаго потребленія. Онъ покупалъ мало, и потому ему не нужно было бы много и продавать, если бы подати были невелики. Ихъ пониженіе было для него важнѣе, чѣмъ цѣны на съѣстные продукты. Но когда наступаютъ обстоятельства, при которыхъ цѣна послѣднихъ пріобрѣтаетъ для него значеніе, и въ то же время политика становится средствомъ для пониженія этихъ цѣнъ, тогда обнаруживается рѣзкое политическое противорѣчіе между горожанами и крестьянами.

Такъ было въ 1793 году, когда тѣснимая со всѣхъ сторонъ вражескими арміями Франція была отрѣзана отъ подвоза изъ-заграницы. Тогда городская демократія оказалась вынужденной прибѣгнуть къ политикѣ максимальныхъ цѣнъ, противъ которой протестовали крестьяне, что внесло расколъ въ единство революціонныхъ силъ.

Тогда это былъ преходящій моментъ, исчезнувшій вмѣстѣ съ превосходствомъ вражескихъ армій. Но съ тѣхъ поръ быстро развилось товарное производство. Крестьянинъ сталъ производить все меньше и меньше для собственнаго потребленія, все больше и больше работалъ на рынокъ. Въ то же время промышленность развилась въ такой мѣрѣ, что производство съѣстныхъ продуктовъ внутри страны оказалось недостаточнымъ для покрытія спроса со стороны промышленнаго населенія, и тогда образованіе цѣнъ на съѣстные припасы на внутреннемъ рынкѣ оказалось въ сильной зависимости отъ торговой политики страны. Въ борьбѣ за направленіе послѣдней тогда выступило на сцену сильное противорѣчіе между крестьянствомъ и городскою демократіей, и оно стало уже длительнымъ.

И если при такихъ обстоятельствахъ соціалъ-демократическая партія все еще хочетъ возобновить существовавшій въ болѣе раннюю эпоху союзъ между пролетаріями и крестьянами и вырабатываетъ для этой цѣли аграрную программу, то это анахронизмъ. Въ государствахъ, въ которыхъ развитіе зашло уже такъ далеко, какъ здѣсь указано, сила пролетаріата не въ единеніи съ крестьянами, а въ собственномъ численномъ превосходствѣ. Въ сельскихъ округахъ пролетаріатъ черпаетъ свою силу въ развивающемся и тамъ классовомъ разслоеніи имущихъ и неимущихъ, хотя этотъ процессъ здѣсь часто значительно слабѣе, чѣмъ въ городахъ. Судьба демократіи въ экономически передовыхъ странахъ зависитъ уже не отъ крестьянства. Иначе обстоитъ дѣло въ такой странѣ, какъ Россія. Здѣсь крестьянство—рѣшающій элементъ. Но еще никому неизвѣстно, каково

будетъ рѣшеніе. Потому что за послѣднее десятилѣтіе русскій крестьянинъ продѣлалъ большую эволюцію, и результаты этой эволюціи еще не установлены.

7. Современное крестьянство въ Россіи.

До революціи 1905 года положеніе русскаго крестьянина имѣло еще нѣкоторое сходство съ положеніемъ французскаго крестьянина въ 1789 году. Конечно, крѣпостного права уже не существовало, но въ состояніе свободы онъ вошелъ въ такой бѣдности и съ такимъ невѣжествомъ, что для раціональнаго интенсивнаго земледѣлія оказался неспособнымъ. Его хозяйство хирѣло все болѣе и болѣе, его надѣлъ замѣтно уменьшался, вслѣдствіе быстраго роста населенія. Земли, побольше земли— такова была его насущнѣйшая потребность.

Гораздо менѣе интересовали его требованія демократическаго государственнаго строя, покуда государственная власть представлялась ему, въ виду его безграмотности и недостаточнаго развитія путей сообщенія, чѣмъ-то недостижимымъ и непонятнымъ, покуда въ его сознаніи крѣпка была пословица: до неба высоко, до царя далеко.

Когда въ 1905 году городскіе пролетаріи одолѣли царизмъ, то это послужило, подобно штурму Бастиліи въ 1789 г., сигналомъ къ революціонному выступленію крестьянъ, которые потребовали церковныхъ и помѣщичьихъ земель и поняли, что имъ нужно поддерживать городской пролетаріатъ. Но еще черезчуръ велика была ихъ обособленность и невозможно было еще единодушное поднятіе всего крестьянства. Какъ во время нѣмецкой крестьянской войны въ 1525 году, распылилось крестьянское движеніе въ Россіи въ 1905 году, разбившись на мѣстныя вспышки, не связанныя одна съ другою, и эти вспышки были подавлены одна за другою оставшимися надежными войсками, отчасти умиротворены хитрыми обѣщаніями. Такимъ образомъ, нужной опоры у возставшаго пролетаріата городовъ не оказалось. И они были разбиты.

Однако же опасность для дворянства и самодержавія была громадная. Они поняли предупрежденіе. Съ одной стороны, они старались успокоить земельный голодъ крестьянства, отведя его въ безопасное русло облегченіемъ переселенія въ Сибирь, а, съ другой стороны, они попытались устранить его, давъ крестьянину возможность перейти къ болѣе интенсивному хозяйству. Для этой цѣли были примѣнены методы вродѣ уничтоженія остатковъ деревенскаго коммунизма, которые необычайно способствовали разслоенію сельскаго населенія на состоятельныхъ и неимущихъ. Самодержавіе надѣялось создать себѣ реакціонную гвардію въ лицѣ зажиточной части крестьянства или, по крайней мѣрѣ ослабить такимъ путемъ, революціонныя стремленія сельскаго населенія. Возникновеніе этого зажиточнаго слоя и интенсификація крестьянскаго хозяйства облегчались однимъ факторомъ, котораго царизмъ не могъ ни привести въ движеніе, ни даже предвидѣть,—мы говоримъ

о повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ, которое началось именно послѣ первой русской революціи.

Какъ далеко продвинулись эти измѣненія и насколько они повліяли на мышленіе и цѣли русскаго крестьянства, покамѣстъ еще нельзя установить. Но можно съ увѣренностью сказать, что они не утолили земельнаго голода крестьянъ. У пролетаризованныхъ они только усилили его. У зажиточныхъ онъ недостаточно силенъ, конечно, чтобы принудить ихъ къ революціи, но и у нихъ онъ достаточно великъ для того, чтобы у нихъ родилось желаніе воспользоваться уже совершонною революціей для этой цѣли. А разъ земля достанется крестьянамъ изъ рукъ революціи, то они уже будутъ связаны съ нею крѣпкими узами и окажутъ сопротивленіе всякой контръ-революціи, грозящей для нихъ отнятіемъ новоприобрѣтенныхъ земель. Здѣсь и есть тотъ пунктъ, въ которомъ крестьяне находятъ ближайшихъ союзниковъ въ соціалистахъ. Потому что либералы, среди которыхъ много помѣщиковъ, не говоря уже о безсильныхъ въ настоящее время консерваторахъ, не очень то склонны удовлетворить земельный голодъ крестьянъ.

Съ меньшимъ усердіемъ встанутъ, вѣроятно, крестьяне въ защиту демократическаго строя государства. Однако и тутъ не слѣдуетъ видѣть все въ черныхъ краскахъ. Распространеніе народнаго просвѣщенія, развитіе путей сообщенія, газетнаго дѣла и почты повсюду дѣлаетъ успѣхи и будитъ интересъ къ политикѣ и у крестьянина. Всеобщая воинская повинность приводитъ многихъ изъ нихъ въ города, пользованіе избирательнымъ правомъ усиливаетъ интересъ къ политической дѣятельности. Еще ни въ одной странѣ въ Европѣ крестьянинъ не дорось до того, чтобы взять въ свои руки политическую инициативу, но его интересъ и пониманіе политическихъ вопросовъ растутъ повсюду, а вмѣстѣ съ этимъ растетъ и его интересъ къ демократическимъ правамъ и свободамъ не только въ общинѣ, но и во всемъ государствѣ, потому что эти права и свободы даютъ крестьянству возможность бросить на чашку вѣсовъ свою численность.

Все это позволяетъ ожидать, что крестьяне останутся вѣрны революціи, насколько она принесетъ имъ экономическія выгоды, и что они не оставятъ безъ защиты и демократическія завоеванія, хотя эта защита и не будетъ такою воодушевленной и единодушной, какъ со стороны пролетаріата.

А съ крестьянами станетъ на сторону молодой республики и армія, которая и явится ея оплотомъ. Въ этомъ отношеніи у Россійской республики лучшіе шансы на продолжительность существованія, чѣмъ у французскихъ республикъ 1792 и 1848 г.г.

Но если мы можемъ ожидать, что новый революціонный режимъ окажется защищенъ противъ контръ-революціи, что крестьяне примкнутъ къ нему и окажутся ему вѣрны, то этимъ еще не сказано, какъ они будутъ держать себя въ случаѣ, если при этомъ режимѣ дѣло дойдетъ до столкновенія между буржуазными и пролетарскими элементами. Это два совершенно

различныхъ вопроса. Пораженіе пролетаріата еще не означаетъ непремѣнно крушенія республиканской формы правленія: это доказываетъ намъ исторія Франціи послѣ 1871 г. Но съ другой стороны, и поддержка нынѣшней революціи со стороны крестьянъ не означаетъ, что они будутъ поддерживать и дальнѣйшіе революціонные шаги пролетаріата. Нужно считаться съ тѣмъ, что они станутъ консервативнымъ элементомъ, какъ только будетъ утоленъ ихъ земельный голодъ и имъ будетъ обезпечена свобода движенія: враги всякой контръ-революціи, они будутъ противниками и всякой дальнѣйшей революціи.

Рѣзкое противорѣчіе между сельскимъ хозяйствомъ и городомъ и, стало быть, между крестьянами и пролетаріями, развивавшееся въ Западной Европѣ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, разумѣется, можетъ и не проявиться въ Россіи, такъ какъ она принадлежитъ къ числу странъ, вывозящихъ съѣстные продукты, а не ввозящихъ ихъ. Цѣны этихъ продуктовъ въ Россіи зависятъ отъ мірового рынка, онѣ не опредѣляются на внутреннемъ рынкѣ и, стало быть, по существу не зависятъ отъ внутренней политики, и поэтому выпадаютъ, какъ причина противорѣчія интересовъ крестьянства и пролетаріата, изъ счета. По крайней мѣрѣ, въ нормальныя времена. Теперь, во время міровой войны, Россія перестала быть страной вывоза съѣстныхъ продуктовъ. Внутренній рынокъ, и только внутренній рынокъ, сталъ рѣшающимъ при образованіи цѣнъ. Выключено изъ разсчета всякое отношеніе къ міровому рынку. Такимъ образомъ борьба за цѣны на съѣстные припасы, и притомъ въ самой прямой и ожесточенной формѣ, въ формѣ борьбы за и противъ максимальныхъ цѣнъ, стала политическимъ вопросомъ, глубоко волнующимъ трудящіяся массы городовъ и селъ и могущимъ въ концѣ концовъ расколоть ихъ. Это можетъ привести къ серьезному столкновенію между пролетаріатомъ и крестьянствомъ. Однако, это столкновеніе будетъ лишь временное. Съ заключеніемъ мира это столь глубокое въ Западной Европѣ противорѣчіе потеряетъ для Россіи свою матеріальную основу.

Можно сравнивать тенденціи и потребности различныхъ классовъ Россіи съ соотвѣтствующими явленіями въ Западной Европѣ. Параллели получаются при этомъ приблизительныя и не совсѣмъ точныя. Но по отношенію къ русскому крестьянину такія сопоставленія непригодны. Условія его жизни и историческія традиціи здѣсь совершенно своеобразны. И при этомъ за послѣднія три десятилѣтія здѣсь происходитъ процессъ колоссальнаго переворота. Въ уравненіи русской революціи этотъ процессъ является иксомъ, неизвѣстною величиною. Никакого опредѣленнаго числа вмѣсто этого икса мы покамѣстъ еще не можемъ подставить. И, однако, мы знаемъ, что это число громаднѣйшее, что это рѣшающее число.

Такимъ образомъ, русская революція можетъ принести и принесетъ намъ много совсѣмъ неожиданнаго. Но, какъ въ борьбѣ лѣта съ зимою, по странѣ можетъ пронестись не одна

снѣжная буря, и все же нѣтъ у насъ страха, что снова замерзнутъ потоки, такъ, несмотря на всѣ превратности судьбы, можемъ мы съ увѣренностью ожидать, что русскій народъ сумѣетъ оградить себя отъ возврата самодержавія. Что бы ни случилось, мы твердо убѣждены, что насущнѣйшія права и свободы, которыя несетъ съ собою демократія, по меньшей мѣрѣ, такъ же прочны отнынѣ и на Востокѣ Европы, какъ и на Западѣ, и что, стало быть, и тамъ обезпечена надежнѣйшая почва для пролетарскаго массового движенія и массовой организаціи, надежнѣйшій базисъ для подъема пролетаріата и для завоеванія имъ политической власти.

Пер. **Вл. Перазича.**

РѢЧЬ НА ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ „ЛИГИ СОЦІАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ“.[1]

Великіе домыслы нашихъ ученыхъ, направленные къ разгадкѣ тайнъ бытія, стремленія художниковъ раскрыть предъ міромъ чудесную многогранность души человѣка, грандіозная работа практическихъ дѣятелей,—всѣ наши мечты о побѣдѣ разума и воли человѣка надъ темными силами природы, мечты о созданіи на землѣ царства соціальной справедливости, все духовное богатство наше будетъ передано нами дѣтямъ, завтрашнимъ творцамъ жизни.

Но, вмѣстѣ съ добрыми началами, зерно которыхъ есть въ каждомъ изъ насъ, мы возложимъ на плечи дѣтей всю тяжесть нашихъ ошибокъ, весь гнетъ преступленій противъ самихъ себя, весь соръ и хламъ нашей лжи, лицемѣрія, всю массу зла, который каждый изъ насъ накопилъ въ своей душѣ.

Прекрасные цвѣты нашихъ словъ и мечтаній мы передадимъ дѣтямъ вмѣстѣ съ ядовитыми плодами нашихъ дѣлъ, медъ нашей мысли, будетъ отравленъ для нихъ ядомъ нашего скептицизма, эгоизма, невѣрія въ свои силы.

Объ этомъ горько думать, тяжело говорить, но мы обязаны помнить объ этомъ особенно теперь, во дни, глубина трагизма которыхъ недостаточно глубоко чувствуется нами.

Никогда дѣти не воспитывались въ условіяхъ, способныхъ такъ страшно отравить душу, какъ способны сдѣлать это созданныя нами условія, и никогда на дѣтей не обращали столь мало вниманія, какъ въ наши дни.

Съ очевидностью, понятной даже кретинамъ, потрясенъ до основанія и разрушается весь порядокъ гуманитарныхъ идей, выработанныхъ мучительными усиліями человѣчества и лежавшихъ въ основѣ соціальнаго воспитанія; пропаганда идеаловъ человѣколюбія смѣнилась пропагандой человѣкоистребленія.

Окрыленный человѣкъ, одно изъ величайшихъ достиженій мірового разума,—воплощеніе красивой, дѣтской мечты о человѣкѣ-птицѣ,—этотъ окрыленный разумомъ человѣкъ бросаетъ съ небесъ бомбы на мирные города и нерѣдко убиваетъ малень-

---

[1] Публичное засѣданіе «Лиги соціальнаго воспитанія» было устроено Организаціоннымъ Комитетомъ Лиги 25-го іюня въ Михайловскомъ театрѣ. На этомъ засѣданіи были прочитаны интересные доклады д-ра философіи В. Н. Половцевой «Соціальное воспитаніе» и директоромъ Тенишевскаго училища В. Н. Гиппіусъ «Революція и школа». Оба доклада появятся въ «Лѣтописи», а затѣмъ будутъ изданы отдѣльной брошюрой.

кихъ дѣтей, которыя встрѣтили изобрѣтеніе аэроплана съ чистымъ восторгомъ, видя въ этой побѣдѣ техники сказку, осуществленную для радости жизни; «Наутиллусъ» капитана Нэмо и многое другое, что было любимо дѣтьми, нынѣ стало безсмысленнымъ и безчеловѣческимъ по своимъ цѣлямъ.

И безсмысленной стала лучшая мечта міра,—мечта о братствѣ всѣхъ людей, все обезсмысленно въ эти годы кровавой бойни, когда плодотворнѣйшіе куски земли глубоко пропитаны цѣннѣйшей кровью, забрызганы мертвымъ мозгомъ, отравлены гніющими тѣлами европейскихъ народовъ—наиболѣе трудоспособныхъ и талантливыхъ племенъ нашей планеты.

Мы присутствуемъ на праздникѣ какой-то чудовищной свиньи, которая сбѣсилась и тупымъ рыломъ уничтожаетъ весь міръ.

Не стану напоминать, какъ вліяло и вліяетъ это самоистребленіе, это длительное самоубійство Европы на чуткую душу ребенка. Вамъ разсказывали о томъ, какъ польскіе дѣти играли трупами замерзшихъ солдатъ, какъ въ Галиціи ребятишки вѣшали другъ друга, играя въ «шпіоны», какъ въ русскихъ деревняхъ дѣти устраивали «войну», избивая другъ друга палками жестоко, мучая товарищей, взятыхъ въ плѣнъ. Все это естественно,—война не можетъ возбудить добрыя чувства, она возбуждаетъ только инстинкты звѣря.

Но какъ бороться съ одичаніемъ дѣтей? Думаю, что надо начать борьбой съ одичаніемъ взрослыхъ. Вѣдь это мы—хозяева жизни, мы насыщаемъ текущій день чувствами, настроеніями, мыслями и хламомъ неосторожныхъ словъ, засоряющихъ душу, словъ, пропитанныхъ ненавистью, вызванной страхомъ, злобой, вызванной завистью.

Дѣти чувствуютъ страшный смыслъ войны такъ же, какъ взрослые, увлекающіеся ею: герой, это тотъ, кто много убилъ, а самъ остался живъ. Ихъ научили думать такъ и разсказы о подвигахъ казака Кузьмы Крючкова, разсказы раненыхъ, бесѣды отцовъ, возвратившихся съ войны изувѣченными. Не малому научили ихъ и разсказы о насиліяхъ надъ женщинами, о растлѣніи малолѣтнихъ дѣвушекъ и мальчиковъ-добровольцевъ.

Грамотныя дѣти съ восторгомъ читаютъ въ газетѣ такія слова бывшаго священника:

«Тщетно плѣнные умоляли о пощадѣ, наши молодцы воздали имъ по заслугамъ». Дѣти понимаютъ что это значитъ: молодцы перебили плѣнныхъ. Нѣтъ надобности говорить о томъ, какія чувства возбуждаются въ ребенкѣ этими впечатлѣніями, но необходимо помнить, что съ этими чувствами они войдутъ въ жизнь. И—это я особенно подчеркиваю—не слѣдуетъ забывать, что русскій народъ долгое время упорно спаивали водкой и что мы имѣемъ дѣло съ потомствомъ алкоголиковъ, съ массой людей, которая наслѣдственно отравлена и должна быть особенно воспріимчивой къ впечатлѣніямъ болѣзненнаго порядка.

Теперь, когда мы вступили въ полосу соціальныхъ катастрофъ, въ атмосферу революціи, намъ особенно твердо нужно помнить, что мы живемъ въ странѣ не очень здоровой психически, среди народа, здоровье котораго подорвано.

Борьба за власть между цензовыми классами, вооруженными знаніемъ, уже привычными къ политическимъ хитростямъ, умѣющими быстро соединять свои силы, и демократіей—разрозненной, полуголодной, безграмотной, органически склонной къ анархіи и раздробляемой на куски различіемъ программъ, эта борьба будетъ длительной и тяжкой. Атмосфера, въ которой будутъ жить дѣти,—густая атмосфера лжи, лицемѣрія и обмановъ, клеветы, взаимной травли и неуваженія къ человѣку. Высоко поднимутъ головы черныя чудовища жадности, зависти, злобы и мести. Борьба за власть—за вкусный кусокъ хлѣба, за право командовать человѣкомъ, унижая его достоинство, эта извѣчная борьба у насъ явится особенно безчеловѣчной, безпощадной. И дѣти примутъ пагубное участіе въ ней, если среди насъ не найдется достаточно разума и воли для того, чтобъ по возможности охранить дѣтей отъ разлагающихъ души впечатлѣній этой борьбы.

Все сказанное приметъ особенно глубокое значеніе, если мы вспомнимъ о дѣтяхъ улицы.

* * *

Необходимо создать организаціи, которыя взяли бы на себя охрану дѣтей отъ ядовитыхъ и тлетворныхъ впечатлѣній текущаго дня. Нужно напомнить дѣтямъ,—да кстати и самимъ себѣ,—человѣческое, все то хорошее, чѣмъ красна жизнь.

Общество глубоко заблуждается, полагая, что школа стараго типа ставитъ своей цѣлью всестороннее развитіе способностей ребенка, человѣка. Каждый изъ васъ на самомъ себѣ долженъ знать, что этой цѣли государственная школа не преслѣдуетъ,—государству нуженъ покорный его волѣ работникъ, а не свободный носитель творческаго начала, защитникъ установленныхъ государствомъ различныхъ нормъ, но отнюдь не создатель новыхъ условій. Государство, воспитывая ребенка, стремится не къ тому, чтобъ развить его волю, его иниціативу, а чтобъ направить эту волю въ русло интересовъ государства. Для государства выгодно развивать въ человѣкѣ индивидуализмъ и эгоизмъ—чѣмъ эгоистичнѣе личность, тѣмъ болѣе враждебны ея отношенія къ интересамъ коллективнаго цѣлаго.

Воспитывая ребенка по указкѣ государства, его воспитываютъ только какъ орудіе, силою котораго государство расширяетъ и укрѣпляетъ свою власть.

Здѣсь нѣтъ отрицанія государства, какъ организующаго начала, здѣсь говорится лишь о томъ, что значеніе государственности можетъ быть правильно понято только соціально развитой личностью, что это пониманіе должно исходить изнутри, изъ инстинкта, а не прививается извнѣ, путемъ насилія надъ естественнымъ ростомъ способностей личности.

Воспитаніе должно быть соціальнымъ, должно стремиться къ перерожденію инстинктовъ индивидуалистическихъ въ инстинкты соціальные. Соціально воспитанный человѣкъ не есть человѣкъ, жертвующій свою энергію на благо общества по внушенію догмата, хотя бы и гуманитарнаго, ему нѣтъ необходимости насиловать себя ради служенія высокимъ цѣлямъ, какъ насиловали свою волю многіе изъ людей извѣстныхъ намъ.

Многіе изъ этихъ людей, растративъ себя на службѣ обществу, упрекаютъ его за то, что оно недостаточно оцѣнило ихъ работу, упрекаютъ себя за ошибку жизни, неправильно пройденный путь; не мало догматиковъ измѣняютъ своей догмѣ, внося соблазнъ и растлѣніе въ умы и сердца, многіе люди догмы становятся холодными и слѣпыми фанатиками, а фанатизмъ—одно изъ наиболѣе печальныхъ уродствъ.

Для человѣка, который долженъ быть, жизнь и трудъ—наслажденіе, а не жертва и подвигъ. Общество подобныхъ ему—среда, гдѣ онъ совершенно свободенъ и съ которой его связываютъ инстинкты, симпатіи, сознаніе величія задачъ, поставленныхъ обществомъ въ наукѣ, искусствѣ, трудѣ.

Достижимо ли это? Возможно ли воспитать такого человѣка?

Да, достижимо, если мы пожелаемъ. Исторія культуры—суть исторія достиженія человѣкомъ цѣлей, которыя онъ ставилъ предъ собою, исторія культуры—есть исторія осуществленія нашей мечты о всемірномъ братствѣ, всечеловѣческомъ счастьѣ.

Исторія культуры вполнѣ реальный разсказъ о тѣхъ безчисленныхъ страданіяхъ, которыя претерпѣлъ человѣкъ на путяхъ своего матеріальнаго и духовнаго развитія; но если прочувствовать смыслъ этого разсказа, насыщеннаго величайшимъ трагизмомъ, онъ является предъ нами волшебной сказкой, безумной утопіей, которую наша воля сдѣлала дѣйствительностью. Нѣтъ сомнѣній,—мы можемъ сдѣлать все, чего хотимъ, но—мы еще не научились сильно хотѣть.

* * *

Охрана дѣтей—охрана культуры.

Цѣнность культуры—въ ея стремленіи смягчать формы и пріемы неизбѣжной пока борьбы за существованіе, и чѣмъ болѣе сознается людьми этотъ смыслъ культуры, тѣмъ быстрѣе ея движеніе къ основной цѣли,—къ освобожденію человѣка изъ плѣна предразсудковъ и предубѣжденій, созданныхъ политико-экономическими условіями его бытія.

Каждый изъ насъ, будучи созданъ исторіей, является выводомъ изъ прошлаго и посылкой въ будущее; все духовное богатство человѣка, вмѣстѣ со всѣми уродствами его психики, унаслѣдовано имъ отъ поколѣній предшествовавшихъ ему; сформированные прошлымъ его инстинкты стоятъ преградой на пути развитія его интеллекта; его стремленіе къ новымъ,

лучшимъ формамъ жизни, его личное творчество встрѣчаетъ противодѣйствіе прежде всего въ немъ самомъ.

Принимая эти положенія, мы должны будемъ согласиться, что человѣку трудно быть инымъ, чѣмъ онъ есть, что уродливый строй современнаго общества еще болѣе усугубляетъ эту трудность и что только усиленное воспитаніе воли можетъ освободить человѣка изъ рабства фактовъ прошлаго, сдѣлать его творцомъ новыхъ фактовъ.

Такой взглядъ на человѣка, — отнюдь не оправдывая его противообщественныхъ наклонностей и стремленій, — объясняетъ ихъ корни и, до извѣстной степени, долженъ измѣнить наше отношеніе другъ къ другу въ сторону большей мягкости, терпимости и широты сужденій о человѣкѣ.

Человѣкъ отвѣтственъ за всѣ грѣхи и безобразія его жизни, но мы должны вѣрить въ искренность его стремленій къ лучшему и въ побѣду этихъ стремленій надъ пережитками прошлаго. Безъ этой вѣры, безъ этого чувства соціальнаго идеализма мы осуждены на бездѣйствіе, жизнь наша теряетъ смыслъ.

Если человѣкъ недостаточно активенъ, недостаточно волевое существо—его жизнь и его будущее неизбѣжно опредѣляется по линіи прошлаго, но воспитанная и развитая воля вноситъ въ міръ свои стремленія, создаетъ новые дѣянія и законы.

Необходимо широко развить сознаніе единства интересовъ всѣхъ людей, сознаніе всемірной, планетарной связи всѣхъ со всѣми. Конечный интересъ людей—порабощеніе силъ природы, освобожденіе самихъ себя отъ гнета подневольнаго труда, претвореніе своей физической энергіи въ духовную для свободнаго развитія присущихъ намъ качествъ и способностей до размѣровъ, границы которыхъ мы не можемъ предвидѣть.

Я не педагогъ и, можетъ быть, я не вѣрно говорю, но мнѣ кажется, что воспитаніе ставитъ предъ собою три цѣли: насыщеніе человѣка знаніями о немъ самомъ и о мірѣ, окружающемъ его; оформированіе характера и развитіе воли; формированіе и развитіе способностей.

Знаніе не должно быть только механическимъ накопленіемъ фактовъ но и критикой доказательствъ истинности каждаго даннаго факта, построеніемъ обобщенія, анализомъ процесса мышленія.

Формированіе характера, развитіе воли достижимо только при условіи широкой самодѣятельности дѣтей въ трудѣ, занятіяхъ, играхъ.

Формированіе способностей имѣетъ глубоко важное значеніе, ибо та или иная способность, будучи развита до возможнаго совершенства, создаетъ талантливыхъ и геніальныхъ людей. Все воспитывается, геній— тоже.

Большинство людей обнаруживаетъ въ дѣтскомъ возрастѣ болѣе или менѣе острый интересъ къ разнымъ спеціальностямъ. Этотъ интересъ обычно заглушается принятой системой воспитанія, и это есть великій грѣхъ противъ человѣка, противъ жизни.

Мнѣ рисуется, быть можетъ, утопическій планъ такого учрежденія для дѣтей, въ которомъ они—прежде всего—являлись бы полными хозяевами, свободными строителями своей жизни.

Все хозяйство своего дома они ведутъ сами, сами слѣдятъ за чистотой и порядкомъ, сами распредѣляютъ время работъ, занятій, игръ. Среди нихъ широко развито выборное начало, существуетъ товарищескій судъ и вообще— все, что необходимо для коллективнаго бытія. Въ этомъ учрежденіи должны быть собраны дѣти разныхъ классовъ, въ возрастѣ отъ 6 до 12 лѣтъ, и— чѣмъ разнообразнѣе индивидуумы, тѣмъ напряженнѣе долженъ идти духовный ростъ каждаго изъ нихъ.

Конечно— среди дѣтей долженъ находиться взрослый, мягко и незамѣтно направляющій разумъ, но— только направляющій, а не угнетающій волю.

Роль этого разума представляется мнѣ почти исключительно технической ролью: онъ дѣлится съ дѣтьми своимъ опытомъ, но воздерживается отъ навязыванія своихъ идей и мнѣній.

Особенное вниманіе онъ обращаетъ на развитіе оцѣнки способностей, вкуса къ труду и на воспитаніе активности, иниціативы. Трудовое начало— основа жизни.

Въ этихъ условіяхъ ребенокъ будетъ жить какъ-бы играя въ «настоящую жизнь», и, пока природа позволяетъ ему наслаждаться счастьемъ дѣтства, онъ остается ребенкомъ. Но въ тотъ моментъ, когда дѣйствительность предъявитъ ему свои суровыя требованія, онъ, воспитанный, какъ хозяинъ жизни, какъ свободная личность, — онъ окажется способнымъ встрѣтить сложные запросы дѣйствительности спокойно и умѣло. Вотъ что мнѣ кажется существенно важнымъ и достижимымъ при указанныхъ условіяхъ воспитанія.

Основнымъ предметомъ преподаванія или бесѣдъ въ такомъ учрежденіи должна быть исторія культуры,— изучая процессъ развитія человѣчества, мы ясно видимъ, какъ неизбѣжно должны были возникнуть классовыя и иныя противорѣчія, враждебно разъединяющія людей, и какъ необходимо преодолѣть эти противорѣчія.

Только изучая медленный и мучительный процессъ организаціи человѣчества въ государства, общества, классы, понимая, какъ неизбѣжно все то, что живетъ внутри и внѣ насъ, мы, восхищаясь упорнымъ стремленіемъ человѣка къ лучшему, найдемъ въ этомъ непобѣдимомъ движеніи то чувство гордости самими собою, то уваженіе къ себѣ, которое необходимо намъ.

На почвѣ этого чувства и возникаетъ соціальный идеализмъ— сознаніе и ощущеніе цѣнности каждаго человѣка, общности конечныхъ интересовъ всѣхъ людей.

Когда я мечталъ объ этомъ, мнѣ было неизвѣстно, что домашколы такого типа уже существуютъ въ Россіи— одинъ основанъ въ Москвѣ С. Е. Шацкимъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, другой основала Н. А. Вукотичъ, въ 1907 г. Здѣсь не мѣсто разсказывать о дѣятельности этихъ людей и входить въ оцѣнку ея значенія, но необходимо сказать, что это опыты громадной соціаль-

ной важности, и они вполнѣ заслуживаютъ широчайшаго распространенія.

И вотъ я полагаю, что общество, въ лицѣ его живыхъ силъ, въ эти дни соціальнаго смятенія, когда возбуждено и кипитъ, и горитъ все злое и доброе въ душѣ человѣка, должно немедля приняться за воспитаніе дѣтей улицы. Мнѣ кажется, что необходимо теперь же взяться за организацію «Лиги соціальнаго воспитанія», соединить силою любви къ дѣтямъ людей, у которыхъ эта любовь искренна и которымъ сердечно понятна необходимость охраны дѣтей отъ разлагающаго вліянія улицы, взволнованной вихремъ инстинктовъ.

Если мы дѣйствительно хотимъ пересоздать нашъ бытъ, измѣнить психологическія основы стараго строя,— мы должны начать эту сложную и трудную работу именно отсюда, съ воспитанія дѣтей.

Каковы же задачи «Лиги соціальнаго воспитанія дѣтей»?

Лично мнѣ задачи «Лиги» представляются очень широкими, я едва вижу предѣлы ея дѣятельности — въ такой мѣрѣ всесторонней можетъ она быть.

«Лига» являетъ собою какъ бы всероссійскій органъ воспитанія и просвѣщенія, органъ, созданный свободными силами общества и, хотя состоящій подъ контролемъ высшей власти, учрежденной волей всей страны, но пользующійся полной свободой дѣйствій.

«Лига» беретъ на себя обязанность создать необходимыя средства для организаціи домовъ-школъ, потребныхъ дѣтямъ дошкольнаго возраста,— разумѣется, что большую часть этихъ средствъ должно дать правительство, но и общество не должно отказаться отъ посильныхъ жертвъ дѣлу, въ успѣшномъ развитіи котораго оно кровно заинтересовано.

«Лига» координируетъ работу различныхъ воспитательныхъ учрежденій страны, издаетъ бюллетени, отчеты, журналы и всякія книги, необходимыя для ознакомленія педагогическаго міра страны со всею массой творимой имъ работы; она разсматриваетъ новые проекты школьныхъ зданій, новыя теоріи, идеи и домыслы педагоговъ, теоретиковъ; устраняетъ затрудненія практиковъ, заботится о пополненіи и освѣщеніи ихъ знаній и т. д.

«Лига» организуетъ изъ своихъ членовъ нѣчто подобное «ученому комитету при министерствѣ народнаго просвѣщенія» и возлагаетъ на этотъ комитетъ составленіе учебниковъ по всѣмъ отраслямъ знаніи.

Она устраиваетъ мастерскія учебныхъ пособій и привлекаетъ къ работѣ въ нихъ дѣтей; организуетъ экскурсіи для составленія геологическихъ, ботаническихъ энтомологическихъ коллекцій и вообще стремится вводить дѣтей какъ можно болѣе всесторонне въ работу на самихъ себя, для своего образованія.

«Лига» устраиваетъ для дѣтей этнографическія экскурсіи,

особенно необходимыя у насъ на Руси; она организуетъ массовыя поѣздки дѣтей заграницу.

Наконецъ,«Лига» беретъ на себя организацію изданія всѣхъ учебниковъ, учебныхъ пособій, сочиненій по педагогикѣ, она береть въ свои руки производство всей разнообразной массы орудій педагогической дѣятельности. Нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько это удешевитъ расходы по образованію,— тѣ милліоны, которые нынѣ наживаютъ издатели учебниковъ, этотъ безстыдный налогъ на разумъ будетъ уничтоженъ. «Лига» должна быть живымъ организмомъ, тонко и глубоко чувствующимъ всѣ колебанія дѣтской души, всѣ потребности маленькихъ людей, идущихъ въ міръ съ новой энергіей.

И ея священной обязанностью, которую она должна отчетливо сознать, является экономія энергіи дѣтей въ періодъ ея накопленія и развитія. Чѣмъ больше сумѣемъ мы сохранить эту энергію отъ безполезной траты, тѣмъ богаче и прекраснѣе станетъ будущее человѣка, тѣмъ большее количество творческой работы получитъ наша земля.

Чѣмъ больше разумной любви и вниманія дадимъ мы ребенку, тѣмъ ярче, красивѣе станетъ жизнь.

Въ концѣ концовъ, всѣ мы живемъ для тѣхъ, кто сегодня идетъ сзади насъ, а завтра обгонитъ насъ на пути къ счастью.

Мы уйдемъ съ земли, дѣти останутся. Позаботимся же о томъ, чтобы ихъ жизнь была легче нашей, чтобы они не мучились такъ страшно въ терніяхъ преступленій нашихъ, какъ мучаемся всѣ мы, исправляя ошибки прошлаго и творя новыя.

Оставимъ въ наслѣдство дѣтямъ лучшее наше— наши чарующія мечты о всемірномъ братствѣ, нашъ идеализмъ, нашу любовь къ разуму и красотѣ. Трудно живемъ мы, но—не похвально, многое дурное наше можно объяснить, но ничего нельзя оправдать. Попытаемся же воспитать изъ нашихъ дѣтей новое человѣчество; теперь мы обладаемъ прекрасной возможностью свободно работать,—изработаемъ-же наши силы въ лучшемъ направленіи—для будущаго!

Мы такъ легко и беззаботно рождаемъ дѣтей, но какъ мало заботимся мы о созданіи человѣка!

Я призываю васъ создать для дѣтей всѣ тѣ возможныя условія, которыя помогли бы дѣтямъ вырасти какъ можно менѣе похожими на насъ. Мы всѣ тоскуемъ о какомъ-то прекрасномъ, идеальномъ человѣкѣ, мы вѣдь тоскуемъ о немъ, не правда-ли?

Въ нашей волѣ помочь ему явиться на землѣ! Такъ израсходуемъ же нашу волю, чтобы онъ явился скорѣе, и, можетъ быть, мы будемъ вознаграждены за это счастьемъ видѣть среди насъ юныхъ предтечъ того, о комъ такъ давно тоскуетъ наша душа.

М. Горькій.

ЖЕЛѢЗО И УГОЛЬ.

(Къ вопросу объ Эльзасъ-Лотарингіи).

Конечно, подъ Верденомъ борются за право, справедливость и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ идетъ борьба и за желѣзную руду и поташъ. (L'Independance Roumaine. 10 іюня 1916 г.).

Наши цѣли войны?—Чтобы Германія перестала быть королемъ угля. (L'Echo de Paris. 25 декабря 1916 г.).

Во всѣхъ офиціальныхъ заявленіяхъ французскаго правительства и представителей *всѣхъ* политическихъ партій—возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи стоитъ на первомъ планѣ. Это «исправленіе исторической несправедливости» и «возстановленіе нарушеннаго права» является логическимъ слѣдствіемъ реорганизаціи Европы на новыхъ правовыхъ началахъ. Въ преобразованной, благодаря побѣдѣ права надъ силой, Европѣ,—Эльзасъ-Лотарингія будетъ частью единой и нераздѣльной республики, ибо населеніе этихъ провинцій, несмотря на свой нѣмецкій діалектъ,—французы душой и тѣломъ. Такова по этому вопросу общенаціональная точка зрѣнія.

Мы не станемъ входить въ разборъ громадной, порожденной войной, литературы, по вопросу объ Эльзасъ-Лотарингіи, литературы, гдѣ вопросы международнаго права, морали, международной этики, высшей справедливости и пр. занимаютъ первое мѣсто. Всѣ эти отвлеченныя категоріи, какъ и весь пафосъ военной публицистики, хотя очень интересны для учета общественныхъ настроеній, тѣмъ не менѣе, намъ придется отказаться на этотъ разъ отъ характеристики идеологическихъ построеній для того, чтобы сосредоточить свое вниманіе исключительно на экономической сторонѣ этой проблемы.—Каково экономическое значеніе Эльзасъ-Лотарингіи для обѣихъ воюющихъ сторонъ? Какое вліяніе окажетъ на хозяйственный организмъ Франціи возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи?—вотъ тѣ вопросы, которые давно уже занимаютъ французское общественное мнѣніе. И такъ какъ моральная и политическая сторона проблемы только выигрываетъ отъ «силы экономическаго аргумента» (выраженіе сенатора Эрріо), то мы и разсмотримъ этотъ вопросъ исключительно съ этой точки зрѣнія.

* * *

Восемнадцатаго августа 1870 г. нѣмецкій инженеръ Гошкорнъ подалъ генералъ-губернатору Лотарингіи Бонину докладную записку «объ эксплоатаціи шахтъ, заводовъ и солева-

ренъ въ частяхъ Франціи, которыя раньше были нѣмецкими». «Области между Маасомъ и Рейномъ,—читаемъ мы въ докладной запискѣ,—считаются не только лучшими съ точки зрѣнія агрикультуры и промышленности, онѣ имѣютъ то преимущество, что содержатъ залежи руды, являющіяся базисомъ существующей уже цвѣтущей индустріи. Въ департаментахъ Мозелѣ, Маасѣ, Мертѣ, Нижнемъ и Верхнемъ Рейнѣ желѣзная руда занимаетъ первое мѣсто, уголь второе. Соль занимаетъ здѣсь также важное мѣсто и извѣстно, что залежи каменной соли почти не существуютъ во Франціи». Дальше идетъ подробное описаніе по департаментамъ желѣзныхъ рудниковъ, заводовъ, солеваренъ, съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ и указаніемъ предполагаемыхъ естественныхъ богатствъ [1] «бывшихъ нѣмецкихъ земель». Изысканія этого инженера не оказались безъ вліянія. Гошкорнъ былъ назначенъ членомъ комиссіи по фиксированію границъ и, какъ знатокъ естественныхъ богатствъ края, исправлялъ намѣченную Мольтке границу, руководствуясь исключительно экономическими соображеніями. Бисмаркъ, какъ извѣстно, потребовалъ сразу и Страсбургъ, и Метцъ, и Нанси, и Бельфоръ, и шесть милліардовъ, а когда представителямъ Франціи удалось отстоять Бельфоръ, то за прилегающую къ Бельфору зону Франція должна была уступить 17 коммунъ, которыя «случайно» оказались наиболѣе промышленными. Французскій делегатъ Пуайэ-Кертье послѣ долгихъ споровъ по поводу этихъ 17 коммунъ заявилъ Бисмарку: «Я одинъ изъ главныхъ акціонеровъ заводовъ въ Виллеруптѣ и, если вы настаиваете на своемъ, то вы принуждаете меня стать нѣмцемъ». «Ладно, не плачьте, —отвѣтилъ Бисмаркъ,—уступаю вамъ вашъ Виллеруптъ, но больше ни о чемъ не просите». Пуайэ-Кертье отвоевалъ еще четыре коммуны, но въ общемъ это мало измѣнило положеніе дѣла: пограничная линія, благодаря стремленію урвать наиболѣе цѣнное въ экономическомъ отношеніи, получилась чрезвычайно извилистой, представляя собой синтезъ промышленной и военной стратегіи [2].

Уже тогда Эльзасъ-Лотарингія представляла собой большую экономическую величину. Такъ, въ 1869 году въ департаментахъ Мертъ и Мозель было добыто 1214.400 тоннъ желѣзной руды (изъ 2.500.000 для всей Франціи). Германія въ то время была чрезвычайно бѣдна желѣзной рудой. Въ 1860 году Германія выработала только 700.000 тоннъ чугуна, а въ 1870 году— 1.000.000 тоннъ. Въ это же самое время (въ 1869 году) Франція производила 1.144.258 тоннъ, изъ которыхъ на долю департаментовъ Мертъ и Мозель приходилось 420.000 тоннъ. [3]

По договору 1871 года отъ Франціи отошли: 19 желѣзныхъ

[1] См. Fernand Engerand: l'Allemagne et le Fer. Les Frontières Lorraines et la Force Allemande. Paris. 1916 г. Приложеніе, стр. 289 и сл.

[2] Драматическій разсказъ о борьбѣ французской комиссіи съ Гошкорномъ даетъ полковникъ Laussedat въ своей книгѣ :La Delimitation de la Frontière Franco-Allemande, Paris 1901.

[3] Ministère des Travaux Publics. Statistique de L'Industrie Minerale. 1869—1872.

рудниковъ, 16 угольныхъ шахтъ и 14 разныхъ концессій. До аннексіи департаменты Мертъ и Мозель выдѣлывали 420.000 тоннъ чугуна. а послѣ аннексіи, остатки этихъ двухъ департаментовъ, соединенныхъ въ одинъ Meurthe et Moselle добывали 95,000 тоннъ. Что аннексія Эльзасъ-Лотарингіи была большимъ ударомъ для французской промышленности видно изъ сравненія поверхности аннексированной территоріи, количества населенія съ вышеприведенными цифрами. Германія получила по франкфуртскому договору:

	кв. кил.	насел.
Эльзасъ	8.063	1.066.000
Лотарингія	6.442	535.000
Всего	14.505	1.601.000

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что на 2 ½ % аннексированныхъ территоріи и 4% населенія—приходится больше 25% производства чугуна и около 40% всей добываемой во Франціи желѣзной руды. Недаромъ Гошкорнъ настаивалъ въ своемъ докладѣ на богатой добывающей и обрабатывающей промышленности департаментовъ Мертъ и Мозель. «Этотъ округъ имѣетъ,—писалъ Гошкорнъ,—большое значеніе для Саарскаго угольнаго бассейна—они дополняютъ другъ друга»[1]. Эльзасъ-Лотарингія дѣйствительно «дополняла» Саарскій бассейнъ. Германія, богатая углемъ, получила значительныя залежи желѣзной руды, чѣмъ и было положено начало ея промышленному, а слѣдовательно и военно-политическому могуществу.

* * *

Нѣмецкіе геологи и инженеры, изучившіе, по порученію германскаго правительства, геологическое строеніе подлежащихъ аннексіи областей, не обратили никакого вниманія на бассейнъ Бріей, которому суждено было впослѣдствіи сыграть такую видную роль въ развитіи французской индустріи. Нѣмецкіе спеціалисты знали, что этотъ бассейнъ обладаетъ богатѣйшими залежами руды, но дѣло въ томъ, что руда эта была фосфористая и совершенно негодная для обработки.—Вотъ почему Бисмаркъ прошелъ мимо этого бассейна, оставивъ его въ распоряженіе Франціи.

Бисмаркъ и его инженеры жестоко ошиблись: малоцѣнная въ 1871 году фосфористая руда черезъ семь лѣтъ послѣ франкфуртскаго договора завоевала не только право гражданства, но стала основой французской и нѣмецкой сидерургіи. Этой революціей металлургія обязана нотаріальному клерку Томасу, который изобрѣлъ въ 1878 году способъ обработки фосфористой руды, усовершенствованный Гилкристомъ. Съ этого изобрѣтенія начинается расцвѣтъ сидерургіи въ нѣмецкой и французской Лотарингіи. Природѣ угодно было сосредоточить на узкомъ пространствѣ нѣмецкой и французской Лотарингіи и Люксембурга богатѣйшія въ Европѣ залежи желѣзной руды, а открытіе

[1] Тамъ же, стр. 302.

Томаса дало возможность пустить въ обращеніе эти природныя богатства.

Первыми примѣнили томассовскій методъ обработки руды нѣмцы и примѣнили они его въ аннексированной Эльзасъ-Лотарингіи, которая имѣетъ въ изобиліи фосфористую руду. Каково значеніе аннексированной Эльзасъ-Лотарингіи, видно изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся къ добыванію и ввозу желѣзной руды въ Германію въ 1913 году:

Происхожденіе руды.	Милліоны тоннъ.	
Эльзасъ-Лотарингія (аннексирован.) .	21,2	36 мил.
Германія	7,5	
Люксембургъ	7,3	
Швеція	4,5	14 мил.
Испанія	3,6	
Франція	3,8	
Разныя	2,1	
Всего . . .	50 мил. тоннъ.	

Эта таблица чрезвычайно поучительна. Изъ нея мы видимъ, что $^2/_5$ всей потребляемой въ Германіи руды добывается въ аннексированной Лотарингіи и что *изъ* 28.800.000 *тоннъ желѣзной руды, добываемой въ самой Германіи*, 21.300,000, *т. е.* $^3/_4$ *приходится на Лотарингію.*

Значеніе аннексированной Лотарингіи еще увеличивается благодаря тому, что собственно Германія имѣетъ чрезвычайно скудныя залежи руды. Такъ, спеціалисты оцѣниваютъ рессурсы аннексированной Лотарингіи отъ 1.800.000.000 до 2.300.000.000, тогда какъ во всей Германіи предполагаемые запасы достигаютъ отъ 710.000.000 до 1.000.000.000 тоннъ.[1] Роль аннексированной Лотарингіи для Германіи особенно ясно видна изъ слѣдующей таблицы, относящейся къ 1913 году: [2]

Государства.	Количество дѣйствующ. концессій.	Персоналъ.	Желованье. Въ 1.000 фр.	Количество добытой руды въ тоннахъ.	Средн. стоимость тонны.	Общая стоимость добытаго.
Пруссія . .	213	22.144	28.514	5.669.786	9,17	51.971.000
Баварія . . .	27	1.358	1.895	485.254	8,5	3.908.000
Эльзасъ-Лотар.	54	16.168	30.358	21.136.265	2,59	54.735.000
Др. государ. .	34	2.446	2.743	1.316.598	3,87	5.104.000

Достаточно посмотрѣть на рубрику «стоимость одной тонны руды», чтобы убидѣть все значеніе лотарингской руды.

Аннексированная Лотарингія, обладая богатыми рудниками, имѣетъ, помимо этого, еще то преимущество, что рядомъ находится угольный Саарскій бассейнъ и неподалеку неисчерпаемый бассейнъ Рурскій. Эта близость желѣзной руды и угля послужила главнымъ рычагомъ развитія крупной металлур-

[1] См. Circulaire du Comité des Forges № 427. 11 апр. 1911.
[2] См. Bulletin du Comité des Forges № 3314, 6 окт. 1915 г.

гіи въ аннексированной области и сдѣлала Лотарингію однимъ изъ центровъ германской тяжелой индустріи.

Наканунѣ войны въ нѣмецкой Лотарингіи дѣйствовали 63 доменныхъ печи, производящихъ 11.650 тоннъ въ сутки или 4.252.250[1] въ годъ, т. е. почти 90% того, что производитъ *вся* Франція. Если прибавить строющіяся и запасныя доменныя печи, то аннексированная Лотарингія по производству чугуна представляетъ собой опаснѣйшаго конкурента.

Дальше. Въ смыслѣ производства стали аннексированная область также прекрасно вооружена: наканунѣ войны тамъ насчитывалось 24 основныхъ бесемеровскихъ конвертора (12-35 тоннъ), 7 основныхъ мартеновскихъ печей (25-30 тоннъ)—всего 31 аппаратъ для выдѣлки стали.

Кромѣ того: 2 пудлинговыхъ завода, 4 завода для производства желѣзныхъ балокъ, 4 рельсопрокатныхъ завода, 5 желѣзопрокатныхъ (сортовое желѣзо), 2 бандажепрокатныхъ, 3 листопрокатныхъ и 2 проволочныхъ завода, I трубопрокатный, 1 трубочный и 16 чугуно и сталелитейныхъ заводовъ и т. д.—всего 52 металлургическихъ предпріятія, оборудованныхъ по послѣднему слову нѣмецкой и американской техники[2].

Эти цифры показываютъ, что нѣмецкая Лотарингія превратилась въ одну изъ самыхъ промышленныхъ областей, безъ которой германская желѣзная индустрія не могла бы принять такіе гигантскіе размѣры: Лотарингія экономически дополнила Саарскій и Рурскій бассейны и вмѣстѣ съ рейнско-вестфальскимъ райономъ представляетъ основу нѣмецкой тяжелой индустріи.

Но этимъ еще далеко не исчерпывается экономическая цѣнность Эльзасъ-Лотарингіи[3]. Въ 904 году въ Эльзасѣ около Сернэй былъ открытъ бассейнъ поташа, который оставляетъ за собой знаменитый Стасфуртскій бассейнъ въ Пруссіи. Въ разработку поташа вложено уже больше 1½ милліарда. Свѣдущіе люди оцѣниваютъ богатство этого бассейна,—считая въ 35 фр. тонну солей съ 22% поташа—въ *пятьдесятъ милліардовъ франковъ*. Кромѣ того въ нижнемъ Эльзасѣ (Пешельбронъ) добывается минеральное масло, въ Лобзанѣ имѣются залежи асфальта и много солеваренъ въ Лотарингіи.[4]

* * *

Несмотря на обиліе желѣзной руды въ Лотарингіи, Германія съ каждымъ годомъ ощущала все острѣе и острѣе желѣзный голодъ. Ея гигантскіе заводы выбрасывали на рынокъ милліоны пудовъ желѣза, чугуна и стали и послѣдніе годы характеризуются тѣмъ, что аргонавты тяжелой индустріи отправляются

---

[1] Gemeinfasliche Darsetllung des Eisen hutten wesens, публикуемый Verein'омъ Deutscher Eisenhüttenleute—даетъ другія цифры. Наканунѣ войны въ Лотарингіи было: 56 доменныхъ печей, 8 потухшихъ и 3 строющихся съ общимъ производствомъ въ 10.530 тоннъ въ 24 часа или 3.843.410 въ годъ. Comité des Forges даетъ тоже эти цифры.

[2] См. Francis Laur. La France Reine de Fer. L'Usine. 21 ноября 1915 г.

[3] Мы намѣренно оставляемъ въ сторонѣ другія отрасли хозяйства Эльзасъ-Лотарингіи (винодѣліе, прядильно-ткацкія фабрики и пр.), имѣющихъ тоже большое значеніе для обѣихъ странъ.

[4] См. Edouard Herriot «Agir». Paris. 1917 г., стр. 144—145.

на поиски желѣзнаго руна. Желѣзное руно оказалось не за горами: на самой границѣ нѣмецкой Лотарингіи, въ Лотарингіи французской расположены богатѣйшія залежи желѣзной руды. Изъ 21.700.000 тоннъ добытой во Франціи въ 1913 году руды на департаментъ Мертъ и Мозель приходится 19.815.572 т. Разработка руды въ этомъ департаментѣ падаетъ главнымъ образомъ на послѣднее десятилѣтіе, что видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Добыча руды.
Въ 1870—1874	984.000 тон.
» 1890	2.832.000 »
» 1900	4.730.000 »
» 1905	8.430.000 »
» 1910	13.210.000 »
» 1913	19.813.572 »

Добыча руды въ этомъ пограничномъ департаментѣ распредѣляется слѣдующимъ образомъ между его тремя бассейнами:

Бассейны:	1912	1913
	тонны	
Нанси	1.973.986	1.911.889
Лонгви	2.697.632	2.754.312
Бріей	12.699.240	15.147.371
	17.370.858	19.813.572

Еще болѣе ясное представленіе о роли этихъ трехъ бассейновъ даетъ намъ нижеслѣдующая табличка:

Бассейны:	Кол. концессій въ эксплуатац.	Кол. концессій въ резервѣ.	Поверхность въ гектарахъ.	Предполагаемые запасы руды.
Лонгви	14	—	7.739	254.000.000
Нанси	23	16	15.734	177.000.000
Бріей	17	27	42.327	2.400.000.000 [1].
	54	43	65.800	2.831.000.000

Изъ этихъ двухъ табличекъ мы видимъ исключительное мѣсто, которое занимаетъ департаментъ Мертъ и Мозель и въ частности бассейнъ Бріей. Начало усиленной эксплуатаціи этого бассейнъ относится къ 1895 году. Въ то время, какъ въ 1895 году бассейнъ Бріей даетъ 0,3% добываемой во французской Лотарингіи руды, онъ же даетъ 7,1% въ 1900, 36%—въ 1905, 52,1%—въ 1908, 64,4% въ 1910 и наконецъ 79,8% въ 1913 году. Рядомъ съ желѣзной рудой и въ непосредственной близости къ нѣмецкому углю расположились крупнѣйшіе металлургическіе заводы. Такъ, всего во Франціи въ 1913 году было выработано 4.939.194 тонны стали, изъ которыхъ на департаментъ Мертъ и Мозель приходится 3.403.000, т.-е. около 75%. Наконецъ, для характеристики департамента Мертъ и Мозель нужно еще прибавить, что въ 913 году онъ имѣлъ 25 крупныхъ

[1] См. La Nature 9 окт. 1915 г., стр. 226—233.

заводовъ съ 78 доменными печами, 36 конверторовъ Томаса. 9 мартеновскихъ печей съ общимъ производствомъ въ 3.400.000 тоннъ чугуна и 2.190.000 т. стали. Въ 912 г. въ желѣзныхъ рудникахъ Бріей работало 12.884 раб., изъ которыхъ 3.242 (26,4%) французовъ, 7.558 итальянцевъ, 755 нѣмцевъ и 749 разныхъ. Департаментъ Мертъ и Мозель съ чисто американской быстротой превратился въ центръ металлургической промышленности, благодаря богатымъ залежамъ желѣзной руды и близости угля.

* * *

Совершенно очевидно, что германская рейнско-вестфальская металлургія не могла не обратить вниманія на находящуюся по близости руду и послѣдніе годы мы видимъ рядъ серьезныхъ попытокъ со стороны желѣзныхъ и стальныхъ королей Германіи наложить руку на французскую руду. Желѣзная руда была въ изобиліи въ пограничномъ департаментѣ Мертъ и Мозель, и первыя усилія были направлены въ эту сторону. Рейнско-Вестфальская тяжелая индустрія имѣла въ своихъ рукахъ могучее оружіе—уголь. Рейнско-Вестфальскій угольный синдикатъ, въ которомъ крупная металлургія, какъ извѣстно, преобладаетъ—неоднократно ставилъ французской металлургіи слѣдующій ультиматумъ: дай руду, ты получишь уголь. Послѣдніе годы заполнены борьбой германской индустріи за вліяніе на французскіе желѣзные рудники, и надо сказать, что въ этомъ отношеніи ей удалось очень много сдѣлать. Концессіи въ Мертъ и Мозель и затѣмъ въ Нормандіи стали объектомъ настойчиваго домоганія со стороны германскихъ металлургистовъ. Въ Мертъ и Мозель и главнымъ образомъ въ бассейнѣ Бріей, Тиссены, Рехлинги и др. организовали рядъ номинально французскихъ обществъ для эксплуатаціи рудниковъ, чѣмъ было создано на самой границѣ такое сплетеніе франко-нѣмецкихъ интересовъ, что даже война, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, почтительно остановилась передъ этими сложными комбинаціями франко-германскихъ металлургистовъ.

* * *

Мы видѣли, что германская индустрія не могла обходиться безъ французской руды, но въ такомъ же положеніи находилась Франція по отношенію къ германскому углю. Желѣзному голоду, съ одной стороны—соотвѣтствовалъ угольный голодъ, съ другой—что опредѣляло «дружескія отношенія» между королями угля и желѣза обѣихъ странъ.

Въ 913 году во Франціи числилось 628 концессій, но изъ нихъ работало только 282,—остальныя бездѣйствовали. Изъ этихъ 282 дѣйствующихъ концессій, расположенныхъ въ 39 департаментахъ, 40 находилось въ Сѣверномъ департаментѣ и Па-дэ-Калэ, давая около 60% всего угля.

Несмотря на постоянный ростъ добываемаго во Франціи угля, дефицитъ возрасталъ гораздо быстрѣе, и къ 1914 году Франція ввозила около 20.000.000 тоннъ угля.

Только 19 (изъ 86) департаментовъ питались исключительно французскимъ углемъ—всѣ же остальные дополняли свой дефицитъ иностраннымъ углемъ. Происхожденіе ввозимаго угля видно изъ слѣдующей таблицы:

Откуда.	Ввозъ угля.		Ввозъ кокса.	
	1912	1913	1912	1913
	въ тоннахъ.			
Изъ Германіи	3.182.162	3.490.576	2.299.093	2.392.897
» Бельгіи	3.514.807	3.669.395	426.124	547.228
» Англіи	9.022.305	11.257.228	9.515	9.889 [1]

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, во-первыхъ, возрастаніе ввоза германскаго угля и громадное мѣсто, которое занимаетъ нѣмецкій коксъ, необходимый для доменныхъ печей. Вывозъ угля и кокса изъ Франціи былъ настолько незначителенъ,—(1892.767 тоннъ угля и 216.519 т. кокса въ 1912 году и 1.290.092 т. угля и 230.700 т. кокса въ 1913), что его можно игнорировать при общей оцѣнкѣ угольнаго дефицита. По даннымъ генеральнаго секретаря Comité des Forges, Пино, Франція уплатила въ 913 году за ввозимый уголь около 531 мил. франковъ. Одна французская металлургія уплатила за уголь и коксъ около 100,000.000 фр., изъ которыхъ около 80 мил. идутъ въ Германію [2].

Если взять теперь потребленіе угля, то мы увидимъ слѣдующее характерное территоріальное распредѣленіе ввозимаго угля. Сѣверный Департаментъ, потребляющій въ годъ 8.000.000 тоннъ, ввозитъ всего лишь изъ Германіи 300.000 тоннъ, 500.000 изъ Бельгіи и 20.000 изъ Англіи, а Мертъ и Мозель бралъ больше 3.000.000 тоннъ въ Германіи и 800.000 въ Бельгіи. Парижъ и сенскій департаментъ ввозили 1.000.000 т. изъ Германіи и столько же изъ Англіи. Мы можемъ оставить въ сторонѣ детальное перечисленіе количества ввозимаго угля по остальнымъ департаментамъ, насъ это въ данный моментъ не интересуетъ — намъ важно было отмѣтить тотъ фактъ, что одинъ департаментъ Мертъ и Мозель потребляетъ половину всего ввозимаго германскаго угля. Увеличивающійся ввозъ германскаго угля во Францію объясняется тремя причинами: 1) колосальнымъ ростомъ горной индустріи въ Германіи, 2) дешевизной нѣмецкаго угля и 3) соглашеніемъ между металлургами обѣихъ странъ.

Германія имѣетъ богатѣйшія въ Европѣ залежи угля. Такъ, на международномъ конгрессѣ въ Торонто (въ 1913 г.) запасы Германіи въ углѣ были опредѣлены въ 423 милліарда, а Франціи въ 17 милліардовъ [3].

---

[1] Bulletin du Comité des Forges № 3313. 21 сент. 1915.

[2] См. докладъ Comité des Forges сенатской «Комиссіи Экономической Реорганизаціи». L'Oeuvre. 17 января 1917 г. Напомнимъ здѣсь, что вывозимыя 8.229.000 т. руды даютъ 59.000.000 фр.

[3] Comité des Forges de France. Circulaire № 587. 1913 г. Цит. по Le Correspondant. 25 января 1916.

Средняя цѣна тонны угля на мѣстѣ добычи въ 1912 году была:

въ Англіи	11.25 фр.
» Германіи	13.15 »
» Франціи	15.63 »
» Бельгіи	16.56 »

Хотя стоимость германскаго угля выше бельгійскаго, но для всего восточнаго района германскій уголь былъ выгоднѣе, въ виду географической близости Саарскаго и Рурскаго бассейновъ. Что же касается аннексированной Лотарингіи, то въ смыслѣ угля она представляетъ собой небольшую величину: всего шахты занимаютъ тамъ около 50.000 гект. и давали въ 913 году 3.800.000 тоннъ угля, что, конечно, ни въ какой мѣрѣ не могло бы покрыть дефицита, если бы отнятыя въ 1871 г. провинціи вернулись обратно.

* * *

Война внесла громадную пертурбацію въ хозяйственные организмы обѣихъ странъ, ударивъ Францію по самому больному мѣсту—по ея металлургіи. Уже въ первый мѣсяцъ войны весь восточный районъ, съ самыми цѣнными въ промышленномъ отношеніи департаментами Сѣвера, Па-дэ-Калэ и Мертъ-и-Мозель, былъ занятъ непріятелемъ. Шахты Сѣвера и Па-дэ-Калэ, дававшія 27.000.000 тоннъ угля въ годъ, рудники бассейновъ Бріей, Лонгви—крупнѣйшіе маталлургическіе заводы вмѣстѣ съ 95 (изъ 127) доменными печами—все оказалось по ту сторону линіи огня. Сталь, охраняющую, по словамъ Поля Думэра, независимость народовъ, [1] пришлось ввозить изъ Англіи и Соедин. Штатовъ въ то время, какъ Германія получила въ свое распоряженіе богатые запасы руды и какъ разъ руды оолитоваго строенія (руда эта называется во Франціи minette), которая болѣе всего подходитъ для выдѣлки снарядовъ. По даннымъ инспектора парижскаго статистическаго общества Мишеля, въ рукахъ нѣмцевъ къ концу 1914 года находилось: 100 % департамента Арденнъ, 55 %—Aisne, 12 %—Марны, 25 %—Мертъ и Мозеля, 25 %—Па-дэ-Калэ, 30 %—Мааса, 70 %—Сѣвера, 10 %—Уазы, 16 %—Соммы, 2 %—Вогезъ—всего 2.100.000 гект. или 3.7 % поверхности всей Франціи. Но эти цифры не даютъ еще представленія объ экономическомъ значеніи занятыхъ или дезорганизованныхъ военными дѣйствіями областей. По даннымъ 1912 года, на 10 перечисленныхъ департаментовъ приходилось: 85.7 % произведеннаго во Франціи чугуна, 62.4 %—пудлинговаго желѣза, 68.8 %—угля, 78.3 %—кокса, 90 %—руды, 76 %—болванокъ, 35.4 %—бесемеровской стали, 95.3 %—томасовской стали, 43.8 %—мартэновской стали, 76 %—рельсъ, шпалъ и проч., 21.4 %—банадажнаго желѣза, 60.4 %—сортового желѣза, 88.3 %—

[1] La Metallurgie du Fer. Paul Doumer, Fritz Thyssen, J. Arnold, Iwan s, P. Nicou, etc. Paris. 1912, стр. 10.

балокъ, 87.2% прокатнаго желѣза, 63.2% листоваго желѣза, 52,2%—проволоки, 76.9%—продуктовъ листовой стали, 100%—трубъ и т. д. [1]

Восточный районъ является, какъ мы видимъ, становымъ хребтомъ французской индустріи. Вотъ что говоритъ объ этомъ районѣ конфиденціальная записка шести крупнѣйшихъ германскихъ хозяйскихъ организацій, поданная Бетману Гольвегу въ маѣ 1915 года:

Производство снарядовъ,—читаемъ мы въ этомъ конфиденціальномъ документѣ,—требуетъ такого количества желѣза и стали, что раньше трудно было бы даже себѣ представить. Если бы производство желѣза и стали не было, начиная съ августа, удвоено, то было бы невозможно продолжать войну. Въ качествѣ сырого матеріала для фабрикаціи этого количества желѣза и стали «минетъ» (руда оолитоваго строенія, находящаяся въ изобиліи въ нѣмецкой и, главнымъ образомъ, французской Лотарингіи), занимаетъ все болѣе и болѣе важное мѣсто, ибо только эта руда можетъ быть добыта у насъ въ быстро возрастающемъ количествѣ.

Производство другихъ областей сильно уменьшено, и ввозъ морскимъ путемъ, даже изъ Швеціи, сталъ настолько затруднительнымъ, что во многихъ районахъ, даже внѣ Люксембурга и Лотарингіи, изъ «минетъ» выдѣлываютъ отъ 60 до 80% желѣза и стали. *Если бы добыча «минетъ» была дезорганизована,—война была бы почти потеряна.*

Въ самомъ дѣлѣ, какова роль «минетъ» въ этой войнѣ и какова будетъ ея роль въ будущей войнѣ?

Если бы крѣпость Лонгви съ многочисленными, находящимися вокругъ нея доменными печами, была бы возвращена Франціи и если бы вспыхнула новая война, то въ нѣсколько часовъ, посредствомъ дальнобойной артиллеріи, можно будетъ парализовать дѣятельность слѣдующихъ нѣмецкихъ и люксембургскихъ доменныхъ печей:

Родингенъ, 7 километровъ отъ Лонгви;
Диффердингенъ, 10 километровъ;
Эшъ отъ 16 до 17 километровъ;
Этингенъ—Рюэмелингенъ 21 килом.;
Дюэдэлингенъ 25 километровъ.

Такимъ образомъ около 20% производства чугуна и стали будетъ уничтожена. Достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы увидѣть, что Жарни (рудникъ Фениксъ) въ 35 километрахъ отъ Вердэна, и что самыя западныя концессіи (Ландръ и Конфланъ) начинаются въ 25 километрахъ отъ Вердэна. Мы бомбардируемъ теперь Дюнкирхенъ на разстояніи 38 килом. Неужели можно думать, что въ слѣдующую войну французы не помѣстятъ

[1] Statistique de l'Industrie Minière et des Appareils à vapeur en France et en Algerie. Pour l'Année 1912. Paris 1914. Ministère des travaux publiques. Министерство торговли въ 1916 году дало слѣдующія цифры: всего занято 3% французской территоріи. Занятыя области производили: 84% чугуна, 76%—стали, 52%—желѣзныхъ издѣлій, 56%—трубъ, 41%—локомотивовъ. (L'Echo des Mines et de la Metallurgie, 22 окт. 1916).

дальнобойныхъ орудій въ Лонгви и Вердэнѣ, предоставляя намъ спокойно добывать руду и вырабатывать чугунъ?

Отмѣтимъ мимоходомъ, что производство большей части стали изъ «минетъ» даетъ единственную возможность поставлять для нѣмецкой агрикультуры, когда ввозъ фосфата блокированъ, необходимую для нея фосфорную кислоту.

Безопасность германской имперіи въ будущей войнѣ требуетъ повелительно обладанія всѣхъ рудниковъ «минетъ» въ томъ числѣ крѣпости Вердэнъ и Лонгви, безъ которыхъ нельзя будетъ защищать эти области. [1]

Вопросъ тутъ поставленъ съ той ясностью, которая отличаетъ людей дѣла отъ краснобаевъ. Крѣпости Вердэнъ и Лонгви необходимы для спокойной эксплуатаціи желѣзной руды—этого нерва современной войны. Эта экономически-стратегическая проблема находитъ свое подтвержденіе въ сообщеніи германскаго Генеральнаго штаба (послѣ неудачи подъ Вердэномъ) отъ 27 октября 1916. «Вердэнъ,—читаемъ мы въ этомъ сообщеніи,—въ случаѣ наступленія союзниковъ облегчилъ бы имъ взятіе бассейна Бріей, который такъ дорогъ для нихъ, и угрожалъ бы крѣпости Мецъ, взятіе которой позволило бы завоевать промышленныя и горнозаводскія области нѣмецкой Лотарингіи, что лишило бы насъ самой жизненной части нашей военной индустріи» [2]. Это сообщеніе бросаетъ, между прочимъ, любопытный свѣтъ на упорныя попытки нѣмцевъ взять Вердэнъ.

Чисто военное значеніе пограничныхъ областей породило во Франціи цѣлую литературу, въ которой былъ поставленъ съ неменьшей ясностью вопросъ о вліяніи предстоящаго передвиженія пограничныхъ столбовъ на хозяйственный организмъ Франціи во время и послѣ войны.

* * *

Прежде всего необходимо отмѣтить попытки нѣкоторыхъ журналистовъ оказать воздѣйствіе на генеральный штабъ, чтобы онъ обратилъ сугубое вниманіе на бассейнъ Бріей, который надо де отнять во что бы то ни стало. Такъ, Франсисъ Лоръ написалъ открытое письмо [3] Жоффру, указывая ему ахиллесову пяту Германіи, настаивая на необходимости напрячь всѣ усилія, чтобы отнять или дезорганизовать бассейнъ Бріей и разбить врага посредствомъ *блокады руды*. Бульварная газета l'Oeuvre, которая ведетъ эту кампанію, неоднократно намекала на то, что какіе-то вліятельные круги высказываются противъ бомбардировки бассейна Бріей. Не трудно догадаться—кто эти вліятельные круги: это французскіе металлургисты, которымъ совсѣмъ не улыбается разрушеніе рудниковъ во имя «общенаціональныхъ» задачъ, а поэтому французскіе авіаторы, какъ сообщаетъ тотъ же l'Oeuvre, никогда не осмѣливались бросать

---

[1] L'Humanité, 11 Août 1915.

Точность перевода нѣмецкаго текста была оспорена Le Temps, но приведенный этой газетой текстъ не мѣняетъ смысла нѣмецкаго сообщенія.

[3] L'Oeuvre. 9 Mai 1916.

бомбы въ дѣйствующіе рудники и шахты французской и нѣмецкой Лотарингіи. Объ этомъ же пишетъ и генералъ Мальтеръ, обращающій вниманіе на то, что съ первыхъ дней войны бассейнъ Бріей былъ совершенно забытъ. Такъ, за послѣдній годъ доменныя печи и весь районъ бомбардировались—да и то мало, удачно всего лишь 11 разъ [1]. Почему?—вопрошаетъ вслѣдъ за другими генералъ Мальтеръ. Это осторожное обращеніе не только со своими рудниками, но и съ чужими, объясняется тѣмъ, что интересы французскихъ и нѣмецкихъ металлургистовъ такъ переплетены въ пограничной полосѣ, что обѣ воюющія державы не рѣшаются посягнуть на смѣшанные интересы королей желѣза и стали и разрушать будущее «національное» достояніе.

Нѣмецкое правительство, занявъ восточный районъ, сейчасъ же произвело перепись имѣющагося налицо инвентаря и поручило зарейнскимъ металлургистамъ (Рейхлингъ, Кирдорфъ, Шредтеръ и др.) наблюденіе за дѣятельностью рудниковъ и заводовъ. Мы имѣемъ на этотъ счетъ любопытный докладъ Шредтера изъ Дюссельдорфа,—представленный имъ на собраніи Verein'a Deutschen Eisenhuttenleute 31-го января 1915 г., докладъ, въ которомъ подробно описано положеніе оккупированныхъ областей и мирныя отношенія, установившіяся между завоевателями и *завоеванными* въ областяхъ горнозаводской дѣятельности. [2] Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы была малѣйшая возможность отобрать обратно Бріей, Лонгви и т. д., то это было бы уже сдѣлано.

* * *

Крупнѣйшія организаціи германскихъ промышленниковъ высказываются безъ всякихъ оговорокъ за аннексію пограничныхъ областей. Что на это отвѣчаютъ французскія вліятельныя хозяйскія организаціи?

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытенъ отвѣтъ, данный Comité des Forges, могущественной организаціей французскихъ металлургистовъ. Секретарь этой организаціи, г. Пино, представилъ докладъ въ сенатскую «Комиссію Экономической Реорганизаціи», въ которомъ прямо высказываетъ безпокойство за будущія судьбы французской металлургіи въ случаѣ включенія во французскую таможенную черту нѣмецкой Лотарингіи и Саарскаго бассейна (граница 1814 г.). Соображенія Comité des Forges настолько интересны, что мы изложимъ ихъ возможно подробнѣе. Comité des Forges дѣлаетъ два предположенія—пораженія и побѣды союзниковъ. Что произойдетъ, если придется заключить «хромой миръ» и Германія аннекси-

[1] De Verdun à Briey. Le Temps 31 Janvier 1917.

[2] На одномъ заводѣ на берегу Мааса,—разсказываетъ Шредтеръ,—меня привѣтствовалъ директоръ, мой старый знакомый, котораго я сопровождалъ до войны въ поѣздкѣ по Германіи. Мы пожали другъ другу руки, оба взволнованные шумомъ пушекъ, грохочущихъ вотъ уже пять мѣсяцевъ. (Bulletin du Comité des Forges, № 3287. 26 Mars 1915).

руетъ бассейнъ Бріей? Вотъ какія измѣненія внесетъ это незначительное перемѣщеніе границы:

	Франція. 1913 г.	Германія. 1913 г.
	въ тоннахъ:	
Уголь	40.000.000 [1]	191.000.000 [1]
Желѣзная руда	21.700.000	27.000.000
Чугунъ	5.310.000	17.040.000 [1]
Сталь	4.635.000	17.625.000 [1]

	Франція безъ Бріей	Германія съ Бріей
Уголь	40.000.000	191.000.000 [2]
Желѣзная руда	6.550.000	42.150.000
Чугунъ	2.630.000	19.720.000
Сталь	2.835.000	19.425.000

Въ случаѣ такого исхода войны Франція, говоритъ докладная записка, исчезаетъ, какъ промышленная страна.

Другое предположеніе—это рѣшительная побѣда союзниковъ. Что же тогда получится? Взятіе Эльзасъ-Лотарингіи передаетъ въ руки Франціи почти весь желѣзный бассейнъ (около 120.000 гектаровъ, кромѣ 3.600—принадлежащихъ Люксембургу), и Франція начинаетъ добывать больше 42.000.000 тоннъ руды, тогда какъ производство Германіи падаетъ —до 7.000.000 тоннъ. Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ углемъ. Возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи приноситъ съ собой добычу въ 3.600.000 тоннъ угля въ годъ, но металлургическіе заводы, расположенные въ Лотарингіи, потребляютъ 9.500.000 тоннъ въ годъ, т. е. *присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи увеличиваетъ угольный дефицитъ на* 6.000.000 *тоннъ въ годъ*.Еще хуже обстоитъ дѣло съ коксомъ. Лотарингія потребляетъ 4.250.000 и производитъ только 90.000 тоннъ въ годъ. Французскій дефицитъ, достигавшій уже 2.800.000 тоннъ, увеличивается до 7.000.000 тоннъ кокса,и это въ то самое время, какъ количество чугуна значительно увеличилось. И отсюда выводъ: «*Возвращеніе Франціи къ границамъ 1871 года поставитъ французскую металлургію въ чрезвычайно критическое* (excessivement critique) *положеніе и кромѣ того серьезно увеличитъ зависимость Франціи отъ иностраннаго угля*».

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нужно вернуться къ границамъ 1814 года и разсмотрѣть возможное присоединеніе Саарскаго бассейна. Саарскій бассейнъ даетъ 17 милл. тоннъ угля, изъ которыхъ 9 мил. пойдетъ на присоединяемыя области, а остальные 8 мил. тоннъ пойдетъ на покрытіе французскаго дефицита. Казалось бы, что дѣло отчасти устраивается, на самомъ дѣлѣ положеніе еще ухудшается. *Надо отмѣтить*,—читаемъ мы въ докладной запискѣ, *что*,—*если общіе*

[1] Цифры хотя и не совпадаютъ съ вышеприведенными, но мы приводимъ ихъ такъ, какъ онѣ даны въ докладѣ.

[2] Безъ лигнита (бураго угля), котораго Германія добывала въ 1913 г. 87 мил. тонкъ.

интересы повелительно требуютъ присоединенія саарскаго угольнаго бассейна, положеніе французской металлургіи становится еще болѣе критическимъ. Саарскій бассейнъ кромѣ угля приноситъ также 1.375.000 тоннъ чугуна и 2.080.000 тоннъ стали въ годъ, что увеличитъ больше чѣмъ вдвое французскую металлургію. Вотъ на этотъ счетъ поучительныя цифры, относящіяся къ 1913 году:

Продукты.	Лотарингія [1].	Сааръ [1].	Всего [1] Лотарингія и Сааръ.	Франція [2] по войны.
Чугунъ	3.869.868	1.374.534	5.244.402	5.311.316
Сталь	2.285.000	2.080.000	4.365.000	4.635.166
Полу-фабрикаты . . .	369.000	141.000	510.000	685.000
Рельсы, шпалы и пр. . .	320.000	372.000	692.000	430.000
Балки	290.000	298.000	588.000	483.000
Сортовое желѣзо . . .	636.000	461.000	1.097.000	1.027.000
Машины	135.000	174.000	309.000	134.500
Листовое желѣзо . . .	96.000	140.000	236.000	555.000

Приведя эту таблицу, докладная записка съ безпокойствомъ подчеркиваетъ затруднительное положеніе, въ которое попадаетъ французская металлургія, увеличившись вдвое при незначительномъ увеличеніи территоріи, что чревато серьезными осложненіями. Внутренній рынокъ Франціи не можетъ проглотить двойной порціи продуктовъ металлургіи, слѣдовательно, нужно уже сейчасъ обезпечить для себя рынокъ сбыта. Какъ это сдѣлать? Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, первыхъ лѣтъ, говоритъ записка, придется обезпечить аннексированной металлургической промышленности ея обычные рынки. Каковы они были до сихъ поръ? Часть чугуна, стали и полу-фабрикатовъ, вырабатываемая въ Лотарингіи, шла на заводы въ Вестфалію. Если, по какимъ бы то ни было мотивамъ, помѣшаютъ этимъ продуктамъ идти туда, куда они раньше шли, это приведетъ къ двумъ чрезвычайно серьезнымъ послѣдствіямъ: 1) нѣмецкіе заводы, имѣющіе въ Лотарингіи доменныя печи, создадутъ рядомъ съ этими послѣдними, т.-е. во Франціи, сталелитейные заводы для переработки чугуна въ сталь по эту сторону таможеннаго барьера; это означало бы опасное увеличеніе перепроизводства выдѣланной стали, 2) заводы Вестфаліи построятъ доменныя печи, чтобы получить, чугунъ, который не будетъ приходить изъ Лотарингіи. Въ результатѣ получится удвоенная постройка заводовъ, которые увеличатъ въ значительной степени міровое производство стали, что еще болѣе увеличитъ кризисъ перепроизводства. Каковъ же выходъ изъ этого щекотливаго положенія? Выходъ одинъ: оговорить въ мирномъ договорѣ, если это нельзя сдѣлать другими спо-

[1] Цифры приблизительныя.

[2] Данныя, относящіяся только къ заводамъ, принадлежащимъ къ Comité des Forges.

собами, что продукты заводовъ Лотарингіи и Саара, или хотя бы опредѣленная часть этихъ продуктовъ, будутъ имѣть доступъ въ Германію безъ всякой пошлины. Причемъ, количество продуктовъ, освобождаемыхъ отъ какой бы то ни было пошлины, должно равняться производительности Лотарингіи и Саара [1]. Органъ финансовой и промышленной буржуазіи l'Information пошелъ дальше и поставилъ всѣ точки надъ і. «Когда-то говорили,—пишетъ этотъ органъ,—что Германія будетъ воевать изъ-за Бріей, можно предполагать, что Германія продолжитъ войну изъ-за Тіонвильскаго бассейна. Зная могущество бургграфовъ желѣза и пороха, можно думать, что вопросы эти будутъ играть значительную роль въ мирныхъ переговорахъ. Подумайте только,—восклицаетъ эта газета,—что будетъ, когда Рейхлинги, Штуммы, Тиссены вдругъ станутъ королями французской индустріи!» Чтобы избѣжать такого «національнаго» бѣдствія, l'Information предлагаетъ или передать нѣмецкія предпріятія французскимъ обществамъ, или обезпечить посредствомъ торговаго договора экономическое ante bellum.

Новыя области должны быть присоединены къ Франціи политически, а не экономически. Такое рѣшеніе, по мнѣнію органа финансовой и промышленной буржуазіи, пріятно какъ для нѣмцевъ, такъ и для французовъ. Однимъ словомъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы создать для металлургическихъ заводовъ присоединяемыхъ областей нѣчто вродѣ *экономической экстерриторіальности* [2].

Если расшифровать слово «экономическая экстерриторіальность», то оно сводится въ общемъ и цѣломъ къ предложенію бывшаго министра Ив. Гюйо уничтожить таможенныя границы для центральныхъ имперій, сохранивъ ихъ—временно—для союзниковъ [3].

* * *

Такое рѣшеніе проблемы поставитъ Францію, по словамъ Comité des Forges, въ исключительно благопріятное положеніе если не съ точки зрѣнія угля, то, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія желѣза. Благодаря возвращенію къ границамъ 1871 года, установится, съ точки зрѣнія металлургической, «пріемлемое равновѣсіе», что видно изъ слѣдующихъ цифръ (1913 г.):

---

[1] См. докладную записку Comité des Forges—L'Oeuvre de 17, 18 et 20 Janvier 1917.

[2] L'Information 22 декабря 1915 года. Теорія экономической экстерриторіальности вызвала негодованіе нѣкоторыхъ газетъ, которыя обвинили Comité des Forges въ недостаточномъ патріотизмѣ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ молчанія вице-предсѣдатель Comité des Forges Л. Пралонъ выступилъ въ печати съ заявленіемъ, что теорія «экономической территоріальности» не выражаетъ ни прямо, ни косвенно мнѣнія французской металлургіи. Депутатъ Энжеронъ знаетъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было,—пишетъ Пралонъ,—какъ бдителенъ на этотъ счетъ нашъ патріотизмъ и какъ заботливо мы стремимся отожествить наши корпоративные интересы съ высшими интересами Франціи. (L'Echo de Paris. 25 іюля 1916 г.).

[3] Yves Cuyot: Les causes et les consequences de la Guerre и La Province Rhenane et la Westfalie, стр. 141.

	Англія.	Новая Франція.	Уменьшенная Германія.
		въ тоннахъ:	
Уголь	286.000.000	56.800.000	171.200.000
Руда	14.000.000	42.850.000	7.000.000
Чугунъ	10.480.000	10.135.000	12.205.000
Сталь	8.000.000	9.000.000	13.260.000

Къ этой чрезвычайно краснорѣчивой таблицѣ нужно прибавить, что Франція станетъ первой страной въ мірѣ по производству томасовской стали. Перспектива настолько интересная, что Франсисъ Лоръ, сдѣлавъ соотвѣтствующія сложеніе и вычитаніе, восклицаетъ: «Можно было бы съ точки зрѣнія экономической почти кричать: «Да здравствуетъ война! ибо безъ нея мы были бы просто аннексированы Германіей». [1]

Было бы ошибочно думать, что чисто эгоистическія соображенія заставляютъ стремиться къ *обезжелѣзенію* Германіи, нѣтъ, этого требуютъ высшіе интересы права цивилизаціи и культуры. Въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ смыслъ происходящей войны? Въ борьбѣ съ прусскимъ милитаризмомъ. Въ чемъ сила прусскаго милитаризма? Въ германской металлургіи. Вотъ почему, «отнявъ у Германіи желѣзо, у нея тѣмъ самымъ отнимутъ, если не предлогъ, то во всякомъ случаѣ средства интенсивныхъ вооруженій». Это будетъ благомъ для человѣчества, ибо «завоеваніемъ желѣза мы отнимемъ у нашихъ враговъ возможность вооружаться противъ насъ и всеобщаго мира». [2]

Но это еще не все. Будущія судьбы цивилизаціи ставятъ во всей своей широтѣ вопросъ объ естественныхъ границахъ и о Великой Франціи. И пусть намъ не говорятъ,— восклицаетъ депутатъ Кальвадоса, Энжеранъ,—что тѣ, кто отстаиваютъ Великую Францію, служатъ интересамъ капиталистовъ. Ничего подобнаго. Капиталисты (намекъ на экономическую экстерриторіальность) охотно бы примирились и съ маленькой Франціей, и играютъ на руку капиталистамъ тѣ, кто отстаиваютъ «маленькія границы». [3]

Необходимость «предохранительныхъ границъ» меньше всего вызывается духомъ завоеванія и желаніемъ пріобрѣсти новыя территоріи, ничего подобнаго;—«дѣло идетъ только о томъ, чтобы взять необходимыя предосторожности противъ коммерческаго и военнаго нашествія германскихъ народовъ, вырвавъ имъ когти, которыми они разрывали нашу плоть. Для того, чтобы убить военную мощь Германіи, надо пересадить въ другую почву ея металлургію». [4]

Но за всѣмъ тѣмъ остается сложный вопросъ о томъ, что дѣлать съ рудой. Франція, ставъ первой страной въ Европѣ по количеству добываемой руды, должна уже сейчасъ разрѣшить во-

---

[1]. Francis Laur: «La France Reine de Fer. L'Usine 21 Novembre 1915.»
[2] l'Information. 10 Avril 1916.
[3] Une étrange pretention. L'Echo de Paris. 1 Sept. 1916.
[4] André Lebon (бывшій министръ). Le Fer et le Charbon dans les traités de Paix. La Nouvelle Revue. 1 Novembre 1916.

просъ о томъ, какъ быть на этотъ счетъ съ Германіей. Перерабатывать самимъ всю руду? Вывозить въ Германію? И если вывозить въ Германію, то на какихъ условіяхъ? Мы видѣли, что отвѣтственные представители французской металлургіи за сохраненіе аннексированной металлургической промышленностью ея прежнихъ рынковъ, но это далеко не разрѣшаетъ поставленной выше проблемы. Даже въ томъ случаѣ, если аннексированная Лотарингія и Саарскій бассейнъ будутъ продолжать вывозить свои металлургическіе продукты въ Германію, остаются еще милліоны пудовъ руды, которые надо будетъ пристроить. Входить ли послѣ войны въ какія-нибудь соглашенія съ Германіей на этотъ счетъ?

Да, отвѣчаетъ La Nature,—«мы будемъ господами европейскаго желѣзнаго рынка и почти единственными продавцами дешевой руды. Тогда мы сможемъ, имѣя въ изобиліи руду, начать вновь ее продавать нѣмцамъ: Штумамъ, Тиссенамъ и проч., которые начали захватывать нашу территорію, и мы купимъ въ обмѣнъ вестфальскій уголь, который намъ всегда нуженъ будетъ... Но капитальную важность имѣетъ обладаніе всей рудой на случай будущей войны ».La Nature полагаетъ, что въ предвидѣніи войны можно будетъ прекратить нѣмцамъ доставку руды—«что будетъ наилучшей защитой противъ будущихъ жестокостей». [1] Но такъ ли это? Можетъ ли компромиссъ привести къ окончательному торжеству права и справедливости, и къ длительному миру? Навѣрно нѣтъ, ибо примиреніе съ Германіей въ этой области равносильно усиленію ея тяжелой индустріи—этого фундамента прусскаго милитаризма. По крайней мѣрѣ академикъ Луи-де-Лоней противъ всякаго компромисса въ этомъ жизненномъ вопросѣ. «Остаться непримиримымъ на счетъ руды,—пишетъ этотъ академикъ,—это значитъ обезпечить миръ, это значитъ помѣшать новому нападенію нѣмцевъ посредствомъ «переградного огня»; ибо само собой разумѣется, что нападеніе никогда не можетъ исходить со стороны Франціи. «Если вопросъ этотъ,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ г. Луи-де-Лоней,—можетъ быть спорнымъ для мирнаго времени, то онъ ставится съ ослѣпительной ясностью для военнаго времени. Оставить цвѣтущей нѣмецкую индустрію—это дать ей возможность послѣ войны опять завоевать міровой рынокъ, раздавивъ слабую конкуренцію... Это значитъ дать ей средство подготовить быстрый реваншъ. Ее уничтожить или держать надъ ней заряженную мину, которая можетъ взорваться въ любой моментъ—это значитъ помѣшать нашимъ врагамъ насъ атаковать позже». Эти соображенія отодвигаютъ на задній планъ всѣ меркантильные разсчеты. Исходя изъ нихъ, нужно «запретить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вывозъ руды въ Германію, для того, чтобы парализовать ея заводы.» Что же касается условій мирнаго обмѣна, то это необходимо отложить на долгое время послѣ опредѣленнаго періода, когда Германія обязана будетъ намъ доставлять уголь. не получивъ руды въ обмѣнъ». [2]

---

[1] La Nature, 9 Octobre 1915, page 233.

[2] Louis de Lonay: Le Problème Franco-Allemand du Fer. Revue de deux Mondes. Le 15 Jouillet 1916; page 347—351.

Къ такому же рѣшенію вопроса склоняется и «федерація промышленниковъ и коммерсантовъ», устроившая анкету объ экономическихъ параграфахъ мирнаго договора (Sur les clauses économiques de la Paix). Составители анкеты заявляютъ, что необходимо «заставить Германію доставлять Франціи опредѣленное количество и опредѣленнаго качества горючаго матеріала, которое мы не можемъ добыть у насъ, и все это подъ контролемъ нашего горнаго надзора». [1]

* * *

Мы подошли теперь къ самому больному мѣсту французской индустріи — къ углю. Возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи еще больше обостряетъ угольный кризисъ и передъ Франціей—если она хочетъ поддержать рангъ, который возлагаетъ на нее изобиліе руды—встаетъ вопросъ о томъ, чтобы обезпечить себя углемъ. Дефицитъ достигалъ въ 913 году 20 милл. тоннъ. Нѣсколько цифръ покажутъ, въ какой мѣрѣ усилится угольный дефицитъ. Для обработки одной тонны руды требуется въ среднемъ 1330 кило угля. [2] Чтобы наказать Германію и добиться металлургической гегемоніи, разсуждаютъ цитированные нами публицисты и политики, придется самимъ перерабатывать 21 милліонъ тоннъ лотарингской руды и 4 милл. тоннъ, которые вывозились въ Германію, всего еще 25 милл. тоннъ, что увеличиваетъ довоенный угольный дефицитъ больше, чѣмъ на 30 милліоновъ. Всего, стало быть—базируя исчисленія на данныхъ 1913 года—придется ввозить не меньше 50 милл. тоннъ угля въ годъ. Какъ при угольномъ голодѣ не попасть въ зависимость къ сосѣдней странѣ, располагающей самими богатыми залежами угля въ Европѣ? Какъ быть? Какъ покрыть этотъ колоссальный дефицитъ? Есть два выхода: или обратиться къ довоенной системѣ «желѣзо-уголь», т.-е.—войти въ соглашеніе съ «наслѣдственнымъ врагомъ», или обезпечить себѣ необходимое количество угля помимо и вопреки Германіи. Нужно ли говорить, что система «уголь-желѣзо» непріемлема, потому что она означала бы соглашеніе съ прусскимъ милитаризмомъ, въ то время какъ священные интересы человѣчества требуютъ рѣшительной и неограниченной побѣды надъ нимъ.

Возвращеніе однѣхъ провинцій, отнятыхъ у насъ въ 1871 году,—пишетъ депутатъ Энжеранъ,—принесетъ Франціи обиліе руды, которой у нея и такъ много, но положеніе для угля значительно ухудшится; Эльзасъ-Лотарингія потребляетъ 18 милл. тоннъ, а производитъ всего лишь 4 милліона. Металлургія обѣихъ Лотарингій будетъ производить 8—9 милл. т. чугуна, и если во Франціи не будетъ угля, придется обращаться къ Германіи. Благодаря этому, необходимый контроль надъ нѣмецкой металлургіей станетъ иллюзорнымъ, такъ какъ Германія, держа Францію своимъ углемъ, сможетъ диктовать цѣны на руду. Металлургическое господство надъ Германіей—единственное средство

[1] Federation des Commerçants et Industriels français № 144. Октябрь 1916. Enquête sur les clauses économiques de la Paix.

[2] См. Bhibaux-Laspière: L'Industrie de l'Acier en France. Paris. 1916.

уничтожить ея агрессивную силу—возможно только въ томъ случаѣ, если французская металлургія будетъ цѣликомъ эмансипирована и если Франція добьется независимости съ точки зрѣнія угля. Углемъ этимъ мы обладали по договору 1814 года, когда за Франціей былъ оставленъ Саарскій бассейнъ, договоръ 1815 года отнялъ его. Возвращеніе Франціи Саарскаго бассейна является необходимостью для европейскаго порядка и лучшей гарантіей долгаго мира. Это единственное средство, которое позволитъ Франціи—она одна на континентѣ въ состояніи это сдѣлать—металлургически господствовать надъ Германіей, отнявъ у нея главную агрессивную силу [1]. Не нужно забывать, что весь Саарскій бассейнъ принадлежалъ Франціи (1793—1815) и французскіе инженеры произвели главныя работы въ этомъ бассейнѣ.[2] Аннексія, такимъ образомъ, оправдывается «экономически и исторически». [3]

Прежде всего,—пишетъ академикъ Луи-де-Лонней—необходима аннексія (или скорѣе возвращеніе) Саарскаго бассейна, который долженъ быть нашимъ Delenda Carthago, затѣмъ нужно коммерческое подчиненіе (mainmise commerciale) вестфальскихъ шахтъ. [4] Посмотримъ, прежде всего, что представляетъ собой Саарскій бассейнъ.

Саарскій бассейнъ состоитъ изъ трехъ частей:

1) Саарсбрюкскій бассейнъ, принадлежащій прусскому фиску, занимаетъ 110.000 гекторовъ [5] (13.006.000 тоннъ въ 1913)

2) Шахты Палатината, изъ которыхъ часть (5.500) принадлежитъ баварскому фиску (860.00 тоннъ въ 1913 году), а часть частнымъ лицамъ.

3) Шахты аннексированной Лотарингіи занимаютъ 50.000 гекторовъ (3.800.000 тоннъ въ 1913 году). Угольный пластъ тянется до Понта Муссона.

Здѣсь мы остановимся на Саарскомъ бассейнѣ, т. е. на шахтахъ, принадлежащихъ прусскому фиску. Значеніе этого бассейна не только въ томъ, что онъ далъ—13.000.000 тоннъ въ 1913 году, а въ томъ, что одинъ этотъ бассейнъ, по мнѣнію геологовъ, содержитъ столько же угля, сколько вся Франція. Прусскій чиновникъ—Фонъ-Дехенъ, стоящій во главѣ Саарскихъ минъ, утверждаетъ, что бассейнъ этотъ содержитъ $45^1/_2$ милліардовъ тоннъ. а нѣмецкій инженеръ Фрехъ даетъ слѣдующія цифры:

До 1.000 метровъ глубины	9.795
» 1.500 » »	15.575
Ниже 1.500 » »	53.515

---

[1] Le Gage de la Paix. L'Echo de Paris, 4 Fevrier. 1917.
[2] F. Engerand. Les Frontières Lorraines. L'Allemagne et le Fer.
[3] La Nature. 19 дек. 1914.
[4] Тамъ-же.
[5] L. Gouvy: Le Bassin houiller de la Sarre. Journal des économistes 15 1915. Louis Aguillon: Le Bassin houiller de Sarrebruck. La Nature 19 бря 1914.

Наконецъ, международный конгрессъ въ Торонто, происходившій лѣтомъ 1913 года, оцѣниваетъ запасы Саарскаго бассейна въ 9.796 милл. до 1.200 метровъ глубины и 6.799 милл. тоннъ ниже 1.200 метровъ[1]. Какъ бы ни относиться къ колоссальнымъ цифрамъ фонъ-Дехена и Фреха, одно несомнѣнно: что Саарскій бассейнъ имѣетъ громадное значеніе для Франціи, угольныя залежи которой оцѣниваются всего въ 17 милліардовъ. Нужно имѣть въ виду, что добытые въ 1913 году 13 милл. тоннъ угля далеко не представляютъ собой максимума. Дѣло въ томъ, что въ рукахъ прусскаго фиска бассейнъ этотъ служилъ регуляторомъ цѣнъ, но фискъ не стремился къ увеличенію максимальной производительности, дабы не нарушить интересовъ рейнско-вестфальской угольной промышленности.

Но даже отказавшись отъ практикуемаго прусской казной *экономическаго мальтузіанства*, Франція сможетъ покрыть все же только *часть* своего угольнаго дефицита. Вотъ почему присоединеніе Саарскаго бассейна не разрѣшаетъ основной проблемы о равновѣсіи угля, и мы приходимъ съ желѣзной необходимостью къ постановленному вліятельными кругами французскаго общественнаго мнѣнія вопросу объ «естественныхъ границахъ» для Франціи.

* * *

Академикъ де-Лонней предлагаетъ «коммерческое господство» надъ рейнско-вестфальскими шахтами, но коммерческое господство не болѣе какъ абстрактная формула для выраженія конкретнаго перемѣщенія пограничныхъ столбовъ на требуемое разстояніе. На какое разстояніе?—Вотъ вопросъ. Генералъ Мальтерръ, какъ человѣкъ военный, выразилъ это слѣдующей формулой: «ни одного солдата на лѣвомъ берегу Рейна». Политически отвѣтилъ на это редакторъ лѣво-радикальной газеты Le Rappel—Альбертъ Мильо, выдвинувъ въ порядокъ дня такъ называемый «Западный вопросъ», т. е. защиту посредствомъ Рейна западной цивилизаціи отъ восточнаго (здѣсь имѣются въ виду центральныя имперіи) варварства,[2]—остается самая трудная экономическая сторона проблемы.

Мы видѣли, что, съ точки зрѣнія интересовъ человѣчества, необходимо обезпечить Францію углемъ, и здѣсь нельзя останавливаться на полъ-дорогѣ—надо итти до конца на разъ избранномъ пути.

Гарантіи будущаго мира будутъ, какъ извѣстно, троякаго рода: стратегическія, политическія и экономическія. Съ экономической точки зрѣнія лучшей гарантіи, какъ изоляція Германіи отъ лѣваго берега Рейна, нѣтъ. По крайней мѣрѣ, депутатъ Энжеранъ все время возвращается къ «естественнымъ границамъ», считая абсолютно необходимымъ отбросить Германію за Рейнъ. Всѣ области, лежащія къ западу отъ Рейна, должны перейти къ

[1] L. Gouvy: стр. 43—44.

[2] Albert Milhaut: La question d'Occident. La Vie... L'Alsace-Lorraine t le Rhin.

Франціи, пишетъ Морисъ Альфасса,—и тогда «сидерургическая супрематія будетъ вырвана изъ рукъ Германіи». Даже въ томъ случаѣ, если съ точки зрѣнія политической выскажутся противъ аннексій лѣваго берега Рейна, то это не значитъ, что всѣ эти области должны быть возвращены Германіи.[1]

Но присоединеніе промышленныхъ областей, лежащихъ по сю сторону Рейна, вызываетъ серьезныя затрудненія, изъ которыхъ, какъ увѣряетъ Викторъ Камбонъ, принципъ національностей не самое главное. Въ самомъ дѣлѣ,—если возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи взволновало металлургію, то что же будетъ съ присоединеніемъ всего лѣваго берега Рейна? Германіи принадлежитъ на лѣвомъ берегу Рейна, кромѣ Эльзасъ-Лотарингіи, 27.000 квадр. километровъ. Въ Кайзерладтернъ, Ландстулъ и Бермсѣ,—пишетъ Викторъ Камбонъ,—громадные металлургическіе заводы, кожевенныя и обувныя фабрики. Вопросъ еще болѣе обостряется, когда мы переходимъ къ Людвигсгафену—съ его многочисленными трубами. Тамъ находятся нѣсколько механическихъ заводовъ, въ томъ числѣ Зульцера, строющаго двигатели Дизеля. Тамъ расположена на 200 гекторахъ чудовищная химическая фабрика Badische Anilin und Soda Fabrik, которая съ ея 300 химиками, 250 техниками и 11.00 рабочихъ, является главнымъ производителемъ красящихъ и взрывчатыхъ веществъ въ Германіи; на лѣвомъ берегу Рейна находится Аахенъ съ его шахтами, чугунно-литейными и желѣзо-дѣлательными заводами, Дюренъ, Кельнъ и пр. Къ сѣверу идутъ шелковыя, бумажныя фабрики—это районъ Гладбахъ и Крефельда и т.д. Правда, главныя угольныя богатства находятся на правомъ берегу Рейна, но и на лѣвомъ берегу есть громадныя шахты, дающія вмѣстѣ до 15 милл. тоннъ въ годъ. Викторъ Камбонъ, исходя изъ принципа, что «Германія не должна быть расположена по сю сторону Рейна», но не считая возможнымъ включеніе этихъ промышленныхъ областей во французскую таможенную линію, предлагаетъ создать независимое отъ центральной Германіи, нейтральное государство, которое будетъ, благодаря своему особому положенію, экономически привиллегированнымъ. Съ автономнымъ государствомъ будетъ нетрудно войти въ соглашеніе — въ результатѣ—таковъ логическій выводъ изъ предложенія В. Камбона—и Германія будетъ ослаблена, и французская промышленность не пострадаетъ. Создать нейтральное государство изъ областей, лежащихъ по сю сторону Рейна,— это все-таки полумѣра. Морисъ Альфасса не останавливается на половинчатомъ рѣшеніи вопроса,—онъ предлагаетъ экспропріировать всѣ, принадлежащія нѣмецкимъ владѣльцамъ, шахты, оговоривъ въ мирномъ договорѣ, что Германія должна уплатить собственникамъ этихъ шахтъ справедливое вознагражденіе. У насъ не хватаетъ угля, мы пойдемъ за нимъ въ Вестфалію, разъяснилъ въ одной лекціи бывшій министръ-Андрэ Лебонъ: пойдемъ, примѣнивъ, конечно, по отношенію къ Гер-

[1] Maurice Alfassa. L'Après-Guerre. Le Fer et le Charbon Lorrains. Une des causes profondes de la guerre et une des condition essentielles de la victoire de la France er de la Paix durable. Paris. 1916 г., стр. 57—58.

маніи то, что Европа примѣнила по отношенію къ намъ въ Бельгіи и Люксембургѣ (созданіе нейтральныхъ государствъ—буферовъ, таможенныя гарантіи и проч.).[1]

Если прибавить къ этому предлагаемую сенаторомъ Эрріо «интернаціонализацію Рейна» и проектъ де Лонней о «коммерческомъ подчиненіи вестфальскихъ шахтъ»,то тогда, можетъ быть, установится то равновѣсіе «угля и желѣза», которое требуется для уничтоженія прусскаго милитаризма. Это равновѣсіе тѣмъ легче установить, что природа сыграла съ Германіей очень плохую шутку, оплодотворивъ ея провинціи не только на западѣ, но и на востокѣ. А такъ какъ къ возстановленной единой Польшѣ отойдутъ вмѣстѣ съ Познанью Восточной и Западной Пруссіей и Силлезія[2] (всего 114.000 квадр. кил. и 14 милл. жителей), то Германія, усѣченная съ двухъ концовъ въ углѣ, перестанетъ быть королемъ угля, что является, по словамъ Жана Гербетта, первымъ условіемъ длительнаго мира...

* * *

Каковъ же выводъ? Предъ лицомъ этихъ угольно-желѣзныхъ перспективъ, выводъ можетъ быть только одинъ, и сдѣлалъ его Гюставъ Эрвэ. Онъ объявилъ «блеющими пацифистами» и измѣнниками не только циммервальдцевъ, но вообще всѣхъ тѣхъ, кто заикается о «бѣломъ мирѣ» или «войнѣ въ ничью». И онъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ. Если судьбы человѣчества зависятъ отъ прозаическаго угля и не менѣе прозаической руды, то неужели же національный соціализмъ откажется отъ соотвѣтствующихъ гарантій во имя отвлеченнаго антианнексіонистскаго принципа? Конечно, нѣтъ. Не нужно забывать, что уголь и желѣзо, несмотря на свою каменную безчувственность, играютъ чрезвычайно активную роль въ міровомъ конфликтѣ и не только какъ средство войны: одна изъ цѣлей мірового конфликта—это, какъ мы видѣли, установленіе «сидерургическаго равновѣсія». Вотъ почему логичны тѣ, кто протестуетъ во имя угля и желѣза проти въ ***«войны въ ничью»***. Война эта не можетъ закончиться безъ установленія новыхъ межевыхъ знаковъ. Перемѣщеніе же пограничныхъ столбовъ на нѣсколько десятковъ километровъ въ богатыхъ углемъ и рудой пограничныхъ областяхъ, представляетъ собой такую гарантію «вѣчнаго мира», что національный соціализмъ пойдетъ вслѣдъ за Эрвэ и Самба, ибо онъ не можетъ оставить на послѣднемъ этапѣ своихъ компаньоновъ по священному единенію...

А. Лозовскій.

Парижъ. Февраль 1917.

P. S. Статья эта была написана до революціи, когда приходилось лавировать между проволочными заграждеіями франко-русской военной цензуры. Этимъ и объясняются умолчанія,крайне осторожныя выраженія и отсутствіе оцѣнки аппетитовъ француз-

[1] L'Echo des Mines et de la Métallurgie. 20 Oct. 1916.
[2] Le Temps, 17 Novembre 1916.

скихъ имперіалистовъ. А аппетиты эти громадны. Правда, долгая война и безысходность международной бойни ослабила эти аппетиты, но все же они достаточно велики. Французскій имперіализмъ слабѣе нѣмецкаго. Онъ не надѣется экономически подчинить аннексированныя области и поэтому изыскиваетъ рядъ искусственныхъ мѣръ, чтобы проглотить конкурента. Французская финансовая олигархія, втравившая III республику въ войну, хочетъ серьезно заработать на томъ предпріятіи, которое называется «война за право». Съ этой же точки зрѣнія французскіе имперіалисты подходятъ и къ вопросу объ Эльзасъ-Лотарингіи. Цифры, приведенныя выше, доказываютъ, что дезанексія (выраженіе Вандервельда) Эльзасъ-Лотарингіи—смерть для *капиталистической* Германіи. Отнять у германскаго капитализма ¾ желѣзной руды это значитъ разоружить его передъ лицомъ своихъ конкурентовъ. И можно заранѣе сказать, что господствующіе классы Германіи будутъ биться до послѣдняго нѣмецкаго солдата за Эльзасъ-Лотарингію. Дѣло идетъ о жизни и смерти для германской тяжелой индустріи— вотъ почему эльзасъ-лотарингскій вопросъ неразрѣшимъ при сохраненіи таможенныхъ границъ и довоенной экономической политики великихъ державъ. Только революціонное потрясеніе, ломающее воздвигнутые таможенные барьеры, можетъ создать предпосылки для разрѣшенія эльзасъ-лотарингскаго вопроса въ интересахъ трудящихся массъ; только революціонная буря можетъ разрубить гордіевъ узелъ историческихъ несправедливостей. Никакихъ другихъ путей для разрѣшенія національнаго вопроса вообще и эльзасъ-лотарингскаго въ частности нѣтъ и быть не можетъ.

А. Л.

ПРОБЛЕМЫ ВОИНЫ И МИРА.

(По поводу книги ген. Персена)

Les problèmes de la guerre et de la paix.

«La guerre et l'armée de demain»—par général Percin. Un volume in 8° de 110 pages, Paris 1917.

Многимъ памятна та полемика и страстная борьба, которая велась во Франціи за годъ до войны вокругъ законопроекта объ уменьшеніи двухлѣтняго срока службы и введеніи трехлѣтней воинской повинности. Среди противниковъ этого реакціоннаго законопроекта виднѣйшую роль на ряду съ Жоресомъ игралъ генералъ Персенъ. Генералъ, которому въ то время было уже 67 лѣтъ, выступалъ публично противъ новаго законопроекта, какъ вреднаго съ точки зрѣнія національной обороны, какъ опаснаго съ точки зрѣнія интересовъ демократіи и сохраненія европейскаго мира. Этотъ союзъ съ лѣвыми элементами престарѣлаго и авторитетнаго генерала, сыгравшаго выдающуюся роль въ улучшеніи французской артиллеріи, въ введеніи пресловутой пушки 75, безпощадная критика Персеномъ облюбованнаго реакціонерами законопроекта, принятаго въ концѣ концовъ парламентомъ, произвела въ «правыхъ кругахъ» впечатлѣніе «настоящаго скандала въ благородномъ семействѣ». Съ этого момента правые стали видѣть въ генералѣ Персенъ своего непримиримаго врага, который можетъ оказаться когда-нибудь крайне опаснымъ для интересовъ консервативныхъ партій, и затаили чувство глубокой мести по отношенію къ Персену. Извѣстно, что реакціонеры воспользовались первыми событіями войны, эвакуаціей Лилля, произведенной противъ воли Персена, по распоряженію военнаго министерства, чтобы свалить именно на Персена отвѣтственность за первыя неудачи въ войнѣ и опозорить такимъ образомъ демократическаго генерала; было создано настоящее «дѣло Дрейфуса», и только благодаря поразительной энергіи и настойчивости Персена, послѣднему удалось заставить самого Мильерана публично признать клеветническій характеръ всѣхъ возведенныхъ противъ Персена обвиненій.

Въ то время, какъ Персенъ на ряду съ Жоресомъ уже въ 1913 г. подчеркивалъ выдающуюся роль, которую въ будущей войнѣ сыграютъ резервы, и настаивалъ на необходимости сокращенія, а отнюдь не удлиненія срока службы для обученія всего населенія умѣнію владѣть оружіемъ. защитники трехлѣтняго срока службы, во-первыхъ, боялись вооруженія народныхъ массъ

и, во-вторыхъ, придавали значеніе, какъ боевому элементу, лишь, такъ называемой, активной арміи. Достаточно имѣть въ казармахъ хорошо обученную и вымуштрованную 800.000 армію и съ такой арміей можно будетъ не только опрокинуть нѣмецкія войска въ Эльзасѣ, но и дойти до Берлина. Такова была idée fixe французскаго генеральнаго штаба. Это былъ такой же символъ вѣры, какъ убѣжденіе въ томъ, что русскіе казачьи отряды сумѣютъ черезъ два-три мѣсяца послѣ начала войны расположиться лагеремъ передъ фортами того же Берлина. Когда во время дебатовъ въ высшемъ военномъ совѣтѣ по поводу закона о трехлѣтней воинской повинности одинъ изъ генераловъ, единственный, предчувствовавшій характеръ будущей войны, высказалъ опасеніе, что Германія броситъ противъ Франціи, кромѣ всѣхъ корпусовъ активной арміи, еще милліоны резервистовъ, одинъ изъ сторонниковъ трехлѣтней службы, при всеобщемъ одобреніи отвѣтилъ оппоненту:

«Генералъ, вы просто не присмотрѣлись къ нѣмцамъ. Я былъ въ Германіи нѣсколько разъ, увѣряю васъ, что за рѣдкими исключеніями, нѣмецъ въ возрастѣ старше 30 лѣтъ совершенно негоденъ къ воинской службѣ (bon à rien). Когда глядишь на нѣмца, такъ и кажется, что стоитъ ткнуть его штыкомъ въ животъ, чтобы на васъ брызнуло пиво, какъ изъ бочки. Германскій военный штабъ знаетъ, что эти обрюзглые, неповоротливые люди совершенно негодны для военныхъ походовъ, и весь планъ нѣмецкаго штаба основанъ на неожиданной атакѣ и быстромъ разгромѣ сначала Франціи, а затѣмъ Россіи единственно съ помощью нѣмецкихъ активныхъ войскъ, составленныхъ почти исключительно изъ прошедшихъ казарменную службу молодыхъ людей, въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ и, во всякомъ случаѣ, не старше 30 лѣтняго возраста».

Этотъ аргументъ имѣлъ блестящій успѣхъ, и намъ не разъ наканунѣ войны пришлось слышать отъ различныхъ «знатоковъ» германской дѣйствительности такія же глубокомысленныя и остроумныя разсужденія.

Въ только что вышедшей работѣ генералъ Персенъ доказываетъ, что вся отвѣтственность за первыя пораженія (при Шарлеруа и Моранжѣ), за оккупацію нѣмцами десяти департаментовъ Франціи, за длительный характеръ войны и т. д. падаетъ на тѣхъ, кто считалъ лишнимъ заботиться объ организаціи резервовъ, придавая значеніе только солдатамъ активной арміи. Въ началѣ войны (1-го августа 1914 г.) французскій генеральный штабъ призвалъ подъ знамена всего 1.300.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 700.000 солдатъ казарменной арміи и 600.000 резервистовъ (см. разбираемую книгу стр. 11). Противъ этихъ войскъ нѣмцы въ самомъ же началѣ войны бросили 2 милліона человѣкъ, въ томъ числѣ 700.000 солдатъ активной арміи и 1.300.000 резервистовъ. Такимъ образомъ, нѣмцы въ началѣ войны имѣли на своей сторонѣ громадный численный перевѣсъ, причемъ въ самыхъ первыхъ битвахъ этотъ численный перевѣсъ былъ подавляющимъ. Такъ, въ битвѣ при Шарлеруа, сыгравшей рѣшительную

роль въ вопросѣ о бельгійскомъ театрѣ войны, нѣмецкая армія была, какъ доказываетъ Персенъ, въ три раза многочисленнѣе французской (ibidem,стр. 26) и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, у первой при образцовомъ ея техническомъ оборудованіи было въ этой битвѣ minimum въ три раза больше легкихъ и среднихъ орудій, пулеметовъ, ружей, авоновъ и т. д., чѣмъ у французовъ. Генералъ Персенъ совершенно разбиваетъ легенды, будто французскій генеральный штабъ не ожидалъ вторженія нѣмцевъ, въ случаѣ войны, черезъ Бельгію.—«Во французской арміи,—говоритъ Персенъ,—не было ни одного человѣка, который не зналъ бы, что въ случаѣ войны съ нами нѣмцы вторгнутся въ Бельгію (ibidem стр. 37). Но такъ какъ французскій генеральный штабъ предполагалъ, что нѣмцы будутъ въ состояніи бросить противъ Франціи только 22 корпуса активной арміи, движеніе нѣмецкой арміи лѣвымъ берегомъ Мааса, черезъ Шарлеруа, Монсъ, Валансьенъ и затѣмъ на Парижъ, считалось невозможнымъ, ибо для этого требовался слишкомъ развернутый фронтъ, для котораго 22 корпуса было бы недостаточно. Однако нѣмцы начали походное движеніе черезъ Бельгію не съ 22, а съ 34 корпусами, въ томъ числѣ 13 *резервными*, причемъ изъ этихъ 34 корпусовъ каждый имѣлъ большее число солдатъ, чѣмъ предполагалось до войны французскимъ генеральнымъ штабомъ. Дѣло въ томъ, что въ этой наступающей нѣмецкой арміи на одного солдата «активной» арміи приходилось два резервиста. (ibidem, стр. 29).

Слѣдя за французской военной литературой, за произведеніями генераловъ По, Метро, полковника Буа, за рѣчами депутатовъ Жозефа Рейнака, Пате, Дріана и т. д., за многочисленными статьями на эту тему въ «Temps», «Liberté,» «Echo de Paris» и т. д., нѣмцы были предупреждены, что французы не придаютъ значенія организаціи резервовъ и разсчитываютъ одержать побѣду лишь съ помощью «активныхъ» войскъ. Такимъ образомъ, германскій генеральный штабъ видѣлъ, что организація резервовъ и призывъ подъ оружіе въ первый же періодъ кампаніи многочисленныхъ резервистовъ даетъ Германіи колоссальный перевѣсъ надъ Франціей. И дѣйствительно, въ начальный періодъ кампаніи, французскимъ войскамъ приходилось сражаться съ нѣмецкими въ очень неравныхъ условіяхъ.—Весной 1915 г.,—пишетъ генералъ Персенъ (ibidem стр. 14),—французская армія состояла уже изъ $2^1/_2$ милліоновъ комбатантовъ, изъ коихъ было $^4/_5$ солдатъ резервной и территоріальной арміи и $^1/_5$ солдатъ актива. Среди послѣднихъ болѣе половины прослужило всего нѣсколько мѣсяцевъ въ казармѣ. Такимъ образомъ, нынѣшняя французская армія является по своему характеру арміей милиціонной.

По такому же образцу генералъ Персенъ предлагаетъ организовать армію будущаго. «Или Франція организуетъ свою армію по системѣ милиціи, или же ее ждетъ экономическое раззореніе и новое Шарлеруа» (стр. 58).

По мнѣнію генерала Персена, всѣ остальныя націи должны

принять аналогичную военную организацію, если онѣ искренно стремятся къ миру. Генералъ Персенъ очень часто цитируетъ Жореса и доказываетъ, что многіе взгляды послѣдняго, высказанные въ книгѣ «Новая армія», оказались пророческими. Въ заключеніи своей работы генералъ Персенъ предлагаетъ проектъ закона объ организаціи будущей арміи. Генералъ не считаетъ свой законопроектъ законченнымъ и могущимъ быть принятымъ безъ всякихъ измѣненій французскимъ парламентомъ. Предлагаемый проектъ долженъ служить лишь отправнымъ пунктомъ для дискуссій по данному вопросу, дискуссій о радикальной реформѣ арміи въ демократическомъ направленіи, которыя, несомнѣнно, начнутся во Франціи, какъ только кончится война.

Событія переживаемаго нами историческаго періода, испано-американская война, агрессивная политика С.-А. Штатовъ по отношенію къ Мексикѣ, яркія милитаристическія тенденціи въ Австраліи и Канадѣ и т. д.—ясно доказываютъ, что сама по себѣ организація арміи по казарменному или, наоборотъ, милиціонному образцу отнюдь не является рѣшающимъ факторомъ въ вопросѣ о томъ, «быть или не быть войнѣ». Введеніе милиціи на мѣсто казарменной арміи важно, какъ одно изъ условій демократизаціи государства, какъ рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи, но сама по себѣ милиція отнюдь не является какой-то панацеей, обезпечивающей международный миръ.

«На грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь».—При существованіи капиталистическаго строя и связанныхъ съ нимъ международныхъ антагонизмовъ, даже страны, лишенныя не только болѣе или менѣе многочисленныхъ регулярныхъ армій, но даже и милицій, могутъ вовлекаться въ кровавые конфликты, болѣе того, пользуясь своимъ богатствомъ, индустріальнымъ развитіемъ,—идти во главѣ міровой имперіалистической политики и увлекать за собой, а то и по-просту тащить на буксирѣ на путь авантюръ другія страны, обладающія вполнѣ организованнымъ военнымъ аппаратомъ и многочисленными казарменными арміями. Существованіе милиціи въ данной странѣ, на мѣстѣ регулярной арміи, не является само по себѣ гарантіей пацифистской политики даннаго государства. Великобританія наканунѣ нынѣшней войны не имѣла организованной милиціи и вообще не обладала серьезной сухопутной силой. Это не мѣшало Англіи играть роль первой скрипки во всѣхъ міровыхъ конфликтахъ послѣднихъ десятилѣтій и призвать подъ оружіе въ нынѣшней войнѣ такую многочисленную армію, какую не въ состояніи выставить нѣкоторыя другія государства, считавшіяся первыми военными державами въ мірѣ. Официальный англійскій документъ, опубликованный во всей англійской прессѣ 24 февраля 1917 г. и фиксирующій бюджетъ арміи на 1917--1918 гг., опредѣляетъ численность англійскихъ армій въ Метрополіи, во Франціи и въ колоніяхъ, за исключеніемъ Индіи,—въ 5 милліоновъ человѣкъ, т. е. больше того числа, которое имѣется теперь подъ знаменами во Франціи. Несомнѣнно, что если бы Швейцарія

могла выставить хотя бы пятую часть такой арміи, какую организовала за періодъ войны Англія, едва ли милиціонный характеръ швейцарской арміи могъ бы помѣшать господствующимъ классамъ этой нейтральной страны ввязаться въ нынѣшній конфликтъ на сторонѣ той или другой коалиціи. И, конечно, не отъ характера организаціи американской арміи въ мирное время зависитъ разрѣшеніе вопроса—будутъ или нѣтъ С. Штаты воевать нынѣ съ Германіей, а въ ближайшемъ будущемъ съ Японіей, или какимъ-либо другимъ конкуррентомъ С. Штатовъ въ борьбѣ за гегемонію на Тихомъ Океанѣ. Разъ милиціонныя войска ничѣмъ не уступаютъ по боевымъ качествамъ регулярнымъ арміямъ, а это несомнѣнно доказано всѣмъ опытомъ нынѣшней войны, ролью резервныхъ и территоріальныхъ войскъ въ ней, правительствамъ странъ, гдѣ существуетъ милиція, нѣтъ основанія опасаться вступать въ конфликтъ съ государствами, обладающими хотя бы самыми многочисленными регулярными войсками. Такимъ образомъ, принципъ «всеобщее вооруженіе» отнюдь не является такимъ требованіемъ, осуществленіе котораго можетъ гарантировать намъ сохраненіе международнаго мира. Не удивительно, что нынѣ въ цѣломъ рядѣ странъ, преимущественно маленькихъ и стоящихъ въ сторонѣ отъ войны, напримѣръ, въ Швеціи, Норвегіи, Голландіи, Швейцаріи, раздаются голоса въ пользу замѣны «стараго пункта с.-д. программы-минимумъ: «милиція» или «вооруженіе народа» новымъ: «разоруженіе народа», понимая подъ послѣднимъ отмѣну всякой военной системы, все равно, казарменной или милиціонной. Само собой разумѣется, что при сохраненіи классоваго общества осуществленіе и этого новаго пункта программы-минимумъ нисколько не гарантировало бы сохраненіе международнаго мира. Нынѣ войны начинаются порой черезъ 24 часа послѣ разрыва дипломатическихъ отношеній, а при «разоруженіи» будутъ начинаться, можетъ быть, не раньше, чѣмъ черезъ 24 дня послѣ такого разрыва... Не придавая «милиціонной» или «казарменной» организаціи арміи *рѣшающаго* значенія въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ, мы однако считаемъ заслуживающими большого вниманія работы въ родѣ талантливой книги ген. Персена, тѣмъ болѣе, что перспектива тяжелыхъ финансовыхъ затрудненій и колоссальныхъ долговъ, которые явятся результатомъ нынѣшней войны, уже теперь заставляетъ задумываться надъ проблемами сокращенія военныхъ расходовъ и радикальной переорганизаціи арміи даже такихъ консервативныхъ писателей и государственныхъ дѣятелей, которые до войны не желали и слышать о какихъ-либо уступкахъ въ этой области. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что первымъ вопросомъ, который будетъ поставленъ во Франціи и во многихъ другихъ европейскихъ странахъ на другой день послѣ войны, явится вопросъ о сокращеніи срока службы въ казармахъ и полной переорганизаціи національной арміи на милиціонныхъ началахъ.

Мих. Павловичъ.

О КРАХѢ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Одной изъ наиболѣе волнующихъ темъ переживаемаго времени является тема—о крахѣ промышленности. Вопросъ о положеніи промышленности стоитъ весьма остро, и ему посвящается много времени и вниманія на всевозможныхъ съѣздахъ, собраніяхъ профессіональныхъ и техническихъ организацій, въ предпринимательскихъ союзахъ и пр. Интересъ къ этому вопросу вполнѣ понятенъ и объясняется общей промышленной конъюнктурой. Почти съ перваго момента революціи промышленники были поставлены передъ необходимостью считаться съ волей рабочаго класса, къ чему они не привыкли, и поэтому принялись изыскивать способы привести рабочихъ тѣмъ или другимъ путемъ къ повиновенію. Первой пробой въ этомъ направленіи была попытка поссорить солдатъ съ рабочими на почвѣ проведенія 8-ми часового рабочаго дня. Застрѣльщиками въ этой кампаніи были почтенные органы печати вродѣ «Русской Воли», «Рѣчи», «Биржевыхъ Вѣдомостей» и пр., доказывавшихъ, что, требуя восьмичасового дня, рабочіе обрекаютъ армію на смерть... Эта кампанія сорвалась. Такая-же участь постигла и другія попытки этого рода.

Теперь мы имѣемъ передъ собой гораздо болѣе серьезное явленіе. Теперь промышленники оперируютъ съ болѣе дѣйствительными средствами. Если прежде ихъ разсчеты строились на несознательности массъ, были разсчитаны на психологію и чувство толпы, то теперь они дѣйствуютъ гораздо болѣе умѣло и дальновидно. Война и особенно революція въ сильной степени обострила классовыя противорѣчія, до поры до времени скрывавшіяся подъ покровомъ гражданскаго мира, осуществленнаго буржуазіей и въ Россіи. Уже съ половины 1915 г. и въ теченіе всего 1916 г. шла упорная борьба между трудомъ и капиталомъ, правда, неорганизованная, разрозненная, и тѣмъ легче удавалось промышленникамъ справиться съ ней, иногда путемъ ничтожныхъ уступокъ, иногда путемъ примѣненія «твердой власти»...

Великая Русская Революція произвела коренную ломку во всѣхъ взаимоотношеніяхъ и вскрыла съ особой остротой тѣ классовыя противорѣчія, которыя являются теперь главной движущей силой развивающейся революціи. Она дала возможность рабочему классу повести борьбу за свои права открыто и свободно и сразу-же добиться нѣкоторыхъ завоеваній. Первымъ

изъ нихъ былъ 8-ми часовой рабочій день. безъ уменьшенія заработковъ, затѣмъ на очередь встало требованіе повышенія заработковъ, во все время войны искусственно державшихся на довольно низкомъ уровнѣ и неизмѣнно отставшихъ отъ вздорожанія жизни. Такъ, въ Петроградѣ, за время съ 1914 по 1915 г., въ среднемъ, заработки повысились лишь на 40—45%, въ Москвѣ приблизительно на столько же, въ Приволжскомъ районѣ—повышеніе около 25%, на Уралѣ и въ Донецкомъ Бассейнѣ—еще меньше. 1916 годъ не внесъ въ эту область серьезныхъ измѣненій: головокружительно быстро росла дороговизна жизни, и фатально отставали отъ нея понемногу повышавшіеся заработки. Безъ преувеличенія можно сказать, что вслѣдствіе повышенія цѣнъ, разрухи транспорта и паденія стоимости денегъ жизнь за время войны вздорожала въ 4—5 разъ. но особенно усилилось бѣдствіе дороговизны въ послѣднее время, когда такъ ярко сказались разорительные плоды политики почти трехъ лѣтъ войны и разстройства всего хозяйственнаго организма. Въ то же время война принесла сказочное обогащеніе промышленникамъ, во много разъ увеличивъ ихъ доходы, составляющіе иногда, послѣ всевозможныхъ отчисленій. погашеній и пр., 100—150% чистой прибыли. («Лѣтопись». Январь—1917 г. «Военныя прибыли»).

Все это взятое вмѣстѣ сдѣлало то, что какъ только измѣнились внѣшнія условія и соотношеніе силъ между трудомъ и капиталомъ, рабочіе потребовали повышенія заработковъ. Насколько эти требованія были справедливы, можно заключить изъ краткаго обзора заработковъ до войны и ихъ постепенной эволюціи въ теченіе ея. До войны заработки металлистовъ—слесарей, токарей, кузнецовъ, и пр., стояли въ Петроградѣ приблизительно на уровнѣ 3—3 руб. 50 коп.—4 руб. въ день. Въ концѣ 1916 года для этой категоріи рабочихъ средніе заработки установились въ 1 р. 20 к.—1 р. 30 к. въ часъ, что соотвѣтствовало заработку въ 12—13 руб. въ день. Для чернорабочихъ заработки повышались слѣдующимъ образомъ: до войны они составляли 1 р. 50 к.—1 р. 80 к. въ день для мужчинъ и 1 р.—1 р. 20 к. для женщинъ; въ концѣ 1916 г. они были приблизительно такими: для мужчинъ чернорабочихъ 3 р.—3 р. 50 к. и для женщинъ 2 р. 50 к.—3 р., изъ чего слѣдуетъ, что заработки низшихъ категорій труда отставали отъ вздорожанія жизни больше, чѣмъ высшихъ, квалифицированныхъ категорій.

Послѣ революціи заработки стремительно стали повышаться, приближаясь къ нормамъ довоеннаго времени. Принимая въ разсчетъ повышеніе дороговизны жизни за это время въ 4—5 разъ, приходится принять слѣдующія цифры заработковъ: для женщинъ-чернорабочихъ 6—7 р., для мужчинъ-чернорабочихъ 8 р., для высококвалифицированныхъ спеціалистовъ 17—18 р. (кузнецы, токаря, фрезеровщики, литейщики, слесаря и пр.), для менѣе квалифицированныхъ 13—14 руб. въ день. Приблизительно къ этимъ нормамъ приближается зара-

ботная плата, устанавливаемая расцѣночными комиссіями Петрограда для рабочихъ, занятыхъ въ металлообрабатывающей промышленности; для высококвалифицированныхъ рабочихъ—около 16 руб. въ день, менѣе квалифицированныхъ 14—15 руб., для вспомогательныхъ рабочихъ, для всѣхъ работающихъ на станкахъ—мужчинъ и женщинъ—10 руб., для чернорабочихъ мужчинъ—8 руб., для чернорабочихъ женщинъ—6 р. 80 к. въ день, и, наконецъ, 10 руб. въ день для чернорабочихъ, занятыхъ въ горячихъ мастерскихъ.

Первое время борьба за повышеніе заработковъ шла разрозненно, носила чисто стихійный характеръ, и это вполнѣ понятно, такъ какъ организацій пролетаріата, которыя могли бы руководить экономической борьбой, почти не было. Однако, создались онѣ очень быстро, и сейчасъ, когда прошло едва лишь 5—6 мѣсяцевъ послѣ революціи, уже возникли профессіональные союзы, объединяющіе сотни тысячъ пролетаріевъ въ мощныя боевыя организаціи. Въ такихъ условіяхъ стихійная борьба постепенно уступила мѣсто организованной сплоченности массъ, которая обезпечиваетъ рабочимъ максимумъ успѣха въ дѣлѣ экономическихъ завоеваній.

Отношенія складывались такимъ образомъ не въ одномъ только Петроградѣ, а и во всей Россіи: отовсюду поступали извѣстія о требованіи рабочихъ массъ повышенія заработковъ и улучшенія существованія трудящихся. Такъ, напримѣръ, въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ, являющемся центромъ текстильно-ткацкой промышленности, требованія рабочихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года сводились къ повышенію заработковъ на 50—100%. Требованія эти слѣдуетъ признать въ высшей степени скромными, такъ какъ до революціи заработки въ этомъ районѣ были исключительно низкими: на нѣкоторыхъ фабрикахъ 16—18 р. въ мѣсяцъ; и хотя послѣ революціи они сразу поднялись и достигли въ среднемъ 45—50 р. въ мѣсяцъ, требованіе повышенія ихъ даже и на 100% нельзя считать чрезмѣрными. Возможно, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, на отдѣльныхъ предпріятіяхъ требованія рабочихъ не соотвѣтствовали объективнымъ условіямъ и общему положенію; вполнѣ понятно, что виной этому была только недостаточная организованность рабочихъ. Постепенно это зло вытѣсняется все большей сплоченностью массъ, и экономическая борьба входитъ въ берега. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что за время революціи заработки значительно повысились. Повышеніе это для разныхъ категорій труда и различныхъ мѣстностей выражается въ самыхъ разнообразныхъ цифрахъ. Приведемъ нѣкоторыя цифры и разберемся въ нихъ.

Въ Астраханской губерніи перворазрядные рабочіе зарабатываютъ сейчасъ 12—13 р. въ день, чернорабочіе же и рабочіе физическаго труда—10 р. въ день. Объясняется это специфическими условіями портового города съ кипучей сезонной дѣятельностью по навигаціи и заготовкѣ рыбы, когда дорогъ каждый день. Чѣмъ ближе къ центру Россіи, все еще относительно бо-

гатому людьми, тѣмъ заработки ниже: такъ, въ Харьковѣ на Паровозостроительномъ заводѣ, являющемся центромъ промышленной жизни этого района, заработки неквалифицированныхъ рабочихъ-мужчинъ 3 р. 50 к. въ день и 2 р. 50 к.—женщинъ.

На лѣсопильныхъ заводахъ центральныхъ губерній заработки повышались слѣдующимъ образомъ:

	1914 г.	1917 г. янв.	1917 г. май.	Повыш. въ % по сравн. съ янв. 1917 г.
Станковой	2.25	4.50	8.25	83%
Вагонетчикъ	70	2.80	5.60	100%
Кочегаръ	1.10	2.35	6.40	90%
Смазчикъ	1.20	3.50	5.60	60%
Чернорабочій	55	3.50	5.60	60%
Кузнецъ	1.10	4.50	6.75	50%
Молотобоецъ	80	2.50	5.60	120%
Шорникъ	1.00	3.00	7.50	110%
Слесарь	1.10	4.50	6.75	50%
Токарь	1.40	5.50	8.25	50%
Плотникъ	1.20	3.00	6.75	125%

т.-е. только для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ категорій повышеніе превышаетъ 100%. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, на Уралѣ, ростъ заработковъ былъ медленнѣе—напримѣръ, на Невьянскихъ заводахъ прибавки за послѣднее время выражались, въ среднемъ, около 25%, на Лысьвенскихъ заводахъ отъ 110 до 20%. На гранатно-снарядныхъ заводахъ Самары 30—35%, причемъ хорошіе спеціалисты зарабатываютъ въ среднемъ 7 р. 50 к.—10 р., неспеціалисты отъ 3 р. 50 к.—5 р. и женщины 3—4 р. въ день. На фабрикѣ Григорьевыхъ во Владимірской губ. повышеніе выражается цыфрой 65%, на фабрикѣ Тисса въ Екатеринодарѣ—40%, на Пожевскомъ заводѣ—100% и т. д., въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и сравнительной высоты заработка до революціи. Волна повышеній заработковъ докатилась и до далекой Сибири, гдѣ, напримѣръ, въ Тобольской губ., они повысились въ среднемъ приблизительно на 50—60%. Всѣ эти цифры относятся къ первому революціонному періоду, и теперь волна экономической борьбы уже утихаетъ, чему способствуетъ быстрый ростъ профессіональныхъ союзовъ: за 1½—2 мѣсяца своего существованія въ Петроградѣ нѣкоторые изъ нихъ насчитываютъ свыше 100.000 членовъ (металлисты), 20.000 членовъ (торгово-промышленные служащіе) и пр. Организація идетъ быстрыми шагами и вмѣстѣ съ ней прекращаются отдѣльныя стихійныя вспышки экономической борьбы, которая переходитъ въ планомѣрную и организованную борьбу профессіональныхъ организацій съ объединеніями промышленниковъ. Такая борьба происходила, напримѣръ, въ апрѣлѣ этого года въ Петроградѣ, когда служащіе металлообрабатывающихъ предпріятій, объединенные въ союзъ, предъявили О-ву Заводчиковъ и Фабрикантовъ Петроградскаго Района опредѣленныя экономическія и правовыя требованія, которыя послѣ долгой борьбы и длительныхъ двухмѣсячныхъ переговоровъ были Заводчиками удовлетворены.

Такимъ образомъ заключается нѣчто въ родѣ коллективнаго договора и исключается возможность стихійныхъ вспышекъ требованія повышенія заработковъ. Въ Петроградѣ сейчасъ заключенъ цѣлый рядъ такихъ договоровъ, изъ которыхъ наиболѣе значительнымъ является договоръ металлистовъ; согласно этому договору всѣ рабочіе распредѣлены на четыре основныя группы, сообразно исполняемымъ ими работамъ, умѣнію, навыку и пр. Рабочіе, представители профессіональнаго союза металлистовъ требуютъ для первой группы высококвалифицированныхъ рабочихъ, исполняющихъ особо сложныя и точныя работы, самостоятельно пользующихся чертежами и точными измѣрительными приборами (механики, электромеханики, электромонтеры, лекальщики, токаря, слесаря, размѣтчики, модельщики, столяры-краснодеревцы, формовщики, шишельники, граверы, орнаментщики и пр.)—отъ 2 до 2 р. 20 к. въ часъ; для второй категоріи рабочихъ, исполняющихъ работы, не требующія особой точности и сложности, но требующія достаточной выучки и умѣнія разбираться въ чертежахъ (фрезеровщики, долбежники, строгальщики, водопроводчики, слесаря по ремонту, маляры-лакировщики, столяры-бѣлодеревцы, жестяники и пр.)—отъ 1 р. 90 к. до 2 р. 10 к. въ часъ; для третьей группы рабочихъ, исполняющихъ несложныя работы, не требующія продолжительной выучки, но являющіяся отвѣтственными (автоматчики, сверловщики, револьверщики, чеканщики, клепальщики, вальцовщики, кровельщики, плотники, маляры, рабочіе у сталелитейныхъ печей и пр.)—отъ 1 р. 75 к. до 1 р. 95 к. въ часъ; для четвертой группы не-спеціалистовъ (вагранщики, плавильщики, засыпальщики, обжигательщики, обрубщики, паяльщики, никелировщики, полировщики, крановщики горячихъ мастерскихъ, кочегары, молотобойцы, рабочіе на паровыхъ молотахъ, на прессахъ, на станкахъ и машинахъ и пр.)—отъ 1 р. 50 к., (сушильщики, чернорабочіе въ горячемъ производствѣ, подручные)—отъ 1 р. 25 к. (смазчики, рабочіе на пилахъ, браковщики, крановщики въ холодныхъ мастерскихъ, катали, кладовщики и пр.)—отъ 1 р. 10 к., чернорабочіе во дворѣ и мастерскихъ—тоже отъ 1 р. 10 к., женщины отъ 85 к. (2 года службы) и ученики отъ 50—75 коп. въ часъ.

Соглашеніе съ Обществомъ Заводчиковъ и Фабрикантовъ достигнуто почти по всѣмъ пунктамъ, и такимъ образомъ самый серьезный и острый вопросъ для Петрограда (для 35—45% его пролетаріата) получаетъ опредѣленное разрѣшеніе. Такіе же договоры разрабатываются въ союзахъ печатниковъ, табачниковъ и пр., подготовляются такія же соглашенія и въ другихъ крупныхъ центрахъ, которые готовы идти по слѣдамъ Петроградскихъ союзовъ. Въ нѣкоторыхъ же городахъ (напримѣръ, въ Ревелѣ) тарифные договоры уже заключены между профессіональными союзами или совѣтами рабочихъ депутатовъ—съ одной стороны—и промышленниками—съ другой. Экономическая борьба принимаетъ организованный характеръ, отъ чего могутъ только выиграть обѣ стороны.

Въ первое время казалось, что промышленники примирились съ мыслью о томъ, что имъ придется отказаться въ пользу рабочихъ отъ нѣкоторой части своихъ сверхприбылей, но очень скоро выяснилось, что это не такъ, и что одной рукой подписывая соглашенія, другой—они работаютъ для защиты своихъ кровныхъ интересовъ отъ всякихъ посягательствъ. Рѣшительность ихъ въ этомъ направленіи растетъ съ каждымъ днемъ. Они организуются въ могучіе союзы, превосходящіе по своему размаху и силѣ все, видѣнное до сихъ поръ. Организаціи эти связаны не только взаимными договорами, но и денежными векселями—по 25 р. за каждаго рабочаго, занятаго въ предпріятіи. Такимъ образомъ, капиталисты связаны въ единый союзъ, гарантирующій денежной отвѣтственностью тѣсную сплоченность и единство выступленій всѣхъ членовъ на защиту своихъ интересовъ. Пока еще промышленники не рѣшаются начать наступленія. Обстоятельства все еще недостаточно благопріятны, и пока гг. промышленники дѣйствуютъ другими путями: правительство неустойчиво и легко поддается внѣшнимъ вліяніямъ—можно запугивать его и извлекать извѣстную пользу и изъ этого. Такъ поступили, напримѣръ, промышленники Донецкаго бассейна, очень громко кричавшіе о чрезмѣрныхъ аппетитахъ рабочихъ, потребовавшихъ, по словамъ г. Кутлера, прибавокъ въ 240.000.000 рублей въ годъ, что должно было поглотить не только весь дивидендъ, но и часть основного капитала. Пока только шелъ еще разговоръ объ этихъ прибавкахъ, причемъ цифры оказались весьма спорными, промышленники подъ шумокъ добились переложенія всѣхъ расходовъ на потребителей, путемъ повышенія стоимости желѣза и угля, т.-е. какъ разъ тѣхъ основныхъ продуктовъ, которые являются наиболѣе необходимыми для всей страны: пудъ желѣза до войны стоилъ 1 р. 70 к., въ февралѣ 1917 г.—2 р. 70 к., а въ апрѣлѣ-маѣ—уже 3 р. 75 к.; реквизиціонная цѣна угля до революціи 18 коп. за пудъ, въ апрѣлѣ-маѣ—29 коп. Договоры съ промышленниками на уголь прежнее правительство заключало по 22 коп. за пудъ, нынѣшнее было принуждено согласиться уже на цѣны 33—34 коп. за пудъ. Такимъ образомъ за время революціи, т. е. за первые 2—3 мѣсяца, цѣны на желѣзо и уголь повысились настолько же, насколько онѣ повысились за два минувшіе года войны, когда правительство въ достаточной степени благоволило къ крупнымъ металлургамъ и угольщикамъ. За два съ половиной года основная цѣна пуда желѣза повысилась на 1 р., за два мѣсяца революціи—на 1 р. 5 к., за тотъ же періодъ времени цѣна угля поднялась на 10—11 коп. за пудъ. Всѣ расходы переложены на потребителей...

Россія переживаетъ сейчасъ, въ связи съ войной, общей разрухой и дезорганизаціей транспорта, острый угольный и желѣзный голодъ, и какія бы ни были назначены цѣны,—потребители будутъ ихъ платить, промышленники же не стѣсняются—не даромъ же металлурги являются во всѣхъ странахъ наиболѣе жадными и агрессивными капиталистами. Они диктуютъ свою

волю королямъ, президентамъ и парламентамъ на Западѣ, въ Россіи-же они стремятся сдѣлать революцію ручной и покорной ихъ волѣ и желаніямъ.

Они организуются для борьбы съ пролетаріатомъ въ крупные союзы, обращаются къ Временному Правительству за поддержкой и помощью противъ «чрезмѣрныхъ» требованій рабочихъ, подаютъ записки о безвыходномъ положеніи промышленности въ Министерство Торговли и Промышленности, которое, въ лицѣ Товарища Министра Саввина, предлагаетъ прикрыть заводы... Союзъ писчебумажныхъ фабрикантовъ въ Россіи обратился къ Временному Правительству съ ходатайствомъ устанавливать минимальныя заработныя платы не черезъ центральныя примирительныя камеры, которыя могутъ лишь разбирать конфликты, но не должны регулировать экономической жизни.

Представители металлообрабатывающей и металлургической промышленности высказались еще рѣшительнѣе: они прямо запросили Временное Правительство: «намѣрено-ли оно сохранить капиталистическій строй, или же стремится къ замѣнѣ его соціалистическимъ?». Въ первомъ случаѣ правительство, по мнѣнію капиталистовъ, должно было бы положить предѣлъ домогательствамъ рабочихъ и дать возможность фабрикантамъ вернуться къ старымъ порядкамъ на заводахъ.

Но промышленники дѣйствуютъ и съ другой стороны. Они отлично знаютъ, что обуздать рабочее движеніе можно и другими средствами. Къ числу такихъ дѣйствительныхъ средствъ принадлежитъ безработица, а создать ее искусственно не такъ трудно, особенно сейчасъ. Подъ видомъ недостатка топлива и сырья и невозможности ихъ достать, закрывается цѣлый рядъ заводовъ. И если въ нѣкоторой части промышленники и правы,— то очень трудно разобрать, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается злая воля. Во всякомъ случаѣ весьма остро даетъ себя чувствовать экономическій развалъ, вызванный войной, и въ связи съ ней неудовлетвореніе нуждъ тыла, разстройство транспорта и пр. Однако, справиться со всѣмъ этимъ можно какъ разъ не закрытіемъ заводовъ, а, наоборотъ, усиленной организаціей производства, направленной къ удовлетворенію нуждъ тыла. Уже теперь, по даннымъ конференціи заводскихъ комитетовъ, происходившей въ концѣ мая, въ Петроградѣ и его окрестностяхъ насчитывается около 80.000—100.000 безработныхъ, а при существующей дороговизнѣ они явно обречены на голодную смерть. Создаетъ безработицу также и частичное сокращеніе производства, практикуемое заводчиками, т. е. локаутъ въ скрытой формѣ. Проводить всѣ эти мѣропріятія промышленникамъ тѣмъ легче теперь, что новыя могучія организаціи промышленниковъ не ограничиваются уже той или другой территоріей, какъ, напримѣръ, О-во Заводчиковъ и Фабрикантовъ Петроградскаго района, или Совѣтъ Съѣздовъ Горнопромышленниковъ Урала, ведущія каждая свою обособленную жизнь, иногда даже конкурирующія между собой. Новыя организаціи охватываютъ весь классъ, объединившійся для достиженія одной общей цѣли... Такой цѣлью

является рѣшительная борьба съ революціоннымъ пролетаріатомъ, съ ограниченіемъ прибыли капиталистовъ, съ установленіемъ прожиточнаго минимума для рабочихъ и служащихъ, съ контролемъ надъ предпріятіями, съ налогами, забирающими сверхприбыль, и пр. Есть за что бороться, и промышленники стараются...

Въ составъ Союза для защиты промышленности входятъ всѣ наиболѣе крупныя предпринимательскія организаціи: Совѣтъ Съѣздовъ Представителей Промышленности и Торговли, Совѣтъ Съѣздовъ Акціонерныхъ Банковъ, Совѣтъ Съѣздовъ Представителей Металлообрабатывающей Промышленности, Всероссійское О-во Сахарозаводчиковъ, Союзъ Писчебумажныхъ фабрикъ, Всероссійское О-во Кожевенныхъ заводовъ, Совѣтъ Съѣздовъ Горнопромышленниковъ Урала, Совѣтъ Съѣздовъ Бакинскихъ Нефтепромышленниковъ, Совѣтъ Съѣздовъ Горнопромышленниковъ Юга Россіи, Всероссійское О-во Кожевенныхъ заводчиковъ, О-во Заводчиковъ и Фабрикантовъ Петроградскаго района, Союзъ представителей Металлообрабатывающей и Желѣзодѣлательной Промышленности, Совѣтъ Предсѣдателей частныхъ ж. д. и пр.

Словомъ, вся промышленность имѣетъ здѣсь своихъ представителей и вся объединена въ общій союзъ, имѣющій цѣлью активную борьбу съ рабочимъ движеніемъ... Это— новый легіонъ смерти для борьбы съ пролетаріатомъ и революціей...

Союзъ уже дѣйствуетъ: отъ его имени подаются записки, по его почину отзывается изъ Министерства Торговли и Промышленности ставленникъ промышленниковъ А. И. Коноваловъ, и по указкѣ союза и промышленныхъ королей работаютъ всѣ эти «эмиссары» промышленности, Пальчинскіе, Саввины, Степановы. саботирующіе всю дѣятельность правительства и сводящіе ее на нѣтъ...

Это казовая сторона дѣятельности объединенной промышленности. Другой ея стороной является дезорганизація производства, которую они допускаютъ, не предпринимая никакихъ шаговъ для поднятія производительности, для приведенія производства въ порядокъ. Было уже нѣсколько попытокъ заводчиковъ закрыть заводы какъ будто изъ-за недостатка сырья, топлива и оборотныхъ средствъ, но все это находилось, какъ только рабочіе выступали съ настойчивымъ требованіемъ контроля надъ производствомъ. Такъ было, напримѣръ, на заводѣ Лангензипена и «Прометъ» въ Петроградѣ. Можно привести и другіе примѣры. Такъ, въ практикѣ заводской и горной жизни Донецкаго Бассейна были такіе случаи.

Закрываются желѣзные рудники, ибо у нихъ перепроизводство руды— на поверхности находится больше 87 милліоновъ пудовъ руды въ Калміусскомъ районѣ на Константиновскомъ рудникѣ, въ то время какъ огромный Юзовскій заводъ жалуется на отсутствіе руды («Новая жизнь», № 46).

Закрывается цѣлый рядъ угольныхъ шахтъ (напримѣръ, въ Горловкѣ шахта Берта и др.),затопленъ рядъ шахтъ (напр., Марія)

и пр. На засѣданіи Донецкаго Комитета Промышленности промышленники не скрывали, что собираются закрыть цѣлый рядъ горныхъ предпріятій изъ-за недостатка желѣза и чугуна, а между тѣмъ сами не пользовались предоставленными имъ нарядами. Пріостанавливаются металлургическія печи въ предпріятіяхъ, обладающихъ собственными рудниками. Уголь часто горитъ на шахтахъ, такъ какъ по той или другой причинѣ не вывозится оттуда, при чемъ иногда помѣхой служитъ сама администрація. Такъ, напримѣръ, на рудникахъ Казакевича администрація не хотѣла добавить крестьянамъ всего $^1/_4$ к. съ пуда и тѣмъ подойти къ общимъ гужевымъ цѣнамъ транспорта въ районѣ.

На Уралѣ дѣла не лучше. Съ марта мѣсяца администрація затягивала подъ разными предлогами переговоры и, наконецъ, выяснилось, что она согласна дать прибавку только въ 25%. Вмѣстѣ съ тѣмъ, затягивая переговоры, промышленники Урала создали тревожную атмосферу въ цѣломъ рядѣ предпріятій, гдѣ ежеминутно грозила опасность забастовки. Таково было положеніе дѣлъ въ Сергинско-Уфалейскомъ, Верхъ-Исетскомъ, Ревдинскомъ, Сысертскомъ, Невьянскомъ и др. округахъ.

Всюду и вездѣ проводится одна и та же опредѣленная политика затягиванія, проволочекъ, раздражающая массы и толкающая ихъ на эксцессы выступленія, и пр. Съ другой стороны, нервируетъ ихъ саботажъ промышленниковъ, дезорганизующій производство. «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»— стало боевымъ лозунгомъ и паролемъ промышленниковъ...

Особенно ярко сказалась эта недобросовѣстная политика промышленниковъ въ случаѣ съ Гужономъ. Московскій заводъ Гужона, обслуживающій металломъ 85% московской промышленности, заявилъ о своемъ закрытіи съ 1 іюля, вслѣдствіе недостатка въ оборотныхъ средствахъ, сырьѣ и топливѣ. При внимательномъ разсмотрѣніи этого дѣла выяснилось нѣчто другое: это просто оказалось началомъ предпринимательскаго похода на пролетаріатъ—первымъ пробнымъ шагомъ. Правда, на этотъ разъ попытка не удалась, но кто знаетъ, какой успѣхъ будутъ имѣть другія, а онѣ несомнѣнно будутъ. О томъ, чтобы подготовить соотвѣтствующую атмосферу, постараются публицисты буржуазной прессы.— Объектъ наступленія и сейчасъ уже налицо: это пониженіе производительности. Публицисты изъ «Рѣчи», «Дня», «Русской Воли» и «Биржевыхъ Вѣдомостей» не ставятъ его въ связь съ общими условіями нашего народнаго хозяйства, а объясняютъ лишь однимъ— лѣнью рабочихъ, пониженіемъ интенсивности ихъ труда. Они забываютъ о томъ, что на многихъ заводахъ, не требующихъ много топлива и металла, производительность не только не понизилась, а проявляетъ тенденцію къ повышенію. Они молчатъ и о томъ, что на пониженіе производительности въ первую голову дѣйствуетъ саботажъ со стороны высшей администраціи и ея ставленниковъ, не слѣдящихъ за ходомъ производства, не проявляющихъ достаточно энергіи и иниціативы для обезпеченія предпріятій всѣмъ необходимымъ. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто массовое

производство, требующее большого количества стали и желѣза, наблюдается пониженіе производительности. Но здѣсь вины рабочихъ нѣтъ. И если ужъ обвинять ихъ, то слѣдуетъ указать и на то, что мы имѣемъ сейчасъ дѣло не съ тѣмъ составомъ рабочихъ, какой былъ прежде, а съ другимъ, что сейчасъ на заводахъ множество женщинъ, подростковъ, выходцевъ изъ деревни, трудъ которыхъ, конечно, не такъ производителенъ, какъ трудъ опытныхъ спеціалистовъ.

О пониженіи производительности много говорится на всевозможныхъ съѣздахъ и конференціяхъ, на которыхъ промышленники являются во всеоружіи цифръ и фактовъ, провѣрить которыя, къ сожалѣнію, довольно трудно. По ихъ утвержденію, производство металлообрабатывающихъ заводовъ Московскаго района въ среднемъ понизилось на 32%, при чемъ на нѣкоторыхъ предпріятіяхъ это пониженіе еще больше: напримѣръ, на арматурномъ заводѣ оно достигаетъ 35—45 %, на одномъ крупномъ литейно-механическомъ заводѣ отъ 27—50 % и т. д. (Торгово-Промышленная газета, № 135). Въ этихъ случаяхъ промышленники не скупятся на примѣры, особенно потому, что провѣрить ихъ все равно нельзя. По свѣдѣніямъ фабричныхъ инспекторовъ, пониженіе производительности различныхъ московскихъ заводовъ представляетъ слѣдующую картину: красильно-аппретурныя фабрики — на 40%, суконная фабрика Синицына—10%, Акц. О-во Русскихъ Кабельныхъ и Машинн. заводовъ—25%, ткацко-прядильная фабрика Рабенекъ—20%, Викула Морозовъ—12%, Брокаръ — 40%, и т. д. (Изъ рапорта фабричныхъ инспекторовъ). Такія-же приблизительно цифры приводятся фабрикантами и для Петроградскаго района.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ подсчетъ проводится болѣе точно и гдѣ оперировать съ безотвѣтственными цифрами значительно труднѣе, тамъ картина получается иная. Возьмемъ цифры тѣхъ отраслей промышленности, которыя поддаются точному учету, а именно выплавку чугуна и добычу каменнаго угля: за первые три мѣсяца было добыто *въ милліонахъ пудовъ*.—

	1914 г.	1916 г.	1917 г.
Выплавка чугуна . .	68	58	48
Добыча угля. . . .	404	366	347

(Вѣстникъ Петрогр. О-ва Зав. и Фабр., № 3).

По этому поводу другой органъ крупнаго капитала бьетъ тревогу: онъ утверждаетъ, что положеніе создается все болѣе грозное и тревожное, граничащее почти съ катастрофой, а между тѣмъ выясняется, что добыча угля и антрацита въ маѣ мѣсяцѣ этого года составляла 127 ½ милл. пудовъ, приблизительно только на 10 % меньше, чѣмъ въ маѣ 1916 г. Конечно, эта цифра довольно сильно отстаетъ отъ цифры мѣсячной потребности въ 160 милл. пудовъ, но вѣдь необходимо учитывать то обстоятельство, что оборудованіе шахтъ за войну сильно износилось, что уменьшилось количество привычныхъ профессіональныхъ рабочихъ шахтеровъ и увеличилось количество

военноплѣнныхъ, женщинъ, подростковъ и другихъ элементовъ, мало способныхъ къ тяжелому труду углекопа.

Такъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ 1916 г. въ Алмазномъ горномъ Округѣ числилось около 4.300 военноплѣнныхъ, 650 женщинъ, 1.700 подростковъ— при общемъ количествѣ 26.800 рабочихъ, занятыхъ въ этомъ районѣ. Соотвѣтственныя цифры для четырехъ мѣсяцевъ 1917 г. слѣдующія: около 13.500 военноплѣнныхъ, 860 женщинъ, 2.000 подростковъ, при среднемъ количествѣ въ 35.000 человѣкъ. Изъ сопоставленія этихъ цифръ дѣлаемъ слѣдующій выводъ: въ 1916 г. элементы, неподходящіе для горнаго дѣла, составляли около 25 % всѣхъ рабочихъ, въ 1917. г— 47 %. Немудрено, что при такихъ условіяхъ средняя производительность рабочихъ, по жалобамъ горнопромышленниковъ, упала съ 654 пуд. въ день (въ первые четыре мѣсяца 1916 г.) до 483 пуд. въ 1917 г. (въ тотъ-же промежутокъ времени), т. е. на 33 %. Эта цифра почти совпадаетъ съ данными Торгово-Промышленной газеты (№ 136), которая утверждаетъ, что производительность шахтера въ маѣ упала на 28 % по сравненію съ прошлымъ годомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло осложняется разрухой транспорта, препятствующей и вывозу и планомѣрному распредѣленію продуктовъ промышленности въ странѣ. Такъ, напримѣръ, за май этого года изъ Донецкаго Бассейна вывезено только 87 милл. пудовъ угля и антрацита и осталось на мѣстахъ 40 милл. пудовъ только изъ майской добычи. Въ этомъ отношеніи положеніе дѣйствительно создается весьма серьезное и острое. Но здѣсь-то уже рабочіе не при чемъ...

Съ выплавкой чугуна въ Донецкомъ Бассейнѣ за первые пять мѣсяцевъ этого года дѣло обстояло такъ:

Въ январѣ	было	выплавлено	12.961.000 пуд.
» февралѣ	»	»	9.761.000 »
» мартѣ	»	»	10.051.000 »
» апрѣлѣ	»	»	12.469.000 »
» маѣ	»	»	14.120.000 »

(Торг. Пром. газ., № 136).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что производительность какъ разъ тѣхъ предметовъ, которые поддаются учету, играетъ злыя шутки съ г.г. капиталистами, опровергая ихъ жалобы на паденіе производительности, на пониженіе трудоспособности рабочихъ и нежеланіе ихъ работать.

Значитъ, дѣло не въ этомъ, а въ чемъ-то другомъ, и мы, вѣроятно, будемъ весьма близки къ истинѣ, если скажемъ, что главной причиной печальнаго состоянія нашей промышленности является общая неорганизованность ея, еще увеличиваемая сознательнымъ саботажемъ промышленниковъ.

Въ Германіи, съ первыхъ дней войны, почти вся промышленность была объединена въ одинъ хозяйственный организмъ, и это дало ей возможность справиться со всѣми трудностями, вставшими передъ ней. Тотъ же процессъ нѣсколько позже произошелъ въ Англіи, гдѣ онъ, впрочемъ, не носилъ такого строгаго и планомѣрнаго характера. Задача именно такой орга-

низаціи поставлена теперь во всю широту передъ Россіей. Справиться съ промышленнымъ разваломъ, съ гибелью цѣлыхъ отраслей промышленности, атрофированныхъ войной, съ саботажемъ промышленниковъ можно будетъ только при условіи строгой и планомѣрной организованности всего хозяйственнаго дѣла страны. Необходимъ общій планъ организаціи промышленности, настойчиво и энергично проводимый въ жизнь, необходимъ всесторонній контроль надъ дѣятельностью промышленныхъ предпріятій, Необходима въ то же время самая большая планомѣрность въ пролетарскомъ движеніи, въ частности въ вопросѣ относительно заработной платы. До сихъ поръ она регулировалась стихійнымъ движеніемъ массъ. Теперь она имѣетъ налицо свои организаціи, которыя должны заняться этимъ вопросомъ и разрѣшать его организованно, путемъ заключенія коллективныхъ договоровъ и соглашеній съ предпринимателями.

Все это введетъ въ рамки нашу промышленную жизнь и поможетъ справиться съ разрухой, и только тогда страна выберется изъ того ужаснаго тупика, куда завела ее война и связанныя съ ней бѣдствія.

Р. Арскій.

КАКЪ СТРОИЛАСЬ МУРМАНСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

I.

Мурманская желѣзная дорога.

Какимъ грандіознымъ культурнымъ предпріятіемъ представляется ея постройка. Мертвый сѣверъ оживетъ съ проведеніемъ этой дороги. Пустынная, безлюдная окраина воскреснетъ для новой жизни. Откроется путь къ Ледовитому океану, въ той его части, которая открыта для плаванія круглый годъ.

И какая при этомъ глушь, какая пустота. Дорога прорѣзаетъ двѣ великія сѣверныя губерніи—Олонецкую и Архангельскую, гдѣ на пространствѣ 220 тыс. кв. верстъ (въ полосѣ прохожденія дороги) живетъ не болѣе 180 тыс. человѣкъ, т. е. 0,8 человѣка на кв. версту, а на Мурманѣ еще меньше—0,2 человѣка.

Какой огромный просторъ для колонизаторскихъ цѣлей!

Край обладаетъ несмѣтными естественными богатствами. Здѣсь безконечные нетронутые лѣса, и все кругомъ лежитъ подъ знакомъ этой нетронутости. Лѣса изобилуютъ звѣрями, воды—рыбой, а земля—минеральными богатствами.

Удобная площадь казенныхъ лѣсовъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской губерній занимаетъ 74 милліона десятинъ. А какъ она разрабатывается?

Отвѣтъ простой и ясный.

Никакъ.

Доходъ казны отъ эксплоатаціи лѣсовъ составлялъ въ 1913 году: въ Архангельской губ.—7 коп. съ десятины лѣса, въ Вологодской губ.—11 коп., въ Пермской—21 коп., въ Олонецкой—38 коп.

Возьмемъ Россію и Финляндію. Изъ Россіи въ 1913 году вывезено лѣса 464 милліоновъ пудовъ, на сумму 164,9 милл. рублей. Финляндія, площадь которой (286,000 кв. вер.) всего на 30% больше площади прохожденія Мурманской жел. дор., а лѣсистость составляетъ 42% ея площади, т. е. меньше лѣсистости Олонецкой (70%) и Архангельской (60%) губ.,—

эта маленькая Финляндія въ томъ же 1913 году вывезла лѣсныхъ матеріаловъ и древесной массы на 111,9 милл. руб., что составляетъ почти $^2/_3$ стоимости всѣхъ лѣсныхъ матеріаловъ, вывезенныхъ въ 1913 году изъ Россіи.

Отсюда ясно, какимъ непробуднымъ сномъ спятъ наши сѣверные лѣса—великое, неисчерпаемое богатство страны.

И не только лѣса.

Возьмемъ рыбный промыселъ. Рыбныя богатства нашего сѣвера, въ частности Мурмана, неисчислимы, но ими меньше всего пользуется Россія.

Вѣдь они отрѣзаны непроходимыми топями и болотами, полнымъ безлюдьемъ и бездорожьемъ. Между Архангельскомъ и Мурманомъ сколько-нибудь правильное сообщеніе поддерживается только 3 мѣсяца въ году.

Это отражалось крайне неблагопріятно на русскомъ рыболовствѣ. И въ то время, когда иностранцы промышляли въ нашихъ сѣверныхъ водахъ круглый годъ, русскіе промышленники являлись на Мурманъ только на лѣтніе промыслы, продолжавшіеся два-три мѣсяца.

Русское рыболовство на сѣверѣ велось до сихъ поръ крайне примитивно. И неудивительно, что въ Россію, обладающую колоссальными рыбными богатствами, ввозилась рыба изъ-за границы въ громадныхъ размѣрахъ. Такъ, въ 1913 году было ввезено 22.098,602 пуда рыбы на сумму 38.232,432 руб.

Возьмемъ минеральныя богатства сѣвера. О нихъ мы имѣемъ до сихъ поръ смутное представленіе. Только полное, всестороннее химико-геологическое изслѣдованіе можетъ установить размѣры тѣхъ богатствъ, какія лежатъ погребенными на Мурманѣ.

Извѣстно, что въ Олонецкомъ краѣ богатѣйшія залежи мрамора, различныхъ породъ камня и желѣзной руды, что въ Поморскомъ краѣ тоже много желѣзной руды, есть также залежи серебро-свинцовыхъ рудъ, встрѣчаются мѣдно-цинковыя руды, находятъ даже золото.

Есть, несомнѣнно, и каменный уголь. Обнаруженіе его—дѣло ближайшаго будущаго, но вотъ на Шпицбергенѣ уже производится разработка каменнаго угля, по качеству не уступающаго лучшимъ сортамъ англійскаго. Въ Норвегіи шпицбергенскій уголь примѣняется на желѣзныхъ дорогахъ и во флотѣ; примѣняется онъ кое-гдѣ и у насъ, въ Петербургѣ.

Несомнѣнно, что Мурманская дорога подвинетъ впередъ дѣло разработки каменнаго угля на Шпицбергенѣ.

Вся бѣда русскаго сѣвера въ бездорожьи. Возьмемъ

Швецію, Норвегію и Финляндію, лежащія почти подъ одной широтой съ Мурманомъ. Общая территорія ихъ около 1 милліона кв. верстъ покрыта желѣзнодорожной сѣтью въ 20,000 верстъ. А у насъ Архангельская и Вологодская губерніи, занимающія пространство 1,1 милл. кв. верстъ, имѣютъ,—стыдно сознаться,—только 906 верстъ рельсовыхъ путей. И тѣ 3½ тысячи человѣкъ, которые за послѣдніе 50 лѣтъ переселились на Мурманъ, ходятъ, какъ звѣрье, по нетронутымъ тропамъ, среди лѣсной пустыни, совершая каждый разъ подвигъ:

— Останусь или не останусь живъ въ дорогѣ?

Понятно, что сооруженіе Мурманской желѣзной дороги, продиктованное, увы, не сознаніемъ культурно-промышленнаго значенія ея, а исключительно обстоятельствами военнаго времени, явилось для нашего сѣвера огромнымъ событіемъ, поворотнымъ пунктомъ въ его судьбѣ.

Проложить прямую желѣзнодорожную магистраль на крайній Сѣверъ къ Ледовитому океану—задача колоссальная, имѣющая міровое значеніе.

Къ рѣшенію этой задачи надо было подойти съ сознаніемъ величайшей отвѣтственности за ту работу, какую предстояло выполнить, съ ясно выработаннымъ планомъ сооруженія,—надо было выйти на строительство, какъ на великое единоборство съ стихійными силами природы, вооруженнымъ научно и технически—до зубовъ.

Посмотримъ же, съ чѣмъ вышли и какъ строили Мурманскую желѣзную дорогу.

II.

Начну съ личныхъ впечатлѣній.

Лѣтомъ прошлаго года я видѣлъ постройку Мурманской желѣзной дороги.

Еще по пути въ Петрозаводскъ, на пароходѣ, я наслушался вволю разсказовъ и о провалившихся мостахъ, и о полотнѣ, которое прокладывалось зимой по мерзлому насту и весной затонуло въ трясинахъ, и о трагическомъ положеніи рабочихъ, и о всякихъ злоупотребленіяхъ при постройкѣ.

Обо всемъ этомъ разсказывали потихоньку, оглядываясь по сторонамъ. Время было строгое, самодержавное, а постройка дороги окутывалась военной тайной.

Пріѣхавъ въ Петрозаводскъ, я отправился на постройку. Оказалось, что станція отнесена на 4 версты отъ города. Ведетъ туда пыльная грунтовая дорога, раскисающая во время дождей и распутицы. Между тѣмъ, линія проходитъ всего въ полуверстѣ отъ города.

Когда я спросилъ, зачѣмъ понадобилось отнести такъ далеко станцію, мнѣ сказали:

— Мѣсто строителямъ понравилось. Тамъ и лѣсъ, и озеро близко. Будутъ жить, какъ на дачѣ.

— Но вѣдь интересы городского населенія, несомнѣнно, страдаютъ.

— А что имъ городское населеніе? Какъ захотѣли, такъ и сдѣлали. Городъ просилъ устроить станцію въ полуверстѣ, гдѣ теперь предполагается площадка. Но строители не согласились.

Обычная нелѣпость русскаго строительства.

Я отправился на станцію. День былъ жаркій, дорога пыльная. Направо синѣло Онежское озеро, загроможденное на сѣверѣ островами. На одномъ изъ нихъ, въ лѣсу, виднѣлся монастырь. Бѣлая церковь, ограда, домики. Плыла туда легкая парусная лодка.

Налѣво зеленѣли пологіе лѣсные холмы. За холмами лежала станція. Мѣстность кругомъ была взрыта, завалена строительными матеріалами. Дома, пакгаузы, склады—все это сколочено было наспѣхъ, на живую нитку. Всюду щепа, опилки, мусоръ, песокъ. Длинными вереницами стояли на рельсахъ вагоны, по большей части пустые; гдѣ-то пыхтѣлъ паровозъ.

Вокзалъ выведенъ былъ только начерно. Отъ него пахло свѣжимъ деревомъ; у входа красовалась чистенькая надпись: «Петрозаводскъ».

Возлѣ водокачки, на шпалахъ, сидѣли военно-плѣнный австріецъ и солдатъ. Оба молчаливо курили, наслаждаясь покоемъ.

Я спросилъ:

— Ходятъ пассажирскіе поѣзда?

Солдатъ помолчалъ и лѣниво отвѣтилъ:

— Не знаю.

Я пошелъ къ вокзалу. Встрѣчались дорогой лѣниво слоняющіяся фигуры русскихъ и военно-плѣнныхъ. Между вагонами ходила какая-то желѣзнодорожная личность, что-то искала и ругалась.

— Чортъ его знаетъ, какіе тутъ порядки. Ничего не найдешь.

— Что вы ищете?—спросилъ я.

— Вагоны свои ищу. По наряду здѣсь должны быть, а вотъ нѣту.

На рельсахъ, въ разрывѣ двухъ вагонныхъ вереницъ, стояли другъ противъ друга бородатый стрѣлочникъ съ

мѣднымъ рожкомъ и худощавый желѣзнодорожникъ въ бѣломъ кителѣ и переругивались.

— Я же сказалъ подать вагоны на второй путь. А ихъ угнали, чортъ знаетъ куда,—горячился желѣзнодорожникъ.

— А я тутъ при чемъ?—хмуро оправдывался стрѣлочникъ.—Я по сигналу давалъ.

— Всѣхъ бы васъ по сигналу въ три шеи отсюда.

— Ну и что-жъ? И справляйся самъ. Мы и уйти можемъ,—съ угрозой бормоталъ стрѣлочникъ, теребя руками рожокъ.

Бѣлый китель, сдѣлавъ рукой жестъ, выражавшій отчаяніе, побѣжалъ къ вокзалу.

На платформѣ, возлѣ кучи песку, стояла подвода, нагруженная желѣзомъ. Возница стоялъ возлѣ лошади. Лошадь поминутно вздрагивала отъ укусовъ оводовъ.

Изъ визгливо скрипящихъ дверей вокзала выбѣжалъ приказчичьяго облика мужчина съ сердитымъ лицомъ и устремился къ бѣлому кителю.

— Куда же желѣзо грузить?

— А я почемъ знаю?—раздраженно крикнулъ китель.

— Кто же тогда знаетъ?

— Спросите въ товарномъ отдѣлѣ.

— Меня къ вамъ послали!

Китель махнулъ рукой и скрылся въ вокзалѣ, крѣпко хлопнувъ дверью.

— Вотъ проклятая безтолковщина,—плюнулъ владѣлецъ желѣза, приправляя свои слова крѣпкою бранью.

— Сваливай тутъ, на землю. Не стоять же цѣлый день.

И все, что ни встрѣчалось здѣсь, среди щепы и мусора, было озлобленное, недовольное. Все ругательски ругало дорогу, строителей, порядки.

Безотвѣтны были только пассажиры. Они сидѣли на землѣ, у вокзала, на солнцепекѣ,—пожилые мужики и бабы съ котомками, съ тупыми отъ ожиданія лицами,—сидѣли, повидимому, уже давно.

— Какого вы ждете поѣзда?

— На Сороку.

— А когда онъ пойдетъ?

— Неизвѣстно.

А другой добавилъ спокойно:

— Можетъ, и не сегодня даже.

Очевидно, здѣсь это въ порядкѣ вещей.

Я попытался добиться, когда идетъ поѣздъ на Сороку, такъ какъ подумывалъ поѣхать на водопадъ Кивачъ,—и не могъ. Одни говорили: «Не знаю», другіе заявляли: «Здѣсь

ходятъ только служебные», а третьи просто отмахивались: «Не лѣзьте, молъ, съ такими пустяками. Видите—не до васъ».

Я пробылъ на станціи до вечера, и еще больше укрѣпилось во мнѣ впечатлѣніе хаоса и безтолковщины на этомъ узло́вомъ пунктѣ мурманской стройки.

Я сталъ спрашивать:

— Здѣсь всегда такъ?

— Съ самаго начала,—говорили мнѣ съ такимъ видомъ, точно такъ и должно быть.—Никто ничего не знаетъ, никто ничего не дѣлаетъ. Лѣпятъ, и вслѣдъ же все расползается, какъ гнилая холстина.

Я попытался хотя осторожно, намеками, разсказать о порядкахъ на Мурманской дорогѣ въ печати, но цензура не пропустила ни одной строчки. Все, что касалось Мурманской дороги, было вычеркнуто.

Подъ покровомъ военной тайны производилось на народныя деньги явно безтолковое, бездарное строительство, и нельзя было обмолвиться объ этомъ ни однимъ словомъ.

III.

Революція однимъ взмахомъ опрокинула всѣ цензурныя рогатки, и явилась возможность говорить правду.

Теперь можно сказать правду и о легендарномъ строительствѣ на Мурманской дорогѣ.

Строить эту дорогу заставила война. Ни Владивостокъ, ни Архангельскъ не могли справиться съ переброской изъ-за границы грузовъ, предназначенныхъ для веденія войны. Начались усиленные поиски новыхъ путей, и самъ собою всплылъ, давно уже лежавшій на очереди, вопросъ о постройкѣ Мурманской дороги.

Строителямъ предоставлена была самая широкая возможность проявить свою иниціативу. Даны были неограниченныя полномочія; всѣ бюрократическія стѣсненія, какія обычно накладывались на каждое живое дѣло, были устранены. Постройка была признана спѣшной, она должна была въ кратчайшій срокъ выполнить «высочайшее повелѣніе», скрѣпленное магически всевластнымъ «быть по сему».

И тѣмъ не менѣе, «высочайшее повелѣніе», какъ и сотни предшествовавшихъ ему, застряло въ дебряхъ бюрократизма, сдѣлалось оселкомъ глупости и безтолковщины, было превращено въ источникъ для наживы.

Съ самаго начала работъ стало ясно, что къ строительной компаніи приступили безъ сколько-нибудь продуманнаго плана. Въ основу былъ положенъ принципъ «тяпъ да ляпъ» и вся постройка пошла по этому принципу.

Съ первыхъ же дней работы оказалось, что между главными составными частями сооруженія—строительно-технической, административно-хозяйственной и учетно-счетной—нѣтъ никакой согласованности.

На укладку пути были отправлены строители и армія рабочихъ, а о продуктахъ для нихъ не позаботились, и люди, брошенные подъ полярный кругъ, съ первыхъ же дней стройки стали подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ.

Работы были поведены ускореннымъ темпомъ. Хотѣли использовать въ полной мѣрѣ полярный день, когда солнце почти не скрывается съ горизонта, когда можно работать 24 часа, и стали развивать нечеловѣческую энергію. Но при этомъ забыли, что усиленная работа требуетъ также усиленнаго питанія и что возвращающимся съ тяжелыхъ работъ рабочимъ нуженъ теплый и покойный уголъ.

Между тѣмъ продуктовъ не доставляли, а бараки построены были не сразу. Рабочіе очутились въ условіяхъ голоднаго и холоднаго существованія. И результаты сказались быстро: началась цынга, рабочіе стали толпами убѣгать съ постройки. Меньше риска было погибнуть на безлюдныхъ тропахъ пустыннаго сѣвера, чѣмъ на голодной и холодной стройкѣ.

Дѣло, однако, остановиться не могло. Стихійно, какъ лавина, оно двигалось впередъ и впередъ, втягивая все новыя и новыя арміи рабочихъ и военноплѣнныхъ.

Постройка стала приходить въ хаотическое состояніе. «Люди мѣнялись,—сообщаютъ свидѣтели этой легендарной стройки,—но система оставалась одна и та же. Казалось, что постройкой завѣдуютъ тысячи независимыхъ другъ отъ друга, ничѣмъ не объединенныхъ въ своей дѣятельности агентовъ. Отъ высшихъ и до низшихъ, каждый поступалъ такъ, какъ хотѣлъ. Управленіе не знало, что дѣлалось на линіи, линія не представляла себѣ, что думало начальство. Управленіе разсылало сегодня одни циркуляры, завтра издавало другіе, отмѣнявшіе первые, послѣзавтра вносились новыя измѣненія—и такъ безъ конца. А на мѣстахъ не знали, что исполнять, на чемъ остановиться. Въ концѣ-концовъ, всѣ потеряли головы, и постройка линіи приняла форму полнѣйшаго развала».

Другими словами, по всей линіи можно было наблюдать ту же картину, какую я видѣлъ въ Петрозаводскѣ.

Духъ безхозяйственности носился плавно и вольно надъ всей постройкой, принимая то трагическія, то комическія формы.

Присылаютъ, напримѣръ, на участки лошадей для ра-

ботъ, а о фуражѣ никто и не подумалъ. Лошади стоятъ голодныя, болѣютъ и пропадаютъ.

На линіи нѣтъ картофеля, мяса, даже соли, кругомъ пустынно, люди въ отчаяніи, подъ угрозой голода. А въ это время прибываютъ изъ-за границы устрицы, омары, финики и пастила, которыми лакомятся строители.

На участкѣ есть больницы и медицинскій персоналъ, но нѣтъ медикаментовъ, и сотнямъ больныхъ отказываютъ въ самой необходимой медицинской помощи.

И въ то же время такіе факты, удостовѣряемые участковыми врачами:

«На дровяной пристани обнаруженъ большой запасъ дорогихъ медикаментовъ, предназначенныхъ для арміи, въ количествѣ до двухъ вагоновъ, прибывшихъ зимой прошлаго года и до сего времени не отправленныхъ».

Будемъ въ дальнѣйшемъ пользоваться свѣдѣніями лицъ, испытавшихъ на себѣ, что такое «Мурман-стройка».

«Казалось, говорится въ этихъ сообщеніяхъ, со стороны администраціи дороги было сдѣлано все, чтобы помѣшать правильному ходу работы. Отвѣтственныя функціи поручались лицамъ, не имѣвшимъ никакого представленія о порученномъ имъ дѣлѣ. Работы велись неумѣло и результаты принимали порой трагическіе обороты. Гибли на морѣ баржи съ грузомъ, падали съ берега платформы, подъемные краны, уносились и проваливались мосты, построенные на живую нитку. Не обходилось и безъ человѣческихъ жертвъ. Здѣсь еще памятно то ошеломляющее впечатлѣніе, которое произвела вѣсть о гибели на озерѣ Имандрѣ баржи, на которой затонуло около 40 человѣкъ.

Среди центральныхъ частей управленія особенно обращали на себя вниманіе безалаберностью матеріальная служба и хозяйственный отдѣлъ. Никакого плана снабженія линіи продуктами и матеріалами здѣсь не было. Присылали на склады то, чего не требовалось, и никакими мольбами нельзя было выпросить того, въ чемъ настоятельно нуждались на мѣстахъ. Бывали мѣсяцы, когда, кромѣ муки, почти ничего не было на складѣ. Картофеля, напримѣръ, не было съ осени 1915 г. и до лѣта 1916 г. Въ этотъ промежутокъ времени мясо не появлялось въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ. Не было капусты, овощей и многаго такого, безъ чего почти невозможно существовать. Вотъ почему началось массовое заболѣваніе цынгой и физическое истощеніе. И вотъ почему въ долгія зимнія ночи на кладбищѣ безпрестанно горѣли огни и безпрерывной вереницей везли туда бѣлые деревянные гробы»..

IV.

Безсистемность оказывалась на каждомъ шагу въ дѣятельности хозяйственнаго отдѣла и матеріальной службы.

Нормировки выдачи продуктовъ не существовало. Съ цѣнами на продукты происходило нѣчто баснословное. На одномъ участкѣ масло отпускалось по 1 руб. 60 коп. и дороже, а на сосѣднемъ—по 90 коп.; мясо свиное въ одномъ мѣстѣ цѣнилось 70 коп., въ другомъ—24 коп. Случалось, что на одни и тѣ же предметы устанавливались разныя цѣны въ теченіе какой-нибудь недѣли; на другіе продукты, одежду и бѣлье цѣны не сообщались по нѣсколько мѣсяцевъ. Вслѣдствіе этого, отпускъ товара не производился, все обращалось, въ концѣ-концовъ, въ гнилье и выбрасывалось въ море.

Вотъ иллюстрація. Въ мартѣ 1916 года выписаны были и доставлены изъ Англіи и Америки продовольственные грузы: мясо, овощи и проч. Управленіе не позаботилось устройствомъ помѣщеній, въ результатѣ чего 75% доставленнаго погибло. Мясо—за отсутствіемъ холодильниковъ, овощи—за отсутствіемъ погребовъ. Всего прибыло не менѣе трехъ пароходовъ. До настоящаго времени, несмотря на опытъ прошлаго, холодильники не устроены, погреба абсолютно не отвѣчаютъ своему назначенію.

Безхозяйственность принимала иногда угрожающіе размѣры. Такъ, осенью 1916 г. совершенно неожиданно стали поступать въ Кандалакшу огромныя партіи рогатаго скота. За короткое время прибыло до 2½ тысячъ головъ. А между тѣмъ, не было ни сѣна, ни помѣщенія. Голодный скотъ стали кормить разболтанной въ холодной водѣ мукой. И въ результатѣ до 500 павшихъ воловъ пришлось выбросить въ море, что по самой скромной оцѣнкѣ стоило 125,000 руб.

Или вотъ еще яркій примѣръ. Въ Кандалакшскій матеріальный складъ за періодъ навигаціи прошлаго года доставлено въ распоряженіе хозяйственнаго отдѣла до 200,000 пудовъ ржаной и пшеничной муки, которая за отсутствіемъ помѣщенія складывалась подъ открытымъ небомъ. Часть ея прибыла недоброкачественной, остальной грозила также гибель. Въ теченіе года былъ сооруженъ пакгаузъ, но мука продолжала оставаться на прежнемъ мѣстѣ. Между прочимъ, проѣзжавшему въ началѣ марта с. г. по линіи, члену Гос. Думы Лебедеву было заявлено объ имѣющихся въ Кандалакшѣ громадныхъ запасахъ муки. Въ связи съ этимъ, ожидали какихъ-либо распоряженій изъ Петрограда.

Между тѣмъ, наступила весенняя пора съ дождями и

ненастьями. Муку необходимо было спасти. Мѣстные начальники отдѣловъ оказались въ этомъ отношеніи безсильными. Тогда Кандалакшскій комитетъ общественной безопасности принялъ необходимыя мѣры, и въ результатѣ около 100,000 пудовъ лучшей муки было убрано въ пакгаузъ.

Долгое время Кандалакшскій матеріальный складъ обслуживалъ собою всю сѣверную часть Мурманской дороги—отъ Кандалакши до Колы. И вдругъ было признано необходимымъ, чтобы этотъ же складъ снабжалъ продовольствіемъ и матеріалами среднюю часть линіи—отъ Кандалакши до Кеми. Между тѣмъ, въ Кеми имѣется центральный складъ. И положеніе создалось весьма любопытное: Кемь отправляетъ грузъ въ Кандалакшу, а Кандалакшскій складъ распредѣляетъ его по участкамъ средней линіи. И выходитъ, что прибывшій по линіи отъ Кеми до Кандалакши грузъ долженъ обратно двигаться по тому же пути.

Приводимыя черточки далеко не исчерпываютъ тѣхъ нелѣпостей, какія творились при постройкѣ дороги.

Безхозяйственность вообще характерная для Мурманской дороги черта. Считаютъ копѣйки и въ то же время брасываютъ десятки и сотни тысячъ рублей. Прибывающіе пароходы стоятъ неразгруженными по нѣсколько дней, и за простой приходится платить сумасшедшія деньги. Въ августѣ прошлаго года, въ самый разгаръ работъ, при остромъ недостаткѣ рабочихъ рукъ, было снято около 300 рабочихъ и 25 лошадей на цѣлый мѣсяцъ на устройство колесныхъ дорогъ въ несуществующемъ городѣ Романовѣ, въ связи съ ожидаемымъ пріѣздомъ министровъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ постройкѣ дороги. Между тѣмъ, для разгрузки балластныхъ поѣздовъ не хватало рабочихъ, и поѣзда стояли неразгруженными.

Однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ жизни на линіи былъ и все еще остается, жилищный вопросъ. Въ пустынномъ и малонаселенномъ краѣ частныя квартиры подыскивались съ трудомъ и вслѣдствіе массоваго требованія на нихъ баснословно подымались цѣны. Легко можно было сократить ненасытные аппетиты квартирохозяевъ,—стоило только дорогѣ заарендовать охотно отдававшіеся въ началѣ работъ крестьянскіе дома. Но администрацію постройки жилищный вопросъ безпокоилъ мало. Старшіе агенты дороги устраивались удобно, о мелкихъ же служащихъ не думали. Для приходящихъ рабочихъ не было спеціально оборудованныхъ бараковъ, вслѣдствіе чего рабочіе и военнопленные вынуждены были даже въ зимнее время оставаться въ ожиданіи поѣздовъ подъ открытымъ небомъ.

Яркою иллюстраціей того, какъ живутъ на Мурманѣ рабочіе, можетъ служить докладъ архангельскаго губернатора Бибикова бывшему верховному начальнику санитарной и эвакуаціонной части, принцу Ольденбургскому.

По повелѣнію принца Ольденбургскаго, архангельскій губернаторъ въ іюнѣ 1916 г. осматривалъ линію Мурманской дороги и нашелъ слѣдующее:

«Большинство бараковъ, выстроенныхъ въ минувшемъ году, не отвѣчаетъ въ гигіеническихъ и санитарныхъ отношеніяхъ условіямъ суроваго сѣвернаго климата, носятъ характеръ лѣтнихъ бараковъ—безъ стѣнъ, черныхъ половъ, оконъ и вдобавокъ безъ всякаго соблюденія закона о кубатурѣ. Эти бараки, изображая изъ себя крышу, поставленную прямо на землю, недопустимы въ мѣстности, представляющей сплошное болото. Нерѣдко бараки поставлены на самомъ болотѣ и окружены водою, проникающею даже въ жилища. Обращаетъ вниманіе грязное содержаніе бараковъ и плохая уборка ихъ сторожами, за работой которыхъ никто не слѣдитъ. Жилища изобилуютъ тараканами, клопами и вшами, и потому надлежитъ производить періодическое, не менѣе раза въ мѣсяцъ, прокуриваніе ихъ сѣрою, каковая мѣра до сихъ поръ не примѣнялась.

Кухни слишкомъ легкаго типа и совершенно непригодны для зимы.

По всей линіи ощущается крайній недостатокъ бань, и нерѣдко рабочимъ приходится проходить въ баню верстъ 10—12. Естественно, что при такой отдаленности большинство рабочихъ, особенно въ зимнее время, не посѣщаютъ бань и остаются въ грязи по нѣсколько мѣсяцевъ.

Далеко не во всѣхъ пунктахъ имѣется хорошая питьевая вода, и потому слѣдуетъ принять къ неуклонному исполненію снабженіе остуженною кипяченою водою, каковая мѣра почти отсутствуетъ.

Врачебная помощь организована по участкамъ. Въ участкѣ, протяженіемъ въ среднемъ на 70 верстъ, съ количествомъ рабочихъ отъ 4 до 6 тысячъ, имѣется всего лишь одинъ врачъ, одна лечебница на 45 человѣкъ и два пріемныхъ покоя по 5 кроватей. Притомъ большинство больницъ не имѣетъ еще собственныхъ зданій и помѣщается во временныхъ помѣщеніяхъ, не удовлетворяющихъ своимъ назначеніямъ.

Эвакуація больныхъ производится крайне медленно. Рабочіе, признанные негодными, продолжаютъ недѣлями проживать въ баракахъ, вмѣстѣ со здоровыми, и въ то же время имъ прекращаютъ выдачу продовольствія. Положеніе

ихъ становится невыносимымъ, и подобное къ нимъ отношеніе нервируетъ рабочую массу.

Снабженіе пищевыми продуктами организовано крайне слабо, и нерѣдко рабочіе, кромѣ ржаной муки, и то въ размѣрѣ не всегда достаточномъ, не имѣли ничего,—не было мяса, овощей, чая, сахара и даже соли. Такое недоѣданіе усиливало заболѣванія, особенно цынгой. Лѣтомъ стали подвозить продукты, но нѣтъ ни свѣжаго мяса, ни свѣжихъ овощей, а самый размѣръ запасовъ далеко не обезпечиваетъ не только довольствія въ теченіе предстоящей зимы, но и до конца лѣтняго сезона.

Тоже нобходимо сказать и о вещевыхъ складахъ. Рѣдко гдѣ имѣются достаточные запасы бѣлья, матрацовъ, обуви, одежды, и со всѣхъ сторонъ поступаютъ заявленія рабочихъ о томъ, что они плохо одѣты и обуты».

Вотъ впечатлѣнія губернатора. Надо полагать, что краски здѣсь значительно смягчены и въ дѣйствительности было во много разъ хуже.

Та же разруха и въ учетно-счетной части. Несмотря на кажущуюся скромную роль этой части, она занимаетъ въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ важное мѣсто. Разруха началась здѣсь съ первыхъ же дней постройки. Въ то время, какъ работы на линіи сразу повели съ лихорадочной поспѣшностью, служащихъ для учета работъ и матеріаловъ въ достаточномъ количествѣ не было. И такъ продолжалось все время. Продукты и матеріалы поступали на склады безъ всякихъ документовъ, грузы принимались и отпускались безъ соотвѣтствующихъ записокъ, что впослѣдствіи крайне затрудняло акцептацію документовъ.

Денежныя уплаты вообще производились крайне неисправно. Рабочіе не получали заработка иногда по нѣсколько мѣсяцевъ. Вообще по отношенію къ служащимъ и рабочимъ допускалось самое неподобающее отношеніе. Унижалось и оскорблялось ихъ человѣческое достоинство, матеріальныя нужды ихъ не удовлетворялись. Но протестовать было нельзя: въ ущербъ всему другому, дорога прекрасно была оборудована охранными силами, недоставало хлѣба, но жандармовъ было достаточно, и протестантовъ забирали, куда слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ военнаго времени и чрезвычайной охраны.

Такъ строилась Мурманская желѣзная дорога.

Все, что разсказано здѣсь, относится, главнымъ образомъ, къ одному изъ участковъ дороги,—правда, наиболѣе глухому,—и является, можетъ быть, только тысячной долей того, что происходило на «Мурманъ-стройкѣ».

Теперь общественныя силы, организовавшіяся на Мурманѣ въ революціонное время, вскрываютъ понемногу эти гнойники прошлаго и требуютъ произвести разслѣдованіе.

Это требованіе—голосъ самой справедливости. Распятая, оплеванная, истоптанная казенными сапогами правда требуетъ возмездія.

И оно должно придти на смѣну беззаконіямъ и произволу. Ибо величайшимъ завоеваніемъ революціи было утвержденіе права и справедливости въ личной и общественной жизни человѣка.

П. Сурожскій.

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ВЪ ПРОВИНЦІИ.

«Можно сказать, теперь нѣтъ уголка на Руси, гдѣ бы люди не работали надъ переустройствомъ жизни»...
(Изъ газетной корреспонденціи).

Великая созидательная роль революціи взята теперь подъ подозрѣніе. Разверните любой номеръ «Русскаго Слова», «Рѣчи», «Русской Воли» и васъ поразитъ обиліе сообщеній объ «анархіи» и эксцессахъ революціи. Изо дня въ день ведется эта неустанная систематизація фактовъ одного только порядка, и у читателей невольно создается представленіе, что русская революція проявила себя лишь, какъ разрушительная сила, и что въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи она грозитъ гибелью и странѣ и всѣмъ ея культурнымъ цѣнностямъ.

Объ этомъ и не перестаютъ трубить на столбцахъ своихъ органовъ писатели изъ буржуазнаго лагеря, взывая къ твердой и сильной власти, которая должна, по ихъ мнѣнію, ликвидировать всѣ «самочинные» акты и организаціи и вернуть вышедшую изъ береговъ демократическую Русь въ лоно законности и порядка.

Стоитъ, однако, отъ этихъ воплей и призывовъ обратиться къ подлинной Россіи и внимательно вглядѣться въ то, чѣмъ живутъ и надъ чѣмъ работаютъ милліоны русскихъ людей на мѣстахъ,—какъ отъ этой тщательно разрисованной картины разрушенія и развала не останется и слѣда. Правда, и въ нѣкоторой части провинціальной печати вы натолкнетесь на такое же выискиваніе анархическихъ проявленій революціи, но въ подавляющемъ большинствѣ провинціальныхъ газетъ вы найдете ясныя и опредѣленныя указанія на то, что не одно только разрушеніе несетъ съ собою революція, а и созиданіе, что по всему лицу земли русской, даже по самымъ глухимъ

уголкамъ ея, идетъ сейчасъ незамѣтная на первый взглядъ, но очень большая и напряженная творческая работа.

И намъ не кажется преувеличеніемъ замѣчаніе одного корреспондента, что «въ отношеніи организаціи за послѣдніе мѣсяцы у насъ сдѣлано во много разъ больше, чѣмъ было сдѣлано за тысячу лѣтъ существованія Россіи».

Къ сожалѣнію, въ меньшей степени можно это утверждать относительно культурнаго строительства въ провинціи. И намъ представляется далеко не лишнимъ,—прежде чѣмъ отмѣтить отрадныя и свѣтлыя явленія въ этой области,—остановиться на тѣневыхъ сторонахъ жизни глухой провинціи, особенно же деревни.

На страницахъ провинціальныхъ газетъ можно не разъ встрѣтить предостереженіе противъ чрезмѣрной идеализаціи деревни.

«Этого головокружительнаго, бурлящаго бѣга жизни,—читаемъ въ одной изъ нихъ,—этого страстнаго лихорадочнаго строительства ея—въ деревнѣ почти незамѣтно; все это совершается гдѣ-то тамъ въ сторонѣ, а не у насъ. Здѣсь же все тихо, и однообразно тянетъ свое сѣренькое, нудное существованіе съ самой незначительной разницей отъ прежняго». («Нар. Правда». № 55). Такъ свидѣтельствуетъ человѣкъ деревни, протестующій противъ излишне оптимистическаго представленія о степени гражданскаго самосознанія крестьянина.

А вотъ и другое аналогичное свидѣтельство: «въ то время, когда образованное и сознательное общество города и деревни прониклось духомъ созидающей революціи и работаетъ изо всѣхъ силъ, въ это же самое время рядомъ съ ними есть низы», которые «еле-еле шевелитъ современный политическій вѣтеръ». И эти низы,—говоритъ авторъ корреспонденціи,—«въ нашей сибирской деревнѣ благодаря ея безграмотности и политической отсталости весьма значительны» («Народная Мысль», № 1—2).

Къ сожалѣнію, приходится согласиться съ обоими авторами и признать, что на необъятномъ просторѣ Россіи много еще совсѣмъ темныхъ угловъ. Такіе углы можно найти и не особенно далеко отъ столицы. Таковъ, напр., Бѣлозерскъ, гдѣ въ качествѣ новѣйшихъ политическихъ новостей среди публики ходятъ слухи о томъ, что Керенскій «воспроизведенъ въ святые», Америка «вылетѣла на Ерманію на ярополанахъ», «Царь Ерманскій» за Ленина дочь выдать обѣщалъ, ежели Россія воевать не станетъ, и что Керенскій хочетъ схватить Ленина, де онъ невидимо ходитъ» («Вольный Сѣверъ», № 5). Таковъ и Рапенбургъ, Ряз. губ., гдѣ со словъ «отца Пигасія» ходитъ легенда «про ливоціонера», задавленнаго монастырскими колоколами въ наказаніе за «безбожныя рѣчи». А если мы заглянемъ въ отдаленныя глухія мѣста Россіи,—то темнота народная станетъ еще замѣтнѣе. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ одинъ изъ наиболѣе сознательныхъ обитателей Зырянскаго края: «Посѣтивъ Зырянскій край, отдаленный отъ свѣта, отъ просвѣщенной страны на 7 сутокъ, я увидѣлъ, что народъ, живущій въ глуши, весьма нуждается въ различномъ переворотѣ»... «Прошу, товарищи, принять мою

просьбу, и нельзя ли записаться просвѣщать и образовать, обстановить и имъ разсказать, что въ настоящее время нужно дѣлать нашему темному зырянскому трудовому крестьянству».

Нечего и говорить о томъ, что при отсутствіи культурныхъ работниковъ, темнотой этой пользуются мѣстные заправилы, при чемъ не послѣднюю роль въ дѣлѣ эксплоатаціи народнаго невѣжества играетъ мѣстное духовенство. Въ селѣ Городкѣ, Енисейской губ., мѣстный «батько» стращаетъ крестьянъ тѣмъ, что «свобода есть обманъ и если будете ей вѣрить, заведетъ она васъ въ такую грязь, что и не выдеретесь»—и въ то же время, по разсказамъ жителя села, такъ проводитъ выборы въ комитетъ общественной безопасности: «Батюшка сѣлъ около ящиковъ и показывалъ, въ какой надо бросать и въ какой не надо, и такимъ образомъ выбрали «Городчанскій сельскій комитетъ», который и постановилъ потомъ построить попу новый домъ въ виду заявленія его, что въ старомъ домѣ «квартируетъ нечистая сила». («Товарищъ», № 4).

Такихъ фактовъ можно было бы привести безконечное множество и всѣ они свидѣтельствуютъ объ одномъ: на необъятномъ просторѣ Россіи работы непочатый край. Но работниковъ нѣтъ, а между тѣмъ «вопль души» зырянина, взывающаго о помощи, является далеко не одиночнымъ. Разверните любую провинціальную газету и вы сразу же натолкнетесь на этотъ вопль: дайте книгъ, пришлите знающихъ людей, которые бы растолковали смыслъ событій, просвѣтили бы темный умъ крестьянина. По словамъ барнаульской газеты «Народная Правда», во многихъ деревняхъ «нѣтъ даже такого интеллигентнаго человѣка, какъ сельскій писарь». И неудивительно поэтому, что за недостаткомъ интеллигентныхъ силъ созидательная работа въ глухой провинціи часто сводится къ нулю.

И это приходится признать справедливымъ не только въ отношеніи деревень, но и многихъ провинціальныхъ городовъ. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ одна изъ наиболѣе культурныхъ газетъ провинціи «Воронежскій Телеграфъ» о мѣстныхъ дѣятеляхъ: прежде вся воронежская общественность покоилась на небольшой, сравнительно, группѣ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, а все остальное населеніе города стояло совершенно въ сторонѣ, но и «теперь, когда всюду нужна огромная общая организаціонная работа, когда мы сами призваны устраивать и налаживать свою новую жизнь, положеніе остается, въ сущности, тѣмъ-же—нѣтъ людей, некому дѣлать это новое общественное дѣло». («Вор. Телегр.», № 101).

На то же безлюдье жалуется и «Псковская Жизнь»: «Возьмите на выдержку любую нашу общественную организацію и вы всюду встрѣтите однихъ и тѣхъ же людей и всѣхъ въ поразительно маломъ количествѣ... Чего послѣ этого требовать отъ какого-нибудь Торопца или Опочки, когда и въ губернскомъ городѣ присутствіе мѣстныхъ культурныхъ силъ въ общественной работѣ почти незамѣтно». («Пск. Ж.» № 1332). И газета права, потому что, напримѣръ, въ Муромѣ дѣло обстоитъ

нисколько не лучше: «Всю организаціонную и просвѣтительную работу выносятъ на своихъ плечахъ лишь одиночные представители мѣстной интеллигенціи, буквально изнемогающіе подъ тяжестью взятыхъ на себя обязанностей... Во всѣхъ организаціяхъ вы встрѣтите все одни и тѣ же имена—лишь ничтожную кучку интеллигентовъ одиночекъ». («Свободный Муромскій Голосъ», № 22).

Положеніе культурныхъ работниковъ въ деревнѣ (тамъ, гдѣ они имѣются) еще болѣе тяжелое, а требованія къ нимъ предъявляются огромныя. Въ большинствѣ случаевъ культурную и организаціонную работу въ деревнѣ несетъ на своихъ плечахъ народный учитель. Такъ, напримѣръ, на воронежскомъ учительскомъ съѣздѣ почти всѣми докладчиками было указано, что «первыя поясненія, а иногда даже первую вѣсть о совершившемся переворотѣ въ большинствѣ селеній принесъ учитель», а когда «началась организаціонная работа, учитель былъ на своемъ посту и принялъ въ ней самое близкое и горячее участіе». Во многихъ волостныхъ исполнительныхъ комитетахъ учитель и учительницы состоятъ не только членами, но и предсѣдателями. «Къ учителямъ гораздо скорѣе и охотнѣе, чѣмъ даже къ священникамъ, не говоря уже о прочей деревенской интеллигенціи, пришли крестьяне за разъясненіями о совершившихся событіяхъ и того, какъ теперь надлежитъ имъ по новому устраивать свою жизнь». («Вор. Телегр.», статья Н. В. Чехова, «Учитель—другъ народа»). Но условія, въ какихъ протекаетъ эта работа, далеко не вездѣ благопріятны.

Тотъ же воронежскій съѣздъ констатировалъ значительный рядъ случаевъ враждебнаго отношенія крестьянъ къ интеллигенціи вообще и къ учителямъ въ частности. Чаще всего такая враждебность была слѣдствіемъ контръ-революціонной пропаганды темныхъ силъ деревни или возникала на почвѣ сведенія личныхъ счетовъ. Иногда давало себя знать старое предубѣжденіе противъ учительницъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ вина лежала и на самихъ учителяхъ, не умѣвшихъ или не желавшихъ ближе подойти къ крестьянину. Но за вычетомъ всѣхъ перечисленныхъ обстоятельствъ, затрудняющихъ и тормозящихъ культурно - просвѣтительную работу учителей на мѣстахъ, остается еще одна сторона этой работы, едва ли не самая существенная. Это ихъ одиночество и распыленность. О ней мы имѣемъ собственное признаніе одного изъ учителей, подѣлившагося своими думами на страницахъ череповецкой газеты «Свободный Сѣверъ».

Авторъ статьи ѣхалъ на пароходѣ по Шекснѣ и подъ впечатлѣніемъ палубныхъ бесѣдъ на злобы дня задумался о своемъ положеніи: «Народный учитель долженъ быть всегда въ деревнѣ», разсуждаетъ онъ про себя. «Это звучитъ и гордо и въ силу необходимости. Да, нужно быть въ деревнѣ! Насъ зовутъ въ народъ. Намъ говорятъ и пишутъ: идите и сѣйте, идите въ глубь, толщу «темноты народной» и прорубайте просѣки для будущаго царства свободы, братства и сытости... А я вотъ ѣду въ городъ

за работой—мнѣ и моей семьѣ нужна одежда и обувь. Пора бы подумать, граждане, о томъ, чтобы народный учитель шилъ крѣпкіе сапоги и одежду, а то вѣдь не въ чемъ и въ «народъ» идти.

А потомъ вотъ еще что: есть кое-гдѣ въ деревнѣ «сытая самодовольная интеллигенція съ наружной кадетской полировкой». Она вкупѣ съ «лакированными» купчиками и представляетъ для насъ, голодной интеллигенціи, противную силу—и силу довольно серьезную. Посудите сами. Я всѣми правдами и неправдами досталъ книжекъ 10 по соціальному вопросу. Газету выписывать могу только по мѣсяцамъ и то не всегда, а «они» читать стали 4: и свои—«Рѣчь» и «Новое Время» и наши—«Дѣло Народа» и «Новую Жизнь» и выписываютъ все, что взглянется. Нѣтъ литературы партійной, нѣтъ газетъ, нѣтъ уѣздныхъ политическихъ ячеекъ. Мы въ подавляющемъ большинствѣ распылены. Распылены, несмотря на то, что былъ профессіональный учительскій съѣздъ, гдѣ можно бы многое воплотить въ жизнь». («Свободный Сѣверъ», № 12. Мороцкій. Изъ міра распыленныхъ).

Сопоставьте съ этими признаніями одного изъ искреннихъ и убѣжденныхъ работниковъ деревни приведенныя выше жалобы на безлюдье въ городахъ, и вамъ станетъ ясно, что это явленія одного и того же порядка и коренятся они въ исконной болѣзни нашей такъ «безсословной» интеллигенціи—въ ея безволіи и душевной дряблости. Не даромъ одинъ изъ провинціальныхъ обличителей, по поводу того же абсентеизма интеллигенціи, вспоминаетъ о «дурной Рудинской наслѣдственности». («Голосъ Калуги», № 120—«Гдѣ же интеллигенція?»). Нужно только сказать, что въ современную намъ эпоху эпигоны рудинства въ большинствѣ случаевъ превратились въ типичныхъ обывателей, безнадежно потерянныхъ для общественнаго дѣла.

Въ этомъ и заключается драма наиболѣе сознательной части интеллигенціи, что она одинока въ своихъ творческихъ порывахъ, что усилія ея часто разбиваются о тѣ препятствія, на которыя мы указывали выше. Вотъ и авторъ цитированной статьи, какъ оказалось, зналъ лучшіе дни, когда работа въ деревнѣ доставляла ему глубокое удовлетвореніе. Встрѣтился онъ тутъ же на палубѣ съ прежнимъ своимъ односельчаниномъ, который въ отвѣтъ на его жалобы съ укоромъ воскликнулъ: «Эхъ, зря ты бросилъ изъ-за попа нашу школу. Вѣдь сжился съ населеніемъ: вѣрили мы тебѣ и работалъ ты у насъ»... И авторъ меланхолично замѣчаетъ при этомъ: «Послѣ его словъ я почувствовалъ ясно, что я тоже одинъ изъ «распыленныхъ». А такъ хотѣлось бы гдѣ-нибудь пустить корни и «сѣмя грядущаго сѣять».

Если бы судьба новой Россіи зависѣла исключительно отъ плодотворности усилій этой сравнительно небольшой группы культурныхъ работниковъ одиночекъ,—то можно было бы съ полнымъ правомъ усумниться въ томъ, выйдетъ ли Россія на широкій и свѣтлый путь знанія и культуры. Но въ томъ-то

и заключается созидательная роль революціи, что, встряхнувъ народныя массы отъ вѣкового сна и открывъ широкія перспективы новой осмысленной жизни,—она выдвинула и кадры новыхъ работниковъ, которые и взяли въ свои крѣпкія руки дѣло новаго строительства. Вся та кипучая и лихорадочная работа, которая, по общему признанію, идетъ сейчасъ по всей Руси,—въ значительной мѣрѣ обязана творческимъ усиліямъ этого народившагося дѣятеля Новой Россіи.

Но кто онъ—этотъ дѣятель? Въ цитированныхъ выше путевыхъ впечатлѣніяхъ мы найдемъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. По поводу случайной встрѣчи съ бывшимъ своимъ односельчаниномъ, авторъ статьи отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «Хорошая встрѣча. Вспомнили про кредитное т-во: оба тамъ работали до войны. Тамъ послѣ дѣла вели бесѣды и мечтали о свободѣ, братствѣ и справедливости. Вели «ячейку» кооперации, а вотъ изъ этихъ ячеекъ и вышли люди, которые дѣлали и дѣлаютъ революцію... Разговорились о событіяхъ. Пріятно, чертъ возьми, встрѣтить сознательнаго крестьянина! Оказывается, мой милый Чекалкинъ депутатъ Всероссійскаго Крестьянскаго Съѣзда. Поспорилъ съ нимъ, такъ сказать, по обязанности, по аграрному вопросу: онъ эсеръ, я—эсдекъ. Какъ прекрасно разбирается по всѣмъ вопросамъ. Дѣйствительно, много хорошаго принесетъ намъ въ деревню солдатъ».

Къ послѣднему замѣчанію автора необходимо только прибавить, что солдаты и теперь уже внесли въ деревню много положительнаго. Если въ иныхъ мѣстахъ первыми вѣстниками и пропагандистами новаго строя были учителя,—то еще чаще эта роль выпадала на долю солдатъ, которые, по замѣчанію одного корреспондента, «для деревни являются непререкаемыми авторитетами». («Вольный Голосъ Сѣвера», № 44). Но этой «сѣрой массою» сдѣлана была только первая половина дѣла—подготовка къ воспріятію началъ свободы, а что касается остального,—т.-е. организаціонной работы и культурной,—то наряду съ народнымъ учителемъ эту работу взяли въ свои руки въ деревнѣ такіе представители крестьянской интеллигенціи, какъ упомянутый выше Чекалкинъ.

Яркую характеристику этого народившагося народнаго дѣятеля—далъ С. Масловъ на страницахъ вологодской газеты «Вольный Голосъ Сѣвера». Встрѣтившійся автору крестьянинъ-кооператоръ на обычный въ пути вопросъ—«кто будешь и чѣмъ занимаешься»—многозначительно отвѣтилъ: «занимаюсь строительствомъ»,—а затѣмъ въ поясненіе прибавилъ: «около новой мужицкой жизни хлопочемъ». Въ дальнѣйшей бесѣдѣ этотъ «строитель» все въ той же образной, иносказательной формѣ раскрылъ передъ своими попутчиками—откуда взялись «строители». «Все земельнаго происхожденія, заявляетъ онъ. Около земли всѣ народились, около нея и воспитались. Всѣ по началу и темны были, какъ земля, а потомъ около пятаго года пришли бури съ молніей и въ головѣ сдѣлалось яснѣе... Гроза пробудила старинный дремучій лѣсъ: забѣгали звѣри, полетѣли

птицы, закачались деревья. Нѣкоторыя дерева отъ молніи загорѣлись. И вотъ когда буря промчалась, остался пробужденный лѣсъ. Въ немъ горѣли грозовыя свѣчи и мѣшали ему опять погрузиться въ свою дремоту. Эти свѣчи—мы».

«И вотъ я что замѣтилъ еще, продолжаетъ дальше свои мысли «строитель»: кто до этихъ бурь былъ спокойный, безъ жару и безъ какой нибудь ясной зарубки на душѣ, тотъ такъ и остался. Его не зажгла гроза. Другіе же, которые были очень религіозны или строги на правду, или охочи до книгъ, или еще какія нибудь примѣты на душѣ имѣли—изъ тѣхъ многія загорѣлись». («Вольный Голосъ Сѣвера», № 4. С. Масловъ. «Въ мірѣ крестьянской интеллигенціи». «Строитель»).

Такъ протянулись связующія нити отъ первой нашей революціи—къ нынѣшнимъ свѣтлымъ днямъ переустройства жизни. Среди мрака реакціи незамѣтно создались кадры новыхъ работниковъ и когда грянула гроза, еще болѣе величественная и могучая, чѣмъ 12 лѣтъ тому назадъ—они повели деревню за собой—и какъ подлинные «строители» заложили прочныя основы новой жизни, отъ которой въ деревнѣ уже и теперь становится и свѣтлѣй и привольнѣе.

Обращаясь теперь къ самой культурно-просвѣтительной работѣ въ провинціи, мы прежде всего должны отмѣтить рядъ широкихъ начинаній, предпринятыхъ какъ интеллигентскими, такъ и рабочими и крестьянскими организаціями. Среди такихъ начинаній мы на первомъ мѣстѣ должны поставить культурно-просвѣтительную дѣятельность Московскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который поставилъ своей задачей покрыть сѣтью просвѣтительныхъ организацій не только Москву, но и прилегающіе къ ней районы провинціи. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлано культурно-просвѣтительнымъ Отдѣломъ Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ. Съ самаго начала своего возникновенія Отдѣлъ разбился на секціи—школьную, лекціонную, театральную, художественную и библіотечную. Каждая изъ этихъ секцій за послѣдніе 3—4 мѣсяца продѣлала огромную работу по осуществленію намѣченной отдѣломъ программы,—начиная съ обученія простой грамотѣ и кончая цѣлыми лекціонными курсами и экскурсіями по картиннымъ галлереямъ и музеямъ Москвы.

Рядомъ съ дѣятельностью Отдѣла М. Сов. Солд. Деп.—слѣдуетъ поставить культурно-просвѣтительную работу организацій Московскаго военнаго округа. На съѣздѣ этихъ организацій 5—11 мая былъ принятъ рядъ важныхъ рѣшеній. Съѣздъ постановилъ объединиться въ культурно-просвѣтительную лигу М. В. О. при Московскомъ Областномъ Бюро Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и выбралъ изъ своего состава Совѣтъ Лиги, который дѣятельно принялся за осуществленіе задачъ, намѣченныхъ съѣздомъ. Были открыты лекторскіе курсы, расширенъ книжный складъ, выработаны инструкціи по всѣмъ отдѣламъ, разработаны тезисы лекцій и бесѣдъ въ войскахъ, проводится въ жизнь планъ передвижныхъ лекторскихъ курсовъ

на мѣстахъ и инструкторскихъ поѣздокъ въ провинцію. Въ началѣ августа по иниціативѣ Лиги созывается 2 съѣздъ К.-Пр. организацій М. В. О., а въ серединѣ августа—Всероссійскій. Обѣ московскія организаціи—К.-Пр. отдѣлъ и Лига издаютъ свои органы—первый—двухнедѣльный историко-литературно-художественный журналъ «Путь Освобожденія»,—а второй—«Извѣстія».

Подобныя же организаціи существуютъ теперь и по многимъ городамъ провинціи, всѣ онѣ въ большинствѣ случаевъ дѣйствуютъ отъ имени и подъ руководствомъ мѣстныхъ совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ и поддерживаютъ постоянныя связи съ культурно-просвѣтительными организаціями какъ сосѣднихъ городовъ, такъ особенно и столичныхъ. Съ Московской Лигой, напримѣръ, связаны организаціонно такіе крупные провинціальные центры, какъ Воронежъ, Рязань и др. Съ своей стороны, губернскія культурно-просв. организаціи объединяютъ цѣлую сѣть уѣздныхъ своихъ подотдѣловъ. Программа дѣятельности ихъ въ общихъ чертахъ одинакова съ той, какую мы видѣли и въ московскихъ культ.-просв. организаціяхъ. Во многихъ провинціальныхъ городахъ навстрѣчу Совѣтамъ идутъ и организаціи, чисто интеллигентскія. Таковы прежде всего губернскіе и уѣздные учительскіе съѣзды, на которыхъ нерѣдко разрабатываются подробные планы работы въ деревнѣ, какъ, напримѣръ, это имѣло мѣсто въ г. Муромѣ. Уѣздъ предполагалось разбить на районы, не превышающіе по радіусу 10 верстъ. Учителя и учительницы, входящіе въ опредѣленный районъ, образуютъ изъ себя систематически собирающееся районное совѣщаніе, которое объединяетъ и руководитъ работой въ данномъ районѣ. Уѣздное совѣщаніе вступаетъ въ самыя тѣсныя отношенія съ культурно-просвѣтительной комиссіей мѣстнаго исполнительнаго комитета, откуда учителя получаютъ литературу, докладчиковъ, ораторовъ и средства. («Свободный Муромскій Голосъ», № 4).

Наряду съ учителями выступаютъ кое-гдѣ на культурно-просв. поприщѣ и студенты. Такъ, напр., Воронежскій студенческій съѣздъ выдѣлилъ изъ своей среды «губернское бюро трудовой помощи и культурно-просвѣтительную комиссію», которыя должны работать въ контактѣ съ культурно-просвѣтительными коммиссіями совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ». («Воронежскій Телеграфъ», № 131).

Далеко не послѣднюю роль въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ—играютъ теперь кооперативы, особенно на Сѣверѣ Россіи и въ Сибири. Мы уже видѣли выше, что именно на почвѣ кооперативной дѣятельности стали создаваться народные культурные работники, составляющіе теперь уже довольно многочисленную группу подлинной крестьянской интеллигенціи. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, что кооперація оказалась «удобнымъ передатчикомъ въ деревню основныхъ началъ политическаго знанія» и культуры—и что просвѣтительныя начинанія ея были особенно успѣшными.

Въ Сибири наиболѣе выдѣлилась дѣятельность Алтайскаго союза кооперативовъ, который совмѣстно съ Алтайскимъ Центральнымъ Кредитнымъ Союзомъ и общественными организаціями еще въ мартѣ мѣсяцѣ приступилъ къ образованію культурно-просвѣтительнаго Отдѣла Алтайскихъ Кооперативовъ, задачей котораго является—организація культурно-просвѣтительныхъ учрежденій въ деревнѣ, снабженіе ея книгами и листовками по разнымъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ. За 2 мѣсяца работы Отдѣлъ наладилъ регулярный еженедѣльный выходъ такихъ листовокъ, расходившихся въ количествѣ 30.000 экземпляровъ каждая. Что касается брошюръ,—въ которыхъ чувствуется въ деревнѣ острая нужда, то Отдѣлъ командировалъ въ обѣ столицы особое лицо для установленія прочной связи съ издательствами. Идя навстрѣчу многочисленнымъ просьбамъ крестьянъ, К.-Пр. О. высылаетъ на мѣста инструкторовъ-лекторовъ, на обязанности которыхъ лежитъ: завязывать сношенія на мѣстахъ, читать лекціи, вести бесѣды на политическія темы, организовывать библіотеки, читальни, возбуждать мѣстныя дремлящія силы, объединять разрозненныхъ дѣятелей сосѣднихъ селъ, и т. д. («Народная Правда», № 36). К.-Пр. О. имѣетъ и свой органъ «Алтайскій Крестьянинъ» и ведетъ переговоры съ фирмами о районныхъ кинематографахъ и устройствѣ прокатныхъ конторъ фильмъ.

Столь же плодотворна и просвѣтительная дѣятельность и сѣверно-русскихъ кооперативовъ; въ нихъ она началась еще задолго до революціи и въ настоящее время,—въ условіяхъ не стѣсненной ничѣмъ свободы,—успѣшно развивается. Кое-гдѣ поговариваютъ даже объ основаніи крестьянскихъ университетовъ. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ появленіе на сѣверѣ кооперативныхъ народныхъ газетъ. Такъ, напр., съ 6 іюля по постановленію крестьянскаго общегубернскаго съѣзда, начала выходить въ г. Архангельскѣ газета «Воля Сѣвера», ставящая своей задачей «полно и свободно выражать волю и мысль людей труда всего Сѣвернаго края». Для изданія этой газеты образовалось кооперативное издательство съ паевымъ взносомъ въ 25 р.; кромѣ того и сѣверный кооперативный съѣздъ оказалъ этому начинанію широкую матеріальную поддержку.

Таковы организованныя стремленія дѣятелей изъ народа и интеллигенціи внести въ глухіе углы Россіи—свѣтъ знанія и мысли. Но если вы внимательнѣе присмотритесь къ жизни деревни, то вы скорѣе замѣтите, что народныя массы и сами безъ чужой указки неудержимо тянутся къ свѣту. Провинціальныя газеты положительно пестрятъ сообщеніями о культурно-просвѣтительныхъ кружкахъ, обществахъ, новыхъ читальняхъ и библіотекахъ, школахъ, о требованіяхъ книгъ, газетъ, лекторовъ, поступающихъ изъ самыхъ глухихъ деревень. Народная масса пробудилась отъ вѣкового сна и съ какой-то особой бодростью и увлеченіемъ принялась за устройство жизни по новому. Бодростью вѣетъ и отъ всѣхъ газетныхъ сообщеній съ мѣстъ. И такъ понятно становится невольно вырвавшееся у одного

корреспондента изъ глухого села Барнаульскаго уѣзда восклицаніе:—«А все таки какъ это просто теперь стало начать любое хорошее дѣло! Благословеніе революціи, принесшей свободу». («Жизнь Алтая», № 125).

И все же эти отрадныя явленія не должны создавать иллюзію полнаго благополучія деревни въ отношеніи просвѣщенія. Стремленіе къ знанію у русскаго крестьянина, можно сказать, стихійное, но въ этомъ благородномъ стремленіи онъ часто бываетъ безпомощенъ. Вотъ, напримѣръ, какую грустную исторію разсказываетъ «Воля Сѣвера». Рѣшили крестьяне Яковлевской волости организовать читальню. «По подписному листу собрали добровольныя пожертвованія въ суммѣ около 80 руб. на выписку литературы, и читальня открылась. Сначала собирались охотно, но со временемъ этотъ пылъ охладился, такъ какъ придутъ мужички 5—7 человѣкъ и среди нихъ, къ сожалѣнію, ни одного грамотнаго,—посидятъ, покурятъ и уйдутъ. А мѣстные образованные люди не принимаютъ въ этомъ энергичнаго участія».

И въ заключеніе нашего очерка хочется выразить глубокую надежду, что тотъ призывъ къ «полной мобилизаціи интеллигентныхъ силъ», который доносится до насъ теперь и изъ глухой деревни, и со стороны организаторовъ и дѣятелей на культурно-просвѣтительномъ поприщѣ,—найдетъ дружный откликъ въ рядахъ сознательной и активной части нашей интеллигенціи.

А. Кудрявцевъ.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И АМЕРИКА.

I.

— «Изъ Петрограда уже два дня нѣтъ никакихъ извѣстій»— эта телеграмма изъ Лондона, напечатанная въ американскихъ газетахъ, дала намъ, въ Нью-Іоркѣ, первый глухой намекъ на возможность серьезныхъ событій. Черезъ день появились извѣстія о демонстраціяхъ съ лозунгомъ «хлѣба!», причемъ корреспондентъ сообщалъ объ «исключительно мирномъ и добродушномъ настроеніи толпы». Тогда же вечернія газеты напечатали марконіграмму изъ Берлина о побѣдѣ русской революціи и сверженіи царизма, а на утро пришли уже оффиціальныя ошеломляющія свѣдѣнія объ уличныхъ бояхъ, отреченіи Николая, кабинетѣ кн. Львова и т. д.

Даже извѣстіе о заключеніи мира не могло бы произвести на американскую публику болѣе потрясающаго впечатлѣнія. О Россіи въ С. Штатахъ, какъ почти повсюду заграницей, знали крайне мало, и интересъ къ нашей родинѣ, возникшій за годы войны, имѣлъ чисто утилитарный характеръ. О внутреннихъ дѣлахъ Россіи вся пресса писала въ духѣ кадетско-нововременскомъ, опираясь на ту фальсифицированную информацію, какая посылалась изъ Петрограда корреспондентами пресловутой «Associated Press» и большинствомъ американскихъ журналистовъ, вѣроятно, искренне считавшихъ органъ Суворинхъ и, иной разъ «Рѣчь», источниками самой непогрѣшимой истины.

Конечно, въ печать проскальзывали свѣдѣнія о гоненіяхъ на евреевъ и кое-какой матеріалъ о Сухомлиновѣ, Мануйловѣ, Распутинѣ и пр., но все это въ предѣлахъ доступныхъ и русской подцензурной печати. Чаще всего этотъ матеріалъ извлекался именно изъ русскихъ газетъ.[1]

Несмотря на эти свѣдѣнія, показывавшія, что въ Россіи не все благополучно, общее представленіе о Россіи сводилось къ элементарной формулѣ, съ особенной энергіей проповѣдывавшейся въ газетахъ Англіи и Франціи. «Русскіе съ воодушевленіемъ борются противъ Германіи за проливы,—гласила эта формула,—и ради этой цѣли всѣ классы объединились подъ эгидой любимаго монарха». Американскія газеты не переставали писать о поѣздкахъ Николая на фронтъ, о патріотическихъ манифеста-

[1] Оговорюсь, что для заграничной печати и этого было много. Англійская печать, слѣдуя инструкціи своего правительства, считала недопустимымъ даже эти перепечатки изъ русскихъ газетъ и думскихъ отчетовъ и тѣмъ содѣйствовала созданію самаго извращеннаго представленія о положеніи въ Россіи.

ціяхъ, о популярности царя, о преданности народа своему «вѣнценосному вождю». Вся тяжелая внутренняя борьба и особенно недовольство низовъ— оставались въ полной тѣни.

Какъ же было не притти въ изумленіе, если послѣ недавнихъ телеграммъ о популярности монарха и единеніи всѣхъ силъ страны, получилось сообщеніе о сверженіи монархизма и заключеніи самодержца подъ стражу.

Эта неожиданная вѣсть была встрѣчена С. Штатами не только съ глубокимъ изумленіемъ, но и съ истинной радостью. Слово «царь» давно уже стало браннымъ словомъ для американца, и о прелестяхъ русскаго режима никто не имѣлъ иллюзій. Въ еврейскихъ кварталахъ Нью-Іорка эта радость выразилась въ особенно шумныхъ и оживленныхъ формахъ. Какъ ульи, шумѣли кафэ и рестораны всю ночь напролетъ, и возбужденныя толпы манифестировали по улицамъ.

Американская печать съ большой выразительностью писала объ исчезновеніи «кошмара, который давилъ грудь всего либеральнаго міра», о гибели «послѣдняго, казавшагося непобѣдимымъ оплота самодержавія», сравнивала русскую революцію съ «утреннимъ гудкомъ, дѣлающимъ предостереженіе всѣмъ паразитамъ и деспотамъ Европы», видѣла въ ней свидѣтельство тому, что «всѣ формы человѣческаго угнетенія осуждены на полное исчезновеніе».

Но для истаго «янки» предаваться чистой радости— занятіе несвойственное. И посылая бодрый привѣтъ своему новому собрату по республиканскому правленію, онъ началъ создавать практическіе планы экономическаго использованія происшедшихъ политическихъ перемѣнъ.

Исчезновеніе монархіи и вмѣстѣ съ ней гоненій на еврейство открыло новыя перспективы для заключенія торговаго договора между Россіей и Соед.Штатами. И, учитывая эту возможность, американцы тотчасъ же стали намѣчать планъ завоеванія русскихъ рынковъ и полученія въ свои руки торговли, находившейся въ нѣмецкихъ рукахъ. Передъ американцами начали рисоваться заманчивыя картины того будущаго, когда С. Штаты со всей своей финансовой мощью и промышленнымъ опытомъ придутъ на помощь Россіи и (конечно, за хорошій процентъ!) помогутъ «ея экономическому возрожденію и реорганизаціи».

Сейчасъ же послѣ первыхъ вѣстей о революціи, американскія газеты и журналы запестрили статьями и замѣтками объ экономическихъ рессурсахъ Россіи, о ея минеральныхъ богатствахъ, климатическихъ условіяхъ, путяхъ сообщенія. И тотчасъ же возникъ первый грандіозный проектъ о залогѣ всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ американскимъ капиталистамъ. Америка, де, дастъ своей сестрѣ-республикѣ нѣсколько десятковъ милліардовъ долларовъ, но въ обезпеченіе получитъ всю жел.-дор. сѣть. Конечно, американцы проектировали также реорганизовать все жел.-дор. дѣло на новыхъ началахъ, создать новыя линіи, пополнить подвижной составъ и т. д.

Однимъ словомъ, образовать новый трестъ на русской почвѣ и въ грандіозномъ масштабѣ.

Вслѣдъ за этимъ проектомъ, возникъ планъ объ аналогичной «помощи» Россіи въ разработкѣ ея минеральныхъ богатствъ, утилизаціи лѣсовъ и пр. и пр.

Намѣтился цѣлый походъ американскаго капитала на русскую державу.

Въ то же самое время американцы учли и международное значеніе революціи, положившей конецъ русской деспотіи.

Вѣдь въ С. Штатахъ на очереди дня стояла война съ Германіей, а внутри страны противъ нея имѣлась энергичная оппозиція не только въ средѣ вліятельной массы еврейскаго населенія, но и въ рядахъ коренныхъ американцевъ. Сверженіе монархіи немедленно превратило подавляющее большинство американскаго еврейства въ горячихъ сторонниковъ Россіи и для всей Америки въ цѣломъ устранило вопросъ о боевомъ союзѣ съ позорной монархіей.

До революціи не разъ слышался вопросъ (писалъ «Спрингфильдскій Республиканецъ»):«неужели мы будемъ поддерживать войну, чтобы дать царскимъ указамъ силу основныхъ законовъ въ Константинополѣ? Почему русскаго цезаря намъ слѣдуетъ предпочитать цезарю германскому? Развѣ звѣрскія преслѣдованія христіанъ турками хуже свирѣпыхъ гоненій на евреевъ въ Россіи?»

Русская революція не только устранила эти сомнѣнія, но и «дала политическое и духовное единство врагамъ Германіи, дотолѣ отсутствовавшее, такъ какъ демократія была въ союзѣ съ автократіей» («News»).

Революція ускорила вступленіе Америки въ войну и по другимъ причинамъ. У союзниковъ возникло опасеніе въ боеспособности революціонныхъ армій Россіи, и скорѣйшее привлеченіе новаго помощника въ войнѣ съ Германіей стало насущной задачей англійской и французской дипломатіи.

Для американскихъ господствующихъ классовъ скорѣйшая милитаризація страны стала очереднымъ вопросомъ, въ виду грозныхъ раскатовъ соціальныхъ бурь, загремѣвшихъ даже въ наиболѣе отсталой экономически странѣ.

Недаромъ соціалистическая партія Америки на грандіозномъ митингѣ въ «Мадиссонъ скверъ гарденсъ» квалифицировала русскую революцію, какъ провозвѣстницу великой соціальной революціи.

Соед. Штатамъ вѣсти изъ Россіи несли не только радость, но и большія тревоги. Эти тревоги росли съ ходомъ событій и заставили переоцѣнить создавшееся было представленіе о ходѣ и смыслѣ совершившихся въ Россіи событій.

II.

Ходъ и смыслъ русской революціи были представлены въ американской прессѣ въ исключительно примитивной формѣ. «Гос. Дума,—видите ли,—сознавая, что старая власть не можетъ довести войны до полной побѣды, рѣшила взять власть

въ свои руки. Г. Дума во главѣ съ кадетами совершила революцію, а рабочіе и армія восторженно пошли по пути, указанному имъ ихъ популярными вождями—Родзянко, Милюковымъ и др.

Въ этой версіи, популярности которой охотно содѣйствовали русскіе журналисты кадетской школы и всевозможные «представители подлинной Россіи», оказавшіеся въ Америкѣ главнымъ образомъ по дѣламъ коммерческимъ, было два элемента, особенно охотно подхваченныхъ общественнымъ мнѣніемъ.

Первое—Россія рвется воевать и ради захвата Константинополя готова даже претерпѣть всѣ тяготы революціи.

Второе—новая власть находится въ надежныхъ (буржуазныхъ!) рукахъ, и низы, видимо, признали право буржуазіи на первенство. Оба момента были чрезвычайно на руку господствующимъ слоямъ американской демократіи, давая одновременно импульсъ «патріотизму», жаждавшему войны съ Германіей и укрѣпляя авторитетъ мудрой буржуазіи, во всѣхъ странахъ пекущейся о благѣ государственномъ.

Чтобы объяснить неожиданную скромность рабочихъ и крестьянъ, такъ охотно забывшихъ уроки 1905 года, американцы усиленно расписывали невѣроятную популярность Земства въ Россіи и сыпали безчисленные комплименты мудрости, опытности и популярности Милюкова и кн. Львова. Дошло дѣло даже до интервью съ англійскимъ соціалъ-патріотомъ Хейдеманомъ, который съ присущимъ ему апломбомъ заявилъ, что «Милюковъ раньше принималъ участіе въ соціалистической партіи и до сихъ поръ особенно популяренъ (!!) среди русскихъ соціалистовъ».

Для многихъ американцевъ было большимъ разочарованіемъ прочитать въ послѣдовавшихъ телеграммахъ изъ Россіи, что существуетъ какой-то Совѣтъ какихъ-то делегатовъ, что рабочіе тоже засѣдаютъ въ Таврическомъ Дворцѣ, что надъ бывшими дворцами развивается пролетарскій красный флагъ и на улицахъ слышатся звуки интернаціонала.

Сперва эти вѣсти о «низахъ», не желающихъ быть рабами, сообщались въ исключительно глухой и загадочной формѣ. Потомъ въ комментаріи прессы начали вторгаться тревожные мотивы.

Мистеръ Уайтъ, бывшій американскій посланникъ въ Россіи, обнаруживая столь необходимую для дипломата заносчивость и презрѣніе къ странѣ, гдѣ онъ представлялъ интересы американской буржуазіи, заявилъ:

«Подавляющее большинство русскихъ такъ же невѣжественны въ политикѣ, какъ ихъ скотъ. Русскіе всегда отличались невѣжествомъ, суевѣріемъ и политическимъ фанатизмомъ».

Ex-посланникъ жалѣлъ объ отреченіи царя и выражалъ мнѣніе, что «только Витте могъ бы теперь править Россіей съ успѣхомъ».

«New Jork Journal», охарактеризовавъ русскихъ, какъ «дикарей, полудикарей и полу-цивилизованныхъ», сталъ задавать меланхолическіе вопросы: «Когда вы говорите о Россіи, вы говорите о сорока человѣческихъ типахъ, полныхъ невѣжества,

жестокости, дикарства и ненависти другъ къ другу. Безполезно спрашивать, принесетъ ли революція счастье Россіи. Вы одинаково можете спросить, что будетъ, если выпустить изъ клѣтокъ сорокъ различныхъ породъ дикихъ звѣрей».

Въ тонѣ такихъ же инсинуацій петроградскій корреспондентъ «Associated Press», обслуживающій свыше 600 американскихъ газетъ, сообщалъ, что русскіе рабочіе, которымъ говорятъ «миръ безъ аннексій», полагаютъ, что «аннексія»—это невѣдомая далекая страна, захваченная русскими капиталистами.

Эти выпады печати противъ русской демократіи дѣлались все болѣе энергичными, такъ какъ даже въ фальсифицированную печать стали попадать извѣстія, перевертывающія вверхъ дномъ всю сложившуюся концепцію о ходѣ русской революціи, такую удобную и уютную для буржуазіи. Оказалось, что презираемый «Совѣтъ раб. и солд. депутатовъ» пріобрѣлъ исключительное вліяніе, что «популярный среди пролетаріата Милюковъ» ненавидимъ рабочимъ классомъ, что г. Родзянко изумительно быстро сошелъ со сцены, что Вр. Правительство вынуждено выполнять повелѣнія рабочей и солдатской массы. Появились, наконецъ, даже кадетскія признанія о томъ, что революція сдѣлана не ими, что буржуазія смотрѣла на событія «изъ окна», что вліяніе буржуазныхъ партій ничтожно.

Тогда-то американская пресса забила настоящую тревогу. Рѣзко выдѣливъ два главныхъ элемента власти—«Вр. Правительство» и «Совѣтъ»,—она со всей энергіей и энтузіазмомъ стала на сторону перваго и объявила войну второму, и, разумѣется, лѣвому меньшинству совѣтовъ особенно.

Вотъ нѣсколько типичныхъ цитатъ:

«Совѣтъ Раб. и Солд. Депутатовъ является въ сущности небольшой группой лицъ (меньше 1.000 чел.), представляющихъ не болѣе 5% рабочаго населенія Россіи. Крестьяне и помѣщики, русскій народъ, совсѣмъ не имѣетъ въ немъ своихъ представителей, точно также Совѣтъ не отражаетъ и настроеній арміи. Эти господа, называющіе себя представителями рабочихъ и солдатъ, принадлежатъ къ рядамъ крайнихъ радикаловъ и синдикалистовъ. Они производятъ большой шумъ, совершенно несоотвѣтствующій ихъ числу и вліянію. Если эти крайніе элементы получатъ власть надъ Россіей, страна пойдетъ къ черту. Ихъ побѣда надъ твердыми и стойкими вождями Вр. Правительства поведетъ къ немедленной анархіи и монархической реставраціи» («N. Y., Times отъ 18 апр. н. ст.).

Въ другомъ газетномъ номерѣ нападки на Совѣтъ были еще болѣе выразительны:

«Въ Россіи находятся заговорщики, повидимому, дѣйствующіе подъ германскимъ вліяніемъ и пытающіеся всячески повредить Вр. Правительству. Одной изъ такихъ организацій является «Совѣтъ Солд. и Раб. Депутатовъ», объ анархическихъ выступленіяхъ котораго намъ неоднократно сообщали телеграммы изъ Россіи».

Попавъ на нотку о германскомъ подкупѣ, американ-

ская печать широко использовала всевозможные слухи и намеки, чтобы все рабочее и соціалистическое движеніе Россіи, всю дѣятельность Совѣтовъ Раб. и Солд. Депутатовъ, всю борьбу за миръ и формулу «безъ аннексій и контрибуцій» огульно и нахально объявить нѣмецкой интригой.

Чуя опасность для капиталистическаго уклада во всей этой активности рабочихъ массъ, буржуазная печать начала энергично призывать къ поддержкѣ Вр. Правительства противъ Совѣта. Признаніе С. Штатами новаго русскаго правительства сопровождалось недвусмысленными комментаріями: «Наше Правительство признало новое правительство Россіи, назначенное Исп. Комитетомъ Думы. Оно не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ сношеній съ радикалами и соціалистами, именующими себя Совѣтами Раб. и Солд. Депутатовъ и устраивающихъ митинги въ зданіи Гос. Думы».

Не ограничиваясь поддержкой Вр. Правительства въ печати, американская буржуазія немедленно рѣшила приступить и къ практическимъ дѣйствіямъ. Прежде всего было рѣшено послать спеціальную делегацію въ Петроградъ для ознакомленія съ положеніемъ на мѣстѣ и оказанія всяческой помощи новому кабинету въ его борьбѣ противъ крайнихъ элементовъ.

Съ перваго же момента во главу этой делегаціи намѣтили сенатора Рута и вокругъ этого имени, недавно столь спорнаго для враждующихъ партій, объединились и демократы и республиканцы.

Имя Рута оставляло внѣ всякихъ сомнѣній характеръ и задачи делегаціи. Этотъ бывшій государственный секретарь прославился, какъ самый реакціонный политическій дѣятель Соед. Штатовъ. Его имя нѣсколько лѣтъ назадъ прогремѣло въ Россіи въ связи съ его попытками оказать содѣйствіе русскому самодержавію въ недопущеніи русскихъ политическихъ эмигрантовъ въ Соед. Штаты и въ выдачѣ русскимъ властямъ лицъ, нашедшихъ убѣжище на почвѣ сѣверо-американской республики. Сенаторъ Рутъ прославился въ Америкѣ своимъ проектомъ конституціи штата Нью-Іоркъ, столь реакціоннымъ по характеру, что противъ него голосовали даже сторонники Рута по партіи.

Такъ повелось, что всякое реакціонное движеніе всегда находило въ Рутѣ своего защитника и апологета. Неудивительно, что реакціонная миссія С. Штатовъ въ Россіи была поручена именно этому государственному дѣятелю.

Въ теченіе всѣхъ дальнѣйшихъ этаповъ русской революціи С. Штаты, съ острымъ инстинктомъ собственника, неустанно ополчались противъ движенія революціонныхъ низовъ Россіи, шедшихъ подъ знаменемъ соціализма.

И если эти низы будутъ разбиты по всему фронту—«побѣду надъ анархіей» американская буржуазія не безъ нѣкоторыхъ основаній сможетъ приписать и себѣ. Только историкъ будущаго сможетъ вскрыть то закулисное давленіе на ходъ русской революціи, которое все время оказывалось международнымъ капиталомъ.

III.

Русская колонія въ Соед. Штатахъ насчитываетъ много сотенъ тысячъ. Она разсѣяна по фермамъ, заводамъ, мелкимъ городкамъ и крупнымъ промышленнымъ центрамъ. Значительная доля выходцевъ изъ Россіи не принадлежитъ къ великорусской національности и обычно группируется въ національныя организаціи всякаго рода. Среди эмигрантовъ, покинувшихъ Россію, численно преобладаютъ евреи, поляки, латыши, украинцы и другіе жители окраинъ, покинувшихъ родину-мачеху не столько даже изъ-за экономическихъ, сколько изъ-за политическихъ причинъ.

Вѣсть о паденіи царизма явилась для нихъ властнымъ призывомъ назадъ, къ роднымъ мѣстамъ, въ свободную страну.

Телеграммы о русской революціи пробудили воспоминанія и заставили почувствовать, что еще не всѣ связи съ родиной порваны.

Колонія стала неузнаваемой. Прежнія немногочисленныя собранія смѣнились чуть не ежедневными многотысячными митингами. Въ Нью-Іоркѣ въ одинъ вечеръ два митинга собрали 15 тысячъ русскихъ эмигрантовъ и при этомъ много тысячъ осталось за дверьми. Русская пресса въ Америкѣ чуть не удвоила свой тиражъ. Революція стала единственной темой споровъ и разговоровъ.

Соц.-дем. газета «Новый міръ» съ самаго начала довольно точно опредѣлила движущія силы революціи и рѣшительно стала на сторону Совѣта. Распространенная желтая пресса во главѣ съ «Русскимъ Словомъ» и «Русскимъ Голосомъ» принялась за восхваленіе Гос. Думы и воспѣваніе доблестей кадетскихъ лидеровъ. Кромѣ того, эти газетки, слѣдуя традиціямъ всей бульварной печати, открыли сборы денегъ на «фонды», долженствующіе поддержать Гос. Думу въ ея работѣ.

Органъ православнаго духовенства и русскаго консульства въ Нью-Іоркѣ («Русская Земля») долго находился въ періодѣ грустнаго шатанія мысли и выходилъ съ телеграммами изъ ставки вмѣсто передовыхъ. Увидавъ, что дѣло проиграно, онъ принялся ретиво восхвалять прелести свободы и лягать самодержавіе, которому онъ только что вѣрно, хотя и бездарно, служилъ.

Нѣкоторые члены колоніи попытались устранить разноголосицу среди русскихъ эмигрантовъ, такъ ярко проявившуюся въ печати, и сорганизовать какія-либо совмѣстныя выступленія въ цѣляхъ, между прочимъ, захвата консульской и даже посольской работы въ руки представителей колоніи. Разумѣется, за такое объединеніе принялись прежде всего всякаго рода авантюристы и проходимцы, которые пытались свою прикосновенность къ революціонному движенію использовать, какъ гарантію добропорядочности.

Эти господа подѣлили между собой авансомъ крупнѣйшіе посты русской миссіи и собрали «русское вѣче» для подкрѣпленія своихъ силъ и подмоченныхъ репутацій. Но вышелъ изъ всего

этого одинъ только конфузъ и, засмѣянные ex-революціонеры (въ родѣ пресловутаго «отца желтой печати» Окунцева и «вождя Кронштадта» коммерсанта Ив. Народнаго), принуждены были ретироваться.

Консульство и посольство остались въ тѣхъ же рукахъ. правда, сразу смѣнившихъ ежевыя рукавицы на замшевыя перчатки, а колонія объединилась совсѣмъ по иному и для другихъ цѣлей, чѣмъ это проектировали развязные и шумливые господа ноздревскаго стиля.

Съ первыхъ же дней революціи появилась масса желающихъ вернуться на родину. Конечно, у большинства не было никакихъ средствъ для такого далекаго и дорогого путешествія. На отправку первой партіи политическихъ эмигрантовъ (съ которой поѣхалъ и Троцкій) деньги были собраны на митингахъ и по заводамъ, долларами и центами. Позднѣе, г. Милюковъ, при содѣйствіи англо-русскаго шпіонажа, нагло превратилъ эти собранные въ колоніи гроши въ десятки тысячъ долларовъ, полученныхъ, якобы, отъ Германіи.

Изъ-за отсутствія средствъ въ первыхъ двухъ партіяхъ было отправлено всего около 150 человѣкъ. Къ тому времени пришла телеграмма Вр. Правительства объ отправкѣ политическихъ эмигрантовъ на казенный счетъ. Тогда десятка два революціонныхъ и партійныхъ организацій Нью-Іорка создали особую комиссію, которая начала составлять списокъ лицъ подходящихъ подъ категорію политическихъ эмигрантовъ и выдавать имъ особыя «свидѣтельства о неблагонадежности».

По этимъ свидѣтельствамъ консульство обязалось выдавать проходные листы и необходимыя средства для проѣзда.

Такая же система возникла во всѣхъ городахъ. «Исходъ» эмиграціи принялъ болѣе планомѣрный характеръ. Главный потокъ направился черезъ Японію и Владивостокъ. Наплывъ эмигрантовъ былъ такъ великъ, что пароходная компанія немедля подняла тарифъ, а японскія гостиницы—цѣны.

Въ этомъ все еще продолжающемся потокѣ эмигрантозъ, возвращающихся обратно въ Россію, естественно, смѣшались самые разнородные элементы. Далеко не всѣ комитеты объединившихся организацій отнеслись къ дѣлу достаточно внимательно. Въ среду возвращающихся политическихъ попали лица, политики не нюхавшія, попали дезертиры, попали сомнительные господа, выступавшіе подъ флагомъ «анархизма», и пр. и пр.

Владивостокскій совѣтъ Раб. и Солд. Депутатовъ, которому пришлось принимать и направлять далѣе этотъ потокъ, съ большой энергіей принялся за фильтровку эмиграціи. Стоило ему отправить нѣсколько десятковъ человѣкъ къ воинскому начальнику, какъ не политическихъ, и это сразу отозвалось на характерѣ и составѣ партій, ѣхавшихъ изъ Америки подъ краснымъ знаменемъ революціи.

Эмигранты ѣхали на родину со своимъ устарѣвшимъ представленіемъ о Россіи и съ абстрактными взглядами на ея настоя-

щее и будущее. И уже самыя первыя впечатлѣнія разрушили эти абстракціи.

Въ хаосѣ новыхъ переживаній особенно поражало нищенское несовершенство жизни, безсмысленная безжалостная трата времени, какое-то хроническое и повсемѣстное толченіе воды въ ступѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ гигантскій ростъ политическаго уровня массы.

Изъ страны рѣзкихъ контрастовъ, русскіе эмигранты попали въ страну парадоксальныхъ противорѣчій.

В. Керженцевъ.

ИЗЪ ПОЛЬШИ.

I.

Въ извѣстномъ воззваніи Циммервальдскаго объединенія, изданномъ по поводу россійской революціи, говорится:«или революція убьетъ войну или война убьетъ революцію». Эта глубокая истина является лучшимъ критеріемъ какъ для русскихъ, такъ и для другихъ интернаціоналистовъ въ постановкѣ и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ политической жизнью. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать и польскій вопросъ въ нынѣшней стадіи его развитія.

Только III Интернаціоналъ, основанный на принципѣ демократическаго централизма, обладающій міровой политической оріентаціей, сможетъ рѣшить его въ борьбѣ съ нынѣшней войной и имперіализмомъ, не содѣйствуя развитію польскаго національнализма,—рѣшить, какъ одну изъ своихъ попутныхъ задачъ въ своемъ стремленіи къ созданію союза свободныхъ народовъ и соціалистическому перевороту.

Тенденціи экономическаго развитія Польши, какъ наглядно выказали, между прочими, М. Гошиллеръ и покойный Вл. Жуковскій, направлены къ возстановленію независимости Польши, состоящей изъ трехъ частей б. польскаго государства.

Развитіе же политическихъ событій послѣдняго года выдвинуло уже независимость Царства Польскаго, какъ единственное средство рѣшенія польскаго вопроса.

Независимость Польши въ ея внутренней и внѣшней политикѣ провозгласилъ Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Независимость Царства Польскаго провозгласили правительства центральныхъ державъ 5 ноября 1916 г., съ одной стороны, преслѣдуя задачу оживленія вѣры въ массахъ въ фикцію освободительной миссіи нынѣшней войны, съ другой— уступая настойчивымъ требованіямъ населенія Польши, расположеніе котораго имъ важно было снискать себѣ въ милитарныхъ интересахъ этихъ державъ.

И актъ 5 ноября, какъ извѣстно, былъ формально признанъ Турціей и Болгаріей и хотя не формально, но фактически Соединенными Штатами и другими нейтральными тогда государствами.

Интернаціоналъ, какъ таковой, признавъ принципъ самоопредѣленія народовъ и ведя непримиримую борьбу съ имперіализмомъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, несомнѣнно долженъ выставить требованіе независимости объединенной Польши, разоблачая при этомъ на каждомъ шагу классовую сущность демагогической фразеологіи буржуазіи. Но интересы русскаго пролетаріата въ его борьбѣ съ войной диктуютъ ему въ настоящій моментъ отстаиваніе лишь требованія независимости Польши и предоставленіе задачи борьбы за ея объединеніе пролетаріату центральныхъ державъ. Ибо независимость Польши вытекаетъ изъ программы мира русскаго пролетаріата — изъ его требованій мира безъ аннексій и контрибуцій, основаннаго на правѣ народовъ на самоопредѣленіе, изъ акта Совѣта Рабоч. и Солд. Депутатовъ отъ 14 (27) марта н. г.

Оставленіе Ц. П. въ предѣлахъ Германіи и Австріи означаетъ усиленіе имперіализма этихъ державъ, а присоединеніе этой страны къ Россіи—усиленіе русскаго имперіализма и затягиваніе войны. Ибо уже въ теченіе 8 мѣсяцевъ совершается въ ней процессъ государственнаго строительства.

Независимость Царства Польскаго—лозунгъ революціонный. Напротивъ, лозунгъ объединенія Польши въ программѣ россійскаго пролетаріата въ періодъ, предшествующій переговорамъ о мирѣ: 1) находится въ противорѣчіи съ требованіемъ мира безъ аннексій; 2) могъ бы лишь служить дѣлу оживленія вѣры въ фикцію освободительной миссіи войны и ея продолженію; 3) онъ направленъ не противъ внутренняго врага русскаго пролетаріата—русской буржуазіи, а противъ нѣмецкой буржуазіи, дѣло борьбы съ которой составляетъ задачу нѣмецкаго и австрійскаго пролетаріата. И только тогда, когда послѣдній выдвинетъ этотъ вопросъ, вступивъ въ открытую борьбу съ имперіализмомъ центральныхъ монархій, русскому пролетаріату придется поддержать его наравнѣ со всѣмъ интернаціоналомъ. Только тогда этотъ лозунгъ будетъ служить дѣлу мира и революціи, нынѣ же можетъ быть использованъ объективно, по крайней мѣрѣ, контръ-революціонными элементами Россіи—сторонниками затягиванія войны.

Только принявъ все это во вниманіе, русскій пролетаріатъ сможетъ критически оцѣнить современныя событія польской политической жизни.

II.

Центральнымъ вопросомъ политической жизни Царства Польскаго является нынѣ вопросъ о государственномъ строительствѣ.

Послѣднее началось съ 5 ноября 1916 г. Но процессъ его тормозится политикой оккупаціонныхъ властей, старающихся сохранить за собой maximum гегемоніи въ оккупированной странѣ.

Въ Царствѣ Польскомъ функціонируютъ въ настоящее время— 1) Государственный Совѣтъ (Rada Stanu), 2) департаменты:

иностранныхъ дѣлъ (политическій), внутреннихъ дѣлъ, военный, народнаго просвѣщенія, финансовъ, юстиціи, труда, продовольствія, религіознаго культа; 3) городскіе Совѣты; 4) зародыши польской арміи—легіоны; 5) городская милиція; 6) комиссія по подготовкѣ проекта государственнаго устройства Ц. П. Оккупаціонныя власти до послѣдняго времени старались ограничивать сферу дѣятельности польскаго правительства, а нѣмецкія даже сферу дѣятельности городскихъ Совѣтовъ.

Но Государственный Совѣтъ считаетъ себя временнымъ польскимъ правительствомъ и путемъ, правда, осторожной даже, быть можетъ слишкомъ осторожной, но стойкой и неуклонной политики борется за свои права.

Въ этой борьбѣ онъ получаетъ энергичную поддержку т. н. активистскихъ партій, къ которымъ принадлежатъ чисто буржуазная Лига польской государственности и демократическія — крестьянскія организаціи, ревизіонистская-рев. фракція П. П. С. и радикальная—національный Рабочій Союзъ.

Правыя партіи—партіи крайней реакціи—дворянства, высшаго духовенства и самой реакціонной части буржуазіи—народово-демократическая (Н.-Д.) и реальной политики, составившія т. н. «междупартійное Коло», до-русской революціи бойкотировали Государственный Совѣтъ.

Русская революція произвела сильное вліяніе на общественно-политическія отношенія въ Польшѣ, отразившись и на настроеніи широкихъ массъ населенія и на политикѣ Государственнаго Совѣта.

Русская революція прежде всего выявила долго назрѣвавшія среди широкихъ массъ населенія Ц. П. стремленія къ миру. Во всѣхъ органахъ печати отъ крайнихъ лѣвыхъ до крайнихъ правыхъ обнаружилось пониманіе того, что возможенъ скорый миръ, и противодѣйствіе въ дальнѣйшемъ имперіалистической политикѣ крупныхъ державъ съ цѣлью упроченія мира—составляетъ для разоренной Польши вопросъ жизни. Въ общемъ оказалось, что интересы русской революціи совпали съ интересами широкихъ массъ польскаго народа. Рабочія массы видѣли въ русской революціи этапъ, непосредственно предшествующій соціалистической революціи. Значительная часть буржуазіи и крестьянство—гарантію скораго мира и независимости Польши.

Среди рабочихъ начались волненія, которыя вылились въ грандіозную первомайскую политическую забастовку. Оживившаяся экономическая борьба продолжается до сихъ поръ, принимая по временамъ политическій характеръ.

Буржуазія, въ лицѣ Государственнаго Совѣта и городскихъ Совѣтовъ, стала энергичнѣе выступать противъ оккупаціонныхъ властей. Но дѣло государственнаго строительства и отстаиванія независимости отнюдь не ослабѣло, напротивъ, даже усилилось.

Рев. фракція П. П. С. обратилась съ горячимъ привѣтствіемъ къ русскимъ соціалистамъ, высказывая надежду, что они заставятъ свое правительство: 1) серьезно поставить въ порядокъ дня вопросъ о мирѣ, соотвѣтствующемъ интересамъ соціализма

и Россіи; 2) отказаться отъ господства надъ Польшей и Литвой, предоставивъ имъ полную независимость.

Одновременно та же партія обратилась къ Государственному Совѣту, требуя отъ него усиленія борьбы съ оккупаціонными властями.

За независимость Польши высказались также наиболѣе отсталые слои крестьянства, которые раньше занимали въ этомъ отношеніи неопредѣленную позицію, опасаясь нарушенія данной царю присяги. Государственный Совѣтъ издалъ особую декларацію, въ которой заявилъ, что онъ съ радостью привѣтствуетъ паденіе твердыни европейской реакціи, придаетъ громадное политическое значеніе признанію русскимъ Временнымъ Правительствомъ права польскаго народа на независимость, но находитъ, что: 1) Союзъ Польши съ Россіей въ будущемъ долженъ быть проявленіемъ воли самого польскаго народа, а его основой не военныя дѣйствія противъ центральныхъ монархій, но содѣйствіе упроченію мира въ Европѣ; 2) опредѣленіе границъ Польши и судьбы народовъ, населяющихъ ея прежнюю территорію, должно подлежать не Россійскому Учредительному Собранію, но волѣ польскаго народа и самихъ народовъ, связанныхъ съ ними въ прошломъ. Реакціонные же элементы Польши, тяготѣвшіе раньше къ Россіи, отшатнулись отъ нея, запуганные перспективой принудительнаго отчужденія земель. Междупартійное Коло поэтому стало вполнѣ опредѣленно на точку зрѣнія независимости Польши и начало обнаруживать стремленіе къ поддержкѣ Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе чего послѣдній сталъ выразителемъ интересовъ всей польской буржуазіи.

Съ особенной яркостью обнаружился ростъ боевого настроенія въ дѣятельности Лодзинскаго Городского Совѣта. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нѣмецкіе гласные вмѣстѣ съ еврейскими пытались объявить нѣмецкій языкъ офиціальнымъ. Въ засѣданіи отъ 19 іюня еврейскіе гласные объединились съ польскими въ рѣшительномъ выступленіи противъ нѣмецкихъ властей. Представитель послѣднихъ Лерсъ предложилъ Совѣту прочитать на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ распоряженіе, запрещающее критиковать перечисленіе оккупаціонными властями милиціи изъ вѣдѣнія города въ вѣдѣніе нѣмецкой полиціи. Предсѣдатель Совѣта прочелъ документъ только по-польски. Польскіе же и еврейскіе гласные въ видѣ протеста демонстративно оставили засѣданіе.

Не только польскіе интернаціоналисты, но польская буржуазія обнаружила сильную жажду мира. Одинъ изъ наиболѣе популярныхъ ея публицистовъ г. Косковскій писалъ въ «Kuryerre Warszawskim» со дня 5 іюня, что наступило время окончанія войны и что оно должно быть достигнуто не правительствами, не дипломатіей, а самими народами. Абсолютно ни одна партія не выказала желанія использованія русской революціонной арміи въ интересахъ объединенія Польши. Государственный Совѣтъ высказался за нейтральность Царства Польскаго въ войнѣ и заявилъ, что польская ярмія не можетъ быть отпра-

влена на фронтъ безъ его согласія. Стремленіе польскихъ эмигрантовъ реакціонеровъ къ созданію польской арміи въ Россіи, а затѣмъ во Франціи встрѣтило въ Польшѣ всеобщее рѣшительное осужденіе со стороны широкихъ общественныхъ элементовъ и Государственнаго Совѣта.

III.

Польскій Государственный Совѣтъ подъ давленіемъ наступившаго въ странѣ политическаго подъема предъявилъ правительствамъ центральныхъ монархій требованія, которыя, въ общемъ, сводятся къ слѣдующему: 1) организація польской арміи; 2) назначеніе регента, вполнѣ владѣющаго польскимъ языкомъ, католическаго вѣроисповѣданія, не чуждаго странѣ и ея населенію[1]; 3) немедленная передача въ вѣдѣніе Государственнаго Совѣта судопроизводства и школьнаго дѣла; 4) участіе его въ продовольственномъ дѣлѣ и предоставленіе ему голоса въ вопросѣ о реквизиціяхъ; 5) облегченіе сношеній между германской и австрійской оккупаціей; 6) признаніе польскаго государства самостоятельнымъ субъектомъ международнаго права; 7) созданіе совѣта министровъ; 8) постепенная фактическая передача Государственному Совѣту всѣхъ отраслей государственной жизни.

Въ отношеніи къ Польшѣ между правительствами центральныхъ монархій обнаружились не впервые разногласія. Австрійское правительство, вынуждаемое, съ одной стороны, тяжелымъ военнымъ положеніемъ Австріи и оживленіемъ въ ней рабочаго движенія, съ другой тѣмъ, что польскіе буржуазные классы; во время постоянныхъ конфликтовъ между ними и германскими властями, выказываютъ тяготѣніе къ Австріи,—обнаружило готовность къ довольно далеко идущимъ уступкамъ въ пользу Царства Польскаго. Оно не только предоставило поляковъ легіонеровъ австрійскихъ подданныхъ въ распоряженіе властей Царства Польскаго, но и дало возможность полякамъ разсчитывать на уступку Царству Польскому Галиціи.

Напротивъ, германское правительство истощаетъ Польшу постоянными реквизиціями, тормозитъ дѣятельность ея государственныхъ и общественныхъ учрежденій, высылаетъ польскихъ соціалистовъ въ концентраціонные лагери.

Но, съ одной стороны, политическій подъемъ въ странѣ, съ другой—усиленіе вліянія реакціонныхъ элементовъ на Государственный Совѣтъ въ виду сближенія съ нимъ Междупартійнаго Коло, наконецъ, въ частности реакціонный характеръ работъ Коммиссіи по подготовкѣ проекта государственнаго устройства Ц. П., высказавшейся за конституціонно-монархическій образъ правленія и двухпалатную систему—подготовили конфликтъ между Государственнымъ Совѣтомъ и радикальными партіями. Позиція Совѣта нѣсколько поколебалась. Въ виду введенія гер-

[1] Это былъ явный намекъ на Карла Стефана Габсбурга и желаніе хотя бы такимъ путемъ избавиться отъ опеки Германіи.

манскихъ денегъ вмѣсто прежнихъ русскихъ, отразившагося крайне тяжело на экономическомъ положеніи страны, министръ финансовъ г. Дзержбицкій вышелъ въ отставку, а его мѣсто заступилъ извѣстный еврей ассимиляторъ г. Натансонъ.

Рев. фракція П. П. С. отозвала изъ Государственнаго Совѣта Министра Труда Куновскаго. Наконецъ, Іосифъ Пилсудскій вышелъ изъ военнаго Департамента и Государственнаго Совѣта, мотивируя свой шагъ тѣмъ, что нѣмецкія власти несогласны на созданіе польской арміи, и что, слѣдовательно, дальнѣйшее его пребываніе въ этихъ учрежденіяхъ было бы фикціей. Одновременно демократическая партія потребовала увеличенія числа ихъ представителей въ Государственномъ Совѣтѣ на 5 человѣкъ. Большинство Совѣта согласилось на увеличеніе таковыхъ лишь на 2, вслѣдствіе чего изъ его состава вышли три видныхъ представителя демократіи.

Принимая, однако, отставку своихъ членовъ, либо отзывая ихъ, радикальныя партіи отнюдь не желаютъ упраздненія Государственнаго Совѣта, а лишь стараются путемъ такого рода давленія содѣйствовать дѣлу его демократизаціи, ибо упраздненіе Государственнаго Совѣта усилило бы произволъ оккупаціонныхъ властей и могло бы привести къ ликвидаціи завоеванія 5 ноября 1916 г.

Вообще, не только съ точки зрѣнія польской буржуазной демократіи, но и съ послѣдовательной с.-д. и интернаціоналистской точки зрѣнія борьба съ Государственнымъ Совѣтомъ можетъ вестись лишь, какъ съ польскимъ буржуазнымъ правительствомъ и такимъ образомъ, чтобы она не была использована въ интересахъ имперіализма той либо иной изъ воюющихъ сторонъ, — за его демократизацію, но не за упраздненіе. Упраздненіе же его возможно лишь въ томъ случаѣ, когда на его мѣсто станетъ сеймъ, либо, въ случаѣ революціи въ Германіи и Польшѣ,—революціонное пролетарское правительство.

Ростъ революціоннаго движенія вызвалъ со стороны германскаго правительства аресть І. Пилсудскаго, какъ самаго популярнаго человѣка въ странѣ, съ цѣлью провоцировать частичныя выступленія и раздавить это движеніе заблаговременно. Но одновременно, оно сдѣлало важныя уступки. Оно согласилось сформировать польскую армію и заявило, что требованіе назначенія регента будетъ удовлетворено лишь только создадутся условія, благопріятныя для его дѣятельности; центральныя государства уже нынѣ считаютъ Государственный Совѣтъ представительствомъ конституирующагося польскаго государства; они ожидаютъ отъ него окончанія работъ по подготовкѣ проекта конституціи и проекта постепеннаго перехода въ его руки всѣхъ отраслей государственной и общественной жизни, согласованнаго съ запросами военнаго времени.

Въ настоящее время, согласно извѣстіямъ, полученнымъ изъ Копенгагена газетой «Echo Polskie»— утвержденъ слѣдующій проектъ временнаго государственнаго устройства Царства

Польскаго: въ завѣдываніе Государственнаго Совѣта переходитъ судопроизводство и школьное дѣло.

Выдвигается вопросъ: 1) о созданіи регентуры изъ трехъ лицъ, пополненіи Государственнаго Совѣта и надѣленіи его учредительными функціями; 2) о созданіи кабинета съ премьеромъ во главѣ. Оккупаціонныя власти склоняются къ утвержденіюэтого проекта. Такимъ образомъ Польское Временное Правительство преобразовалось бы изъ учрежденія существующаго главнымъ образомъ формально, въ учрежденіе болѣе или менѣе суверенное. Конечно, это не гарантировало бы его отъ постоянныхъ вторженій оккупаціонныхъ властей въ его компетенцію.

IV.

Въ настоящій моментъ, когда, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ перерыва, на восточномъ фронтѣ опять начинаются наступленія съ обѣихъ сторонъ, когда въ перспективѣ вырисовываются контуры своеобразнаго русскаго имперіализма, а контръ-революція въ Россіи принимаетъ новыя, неизвѣстныя дотолѣ исторіи формы, когда внутри Польши обостряется борьба и внутренняя и съ германскими властями,—голосъ польскихъ интернаціоналистовъ можетъ имѣть особенно важное значеніе. Исходя изъ выясненныхъ въ началѣ настоящей статьи положеній, оставаясь на испытанной традиціонной позиціи непримиримой классовой борьбы, имъ предстоитъ: 1) опредѣленно высказаться за полную независимость Польши и, 2) сгруппировавъ вокругъ своего знамени широкія массы пролетаріата, толкать всѣ демократическіе элементы страны на борьбу за демократизацію государственныхъ и общественныхъ ея учрежденій, имѣя въ виду, что наиболѣе важная ихъ задача—задача международная, задача борьбы съ имперіализмомъ.

Имъ предстоитъ сознать, что нынѣшнія стремленія не только польскаго пролетаріата, но и всего населенія Польши совпадаютъ съ интересами единственнаго его союзника—россійскаго и европейскаго пролетаріата.

Къ сожалѣнію, идеологи русскаго пролетаріата удѣляютъ слишкомъ мало вниманія ихъ задачамъ въ сферѣ національнаго, въ частности, польскаго вопроса, что, съ одной стороны, осложняетъ условія его борьбы съ русскимъ имперіализмомъ, съ другой—печально отражается на положеніи польскаго пролетаріата, тормозя его борьбу съ польскимъ націонализмомъ.

Интересы русскаго пролетаріата въ сферѣ польскаго, какъ и другихъ вопросовъ, выдвигаютъ предъ нимъ важное значеніе всесторонней борьбы и съ пережитками стараго порядка, съ русскимъ имперіализмомъ, и ежеминутно напоминаютъ ему, что «либо русская революція убьетъ войну, либо война убьетъ русскую революцію».

К. Залевскій.

P. S. Когда настоящая статья была набрана, получилось извѣстіе о выходѣ Государственнаго Совѣта въ отставку.

вслѣдствіе того, что нѣмецкія власти отправили часть польскихъ войскъ на фронтъ вопреки его волѣ. Во главѣ страны осталась комиссія изъ трехъ членовъ Государственнаго Совѣта. Она занята созданіемъ облеченнаго широкой властью Временнаго Правительства. Конфликтъ еще болѣе обострился. Наступаетъ очень важный періодъ въ жизни страны. Пролетаріатъ не можетъ оставаться безучастнымъ.

К. З.

ПИСЬМО ИЗЪ ФРАНЦІИ [1]).

(Окончаніе).

У насъ землекопы и камнеломы сравнительно отсталый слой рабочихъ здѣсь, — самый передовой. Зная по опыту прошлаго, что голодъ и безработица опасные смутьяны, правительство съ начала войны организовало рядъ работъ по рытью траншей по образцу нѣмецкихъ, по устройству дорогъ, а подъ самымъ Парижемъ строилась новая линія желѣзной дороги. На траншейныя работы принимались всѣ безъ разбору, по 9 фр. въ день, по 90 сант. въ часъ, на желѣзную дорогу подрядчикъ принималъ преимущественно спеціалистовъ и по 8 фр. въ день и работу спрашивали куда строже. При полномъ застоѣ строительныхъ работъ для многихъ рабочихъ окрестностей Парижа это было находкой, желающихъ оказалось такъ много, что образовали двѣ смѣны и каждая работала только полъ дня. Работали юнцы и старики. Здѣсь юность не уважаетъ старости. Но къ ней самой относятся снисходительно и бережно.—Вѣдь они надежда Франціи, ея будущее, — объяснялъ мнѣ старый террасье, землекопъ по-нашему.

— Пусть шалятъ, скоро до нихъ доберутся, на фронтъ пошлютъ, а тамъ ужъ со смертью шалить и хотѣли бы, не дадутъ. Такъ пусть ужъ шалятъ съ нами.

— Слыхалъ я, у васъ единственнаго сына не берутъ. Правда?

— Правда.

— А у меня единственный взять и убить.

— Бѣда, — уронилъ, ни къ кому не обращаясь, угрюмый и молчаливо вѣжливый усачъ и, сплюнувъ, невозмутимо продолжалъ сосать свою неразлучную трубку.

Говорили, что у него тоже убиты зять и младшій сынъ, а старшій вернулся домой безъ глазъ.

— Что-жъ, умеръ за отечество и крестъ получилъ, ты долженъ гордиться! — замѣтилъ наставительно старшій.

Печальный отецъ ничего не отвѣтилъ. Но одинъ пожилой рабочій, которому предстояло на-дняхъ явиться на переосвидѣтельствованіе, вознегодовалъ:

---

1 См. «Лѣтопись» № 2—4, 5—6. 1917 г.

— Отечество! — вскричалъ онъ. — Что такое отечество? Не правда ли, это то, что мы любимъ, свое, завѣщанное, чего никто не смѣетъ коснуться. Отечество у фабриканта: у него заводъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ; у аристократа: у него родовыя земли. У меня, у рабочаго, есть тоже свое, что не отымешь. Вотъ мое отечество! — вызывающе потрясъ онъ кулаками предъ носомъ старшаго.

— Бѣда!— уронилъ опять свое усачъ, какъ бы не слушая.

— Ничего у меня здѣсь больше нѣтъ, но этого ужъ я не отдамъ. И если бы нѣмцы пришли, взяли бы заводы и отняли земли у богачей, мнѣ наплевать, мои руки все равно останутся при мнѣ, все по прежнему кормить меня будутъ и все по прежнему мнѣ самому противъ всѣхъ придется биться за себя. Отечество,—ворчалъ онъ, смягчаясь, — сладкое слово, ласковая приманка. Ты ее только клюнь, а ужъ чортъ-капиталъ тебя скараулитъ и потащитъ на удочку: пожалуйте, великій патріотъ, защищать и насъ, и васъ, мы будемъ васъ посылать, а вы будете за насъ геройскіе подвиги совершать, такихъ же барановъ, какъ вы, рѣзать.

— И все-таки будешь рѣзать, не свое же горло подставишь.

— А все Гильомъ съ Крупномъ, вотъ съ кого надо начать бы.

Старикъ, лѣтъ за шестьдесятъ, насмѣшливо слушалъ и мурлыкалъ карманьолу, но тутъ засмѣялся добродушно и сказалъ:

— О, да какіе сердитые вы, господа чертяки! Но на товарища Гильома напрасно все валите. Воюетъ-то кто? Короли? Нѣтъ, у насъ республика. Аристократы? Нѣтъ, они учетники (embusqué), командуютъ издали, подсиживаютъ врага на дому. Богачи? Такъ это самые болѣзненные люди, ихъ, несчастныхъ, зря свидѣтельствуютъ, лишь здоровье портятъ. Нѣтъ, воюетъ народъ съ народомъ.

— Сами знаемъ. А изъ-за чего, зачѣмъ?

— Это вы лучше у Пуанкарэ спросите, онъ лучше всѣхъ знаетъ.

— Хорошъ соціалистъ, къ Пуанкарэ посылаетъ на выучку.

— Наслѣдственный, какъ король, и отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ — соціалисты.

— Кажется, вашъ дядя не былъ соціалистомъ? — замѣтилъ одинъ мальчишка.

— Какой дядя? — удивился старикъ.

— Какъ какой, вашъ знаменитый родственникъ — Тартаренъ.

— Го-го-го, — присоединился къ дружному смѣху старикъ:— это мой братъ, а не дядя.

Нѣсколько дней не появлялся на работахъ пожилой рабочій, назвавшій отечествомъ свои руки. Наконецъ, пришелъ на-веселѣ, по-праздничному одѣтъ. Встрѣтили его сердечно, распили на прощаніе нѣсколько бутылокъ вина и говорили:

— Ну, что-жъ, другъ, дѣлать нечего, надо постоять за Францію. Плохо ей приходится.

А обреченный размахивалъ кулакомъ и кричалъ:

— Я иду не воевать, а защищать свою жену, своихъ дѣтей, свой очагъ. Вошъ забралъ весь сѣверъ Франціи, но мы ихъ прогонимъ... Ахъ, жили мы спокойно, но пришли варвары, враги цивилизаціи, и разорили мое отечество!

Наслѣдственный соціалистъ подмигивалъ хитро старческимъ глазомъ.

— А вы, что? Не согласны? — нахмурился обреченный въ его сторону.

— Что вы хотите? Мое отечество ничего ужъ не стоитъ, — онъ показалъ свои жилистыя, немного дрожащія старческія руки, — не стоитъ мнѣ изъ-за нихъ сражаться.

Насмѣшка была понята и обреченный вспыхнулъ.

Но старикъ продолжалъ миролюбиво:

— Знаете, рабочему человѣку, куда занесетъ судьба, тамъ и семья, а гдѣ семья, тамъ и отечество.

— А гдѣ же твоя семья?

— Добрый Богъ взялъ къ себѣ, какъ разъ передъ войной всѣ померли, а иначе бѣда мнѣ: женатъ я на нѣмкѣ, госпожа Доктрина Марксъ, дѣти же наши разбрелись по всему свѣту. Вотъ сами судите, съ кѣмъ мнѣ биться пристало.

Обреченный слушалъ недовѣрчиво и соображалъ что-то по-своему: не нравилось ему нѣмецкое свойство. Не ученѣй его были и другіе, но они знали насмѣшливаго старика.

— Не спорь съ нимъ. Онъ марселецъ — все вретъ.

— А, марселецъ! Марсельцы — врали, — повеселѣлъ обреченный. — Ну, за твое здоровье, старина! А вотъ.— и вновь нахмурился, — вашихъ марсельцевъ, слыхалъ я, разстрѣляли: отказались идти въ бой. О, южане народъ не надежный, какое, говорятъ они, намъ дѣло, что нѣмецъ на сѣверѣ, къ намъ онъ не дошелъ, дойдетъ ли еще. Имъ объяснили, сѣверъ и югъ — все одна Франція, а они все-таки свое. Тогда ихъ разстрѣляли. А какъ же иначе быть съ такими?

Старикъ тонко усмѣхнулся:

— Родная пуля ближе сердцу и бьетъ навѣрняка.

Но и этотъ скептикъ-старикъ, бывшій морякъ, скитавшійся по всему свѣту, видавшій виды на своемъ вѣку, въ сущности, зналъ и любилъ одну Францію. Онъ любилъ щегольнуть своей марксистской фразеологіей, но одинаково сочувственно читалъ анархистскіе листки и соціалистическія газеты. У него не было слѣпой вѣры въ печатное слово, ему были смѣшны ихъ усердныя завѣренія, что

Франція ведетъ войну не съ нѣмецкимъ народомъ, а съ кайзеромъ и его приспѣшниками.

— Воевали мы со всякимъ народомъ, а съ нѣмецкимъ конфузимся. Въ Африкѣ, бывало, какъ воробьевъ на пшенѣ, перебьютъ и ничего, прямо говорили: «Замирили народъ». А тутъ совѣстно стало, какъ будто пулѣ не все равно, бѣлое ли, черное ли тѣло.

И не то, чтобы онъ былъ плохого мнѣнія о нѣмцахъ.

— Ничего ребята, — говорилъ онъ о нихъ, — только прожорливые очень.

Онъ не вѣрилъ разсказамъ газетъ о звѣрствахъ, никогда не называлъ нѣмцевъ бошами, но не уважалъ людей, пляшущихъ подъ дудку «камрада Гильома», и вѣрилъ, что знамя, которое защищалъ его отецъ и дѣдъ, способны удержать до конца одни лишь французскіе рабочіе. На русскихъ онъ не разсчитывалъ и называлъ ихъ, по странной архаичной манерѣ французовъ, нигилистами, а русскаго рабочаго, работавшаго тутъ, иронически прозвалъ русскофобомъ; въ насмѣшку ли или по трудности слова, но мальчишки переиначили это слово въ русскофомъ.

Когда обреченный уходилъ, онъ почему-то обнялъ марсельца и сказалъ:

— Ты, хоть и марселецъ, но честный человѣкъ, французъ: ты за родину.

— За родину моихъ отцовъ,—отвѣтилъ марселецъ.

Поймавъ иронической взглядъ русскофоба, онъ взялъ его за локоть:

— Мы всѣ такіе. Буржуа кричитъ: «Да здравствуетъ отечество«. мы: плевать. Народъ бьетъ набатъ: родину топчетъ врагъ! мы отвѣчаемъ: смерть врагу. Знайте, молодой человѣкъ, въ тотъ день, когда Франція будетъ разбита, ваши мечты будутъ раздавлены обломками ея развалинъ.

Но моего соотечественника не тронули эти слова и, уходя съ работъ вмѣстѣ со мной, онъ всю дорогу ворчалъ:

— Легкій народишко. Сегодня этакъ, завтра такъ, и патріотизмъ у нихъ дешевый. Видали вывѣску въ нашемъ кварталѣ у бистро [1]: «Здѣсь нѣмцамъ не продаютъ». Знаетъ отлично, что никакихъ нѣмцевъ въ Парижѣ нѣтъ, а все-таки пишетъ.

— Мало ли что кабатчикъ въ шутку напишетъ! А помните, Парижъ въ началѣ войны? Какое изумительное мужество, какое отвращеніе къ войнѣ и вмѣстѣ угрюмая рѣшительность предъ неизбѣжнымъ?

— Народъ вспыльчивый, запалится вмигъ — на стѣну, а до стѣны не дошелъ — остылъ.

---

[1] Кабачекъ.

— Не похоже. третій годъ держатся. слабости не видать.

— Не держатся, скажите лучше, держать ихъ. Чорту дай палецъ — онъ всю руку возьметъ.

Безполезно было спорить. Не одинъ-онъ, почти всѣ русскіе рабочіе не могутъ освоиться съ французами. Ихъ возмущаетъ будничная практичность и политическая вѣтреность французскихъ рабочихъ, они привыкли оцѣнивать людей по ихъ политическимъ сужденіямъ, по соотвѣтствію повседневныхъ поступковъ съ высказанными и разъ навсегда опредѣленными взглядами. Но французскій рабочій, равнодушный къ политическимъ злобамъ дня, подымается во весь ростъ лишь предъ событіями міровыми. На похороны Лафарга собралось тысячъ 10 человѣкъ, и говорили, полушутя, что больше половины были русскіе эмигранты да иностранцы. А останки Эрну, по ошибкѣ осужденнаго военнымъ судомъ и замученнаго въ африканскихъ батальонахъ, встрѣтило 200.000 человѣкъ.

Для массъ Эрну былъ символомъ жертвы вѣковой неправды.

* * *

Зимой 1914 г. Парижъ опоясывали кольцомъ траншей. Врагъ былъ отбитъ, но еще не оцѣнили побѣды на Марнѣ. ждали возврата, а потому очищали Парижъ отъ безпокойнаго элемента. На эти работы принимали всѣхъ безъ разбора; каждый день отправляли набранныя партіи за 50—70 верстъ отъ Парижа. Среди сброда и отбросовъ, вылученныхъ изъ столицы, попадались люди всякихъ положеній и профессій,—разорившіеся мелкіе коммерсанты, ремесленники, рабочіе, румынскіе и русскіе евреи, лишившіеся обычной работы. Сюда пригналъ ихъ страхъ предъ голодомъ среди враждебнаго и угрожающаго населенія, ибо французскія женщины врывались въ ихъ квартиры, нападали на ихъ женъ, спрашивая въ отчаяніи, почему ихъ мужья, пожилые отцы семействъ и молодежь угнаны на фронтъ, а этихъ цвѣтущихъ иностранцевъ оставили въ покоѣ. Правда, это были единичные случаи, правда, консьержки сгоняли съ квартиръ буянокъ, а правительство признало право убѣжища, но шли тревожные слухи о готовящихся погромахъ, правые вели ожесточенную кампанію, поджигая населеніе и изображая мирныхъ ремесленниковъ хищными аферистами, наживающимися въ то время, когда французы разоряются. Но и помимо всего этого какъ-то неловко было оставаться безучастнымъ, среди общаго горя, когда все населеніе отправляло своихъ мужчинъ на фронтъ: одни записывались въ волонтеры, другіе пришли сюда.

Платили здѣсь по 90 сант. въ часъ и спрашивали работу такъ, какъ если бы работали одни дряхлые старики. Подрядчики, надсмотрщики, заинтересованные, одни въ безгрѣшныхъ доходахъ,

другіе въ окладахъ, затягивали работы. Французы и сами не старались, чувствуя себя хозяевами. А русскихъ одергивали: куда торопитесь. вамъ некогда, что ли? И тѣ не знали, въ серьезъ иль въ шутку говорятъ это имъ. Офицеры, завѣдывавшіе работами, тоже не спѣшили: на фронтъ всегда поспѣешь.

Попадались и строгіе офицеры, но если они не разбирались въ дѣлѣ, ихъ обманывали.

Работали не только спустя рукава, но и подло: чтобы не рыться въ грязи, обваливали нарочно уже готовую траншею и потомъ цѣлый день выбирали сухую землю; а то стояли цѣлыми часами безъ дѣла, шевеля для виду лопатой или мотыгой, когда проходили военные доглядчики.

Среди этой швали, которая въ тревожную минуту, когда чувство опасности обжигало сердца, лодырничала и плутовала на работахъ обороны, шла нескончаемая болтовня о нѣмецкой подлости, о нѣмецкихъ звѣрствахъ, насиліяхъ и грабежахъ.

— Ужъ если я пойду на войну, ни одной нѣмкѣ не дамъ спуску, ни пощады, — похвалялся одинъ.

— Отъ дѣтей до стариковъ, всѣхъ, все ихъ подлое племя уничтожить надо, — соглашался другой.

Мѣстные крестьяне, иногда попадавшіе на траншейныя работы (ихъ не принимали), глядѣли косо на «горожанъ», но зато въ деревняхъ немилосердно драли съ нихъ за ѣду и за ночлегъ. Однажды сдѣлали сборъ въ пользу раненыхъ. Русскіе, особенно евреи, давали щедро, но съ французовъ взятки были гладки, съ нихъ требовать не смѣли, да они и не давали, а если и давали, то два су.

Надо замѣтить, что это были желтые экипы, набранные помимо синдикатовъ. Биржа труда принимала только спеціалистовъ и преимущественно синдицированныхъ, а синдикаты перестали принимать въ свою среду новыхъ членовъ. Но биржа труда ставила условіе,—обезпечить для посылаемыхъ ею рабочихъ жилище и пропитаніе. Желтые же никакихъ условій не предъявляли и, принимая всѣхъ безъ разбору, болѣе содѣйствовали очисткѣ Парижа. Не мало приходило народу на мѣста, но здѣсь ихъ нанимали рѣдко, въ случаѣ неожиданнаго ухода работавшихъ. Настоящіе рабочіе держались сторонкой и работали по совѣсти, но вообще въ желтыхъ отрядахъ добросовѣстные люди были рѣдки.

Однажды одинъ пожилой господинъ, на глазахъ котораго умышленно обвалили только что законченную траншею, возмутился:

— Канальи, что вы дѣлаете? Вѣдь трудъ пропалъ даромъ.

— О! — отвѣтили канальи. — государство достаточно богато

— Но государство это — вы сами.

— Ну, если — мы, такъ мы вотъ и пользуемся: дѣлаемъ то, что полагается государственнымъ людямъ.

— Говорите съ этой дрянью, — тихо пожаловался мнѣ старикъ.

Это было пріятное знакомство. Весь день моросило. Промокшіе до костей, продрогшіе отъ холода, пока выжидали очереди для сдачи орудій, мы весело возвращались на ночлегъ. Намъ надо было сдѣлать километровъ пять по грязи и подъ дождемъ. Солнце закатилось и ночь надвигалась съ каждымъ шагомъ. Поле провожало насъ заревомъ заката, а деревня встрѣтила насъ впотьмахъ. Мой ужинъ—бутылка молока, хлѣбъ, яблоки, и мой ночлегъ — на сѣновалѣ, который продувало со всѣхъ сторонъ. Поэтому я былъ радъ, когда старикъ зазвалъ меня къ своей хозяйкѣ поѣсть горячаго и обсушиться у камина.

Какъ хорошо, чортъ возьми, послѣ дождливаго зимняго дня, проведеннаго на открытомъ воздухѣ съ чужими, непріятными людьми, грѣть у камина свое усталое до дрожи въ непривычной работѣ тѣло и слушать, какъ родную, рѣчь французскаго рабочаго, въ которомъ, казалось, говорила кровь его предковъ, свидѣтелей, а, быть можетъ, участниковъ великихъ событій прошлаго. Въ эту минуту онъ былъ такъ близокъ, что я отвѣчалъ ему по-русски и спохватывался предъ его недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Я сразу васъ замѣтилъ и сказалъ вотъ имъ, — кивнулъ онъ въ сторону своихъ юныхъ товарищей, — смотрите, русскій нигилистъ.

— У насъ нигилистовъ теперь не водится. А васъ, откровенно говоря, я принялъ было за буржуа, котораго война разорила.

Онъ разсмѣялся:

— Нашъ родъ искони рабочій. Мой прадѣдъ участвовалъ въ защитѣ первой Республики и мой сынъ защищаетъ третью.

— Вы патріотъ?

— Нѣтъ, я интернаціоналистъ. Я вѣрилъ, что мы съ германскими товарищами отстоимъ миръ, не дадимъ нашимъ правительствамъ затѣять войну. Мы готовились къ рѣшительному удару и разсчитывали на нѣмцевъ... Но вы знаете остальное... Я не чувствую непріязни, я прощаю товарищамъ-нѣмцамъ, я понимаю ихъ безсиліе. Но я вамъ скажу, насъ, французскихъ рабочихъ, никогда бы не подняли на такое дѣло.

— Что же вы думаете, что внѣшняя и колоніальная политика Франціи не влекла къ роковой развязкѣ?

— Въ своей политикѣ Франція ничѣмъ не отличалась отъ другихъ. И не могли же мы изъ-за нея затѣвать за свой страхъ міровой пожаръ. Другое дѣло, когда приблизилась развязка, міровая война, тутъ-то мы могли и должны были сообща попытаться... Но нѣмцы рѣшили иначе, или нѣтъ, не въ этомъ дѣло: нѣмецкій рабочій оказался еще неспособнымъ въ массѣ подняться до міровой

роли и тѣмъ и насъ заставилъ остаться при патріотическомъ рагу. И мы будемъ биться до конца, до полнаго освобожденія родной земли отъ завоевателя. Намъ не нужно, мы не хотимъ завоеваній и по принципу, и по практическому разсчету: чужая земля не стоитъ того, чтобы проливать изъ-за нея кровь. Казалось бы, и своя-то не дороже; уголокъ земли, который приберегла для насъ родина, на кладбищѣ, онъ не связываетъ нашего сердца, но все прошлое и будущее рабочаго класса, изъ нѣдръ котораго мы вышли, связано съ землей, вскормившей насъ. И никто такъ не чувствуетъ во Франціи своей связи съ ея великимъ прошлымъ, какъ рабочій: Франція это мы, а не они.

— Мы — Франція, а они — господа Франціи; мы — пушечное мясо, а они мясники; у насъ — братская могила, у нихъ — монументы, наши осиротѣлыя семьи будутъ проклинать войну, а ихъ сироты будутъ ее благословлять. Мы, какъ и наши предки, рабы, съ дѣтства отдавали свою жизнь по частямъ заводу, и съ той же покорностью отдаемъ ее теперь всю сразу. И это называется: мы — Франція, мы — интернаціоналисты. Нѣтъ, вы — рабы Франціи и молодцы патріотическаго прилавка.

Такъ отчитывалъ молодой рабочій старика. А тотъ добродушно улыбался и ласкалъ глазами.

— Все это вѣрно, но ты забылъ одно: защищая себя, мы защищаемъ колыбель политической свободы всего міра. Наши предки съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали права народовъ противъ деспотовъ, а нынѣ мы, ихъ потомки, отстоимъ братство и солидарность всѣхъ народовъ противъ деспотіи германскихъ феодаловъ. Не забывай, когда мы защищали свою родину въ 70 году, въ грудь намъ стрѣляли нѣмцы, а въ спину — наши буржуа, но Республика была завоевана. рабочій идетъ не съ буржуазіей, а впереди ея.

Молодой рабочій зачѣмъ-то вышелъ. старикъ кивнулъ ему въ слѣдъ и зашепталъ:

— Горячая голова у моего мальчика. Меня ругаетъ, а самъ отмѣченъ приказомъ и крестъ получилъ за храбрость. Теперь вотъ пріѣхалъ со мной повидаться.

Сколько радостной гордости и наивной похвальбы согрѣвало лицо старика, молодило его.

Я ушелъ къ себѣ на сѣновалъ, зарылся въ сѣно. Дождь проливной бился о крышу съ сердитымъ ворчаніемъ, и порывистый вѣтеръ рвалъ и трясъ ее съ жалобнымъ воемъ. Тѣлу было тепло, а сердцу холодно.

* * *

Недавно въ вагонѣ трамвая я встрѣтилъ солдата, на рукавахъ нашивки, грудь въ орденахъ.

— Это нелѣпо! — кричалъ онъ, обращая на себя недружелюбное вниманіе угрюмыхъ сосѣдей. — Это нелѣпо такъ убивать другъ друга, какъ это дѣлаемъ мы.

— Ничего не подѣлаешь, — философически замѣтилъ его подвыпивший товарищъ. — ничего не подѣлаешь.

— О, нѣтъ! Но только одно условіе: сразу и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, здѣсь и тамъ. Свершится то, чего міръ никогда еще не видалъ.

Полинялый чиновникъ повернулъ къ нему свое сѣрое лицо и ядовито посмотрѣлъ, но, уткнувшись глазами въ ордена, остался съ разинутымъ ртомъ, ничего не сказавъ.

Что-то старое, давно слышанное напомнили мнѣ рѣчи солдата.

— Вы понимаете, это мой личный взглядъ на дѣло, — обратился онъ ко мнѣ, и вдругъ радостно просіялъ:

— Не узнаете? Тамъ въ траншеяхъ, два года назадъ... Помните споры съ моимъ бѣднымъ отцомъ?

Еще бы не помнить!

— Но почему — бѣднымъ?

— Умеръ. Братъ убитъ, жена брата покончила съ ребенкомъ и съ собой. Ну, старикъ не выдержалъ горя, сердце слабое и безъ того было.

Мы молчали, тѣнь воспоминаній раздѣлила насъ.

Ядовитый чиновникъ улучилъ минуту и благонамѣренно спросилъ:

— И много на фронтѣ такихъ, которые раздѣляли бы вашу персональную идею, я хочу сказать, — его голосъ угрожающе окрѣпъ, — много ли людей на фронтѣ, любящихъ, жалѣющихъ нѣмцевъ?

— Это зависитъ отъ воспитанія, мы всѣ получали дурное воспитаніе, съ этого и придется начать, со школы...

— Прекрасно. это впослѣдствіи, а теперь люди дурного воспитанія какъ смотрятъ?

— Очень понятно, ненавидятъ: что имъ привили, тѣмъ и живутъ, что внушатъ, тому и вѣрятъ.

— А вы, — продолжалъ вѣжливо чиновникъ, — вотъ эти ордена любовью заслужили?

— Нѣтъ, сударь, я далъ отечеству то, что оно отъ меня потребовало въ грозный и роковой для него часъ. Но тотъ, кто отдаетъ за него свою жизнь. вправѣ требовать, чтобъ оно не было игрушкой въ рукахъ злобныхъ идіотовъ, — тутъ онъ остановился, прищурился, глядя на чиновника, а затѣмъ договорилъ: —и жадныхъ акулъ.

Одобрительный ропотъ пробѣжалъ среди прислушавшейся публики; чиновникъ позеленѣлъ, вынулъ книжечку и демонстративно что-то записалъ. Солдатъ, повернувшись ко мнѣ, продолжалъ:

— Къ чорту всѣ перегородки, всѣ заставы. Да будетъ единая Европа съ единой міровой столицей. Вы спросите, какой городъ? Парижъ городъ богатый и огромный; но есть много другихъ большихъ и богатыхъ городовъ. Парижъ городъ культурный, пріютъ искусствъ, но есть и другіе такіе. Но Парижъ городъ древній, историческій... Вотъ моя идея...

Мнѣ приходилось слѣзать. Мы попрощались. Онъ прошелъ вслѣдъ за мной и махалъ мнѣ рукой съ площадки удалявшагося вагона.

Когда подумаешь, какую безумную жертву несетъ французскій народъ,ославъ на бойню все мужское населеніе отъ 17 до 50 лѣтъ, когда подумаешь, что добрую часть его война уже отдала землѣ, а иныхъ, болѣе счастливыхъ, вернула дому неузнаваемыми калѣками, начинаешь понимать ту жажду мира, которая овладѣла сердцами уцѣлѣвшихъ и которую такъ простодушно выразилъ парижскій городовой: «Невозможно, чтобъ столько крови пролилось напрасно, какъ было — больше не будетъ рабочему люду. Онъ дастъ вздохнуть». У подножія міровой гекатомбы французскаго рабочаго, какъ бывало встарь, одолѣваютъ смутныя видѣнія неумирающихъ чаяній европейскаго обновленія, героемъ котораго будетъ онъ.

Эту наивную вѣру раздѣляютъ сообща и трезвый сынъ станка, и мечтательный интеллигентъ.

Я вспоминаю осенніе дни перваго года войны. Гулъ отдаленныхъ пушекъ, зловѣщій рокотъ аэроплановъ, близкіе взрывы, тревожный грохотъ учебной пальбы. Все бѣжало, все притаилось. Парижъ опустѣлъ и потухъ. Жутко и одиноко ночью за городомъ. Высокое плато, съ обрыва котораго открывалось бывало необъятное море пожара, нынѣ окружено тьмою: Парижъ безъ огней утонулъ въ ночной глубинѣ. А съ далекихъ концовъ горизонта подымались и росли, прорѣзали небо, гигантскіе щупальцы прожекторовъ. Сходясь и расходясь, безумно метались они и шарили по облакамъ. Я стою у обрыва. Неизъяснимое чувство сливаетъ меня съ этимъ хаосомъ, въ которомъ, казалось, крушились навѣки гордыя надежды и жизнь мнѣ близкихъ людей; и слушаю, какъ далекій, восторженный шопотъ:

— Мы въ исторіи теперь на порогѣ предъ Великимъ Градомъ, какъ сейчасъ на этомъ плато — предъ Парижемъ. Вы не видите Парижа, но вы знаете, что тамъ бьется его сердце и что завтра въ заревѣ восхода онъ встанетъ предъ вами. Не жалѣйте рушащихся кладбищъ, предоставьте невиданному въ исторіи урагану смести съ лица земли мертвецовъ, поработившихъ насъ, и ихъ могильные

склепы, въ которыхъ задыхались живые. Въ огнѣ и мечѣ зачнетъ грядущее новую жизнь, изъ развалинъ встанетъ храмъ свободныхъ и гордыхъ, къ которому чрезъ вѣка рабства и тьмы неустанно и часто безотчетно стремилось человѣчество.

Вѣра въ чудо — утѣшеніе слабыхъ и мессіанство — прибѣжище пораженныхъ, — подумалъ я, но не сказалъ этого своему пріятелю, уже пожилому бельгійскому композитору. Заядлый врагъ милитаризма и войны, онъ на страшной бойнѣ, затѣянной вопреки его пророчествамъ и желаніямъ, уже строилъ вновь свой разрушенный храмъ.

Какая-то толпа шла по дорогѣ съ фонаремъ и угрожающе свернула къ намъ. Это былъ ночной дозоръ. Начальникъ патруля направилъ намъ въ лицо свой фонарь и грубо спросилъ, дернувъ въ нашу сторону подбородкомъ:

— Вы что за люди?

— Я бельгіецъ, онъ — русскій, мы — союзники, друзья Франціи, — отвѣтилъ съ подкупающей ласковостью мой пріятель, словно обрадовался имъ.

По счастью, документы были съ нами.

Михаилъ Морозовъ.

Парижъ, 28 ноября.

ТО, ЧТО ВЪ АНГЛІИ.

«Часъ соціальной революціи приближается. Мы не смѣемъ не быть готовыми къ ней». (Томъ Квельчъ. «The Call» отъ 16 іюня.)

Три года военной цензуры, военнаго гнета и военнаго перераспредѣленія національнаго дохода въ пользу капитала начинаютъ приносить свои плоды въ Англіи. Истинная физіономія патріотизма капиталистовъ все больше и больше выясняется передъ сознаніемъ англійскаго пролетаріата по мѣрѣ того, какъ онъ вкушаетъ отъ плодовъ гражданскаго мира и наряду съ бурнымъ полустихійнымъ забастовочнымъ движеніемъ низовъ идетъ огромная сознательная работа углубленія соціалистической мысли, ведущаяся немногочисленными передовыми отрядами рабочей арміи страны.

Стихійное движеніе низовъ напоминаетъ по своей интенсивности и по своимъ размѣрамъ тотъ пожаръ «національныхъ» забастовокъ 1909—1914 г., который перепуганная англійская буржуазія квалифицировала прологомъ къ соціальной революціи и потушить которой ей удалось *только съ объявленіемъ войны.*

Но увы! столь дѣйствительные въ началѣ войны аргументы соціалъ-патріотическаго порядка, скрѣпляемые для пущей убѣ-

дительности отмѣной конституціонныхъ гарантій, перестаютъ быть дѣйствительными уже на исходѣ второго года войны, когда достаточно ясно обозначилась соціальная побѣда капитала у себя на родинѣ и когда *ростъ нормы эксплуатаціи* достигъ такихъ размѣровъ, что сдѣлался очевиднымъ для огромнаго большинства трудящихся и безъ всякихъ статистическихъ выкладокъ.

Какъ страна промышленная par excellence Англія является для экономистовъ такимъ же удачнымъ объектомъ изученія, какъ скала съ явно-выраженными напластованіями различныхъ породъ для геолога. Въ свое время она дала Марксу огромный матеріалъ для геніальныхъ обобщеній. Соціально-экономическіе процессы, развивающіеся въ современной Англіи, представляютъ опять-таки матеріалъ колоссальной важности для будущаго историка капитализма. Но даже и бѣглый обзоръ происходящаго сразу намѣчаетъ тѣ кардинальные пункты, вокругъ которыхъ развиваются самые рѣзкіе классовые конфликты. Обостреннѣйшая классовая борьба, какую только знала исторія капитализма въ Европѣ, идетъ по линіи 1) наступленія капитала на долю рабочихъ въ національномъ доходѣ и въ частности на стоимость часа труда и 2) на правовое закрѣпленіе экономическихъ завоеваній капитала и въ частности введеніе принудительнаго труда.

Обратимся къ фактамъ.

Въ своей послѣдней статьѣ въ апрѣльской книгѣ «Лѣтописи» я уже приводила составленную по даннымъ Министерства Торговли таблицу движенія заработной платы во время войны, таблицу, дающую такіе ничтожные итоги, какъ прибавка въ 12—13 рублей въ мѣсяцъ для наиболѣе квалифицированныхъ отраслей труда и въ 4—6 для наименѣе квалифицированныхъ. Это были итоги за два съ половиной года войны. Не вырвало значительныхъ прибавокъ и послѣднее полугодіе трехлѣтія, хотя оно и прошло подъ знакомъ отчаянныхъ забастовокъ. По отдѣльнымъ отраслямъ повышеніе заработной платы все еще достигаетъ только 30 % и въ лучшемъ случаѣ 50—60 % по сравненію съ до-военнымъ временемъ, между тѣмъ, какъ индексъ дороговизны перевалилъ уже—по оффиціальнымъ даннымъ—за 100 %. Но эти абсолютныя данныя о пониженіи реальной заработной платы отнюдь недостаточно характеризуютъ положеніе, какъ недостаточно - же характеризуетъ положеніе и тотъ колоссально-высокій индексъ наживы капитала, ставшій притчей во языцѣхъ всей рабочей и демократической прессы, данныя о которомъ я приводила уже неоднократно на страницахъ «Лѣтописи». (Таблицы движенія военныхъ прибылей приведены мною въ брошюрѣ «Продовольственный вопросъ въ Англіи»). Чтобы сдѣлать полной картину борьбы двухъ классовъ за долю каждаго въ національномъ доходѣ, нужно ввести въ картину два чрезвычайно важныхъ штриха: 1) за время войны въ Англіи сильно возросла *интенсивность* труда и длина рабочаго времени, 2) параллельно выжиманію прибавочной стоимости изъ производителя совершался процессъ грубо-откровенной наживы постав-

щиковъ необходимѣйшихъ продуктовъ питанія и обихода. Такимъ образомъ, эксплуатація рабочаго, какъ производителя и какъ потребителя, шла рука объ руку.

Точными цифровыми данными о ростѣ интенсивности труда мы еще пока не располагаемъ, но рядъ показаній рисуютъ намъ вполнѣ опредѣленное измѣненіе, происходящее въ этой области. Съ самаго начала войны разговоръ о «максимальной выработкѣ» сдѣлался излюбленнѣйшей темой для разсужденій господъ соціалъ-патріотовъ. И подъ припѣвъ ихъ о недостаточно сильной производительности труда фабриковались въ Англіи и скупались въ Америкѣ новыя машины, повышавшія коэффиціентъ выработки. Впереди всѣхъ шла въ этомъ направленіи, конечно, орудійная индустрія, а за ней тянулись и всѣ, такъ или иначе сопряженныя съ ней. Всякій, кто знакомъ съ практикой рабочаго движенія, знаетъ, что періоды введенія новыхъ машинъ всегда характеризуются повышеніемъ нормы эксплуатаціи, ибо повышеніе заработной платы бываетъ въ такихъ случаяхъ ничтожнымъ по сравненію съ повышеніемъ коэффиціента выработки. На зарѣ капитализма, когда рабочее движеніе было еще мало организовано, мы сталкиваемся въ этомъ отношеніи съ поистинѣ разительными фактами. Такъ, во время перехода къ работѣ на двухъ станкахъ на петербургскихъ ткацкихъ фабрикахъ заработная плата ткачей поднялась съ 15—18 р. въ мѣсяцъ до 16—19 р., а когда нѣсколько лѣтъ спустя на рядѣ прядильныхъ фабрикъ были введены машины, выбрасывавшія приблизительно вчетверо большее количество пряжи, чѣмъ прежнія, то заработная плата прядильщиковъ поднялась на 25%. Но даже тамъ, гдѣ у рабочихъ имѣются достаточно сильныя профессіональныя организаціи и интенсификація труда совершается подъ нѣкоторымъ контролемъ ихъ, мы все же сталкиваемся съ ожесточенной борьбой противъ этого способа повышенія нормы эксплуатаціи. И если московскій ткачъ работаетъ на 1 станкѣ, петербургскій на 2, а англійскій на 4, то заработная плата ихъ возрастаетъ отнюдь не въ такой же пропорціи.

Тѣмъ не менѣе англійскіе трэдъ-юніоны завоевали себѣ рядъ правъ по контролю интенсивности труда и цѣлый рядъ англійскихъ договоровъ труда свидѣтельствуетъ о томъ, что англійскіе рабочіе пытаются опредѣлить точно ту затрату физическихъ усилій, которую они даютъ въ обмѣнъ на опредѣленную плату. *Во время войны эти права трэдъ-юніоновъ были отмѣнены.* Ихъ отняли у рабочихъ въ первый же годъ войны подъ предлогомъ патріотизма вмѣстѣ съ рядомъ другихъ правъ, и результаты этой утраты были громадны. Цѣлый рядъ отчетовъ фабричной инспекціи и медицинскаго надзора свидѣтельствуютъ о невѣроятномъ истощеніи и повальномъ заболѣваніи нервной усталостью среди рабочихъ ряда индустрій и прежде всего орудійной. Истощеніе обусловливается громадной напряженностью труда, удлиненіемъ рабочаго времени и почти полной отмѣной воскреснаго и праздничнаго отдыха. О необходимости возстановленія такого отдыха заявляли уже безпристрастные

свидѣтели—медики недавно назначеннымъ «комиссіямъ о причинахъ рабочихъ безпорядковъ». Такимъ образомъ, при фактическомъ пониженіи *реальной* заработной платы, о которомъ мы говорили выше, рабочій затрачиваетъ гораздо больше физической энергіи, чѣмъ прежде. Другими словами, стоимость часа труда понизилась, тогда какъ напряженность его возросла. Но наряду съ этимъ измѣненіемъ совершалось другое—такъ называемое «разжиженіе» труда.

Ряды квалифицированныхъ и обученныхъ рабочихъ были «разжижены» чернорабочими, женщинами и подростками. Мѣра эта отнюдь не являлась однако актомъ устремленія къ большей справедливости и большему равенству со стороны самихъ трудящихся. Она шла не съ низовъ, а была введена сверху насильственнымъ путемъ, и прямымъ ея результатомъ явилось новое обезцѣненіе труда. Вознагражденіе труда женщинъ въ орудійной индустріи, находящейся подъ контролемъ правительства, регулировалось особыми, назначенными сверху промысловыми комиссіями и держалось на очень низкомъ уровнѣ, не достигавшемъ зачастую даже 20 шилинговъ въ недѣлю, т. е. того уровня, котораго Ллойдъ-Джорджъ добивался до войны для сельскохозяйственныхъ рабочихъ. И только сравнительно недавно оно было фиксировано въ 25 шилинговъ. Истощенныя женщины и засыпающіе въ трамваяхъ послѣ 12 часового рабочаго дня подростки и дѣти, введенные въ армію труда, сильно понизили силу ея сопротивляемости, и безъ того почти сведенную на нѣтъ формальной отмѣной права стачекъ.

Таковы методы дѣйствія по отношенію къ рабочему—производителю. О скандальныхъ милліонахъ, нажитыхъ поставщиками хлѣба, мяса, картофеля и другихъ продуктовъ первой необходимости, о чудовищныхъ спекуляціяхъ англо-американскаго хлѣбнаго трэста и британско-аргентинскаго мясного синдиката мнѣ уже приходилось писать не разъ.

Доведенное теперь до 80% обложеніе военныхъ прибылей отнюдь не мѣшаетъ процессу наживы, ибо при свободной торговлѣ оно съ необычайной легкостью и простотой перекладывается на потребителя. Но несмотря на настойчивыя требованія рабочей демократіи, въ области государственнаго контроля снабженія пока сдѣлано еще очень мало. Взятіе подъ государственный контроль самыхъ страшныхъ пиратовъ капитализма—судовладѣльцевъ и копевладѣльцевъ—произошло еще слишкомъ недавно, чтобы дать ощутительные результаты. Въ области же хлѣбнаго снабженія приняты двѣ мѣры, взаимно исключающія другъ друга.

Новый законъ о хлѣбѣ устанавливаетъ для зерна не максимальныя цѣны на хлѣбъ, а «минимальныя»—своего рода государственную гарантію фермерамъ и при томъ на нѣсколько лѣтъ впередъ. Правда, послѣ войны назначаются болѣе низкія расцѣнки, чѣмъ теперь (1917 г.—60 шил. за квартеръ, 1918—19 г.г.—55 шил., 1920—21—45 шил.), но составляющія однако достаточную гарантію отъ паденія цѣнъ въ зависимости

отъ естественныхъ условій. И хотя мѣра эта вводится подъ предлогомъ поощренія расширенія посѣвной площади, но фактически гарантіи будутъ касаться всѣхъ фермеровъ безъ исключенія.

Въ то же время по иниціативѣ продовольственнаго контролера цѣна печенаго хлѣба искусственно понижается до 9 пенсовъ за 4-хъ-фунтовый «лоафъ». До войны такой лоафъ стоилъ 5 пенсовъ, но въ послѣднее время цѣна его достигла уже 1 шилинга (12 пенсовъ) и даже 14 пенсовъ. Мѣра эта обойдется казначейству приблизительно въ 40 милліоновъ фунтовъ въ годъ, ибо разницу между цѣной зерна и цѣной хлѣба будетъ доплачивать государство. Такая система практикуется уже во Франціи, но разница масштаба огромная: Франція вводитъ лишь небольшую долю потребляемаго ею хлѣба, а Англія потребляетъ до 78% ввознаго зерна. Франція установила съ самаго начала войны твердыя цѣны на зерно, а Англія не посмѣла обуздать интересы фермеровъ ни у себя дома, ни въ колоніяхъ. Такимъ образомъ, кушъ въ 40 милліоновъ въ годъ получатъ все тѣ же хлѣбные тресты и хлѣбные спекулянты всѣхъ инстанцій, и, поскольку бремя налоговъ перекладывается, пока что, въ конечномъ счетѣ все таки на потребителя, онъ же за все и расплатится.

Таковы факты въ области экономическаго давленія. Но есть еще и правовое. Я не буду касаться тутъ тѣхъ отмѣнъ гражданскихъ свободъ, которыя имѣли мѣсто съ самаго начала войны и о которыхъ я ужъ неоднократно писала. Я хочу говорить только о послѣднемъ актѣ правового насилія—о попыткѣ ввести принудительный трудъ для рабочихъ. Зная, какое раздраженіе вызываетъ эта мѣра на низахъ, правители Англіи вводятъ ее лишь постепенно и осторожно. Соотвѣтствующій законопроектъ не внесенъ еще въ палату общинъ, но былъ уже цѣлый рядъ попытокъ лишить рабочихъ свободы передвиженія.

Въ видѣ орудія угнетенія дѣйствовали особые билеты и удостовѣренія, которые необходимо было предъявлять при поступленіи на новыя предпріятія и которые въ случаѣ чего отбирались. На этой почвѣ разыгрался рядъ грозныхъ забастовокъ, остановить которыя удавалось лишь подъ угрозой каторжныхъ работъ.

Таковы важнѣйшіе моменты въ наступленіи англійской буржуазіи по фронту классовой борьбы. Въ чемъ-же выражается отпоръ рабочей арміи, ея оборона и по какой линіи могутъ пойти пути ея организованнаго наступленія?

Вплоть до послѣдняго времени мы имѣли дѣло съ двумя группами раздѣльно существующихъ явленій: 1) громаднымъ массовымъ забастовочнымъ движеніемъ пролетарской массы, смѣлой и рѣшительной въ соціально-экономической борьбѣ. но отсталой политически и 2) работой передовыхъ отрядовъ англійскаго пролетаріата—британской соціалистической партіей и независимой рабочей партіей—объединившихъ лишь небольшое меньшинство рабочихъ. Новшество момента заключается въ

измѣнившемся соотношеніи двухъ группъ. *Политическое вліяніе меньшей группы на большую растетъ по мѣрѣ того, какъ размѣры и интенсивность стихійнаго протеста фактически выводятъ его за предѣлы обычныхъ экономическихъ конфликтовъ.*

Современная Англія почти не знаетъ мелкихъ разрозненныхъ забастовокъ нашего типа. Еще передъ войной въ ней выработался типъ національныхъ или областныхъ забастовокъ,—т. е. забастовокъ, которыя парализовали функціонированіе той или иной индустріи въ цѣлой области, а иногда и во всей странѣ. И обычно въ такихъ случаяхъ забастовщики апеллировали *не къ отдѣльнымъ работодателямъ, а къ государству.* Передъ войной лозунгомъ дня было требованіе законодательнаго введенія минимума заработной платы. Теперь требованіемъ огромнаго большинства забастовокъ является, наряду съ увеличеніемъ заработной платы, отмѣна всякихъ попытокъ введенія принудительнаго труда—требованіе, по существу,—политическое. Эта грандіозность забастовочнаго движенія и политическій характеръ предъявляемыхъ требованій явились причиной того, что передъ войной это движеніе окрестили синдикализмомъ. По существу это, пожалуй, и былъ синдикализмъ въ чистомъ видѣ, имѣющій независимое отъ анархизма бытіе и возводящій экономическіе конфликты до уровня соціально-политической борьбы. Но эти признаки движенія имѣются въ наличности и въ новомъ періодѣ sturm und drang'a англійскаго рабочаго движенія. Объединяетъ ихъ также и рѣзко-отрицательное отношеніе къ старымъ вождямъ трэдъ-юніоновъ, ибо тогда, какъ и теперь, движеніе шло не только помимо вождей, но и вопреки имъ. Конфликтъ особенно обострился въ послѣднее время, когда въ рядахъ подавляющихъ и усмиряющихъ оказались рабочіе министры—Гендерсонъ и Ходжъ.

Объ этомъ разрывѣ съ вождями не перестаетъ скорбѣть буржуазная пресса, ибо въ лицѣ этихъ консервативныхъ вождей буржуазія лишилась вѣрныхъ слугъ и помощниковъ. До сихъ поръ они всячески удерживали въ границахъ рабочее недовольство, не давая ему дѣйственнаго исхода, и вотъ, увы, хлынувшія, наконецъ, волны протеста отбросили ихъ далеко отъ стана возставшихъ.

Съ другой стороны, серьезная пресса отдаетъ себѣ, конечно, отчетъ и въ серьезности движенія, и въ преемственной связи его съ «синдикализмомъ» предвоеннаго періода.

Вотъ что пишетъ, напримѣръ, въ журналѣ «The Nineteenth Century» авторъ любопытнѣйшей статьи, озаглавленной «Приближающаяся революція» (The Coming Revolution):

«Предъ нами новое поколѣніе рабочихъ, проникнутое свойственнымъ молодежи боевымъ духомъ и въ то-же время лучше образованное и болѣе требовательное, чѣмъ ихъ отцы. Мы находимъ среди нихъ людей значительнаго умственнаго развитія, основательно изучавшихъ исторію и экономическія теоріи и легко воспринимающихъ новыя идеи. Рабочіе университеты и другія формы распространенія знаній, безплатныя библіотеки и курсы

лекцій давно уже начали приносить плоды и продолжаютъ приносить ихъ. И, конечно, такъ воспитанные новые люди имѣютъ иное представленіе о положеніи труда, чѣмъ имѣли ихъ отцы. Мысль ихъ идетъ по уклону классовой революціи. Мы всѣ помнимъ возникновеніе у насъ синдикализма въ 1911 году... Онъ былъ тогда количественно слабъ и, казалось, вскорѣ умеръ. Но это было лишь очень поверхностное пониманіе происходящаго... Числа врядъ ли являются правильнымъ мѣриломъ вліянія того или иного теченія...

На самомъ дѣлѣ появленіе синдикализма было симптомомъ—симптомомъ наростающаго возмущенія. Это былъ ферментъ и при томъ едва ли не болѣе сильный, чѣмъ соціализмъ».

Былъ моментъ, когда вліяніе этого фермента охватило и англійскихъ солдатъ, и мирный послушный Томи Аткинсонъ [1] нарушилъ всѣ традиціи своего цеха и устроилъ въ Гайдъ-Паркѣ демонстрацію съ знаменами, требованіями и рѣчами. Это показалось настолько опаснымъ, что Times принялся горячо убѣждать англійскихъ солдатъ и рабочихъ не устраивать революціи на манеръ Россіи.—Россія, аргументировалъ офиціозъ крупной собственности, страна въ хозяйственномъ отношеніи несложная и она еще какъ нибудь черезъ революцію пройдетъ, но Англія—страна экономически весьма сложная, для нея революція равносильна гибели. Повидимому, однако, кромѣ убѣжденій такого рода принимались и иныя мѣры для предотвращенія революціи, ибо достаточно хорошо освѣдомленный органъ фабіанцевъ The New Statesman убѣждалъ «британскихъ солдатъ не поднимать оружія противъ британскихъ рабочихъ». По свѣдѣніямъ того же New Statesman'а, «нѣкій весьма извѣстный демагогъ, принималъ мѣры къ тому, чтобы быть въ состояніи переправить на континентъ въ любую минуту свою особу и свои весьма значительныя владѣнія».

Въ этотъ моментъ наивысшаго напряженія соціальнаго конфликта произошли два событія, доказывавшія, что наряду съ стихійнымъ движеніемъ въ массахъ англійскаго пролетаріата назрѣваетъ и потребность къ сознательной политической организаціи: я имѣю въ виду съѣздъ въ Лидсѣ и конференцію знаменитаго «тройственнаго союза» рабочихъ.

Это два явленія какъ будто различной природы, и въ то-же время между ними очень много общаго. И прежде всего ихъ объединяетъ оригинальная личность Роберта Смайли—предсѣдателя въ Лидсѣ и вождя «Тройственнаго союза», того самаго Роберта Смайли, который упорно отказывался отъ предлагаемаго ему портфеля и который, по выраженію Nation, является «кумиромъ новаго движенія». Разница же между этими двумя съѣздами состоитъ въ слѣдующемъ: Лидсъ былъ выраженіемъ назрѣвшей потребности въ созданіи новой политической организаціи—въ организаціи для борьбы за миръ и за созданіе широкой политической партіи.

---

1 Нарицательное прозвище англійскаго солдата.

Тутъ сказалась прежде всего *потребность въ новой идеологіи.* Конференція Тройственнаго Союза—это конференція боевая по преимуществу. Ея цѣль, это—организація борьбы противъ введенія принудительнаго труда, и отъ резолюцій ея вѣетъ весьма суровой рѣшительностью.

Если 1.150 делегатовъ, собравшихся въ Лидсѣ, были авангардомъ англійскаго пролетаріата въ политическомъ отношеніи, то конференція Тройственнаго Союза дала намъ авангардъ организованной экономической борьбы.

Остановимся однако нѣсколько подробнѣе на той и другой.

На съѣздѣ въ Лидсѣ были представлены трэдъ-юніоны и совѣты трэдъ-юніоновъ, съ одной стороны, и всевозможныя соціалистическія группы и партіи, съ другой. Это было объединеніе идеологическаго меньшинства съ дѣловымъ большинствомъ. Всѣ резолюціи носили торжественный, почти вдохновенный характеръ, чувствовалось огромное желаніе стряхнуть съ себя иго обыденщины и объединиться на почвѣ новой идеологіи. Я не буду приводить здѣсь рѣчи и резолюціи, приведенныя уже мною въ свое время на столбцахъ «Новой Жизни» (см. «Н. Ж.» отъ 21 іюня).

Важнѣйшими изъ нихъ явились: 1) резолюція о борьбѣ за миръ, 2) резолюція привѣтствія русской революціи и 3) резолюція о необходимости организаціи Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Эта послѣдняя резолюція лучше всего показываетъ, какъ глубоко было вліяніе русской революціи на умы англійскихъ рабочихъ и особенно на представителей новаго, только еще формирующагося теченія въ англійскомъ рабочемъ движеніи. Это былъ психологическій факторъ, упавшій на благодарную почву соціальныхъ предпосылокъ.

«Тройственный Союзъ» объединяетъ, какъ извѣстно, три союза: желѣзнодорожниковъ, углекоповъ и рабочихъ транспорта, иначе говоря—рабочихъ трехъ отраслей индустріи, остановка которыхъ можетъ парализовать въ любой моментъ всю промышленную жизнь страны.

Всѣ эти три союза играли роль огромной важности въ той грандіозной экономической борьбѣ довоеннаго періода, о которой мы говорили выше. Практически они и были застрѣльщиками ея. Секретарь союза желѣзнодорожниковъ, Томасъ, отказался, также какъ и Смайли, отъ предложеннаго ему портфеля. Всѣ три союза сдѣлали также чрезвычайно много въ смыслѣ организаціи неквалифицированнаго труда, соприкасающагося съ ихъ профессіями. Періодъ организаціоннаго строительства включилъ далѣе объединеніе ряда отдѣльныхъ союзовъ одной и той же профессіи въ мощные національные союзы. И, наконецъ, послѣдней стадіей явилось объединеніе трехъ союзовъ между собой. Переговоры о немъ начались еще въ 1912 г., въ періодъ отчаянныхъ схватокъ труда и капитала, и закончились въ концѣ 1915 г., т. е. въ началѣ новаго аналогичнаго періода. Цѣль Тройственнаго Союза—стратегически-боевая, и посколько онъ сумѣетъ либо объединить вокругъ себя

и рядъ другихъ союзовъ, либо подчинить ихъ своему вліянію—а на это есть много шансовъ—онъ можетъ вырасти въ организацію колоссальной мощи. Его недавняя конференція носила полуконспиративный характеръ. Созвана она была для разсмотрѣнія вопроса о стратегіи борьбы съ введеніемъ принудительнаго труда. Изъ резолюцій, ставшихъ гласными, наиболѣе характерны слѣдующія: въ случаѣ какой либо попытки со стороны правительства ввести принудительный трудъ, Тройственный Союзъ немедленно созываетъ рабочій съѣздъ для обсужденія тактики борьбы съ этой мѣрой.

Требованію милитаризаціи труда союзъ противополагаетъ требованіе конскрипціи капитала и конфискаціи всѣхъ «излишнихъ доходовъ».

Въ этихъ сдержанныхъ резолюціяхъ выявляется огромная сила организованнаго труда, съ которой придется считаться организованному капиталу.

Если на съѣздѣ въ Лидсѣ чувствовалось огромное вліяніе русской революціи, то конференція Тройственнаго Союза является, наоборотъ, какъ бы квинтъ-эссенціей соціально-экономической борьбы англійскихъ рабочихъ, такъ какъ она сложилась за послѣднія десять лѣтъ.

Сольются ли обѣ формы борьбы? Сдѣлается ли Робертъ Смайли, предсѣдатель обоихъ съѣздовъ, лидеромъ единой партіи, объединяющей политическое движеніе и экономическую борьбу? Это покажетъ будущее. Но что правительство сильно боится такого объединенія, что оно пойдетъ на все, для того, чтобы предотвратить его, это ужъ факты непригляднаго настоящаго. Противъ забастовочнаго движенія у него были 3 мѣры: аресты, угрозы каторгой и агенты-провокаторы; противъ Совѣтовъ рабочихъ и солдатъ 2 мѣры: погромы и провокаторы; противъ отправки делегатовъ рабочихъ въ Россію и въ Стокгольмъ тоже 2 мѣры: капитанъ Таперъ съ его знаменитымъ союзомъ моряковъ и невыдача паспортовъ.

Факты инсценированія погромовъ и использованія провокаторовъ, къ сожалѣнію, неопровержимы. Имена Тапера и Алека Гордона и все ихъ уголовное прошлое у всѣхъ на устахъ. Извѣстна также и физіономія «союза» моряковъ, не пожелавшихъ вести Макдональда въ Россію.. Вѣдь этотъ союзъ систематически отказывается вступить въ парламентскую рабочую партію, вѣдь отъ него давно ужъ отдѣлился другой союзъ моряковъ, предложившій правительству свои услуги для отправки Макдональда немедленно послѣ отказа сдѣлать это со стороны перваго союза. Но именно этотъ первый союзъ—отщепенецъ рабочаго движенія—пускается въ ходъ въ случаяхъ «политической» важности. Не выяснены еще физіономіи организаторовъ послѣднихъ разгромовъ собраній совѣтовъ Р. и С. Деп., но самъ фактъ ихъ инсценированія уже заявленъ съ парламентской трибуны.

Аресты, провокаторы, погромы, невыдача паспортовъ—оружіе слабаго въ борьбѣ съ сильнымъ. Грубая сила, противополагаемая вліянію соціалистической мысли и могущественнымъ

новымъ теченіямъ, выдвигающимся изъ самыхъ нѣдръ рабочаго движенія страны.

Будущее покажетъ, что сильнѣе.

М. Смитъ.

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.

Четвертый годъ войны открылся тяжелыми и нерадостными предзнаменованіями. Вспыхнувшая въ мартѣ яркая зарница надежды на близкое заключеніе мира вновь поблекла, не успѣвши расцвѣсть. Попрежнему яростно скрещиваются клинки, грохочутъ пушки, безпощадно разрушается то, что еще уцѣлѣло отъ трехъ лѣтъ разрушеній, и попрежнему льется широкими потоками драгоцѣнная кровь, казалось, въ концѣ обезкровленнаго человѣчества.

Недавніе визіонеры и мечтатели смиренно, съ посыпанной пепломъ главой, продѣлываютъ искусъ покаянія и, покорно распластавшись передъ грознымъ божествомъ войны, даютъ клятвенныя обѣщанія вѣрности. — Сейчасъ никто уже не говоритъ о мирѣ. Всѣ понимаютъ, что онъ нынѣ невозможенъ,— говоритъ министръ Русской Революціи, пробудившей «безсмысленныя мечтанія» среди истребляющихъ другъ друга народовъ.

— Теперь не можетъ быть иного рѣшенія, какъ продолжать войну,—вторитъ ему коллега, вчерашній циммервальдистъ.

Кто возьметъ на себя обанкротившееся званіе пророка и предскажетъ, когда пробьетъ часъ прекращенія войны? Всѣ соображенія отъ разума: статистическія выкладки о финансовомъ и экономическомъ положеніи воюющихъ народовъ, человѣческомъ матеріалѣ, физическомъ и моральномъ истощеніи и пр. и пр., оказались явно несостоятельными. Человѣчество давно уже живетъ въ царствѣ тѣней, фантастики, непостигаемаго, ирраціональнаго. Нелѣпой и чудовищной кажется теперь мысль о возможности новой зимней кампаніи, полной мистическаго ожиданія—по примѣру прошлыхъ годовъ—весны побѣдъ и одолѣній. «Но невозможное возможно», и мы, пожалуй, сами не замѣтимъ, какъ недалекій уже снѣгъ могильно засыплетъ наши розовыя мартовскія мечтанія...

А между тѣмъ, каждый день, каждый свѣжій газетный листъ приноситъ намъ все новыя и новыя свидѣтельства о чрезмѣрной, смертельной усталости человѣчества, и все то, что именуется международной политикой, представляетъ собой теперь не что иное, какъ борьбу съ этой усталостью.

Съ особенной рельефностью и яркостью сказывается это въ *Германіи*. Правительству пришлось убѣдиться, что практиковавшіеся имъ рецепты поддержанія энтузіазма войны успѣхами оружія и политикой беззастѣнчивыхъ репрессій утратили

свою силу. Безповоротно исчезло обаяніе «колоссальнаго» количества плѣнныхъ, взятыхъ орудій и квадратныхъ километровъ земли, и лишь разгромъ Румыніи вызвалъ блѣдную улыбку радости на устахъ германскаго народа, такъ какъ эта побѣда сулила возможность увеличенія хлѣбнаго раціона. Точно также, никакіе аресты и полицейскія расправы не могли предотвратить голодныхъ бунтовъ, стачекъ и прочихъ «антигосударственныхъ» проявленій измученныхъ недоѣданіями и нуждой трудовыхъ массъ. Знаменитое мирное предложеніе Германіи державамъ четверного согласія въ 1916 году и манифестъ Вильгельма, обѣщающій реформу избирательнаго права въ Пруссіи, обнародованный послѣ русской революціи,—вотъ знаменательныя вѣхи отлива имперіализма въ Германіи, свидѣтельства о бѣдности и крахѣ, выданныя своей политикѣ милитаристско-юнкерской правящей кликой Германіи. Послѣднія событія ея политической жизни—отставка Бетманъ-Гольвега, образованіе блока Эрцбергеръ-Шейдеманъ, принятіе большинствомъ рейхстага резолюціи о мирѣ, парламентская комиссія «семи» для обсужденія вопросовъ внѣшней политики и, въ частности, выработки отвѣта на ноту папы — логически вытекали изъ того воистину безвыходнаго внутренняго и международнаго положенія страны, въ которое она поставлена своей экономической изолированностью, финансовымъ истощеніемъ, неслыханнымъ расточеніемъ національнаго богатства, обезлюденіемъ и паростающимъ революціоннымъ настроеніемъ пролетаріата. И нужно обладать большой политической «смѣлостью» и полнымъ презрѣніемъ къ своимъ читателямъ, чтобы пытаться занести, какъ это дѣлали нѣкоторые органы нашей печати, въ активъ русскаго іюньскаго наступленія сдвигъ католическаго центра въ Германіи и все вообще движеніе въ сторону демократизаціи юнкерскаго режима. Если придерживаться этой теоріи, ставящей соотношеніе политическихъ силъ въ государствѣ въ исключительную зависимость отъ стратегическаго положенія на фронтахъ,—то пришлось бы заключить, что дальнѣйшіе успѣхи нѣмецкаго оружія на русскомъ фронтѣ свели на нѣтъ мирное движеніе въ Германіи. Но мы знаемъ, что это не такъ, никакого «взрыва энтузіазма» не послѣдовало, а телеграфъ попрежнему приноситъ намъ извѣстія о политическомъ броженіи на верхахъ и низахъ германской общественности. Никакія побѣды на поляхъ сраженія, никакіе удары противнику въ дипломатической области,—вродѣ разоблаченій канцлера Михаэлиса о русско-французскомъ договорѣ 1916 года,—не въ состояніи погасить и ослабить жажды мира, отъ которой изнываетъ нѣмецкій народъ.

Если ужъ шейдемановцы чувствуютъ себя вынужденными устраивать большія уличныя демонстраціи въ пользу мира, какъ это было, напримѣръ, въ Билефельдѣ,—значитъ «война до побѣды» безнадежно обанкротилась въ Германіи.

Главнымъ источникомъ, питающимъ остатокъ силъ германской военной партіи, является имперіалистская агрессивность враждебной коалиціи. Только угрозы, вродѣ занятія лѣваго берега Рейна, раздѣла Австріи и т. п., держатъ народы цен-

тральныхъ государствъ въ тискахъ «Durchhalten»... Но «реальные политики» Германіи уже нащупываютъ новые пути: читатели помнятъ, быть можетъ, опубликованную въ іюлѣ бесѣду Эрцбергера съ корреспондентомъ одной швейцарской газеты. Лидеръ католическаго центра заявилъ, что будь у него возможность лично повидаться съ Ллойдъ-Джорджемъ и Бальфуромъ, мирные переговоры начались бы черезъ нѣсколько дней. Не надо обладать большой проницательностью, чтобы заключить, на чей счетъ предполагаются здѣсь «взаимокомпенсаціи»: г. Эрцбергеръ прекрасно учитываетъ положеніе, занимаемое Россіей въ станѣ ея союзниковъ...

Союзники имѣютъ достаточно серьезныя основанія для того, чтобы относиться со скептицизмомъ какъ къ содержанію предлагаемаго сейчасъ нѣмцами «почетнаго мира», такъ и къ процессу «парламентаризаціи» Германіи. Вновь образовавшійся прусскій кабинетъ, гдѣ крайнюю лѣвую представляетъ національ-либералъ Шпанъ, ничѣмъ или почти ничѣмъ не отличается отъ предшествовавшихъ ему бюрократическихъ кабинетовъ. Въ печати уже указывалось на сходство, существующее между блоками Шейдемана-Эрцбергера и,блаженной памяти, прогрессивнымъ блокомъ Милюкова-Шульгина. Продолжая эту аналогію, можно сказать, что обновленіе прусской власти равносильно тому, какъ если бы Штюрмеръ «обновилъ» свой кабинетъ Шульгинымъ или Савенковымъ.

Трезво учитывая истинные размѣры этого «переворота», нельзя все же скидывать его со счетовъ и упускать изъ виду всю симптоматичность совершающагося сдвига. Разумѣется, только мощное и побѣдоносное революціонное движеніе рабочаго класса Германіи привело бы къ полной демократизаціи страны и освободило бы нѣмецкія предложенія мира отъ несомнѣнно присущаго имъ налета двусмысленности.

Все сказанное выше о тяжеломъ внутреннемъ положеніи Германіи въ еще большей мѣрѣ относится къ *Австро-Венгріи*, гдѣ острый финансово-экономическій кризисъ усугубляется непрекращающейся національной борьбой и относительной слабостью военнаго аппарата государства. Надежды на «побѣдоносный» исходъ войны для дунайской монархіи давно уже утрачены всѣми классами населенія и, соотвѣтственно этому, со дня на день растетъ жажда къ миру, а въ области внутренней политики наступаетъ эра «весны». Въ самомъ дѣлѣ, въ Австріи—той самой Австріи, которая въ смыслѣ уваженія къ народному представительству отставала даже отъ царскаго правительства: рейхсратъ былъ созванъ впервые за все время войны лишь на исходѣ ея третьяго года,—шли переговоры о приглашеніи соціалъ-демократовъ въ составъ правительства! [1]

Точно также официально заявленныя Австро-Венгріей «формулы мира» отличаются гораздо большей ясностью и опре-

1 Образованіе въ концѣ августа новаго правительства бюрократическаго состава нисколько не ослабляетъ симптоматичности отмѣченнаго нами явленія.

дѣленностью, чѣмъ это имѣетъ мѣсто у ея могущественный союзницы. Такъ, въ декларацiи правительства, прочитанной въ засѣданiи рейхсрата отъ 8 iюня, мы читаемъ слѣдующее: «Австро-Венгрiя стремится къ почетному миру, который, *будучи свободенъ отъ всякихъ аннексiонистскихъ и имперiалистическихъ тенденцiй*, имѣетъ исключительной цѣлью гарантировать существованiе и свободное, ничѣмъ не нарушаемое, развитiе Австро-Венгрiи».

Правда, черезъ 6 дней, на засѣданiи 14 iюня, министръ-президентъ Зейлеръ, въ отвѣтъ на интерпелляцiю, опровергъ, будто «австро-венгерское правительство признало основою мира право нацiональностей на самоопредѣленiе». Онъ заявилъ, что правительство стоитъ въ этомъ отношенiи «на почвѣ основныхъ государственныхъ законовъ».

Надо думать, однако, что подъ давленiемъ оппозицiи нацiональныхъ партiй, австрiйскому кабинету придется внести извѣстные коррективы въ пониманiе сущности этихъ «основныхъ законовъ»,—въ смыслѣ расширенiя нацiональныхъ автономiй вплоть до установленiя самоуправляющихся—съ собственнымъ нацiональнымъ представительствомъ и исполнительной властью—единицъ «въ рамкахъ всеобщаго дунайскаго федеративнаго государства»,—какъ этого требуетъ, напримѣръ, чешская соцiалъ-демократiя въ представленномъ ею голландско-скандинавской комиссiи меморандумѣ. Мы имѣемъ уже нѣкоторыя незавершенныя и несовершенныя попытки въ этомъ отношенiи со стороны вѣнскаго правительства,—попытки созданiя Юго-Славiи.

Характерно, что враждебная центральнымъ имперiямъ коалицiя,—за исключенiемъ Италiи, «кровно» заинтересованной въ полной ликвидацiи дунайской монархiи,— несмотря на постоянное выдвиганiе союзниками нацiональнаго принципа, особаго максимализма по отношенiю къ Австро-Венгрiи не проявляетъ. Въ нѣкоторыхъ дипломатическихъ кругахъ четверного согласiя уже давно лелѣется мечта о сепаратномъ мирѣ съ Австрiей, и въ прошломъ году въ парижской газетѣ «L'oeuvre» появилась цѣлая серiя статей на эту тему за подписью «Дипломатъ», вызвавшая тревожно-тоскливый вой во всей имперiалистской прессѣ Италiи. Подобнаго рода слухи отъ времени до времени усиленно муссируются союзной печатью,—вѣроятно, съ цѣлью поднять «духъ» истомленныхъ народовъ, подобно тому, какъ германскiе имперiалисты баюкали своего «дурня» мечтой о сепаратномъ мирѣ съ Россiей.

Несомнѣнно лишь одно: сопротивленiя скорому и даже немедленному заключенiю мира со стороны Австро-Венгрiи ожидать не приходится.

Къ сожалѣнiю, этого нельзя утверждать по отношенiю къ главнымъ изъ союзныхъ державъ, и въ первую очередь къ *Англiи*.

Комментируя послѣднюю рѣчь Ллойдъ-Джорджа, одна англiйская газета констатировала несомнѣнный поворотъ въ направленiи политики войны, поскольку она выражалась въ заявленiяхъ отвѣтственныхъ представителей Великобританiи: разгромъ

«прусскаго милитаризма», затѣмъ соглашеніе съ демократизированной Германіей и, наконецъ, признаніе германскимъ правительствомъ необходимости «реставраціи».

Такова якобы эволюція, продѣланная англійскимъ правительствомъ въ вопросѣ о «программѣ мира». Намъ думается, однако, что для подобнаго рода оптимистическихъ оцѣнокъ имѣется слишкомъ мало основаній. Въ какія бы словесныя формулы ни облекались вожделѣнія англійскихъ имперіалистовъ,—въ основѣ ихъ лежитъ все та же неизмѣнная «война до конца», «война до полной побѣды». Германскія заявленія о готовности приступить къ мирнымъ переговорамъ вызываютъ раздражительныя и желчныя реплики со стороны членовъ британскаго кабинета, менѣе всего свидѣтельствующія объ ихъ искреннемъ желаніи осуществить «единственную цѣль, къ которой стремится человѣчество», какъ говорилъ Асквитъ 14 іюля въ засѣданіи Палаты Общинъ.

— Германія никогда не будетъ въ состояніи, пока живо наше поколѣніе, погасить ненависть къ ней,—такъ отвѣтилъ Бальфуръ на образованіе «прогрессивнаго блока» въ Германіи.

— Миръ не долженъ уничтожить тѣхъ цѣлей, ради которыхъ великія націи начали и продолжаютъ войну... Мы не должны ускорять заключеніе мира,—поучалъ Асквитъ Макдональда и Тревельяна, придавшимъ резолюціи рейхстага «большее значеніе, чѣмъ она заслуживала».

Въ то время какъ поднявшая впервые за время войны голову демократія устами революціонной Россіи провозглашаетъ требованіе немедленнаго заключенія мира безъ аннексій и контрибуцій на основѣ права націй на самоопредѣленіе,—одинъ изъ руководителей британской политики декларируетъ въ Дублинѣ, что «никакіе переговоры съ Германіей невозможны до отхода германскихъ войскъ *за Рейнъ*»...

И это лишь одна изъ немногихъ «цѣлей, ради которыхъ великія націи начали и продолжаютъ войну»... «Начали» то съ заявленій о защитѣ «маленькой, героической Бельгіи» и не менѣе рыцарскаго заступничества русскаго царя за Сербію, а «продолжали» за Константинополь, Малую Азію, Мессопотамію, лѣвый берегъ Рейна, Далмацію, Сирію и прочая и прочая...

Наиболѣе значительными явленіями въ области *внутренней политики* Англіи слѣдуетъ считать ростъ оппозиціоннаго настроенія рабочаго класса, получившій наиболѣе яркое выраженіе въ Лидской конференціи, состоявшейся въ началѣ іюня этого года. Впервые за все время существованія англійскаго соціализма ему удалось объединить и повести за собой полтора милліона рабочихъ. Достаточно присмотрѣться къ принятымъ конференціей четыремъ резолюціямъ, чтобы увидѣть тотъ источникъ, который питалъ боевое настроеніе конгрессистовъ: русская революція и ея лозунги—вотъ что стоитъ въ центрѣ всѣхъ постановленій съѣзда.

Привѣтствіе русской революціи, требованіе отъ британскаго правительства «выразить свою солидарность съ декларацією демократическаго правительства Россіи», призывъ къ правитель-

ству Великобританіи «согласовать свою внутреннюю политику съ политикой русской демократіи» и, наконецъ, организація Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ съ цѣлью проведенія въ жизнь всѣхъ принятыхъ резолюцій, а также для «неустанной борьбы за миръ, заключенный народами воюющихъ странъ, и за полное политическое и экономическое освобожденіе трудящихся всѣхъ странъ»,—таково краткое резюме принятыхъ рѣшеній на конференціи, которую англійскіе соціалисты называютъ исторической.

«Мысли рабочихъ перестали быть похожими на мысли ихъ властителей»,—писалъ по поводу Лидскаго конгресса журналъ «Nation». И не только мысли, но и дѣянія. 10-го іюля телеграфное агентство принесло намъ глухое сообщеніе—отчетъ о результатахъ работъ оффиціальной комиссіи, разслѣдовавшей рабочіе безпорядки въ Англіи, имѣвшіе мѣсто въ маѣ-іюнѣ. Въ сообщеніи говорится, что «революціонное настроеніе наблюдается у меньшинства рабочихъ», но изъ англійскихъ газетъ мы узнали, что стачечная волна охватила Шеффильдъ, Манчестеръ, Вольфортсъ, Барроу, Ковендри и др. крупные центры. Комиссія констатировала, что «броженіе пролетаріата обусловливается рядомъ глубокихъ причинъ, какъ вздорожаніе жизни, квартирныя затрудненія, недовольство огромными сверхъ-прибылями капиталистовъ, переутомленіе и неувѣренность въ будущемъ промышленности. Въ ряду мѣръ, рекомендуемыхъ комиссіей, значится и «допущеніе рабочихъ къ участію въ дѣлахъ промышленныхъ предпріятій».

Неблагополучно обстоитъ также дѣло и съ ирландской проблемой. Кровавое подавленіе дублинскаго возстанія на пасхальной недѣлѣ 1916 года дало результатъ, котораго и можно было ожидать: ростъ симпатій къ преслѣдуемой партіи Шинъ-фейновъ. Изъ небольшой группы, имѣвшей слабое вліяніе на общественно-политическую жизнь Ирландіи, они превратились теперь въ сильную партію, выбивающую на выборахъ изъ старыхъ позицій рэдмондистовъ. Попытка Ллойдъ-Джорджа умиротворить страну при помощи специфически подобраннаго конвента явственнымъ образомъ обанкротилась, о чемъ свидѣтельствовалъ запретъ британскаго правительства публиковать отчеты о ходѣ работъ дублинскаго конвента.

Дерзко подняли голову «внутренніе враги» и во *Франціи*. Не говоря уже о чисто экономическаго характера движеніи, какъ имѣвшая мѣсто въ концѣ мая парижская стачка работницъ охватившая около 100 тысячъ человѣкъ,—мы читали недавно гнѣвныя филиппики Клемансо и Эрве по поводу разрастающейся «преступной пропаганды» въ пользу мира. Власти зарегистрировали 7 тысячъ опасныхъ «пацифистовъ», среди нихъ много военныхъ. 1200 человѣкъ уже арестовано, но «тигръ» Клемансо, безплодно вожделѣющій по власти, громитъ министра внутреннихъ дѣлъ за «попустительство», въ чемъ и одержалъ нѣкоторую побѣду: Мальви получилъ «отпускъ» и, надо думать, въ области внутренней политики будетъ неуклонно осуществляться твер-

дый курсъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ подобнаго же рода курсомъ во внѣшней политикѣ [1].

Несмотря на тяжелые неуспѣхи послѣдняго наступленія, изъ-за которыхъ правительству пришлось пережить въ парламентѣ нѣсколько непріятныхъ минутъ,—декларативныя заявленія руководителей французской политики по старому проникнуты духомъ максимализма, желаніемъ не прекращать войны до тѣхъ поръ, «пока демократія не будетъ въ безопасности». А для обезпеченія безопасности-французской «демократіи» необходимы не только Эльзасъ Лотарингія—безъ опроса заинтересованнаго населенія,—но и лѣвый берегъ Рейна, какъ показали по существу неопровергнутыя разоблаченія Михаэлиса о закрытомъ засѣданіи Камеры Депутатовъ.

Аналогичное положеніе находимъ мы и въ *Италіи*: неудачи наступленія (майско-іюньскаго) на австрійскомъ фронтѣ. аггрессивность въ области внѣшней политики (объявленіе протектората надъ Албаніей) и энергичная борьба съ «внутреннимъ врагомъ», неизмѣримо болѣе сильнымъ и вліятельнымъ, чѣмъ во Франціи и Англіи. Къ сожалѣнію, Италія находится почему-то въ загонѣ у своихъ союзниковъ, и ея политическая жизнь обслуживается въ большой прессѣ Англіи, Франціи и Россіи весьма неудовлетворительно (быть можетъ, оттого, что явленія этой жизни даютъ союзникамъ слишкомъ мало отрадныхъ явленій). По тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя попали въ печать, извѣстно, что, начиная съ мая, послѣ ряда уличныхъ первомайскихъ демонстрацій, аресты производятся въ небывалыхъ для Италіи размѣрахъ: въ Миланѣ—1000 человѣкъ, Римѣ—700 и т. д. Но, параллельно репрессіямъ, растутъ популярность и вліяніе с.-д. партіи, съ самаго начала войны занявшей непримиримо интернаціоналистскую позицію. Этому прежде всего содѣйствуетъ необычайно тяжелое финансово-экономическое положеніе страны, для которой почти въ такой же мѣрѣ, какъ для Россіи, непосильно бремя затяжной войны. Еще весной этого года Генеральный Продовольственный Комиссаръ Джузеппе Канепа заявлялъ, что Италіи невозможно будетъ пережить еще одну зимнюю кампанію, и недавно мы читали о спеціальномъ совѣщаніи между Ллойдъ-Джорджемъ и Соннино на предметъ оказанія помощи, которая вывела бы Италію изъ «затруднительнаго положе-

---

1 Какъ извѣстно теперь читателямъ, кризисъ оказался болѣе сложнымъ и затяжнымъ. Кроваво-грязное дѣло задушеннаго въ тюрьмѣ журналиста Альмерейды послужило внѣшнимъ толчкомъ для паденія кабинета Рибо. Панлеве удалось послѣ большихъ трудностей образовать правительство, но въ него—впервые за все время существованія войны—не вошли соціалисты. Если изъ этого обстоятельства еще нельзя дѣлать вывода объ окончательномъ поворотѣ министеріалистской политики французской рабочей партіи, о полномъ ея разрывѣ съ «union sacrée», — то во всякомъ случаѣ этотъ рѣшительный шагъ является въ высокой степенени симптоматичнымъ и знаменательнымъ. Уроки русской революціи не прошли даромъ для Запада, и стокгольмская конференція оказалась настолько кровнымъ дѣломъ для французскаго пролетаріата, что даже такіе политики, какъ Альбертъ Тома и Пьеръ Ренодель не сочли возможнымъ снести пощечину, нанесенную ихъ партіи полицейской выходкой г. Рибо.

нія». Рѣчь шла, очевидно, о новыхъ экстренныхъ займахъ (военные расходы уже съѣли половину національнаго богатства страны) и объ улаженіи угольнаго кризиса, принимающаго тамъ исключительно острую форму [1].

Изъ дипломатическихъ успѣховъ державъ Четверного Согласія приходится отмѣтить присоединеніе *Греціи* къ союзникамъ. Исторія этого «добровольнаго» шага и «героическаго» жеста слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы на ней останавливаться. Наканунѣ подобныхъ рѣшеній стоятъ Аргентина и *Китай*, вновь пережившій неудачную попытку монархической реставраціи при помощи манчжурскихъ войскъ и очевиднаго участія Японіи, явно заинтересованной въ поддержкѣ традиціоннаго китайскаго антагонизма между Сѣверомъ и Югомъ.

Слѣдуетъ указать еще на безпрерывное рабочее и революціонное движеніе въ *Португаліи* и, главнымъ образомъ, въ *Испаніи*, гдѣ мы имѣли въ теченіе этого лѣта рядъ крупныхъ стачекъ: металлистовъ—въ Бильбао, горнорабочихъ—въ Агиласѣ, военныхъ заводовъ—въ Севильѣ и т. д. Когда писались эти строки, стало извѣстнымъ, что и желѣзнодорожники организуютъ всеобщую стачку. Не знаемъ, каковъ будетъ исходъ этого намѣренія, но правительство съ своей стороны заявило, что приметъ «всѣ мѣры» для ея предупрежденія...

Что же дальше? Намѣчается какой-нибудь выходъ изъ кроваваго тупика, въ который загнали человѣчество преступныя силы международнаго имперіализма?

Несомнѣнно, огромнымъ шагомъ впередъ слѣдуетъ признать уже одно то обстоятельство, что въ теченіе послѣдняго года, а особенно послѣ русской революціи, подпольное слово «миръ» получило права гражданства. Но то примѣненіе, которое дѣлаютъ изъ него хозяева народовъ, какъ мы видѣли, особенно радужныхъ надеждъ не вызываютъ. Въ декларацiи 8 іюля, являющейся платформой дѣйствія нашего «Правительства Спасенія Революціи», имѣется торжественное обѣщаніе созвать въ августѣ конференцію Союзниковъ для пересмотра цѣлей войны. Но исходъ этой конференціи кажется намъ въ значительной мѣрѣ предопредѣленнымъ [2] какъ ослабленіемъ силы и вліянія русской революціи, такъ и состоявшейся уже «малой» конференціей по балканскимъ дѣламъ, вынесшей на свѣтъ Божій резолюцію, въ которой, совершенно въ духѣ медоваго мѣсяца войны, декларируется ея продолженіе до тѣхъ поръ, «пока станетъ невозможнымъ повтореніе преступныхъ нападеній вродѣ того, отвѣтственность за которое несетъ имперіализмъ центральныхъ имперій». Что же касается конкретныхъ рѣшеній о передѣлѣ балканскихъ земель, то на этотъ счетъ царитъ, разумѣется, краснорѣчивая фигура умолчанія.

---

1 Въ августѣ ген. Кадорна вновь предпринялъ наступленіе въ большомъ стилѣ. Итальянцы одержали значительные успѣхи, и ближайшее будущее покажетъ, завершатся ли они Тріестомъ, или придется снова ждать... весны.

2 Августъ уже,—увы!—миновалъ...

Весною этого года передъ истомленными народами Европы замаячила другая надежда: международная соціалистическая конференція въ Стокгольмѣ. Упованія на разрѣшеніе мірового конфликта путемъ взаимоуничтоженія, продолженія бойни «до конца» успѣли за три года войны обнаружить передъ массами свою полную несостоятельность. Стало очевиднымъ, что надо искать другихъ путей, что не на поляхъ сраженій и въ кабинетахъ министровъ можно найти ключъ къ выходу изъ позорнаго кошмара современности. Русская революція, казалось, освѣтила нужную дорогу: миръ долженъ быть заключенъ народами! Отсюда огромная популярность стокгольмской конференціи и положительная роль, сыгранная ею, какъ символомъ или идеей: это не была, какъ многіе ошибочно полагаютъ, надежда на барина, который пріѣдетъ и все разсудитъ. Лозунгъ созыва международнаго соціалистическаго конгресса пробуждалъ массы, втягивалъ ихъ въ борьбу за миръ, отрывалъ отъ политики національнаго единенія. Къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ безконечныхъ отсрочекъ созыва конференціи, явнаго и тайнаго саботажа, со стороны правительства и прислуживающихъ имъ соціалъ-патріотовъ, ослабленія русской революціи и соотвѣтственной сдачи ряда позицій въ области внѣшней политики органами революціонной демократіи,—революціонизирующее вліяніе стокгольмской конференціи сошло или сходитъ на нѣтъ.

Во Франціи Національный Совѣтъ 28-го мая единогласно постановляетъ участвовать въ конференціи. Черезъ нѣсколько дней Рибо торжественно отказываетъ делегатамъ въ паспортахъ, Ренодель смиренно и, быть можетъ, не безъ тайнаго удовлетворенія сноситъ пощечину и кротко вотируетъ довѣріе г. Рибо. Затѣмъ начинается обработка состава конференціи: изгоняется нечестивая бернская циммервальдская комиссія, но зато раскрываются объятія для Гомперса и Жуйо. Въ Англіи тонкій дипломатъ Ллойдъ-Джорджъ либерально предоставляетъ паспорта въ Стокгольмъ Макдональду, Ферчайльду и Джоуэтту, но на сцену, какъ по щучьему велѣнію, выступаетъ капитанъ Таперъ и, демонстрируя «народное негодованіе», снимаетъ съ парохода стокгольмскихъ паломниковъ. Гендерсонъ ѣдетъ въ Россію увѣщевать революціонеровъ и возвращается на родину приверженцемъ стокгольмской конференціи. Но нордклифовская пресса подымаетъ кампанію противъ взбунтовавшагося министра и требуетъ отъ правительства недопущенія стокгольмскаго безобразія,—и сейчасъ же телеграфъ приноситъ намъ лаконическое и выразительное извѣщеніе о томъ, что Гендерсонъ теперь «значительно измѣнилъ свое отношеніе къ стокгольмской конференціи...»

Немудрено, что въ этой атмосферѣ закулисныхъ интригъ, мелкаго политиканства и всяческихъ увертокъ идея международной соціалистической конференціи принимаетъ угрожающе-карикатурный характеръ.

И намъ думается, что безъ новаго подъема революціонной волны, безъ предварительныхъ побѣдъ на «внутреннихъ фронтахъ»,—стокгольмская конференція—если она только состоится, въ

чемъ теперь нетрудно усомниться, — немногое принесетъ пролетарской демократіи міра и всему человѣчеству.

Раф. Григорьевъ.

P. S. Статья была написана и сдана въ наборъ еще въ концѣ іюля. Съ тѣхъ поръ, хотя прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, общее положеніе осталось по прежнему неустойчивымъ и противорѣчивымъ, несмотря на то, что хроника международной жизни обогатилась рядомъ не лишенныхъ важности явленій. Голосованія англійскаго пролетаріата по вопросу о Стокгольмѣ, межсоюзническая соціалистическая конференція, мирное обращеніе папы и отвѣтъ Вильсона,—всѣ эти различной степени значительности событія, несомнѣнно, внесли кое-что новое. Но все же они остаются лишь отдѣльными эпизодами, и тяжелый безрадостный «возъ» войны и «понынѣ тамъ», куда завезли его 37 мѣсяцевъ тому назадъ хозяева земли и торговцы человѣческой кровью...

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

ДЕМОКРАТИЗАЦІЯ ИСКУССТВА.

Есть люди, которые недоумѣваютъ, съ какой стати заволновались дѣятели искусства; почему въ связи съ революціей появились у насъ всевозможныя организаціи, какъ «свобода искусству», «искусство для народа», «союзъ дѣятелей искусства»; почему заговорили о демократизаціи искусства, объ его автономіи, объ отдѣленіи искусства отъ государства и пр. Что общаго между демократіей и искусствомъ, искусствомъ и революціей. Въ этомъ недоумѣніи сказывается полное непониманіе и того, что такое искусство, и что такое демократія, и прежде всего, каково значеніе русской революціи.

Если бы смыслъ русской революціи исчерпывался ея политической стороной, если бы все сводилось къ установленію того или иного государственнаго строя, то, конечно, искусство было бы не при чемъ, и дѣятелямъ искусства не къ чему было бы поднимать вопросы, рѣшеніе которыхъ не зависитъ отъ того, будетъ ли въ Россіи монархія или республика. Но не въ этомъ суть русской революціи, и не государственнымъ строительствомъ ограничивается ея творческій размахъ. Ея призваніе—по новому поставить и разрѣшить основныя проблемы соціальной и культурной жизни; въ этомъ ея міровое значеніе. Она не послѣдняя въ ряду уже пережитыхъ другими народами, а первая изъ грядущихъ. Великая французская революція дала человѣчеству новую культуру, культуру либеральной буржуазіи; великая русская революція призвана заложить основы тоже новой культуры, культуры грядущей демократіи.

А разъ такъ, то неудивительно, что дѣятели искусства, этой величайшей отрасли человѣческой культуры, почувствовали, что не могутъ оставаться равнодушными зрителями всего происходящаго, что ихъ силы необходимы въ совершающемся переустройствѣ жизни. И если есть дѣятели искусства, утверждающіе, что ихъ все это не касается, то это—или безнадежные индивидуалисты, полагающіе, что на ихъ личности міръ сошелся клиномъ, или же люди, попросту не понимающіе грандіозности событій.

Въ какомъ же отношеніи находятся демократія и искусство? Каковы тѣ вопросы искусства, которые могутъ быть поставлены и разрѣшены въ ходѣ демократическаго строительства? Въ чемъ демократизація искусства?

Чтобы дать вѣрный отвѣтъ и избѣжать скороспѣлыхъ выводовъ, необходимо уяснить себѣ, что въ словѣ «искусство» мы объединяемъ два совершенно различныхъ понятія: искусство,

какъ личное творчество, и искусство, какъ соціально-культурное явленіе.

На смѣшеніи этихъ двухъ понятій основано очень распространенное убѣжденіе, что демократизація искусства въ томъ, что отнынѣ оно должно служить народу, что художникъ, поэтъ, музыкантъ—должны теперь творить для народа. И правы тѣ, кто возражаетъ на это, что подлинный художникъ творитъ только для себя и для тѣхъ, кому онъ нуженъ; и что только при такомъ условіи возможно само творчество. Но не правы они, думая, что этимъ возраженіемъ устраняется самая возможность приложенія демократическихъ принциповъ къ искусству.

Несомнѣнно, что творчество должно быть свободно. Но также несомнѣнно, что подлинная демократія никогда на эту свободу не покушалась. Демократія всегда и во всѣхъ отрасляхъ культурной жизни выступала, какъ поборница свободы духовнаго самоопредѣленія. Отстаивая свободу религіознаго и научнаго творчества, демократія не можетъ, оставаясь вѣрной своему основному принципу, нарушать свободу творчества художественнаго.

Все недоразумѣніе, какъ я уже сказалъ, основано на смѣшеніи двухъ понятій, объединенныхъ въ словѣ «искусство». Пока рѣчь идетъ объ искусствѣ, какъ о личномъ творчествѣ, никакіе демократическіе принципы неприложимы. Демократизація отнюдь не значитъ воспитаніе, а тѣмъ менѣе насилованіе индивидуальности въ опредѣленномъ направленіи. Но запросами индивидуальности не исчерпывается понятіе искусства. Свободно опредѣлившіеся поэты, художники, музыканты, выступая съ плодами своего творчества, вступаютъ между собой и съ обществомъ въ сложное взаимоотношеніе, создавая этимъ искусство, какъ соціально-культурное явленіе. И тутъ передъ демократіей стоитъ цѣлый рядъ задачъ, подлежащихъ ея рѣшенію.

Къ сожалѣнію, сами дѣятели искусства чрезвычайно мало интересовались до сихъ поръ вопросами художественной жизни, предоставляя ее свободной игрѣ силъ. Поэтому демократіи предстоитъ еще только поставить вопросы, формулировать проблемы. Въ этомъ отношеніи большую помощь могутъ оказать ей возникшіе послѣ революціи общества и союзы дѣятелей искусства. На нихъ обязанности лежитъ подготовка фактическаго матеріала и разработка практическихъ мѣръ кореннаго преобразованія художественной жизни.

Основной проблемой демократическаго искусства является вопросъ о такъ называемомъ «народномъ творчествѣ». Мы такъ привыкли къ дѣленію искусства на «настоящее» и «народное», что, пожалуй, самая постановка вопроса можетъ показаться странной. А между тѣмъ, гораздо страннѣй, что поэмы, симфоніи, музейныя картины почитаются искусствомъ, а частушки, пѣсни, лубки—бытовыми явленіями. Къ первымъ примѣняется мѣрка художественной оцѣнки, ко вторымъ—методы этнографическаго изслѣдованія. Балетъ—искусство, а трепакъ—этнографія.

Если бы вздумали искать объясненія этого страннаго явленія въ анализѣ элементовъ художественнаго творчества, всѣ наши поиски были бы безплодны. Но стоитъ только обратить вниманіе на соціальную основу этого дѣленія, и все станетъ совершенно яснымъ. «Настоящее» искусство—это искусство привиллегированныхъ классовъ въ отличіе отъ искусства непривиллегированныхъ, искусства народнаго. Здѣсь, какъ и въ остальныхъ областяхъ соціальной жизни, привиллегированные классы твердо стоятъ на томъ, что ихъ вкусъ, ихъ воззрѣніе, ихъ интересы—абсолютны; ихъ культура—истинная, настоящая. А все остальное—бытовые факты, подлежащіе регистраціи, но, разумѣется, какъ явленіе совершенно другого порядка. Надо сказать, что въ послѣднее время художественный міръ очень заинтересовался народнымъ творчествомъ и связанными съ нимъ вопросами эстетическаго воспитанія народа. Но тутъ-то и обнаружилась та полная неразбериха, которая неизмѣнно сопутствуетъ всякимъ безпринципнымъ начинаніямъ «друзей народа».

Одна группа художниковъ отнеслась съ откровеннымъ презрѣніемъ къ продуктамъ народнаго творчества, считая ихъ показателемъ низкаго уровня развитія народа, его недостаточной культурности. О народномъ искусствѣ говорили, какъ объ искусствѣ дѣтей или дикарей, которыхъ надо еще поднять до высотъ истинной культуры. Отсюда единственная насущная задача—воспитать эстетическій вкусъ народа. Съ этой цѣлью былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ для насажденія въ народѣ настоящаго искусства: умножалось количество художественныхъ школъ вводилось преподаваніе графической и прочей художественной грамотности въ школахъ общеобразовательныхъ, изготовлялись образцы для кустарей, давались спектакли для народа и пр., и пр. Всѣ эти, кажущіяся на первый взглядъ очень демократическими начинанія, сводились, однако, къ одному: заставить народъ отказаться отъ своего художественнаго вкуса, отъ своихъ эстетическихъ навыковъ, и полностью принять, какъ истинное, то, что въ дѣйствительности является только искусствомъ опредѣленной соціальной группы.

Но, какъ всегда, такое насильственное обращеніе въ «свою вѣру» привело къ печальнымъ результатамъ. Вмѣсто подлиннаго искусства получилась какая-то жалкая фальсификація, носящая громкое названіе «искусство для народа», вѣрнѣе «искусство для бѣдныхъ». Дѣятели искусства снисходительно изготовляли для народа несложные, доступные его пониманію, образцы «настоящаго» художественнаго творчества; а народъ, механически проглатывая эту жиденькую, эстетическую кашицу, тосковалъ по здоровой пищѣ, пусть «некультурной», но зато сытной.

Вторая группа дѣятелей искусства, въ отличіе отъ первой, отнеслась къ народному творчеству съ какимъ-то болѣзненнымъ восторгомъ. Пресытившись культурной пищей, они съ жадностью набросились на народную «некультурность», надѣясь ею расшевелить свой уснувшій эстетическій аппетитъ. Оказалось,

что духъ народнаго искусства и есть основа истиннаго творчества; но, конечно, только духъ, общее направленіе. Форма, разумѣется, несовершенна, народъ нужно еще научить творить, но духъ надо оставить неприкосновеннымъ. Мало того, надо народъ всячески оградить отъ постороннихъ вліяній, отъ тлетворныхъ вѣяній современности; еще бы лучше отвести его назадъ вѣка на два, на три, когда самобытность его еще ничѣмъ не была нарушена. Усердіе «друзей народа» доходило порой до того, что чуть-ли не рекомендовалось запретить ввозъ предметовъ искусства изъ-за границы, а изъ русскаго искусства пропускать въ народъ въ качествѣ образцовъ только произведенія старинныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ художники усердно принялись изготовлять вещи подъ народное творчество, обрабатывая народные «мотивы» по всѣмъ правиламъ настоящаго искусства, что пришлось чрезвычайно по вкусу пресыщеннымъ эстетамъ, а главнымъ образомъ иностранцамъ.

Не трудно понять, что и та, и другая группа равно отнеслись къ народу, какъ къ эстетическому младенцу; съ той только разницей, что первая сочла своимъ долгомъ помочь ему развиться и стать взрослымъ, а вторая, плѣненная его дѣтской наивностью, рѣшила принять всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ, къ вящему удовольствію публики и впредь оставался тѣмъ же милымъ ребенкомъ. Во всемъ этомъ, конечно, имѣлось въ виду прежде всего благо самого народа. Но народъ продолжалъ итти своей творческой дорогой, не считаясь съ тѣмъ, входитъ ли это въ расчеты его высокихъ покровителей и воспитателей, создавая свое искусство, ничего общаго не имѣющее ни съ «искусствомъ для народа», ни съ «искусствомъ подъ народъ».

Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Ничего нельзя сдѣлать для народа: все, что должно быть сдѣлано, долженъ сдѣлать народъ самъ. А всякое культурное народничество просто барскія затѣи, которыя никогда не идутъ народу на пользу. Недаромъ сказано:

«Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
«И барскій гнѣвъ, и барская любовь».

Народъ безъ посторонней помощи сознаетъ свои культурныя потребности и найдетъ способы ихъ удовлетворить. Въ этомъ назначеніе демократіи, которая и есть самъ народъ въ лицѣ своихъ наиболѣе сознательныхъ представителей.

На вопросъ же о народномъ искусствѣ у демократіи можетъ быть одинъ лишь отвѣтъ: искусство—едино, самое дѣленіе его на настоящее и народное—безсмысленно. Всѣ дѣятели искусства равны, чьему бы эстетическому вкусу они ни удовлетворяли. Настаивая на отмѣнѣ всякихъ охранительныхъ и воспитательныхъ мѣръ въ области искусства, демократія должна требовать для себя полнаго художественнаго равноправія, должна добиться того, чтобы ея художники, поэты, музыканты были приняты какъ равные въ художественную семью; чтобы произведенія ея творчества расцѣнивались не какъ этнографія,

а какъ искусство, не менѣе подлинное, чѣмъ искусство господствующихъ классовъ.

«Но что станется съ искусствомъ»! воскликнутъ высокопоставленныя лица, «оно погибнетъ подъ напоромъ невѣжественной толпы». Но позволительно спросить, кто далъ людямъ, увѣнчаннымъ академическими лаврами, монопольное право судить о пользѣ и вредѣ искусству? Не тѣ ли монархи, которые говорили «государство—это я», и которыхъ низвергъ возставшій народъ? Думаю, что иного происхожденія своей верховной власти имъ едва ли удастся установить. А поэтому демократія можетъ смѣло оставить ихъ грозный окрикъ безъ вниманія.

Не слѣдуетъ, однако, преуменьшать трудностей, которыя встрѣтитъ демократія при проведеніи въ жизнь своей художественной программы. Въ рукахъ привиллегированнаго искусства находятся сейчасъ всѣ оффиціальныя художественныя учрежденія, академіи, музеи, казенные театры, все художественно-образовательное дѣло и громадное большинство художественно-коммерческихъ предпріятій. Трудность усугубляется еще тѣмъ, что въ рядахъ самой демократіи нѣтъ еще единаго яснаго представленія о задачахъ демократическаго искусства, благодаря чему многіе художественныя начинанія демократическихъ органовъ, оказываются опредѣленно антидемократическими. Такъ, недавно, наше министерство земледѣлія образовало при себѣ художественный совѣтъ по дѣламъ кустарной промышленности, въ который вошли художники, извѣстные своими работами подъ народное искусство. На ихъ обязанности будетъ лежать наблюденіе за художественнымъ развитіемъ кустарей и изготовленіе образцовъ для кустарнаго производства. Изъ всего вышеизложеннаго ясно, насколько эти мѣры далеки отъ демократической программы.

Необходимо немедля приступить къ разработкѣ всѣхъ вопросовъ художественной жизни и намѣтить пути къ ихъ разрѣшенію согласно принципамъ демократіи. Этого требуетъ народъ, носитель грядущей культуры.

О. Брикъ.

РАЙНЕРЪ М. РИЛЬКЕ.

Райнеръ Маріа Рильке—этимъ именемъ начинается новая глава въ исторіи нѣмецкой литературы. Оно стоитъ вдали отъ какихъ бы то ни было школъ, эстетическихъ теорій и вліяній. Какъ всякій талантъ, Рильке необычайно просто и естественно нашелъ себя въ хаосѣ противорѣчивыхъ художественныхъ догматовъ. Видя себя окруженнымъ ими со всѣхъ сторонъ, смѣшнымъ и не знающимъ среди всѣхъ этихъ «знающихъ» и «увѣренныхъ» — онъ отступилъ, бѣжалъ,—началъ все съ самаго начала.

Мы постараемся здѣсь, хотя бы въ сжатомъ и неполномъ видѣ, изложить творческую религію Рильке, медленно созрѣвшую во время его одинокаго пребыванія въ Пражскомъ университетѣ, въ Берлинѣ, и, наконецъ, у насъ, въ Россіи.

Первая изъ его книгъ «Книга монашескаго житья» появилась въ 1899 году, вторая, «Книга о паломничествѣ»— въ 1901 и «Книга о бѣдности и смерти» — въ 1903. Всѣ части этого триптиха соединены теперь въ одно цѣлое, подъ странно звучащимъ для нѣмецкаго уха заглавіемъ: «Das Stundenbuch», т. е. въ точномъ переводѣ: «Часословъ», 1911 г.

Какъ утверждаютъ нѣмецкіе критики (Albert Goergel и др), именно долгое пребываніе въ Россіи сообщило поэзіи Рильке эпическія и одухотворенныя черты, которыя не только выдѣляютъ его изъ всей современной германской поэзіи, но и въ исторіи его собственнаго развитія образуютъ самый значительный и вполнѣ самостоятельный отдѣлъ.

Быть можетъ, мало обосновано мнѣніе біографовъ, которые въ образѣ инока, описывающаго Бога во всѣхъ вещахъ и явленіяхъ (Часословъ, 1—3), стараются узнать Пушкинскаго Пимена. Но приведемъ нѣсколько строкъ поэта, онѣ говорятъ за себя: «Россія была для меня дѣйствительностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокимъ ежечаснымъ убѣжденіемъ, что дѣйствительность — нѣчто отдаленное, нѣчто, безконечно медленно приближающееся къ тѣмъ, у кого есть терпѣніе. Россія—это страна, гдѣ люди—одинокіе люди, каждый съ цѣлымъ міромъ въ себѣ, каждый полонъ сумрака, какъ гора, каждый глубокъ въ своемъ смиреніи,

и безъ боязни унизиться, и потому—праведникъ». «Здѣсь» (въ Россіи), «люди молчаливы, и слова ихъ — только слабые, шаткіе мосты надъ ихъ истиннымъ смысломъ».

Но испытавъ на себѣ все вліяніе Россіи Блоковской, «гдѣ разноликіе народы изъ края въ край, изъ дола въ долъ ведутъ ночные хороводы при заревѣ горящихъ селъ», почувствовавъ ее всю, безформенную, угарную и безконечно большую,—Рильке не ослабѣлъ, не растворился въ ея дикихъ просторахъ. Наоборотъ, съ какой-то рѣжущей ясностью представился ему весь громадный міръ, который самому надо сдѣлать, поднять и понести, несмотря на его безсмысленную тяжесть и глухое сопротивленіе. Да и что гнетъ всѣхъ вещей, самыхъ «большихъ» и «самыхъ малыхъ», неоконченныхъ и «неудовлетворенныхъ», передъ жаждой и желаніемъ поэта? Передъ его волей, которая «всасывается въ землю безчисленными корнями», подымается стволомъ, полнымъ соковъ, и, распростертая въ вѣтвяхъ, какъ объятіе, знаетъ только молчаливое тепло, и радость, и чистоту неба? (Часословъ, стр. 5). За первымъ оконченнымъ цикломъ начинается второй, еще большій.

Вмѣсто зрѣющаго сада — величавый соборъ, со всѣхъ сторонъ окруженный «шаткими лѣсами», громомъ молотовъ, и суровой, настойчивой нѣжностью строителей.

Къ нимъ приходитъ «странствующій мастеръ» и, потупленный, молчаливый, учитъ учениковъ и подмастерій тайнамъ ремесла. Новый пріемъ переходитъ отъ одного къ другому, неприкосновенный, какъ драгоцѣнность. И такъ до вечера, до «тихаго и темнаго часа», за которымъ стоитъ и ждетъ конецъ, осуществленіе, полнота.

Будетъ-ли когда-нибудь день отдыха, когда всѣ башни, карнизы и стропила составятъ одно стройное зданіе? Но и тогда художникъ, отступивъ, откинувъ голову, сожмуривъ глаза, все-же не обойметъ всего своего созданія. Пусть достроенъ дворецъ, памятникъ или городъ — за высокими стѣнами все «еще неистощенное пространство», «холмы съ пологими очертаніями», «глубокія воды», въ которыхъ захлебывается торопливое время, и ночи, темныя, «какъ неводъ».

Жизнь нигдѣ не остываетъ и никогда не останавливается. Хотимъ мы или нѣтъ, она зрѣетъ помимо нашей воли и вдругъ, беззащитная, неокрѣпшая, «падаетъ къ нашимъ ногамъ», какъ жалкій птенецъ, выброшенный изъ гнѣзда. Вотъ онъ лежитъ на ладони (рука слишкомъ велика для этого комка «перьевъ, въ которомъ страшно сильно колотится большое сердце») и однимъ своимъ

страхомъ, нелѣпыми и слабыми лапами, разрушаетъ представленіе о формально законченной гармоніи. (Часословъ, стр. 14).

Но Рильке не дорожитъ достигнутой, временной формой. Лирика его невозможна безъ постояннаго возобновленія, безъ соревнованія вѣчно-рождающей природы, которая здѣсь, рядомъ, за стѣной, разрушаетъ и даритъ.

Отнимите у Рильке возможность б е з к о н е ч н а г о труда, и изъ книги его выпадетъ самое цѣнное, предметъ неизъяснимой нѣжности, радости и служенія—богъ. Вѣдь это онъ—лѣса, воды и вѣтры, начало началъ; почва, о комъ древніе лѣтописцы писали «золотомъ и киноварью», и «чернилами, выжатыми изъ коры яблони».

«Ты почва, и вѣчность твое постоянное лѣто.
О дальнемъ ты думаешь, какъ о приближенномъ другѣ:
Глубоко-ли бросилъ онъ сѣмя, глубоко-ли плуги
Для будущей жатвы взрыхлили широкіе круги
И пахарь, и жнецъ надъ тобою идутъ незамѣтно». [1]

Ни страха, ни безобразнаго гнета не внушаетъ творческое божество Рильке. Но только жажду созиданія, и ростъ, и переполненіе духа, который всѣми устьями, всѣми серебряными разливами впадаетъ въ неизмѣримую глубину бога. «Мы строимъ тебя дрожащими руками и громоздимъ атомъ на атомъ, но кто можетъ завершить тебя, ты, соборъ? Что Римъ? Онъ распадется. Что міръ? Онъ будетъ разбитъ прежде, чѣмъ твои башни понесутъ купола, прежде, чѣмъ изъ многоверстныхъ мозаикъ подымется твое сіяющее чело».

Не человѣкъ боится своей призрачной жизни и жалкаго конца, но богъ, который со смертью человѣка теряетъ все: строителя, «чашу, садъ и напитокъ».

И не только поэтъ, избранный, ближе всѣхъ стоящій къ богу, но каждый изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, не можетъ «не стремиться отъ себя, какъ отъ тюрьмы, которая его ненавидитъ и держитъ».

Когда изъ окна падаетъ самый незначительный предметъ, на него, «какъ вѣтеръ съ моря», обрушивается весь законъ тяжести. Каждую вещь «сторожитъ благосклонная сила полета и паденія», все увлекающая къ землѣ, будь то цвѣтокъ или камень, мячъ или крупица пыли.

Но мы—мы боимся широкой свободы стихій, ихъ мудрой простоты. Вмѣсто того, чтобы спокойно и неудержимо

[1] Настоящій и всѣ послѣдующіе переводы принадлежатъ автору этой статьи.

рости, какъ растетъ «дерево, ребенокъ и животное», мы оцѣпляемъ наше существованіе заколдованнымъ кругомъ, безчисленными нитями держимся за устойчивое, неподвижное, длительное. И уроды, съ нежилой душой и слѣпыми мыслями, все не покидаемъ пустынныхъ и призрачныхъ береговъ. А между тѣмъ, освобожденіе такъ просто и радостно; стоитъ только упасть, «послушно покоиться въ тяжести», быть въ полетѣ, какъ птицы, и еще легче, еще непринужденнѣе.

Отчего не построить арсеналы, кладовыя съ тюремными рѣшетками, для всѣхъ жалкихъ, «неизрасходованныхъ» жизней, «для панцырей, паланкиновъ и колыбелей», «въ которыхъ никогда не покоился ни одинъ Настоящій», для «одеждъ, которыя сами не могутъ стоять, и, подгибаясь, жмутся къ сильнымъ стѣнамъ сводчатаго камня?»

Есть среди этихъ мертворожденныхъ и заживо погребенные. Это анахореты, пустынники и скопцы, которымъ даже монастыри казались людными, «такъ что они себя погрузили глубоко въ землю». Тамъ, внѣ жизни и времени, они маленькими глотками выпили свѣтъ и воздухъ, принесенный съ собой, и смерть не коснулась ихъ, «какъ давно скончавшихся».

«Они читали рѣдко. Свѣтъ зачахъ.
«Какъ-бы морозъ проникъ въ святыя книги
«И, какъ съ костей спускаются вериги,
«Повисла мысль на всѣхъ живыхъ словахъ».

(Часословъ, стр. 14).

Ихъ руки, скрещенныя на груди, «давятъ ихъ, какъ тяжесть горъ». Но есть и другая бѣдность, болѣе печальная и цѣломудренная, которой Рильке посвятилъ треть своего «Часослова», и это бѣдность большихъ городовъ. Она не бѣжитъ въ тихіе скиты и не сохраняетъ безкровное тѣло для будущаго.

Со всѣхъ сторонъ окруженная ложью улицъ, тѣсныхъ комнатъ, заемнаго свѣта, обманутая днемъ и забытая ночью, зрѣетъ нищета для красоты и свободы. Это на ней, всею тяжестью, покоится рука бога, «какъ тяжелый каменный утесъ на золотоносной жилѣ».

Все, что бѣдность приближаетъ къ ясной свободѣ духа, все воспѣлъ Рильке въ книгѣ «О нищетѣ и смерти». Безкорыстіе ранняго христіанства получаетъ какую-то пантеистическую широту въ этихъ пѣсняхъ. Здѣсь бѣдность не только «превращаетъ золото въ солнечный свѣтъ», но она—совершенная молодость, источникъ всякой будущей жизни.

Только голодные похожи на дѣтей: очищенные лишеніями, чуждые рабства вещей и общественныхъ положеній, они медленно сбрасываютъ съ себя лохмотья лжи и «стоятъ, какъ на сильномъ вѣтру».

Правда, мелкія обиды и униженія, которыми сытость такъ стыдитъ и дразнитъ; необходимость быть, «какъ всѣ», съ какимъ-нибудь вытертымъ галстухомъ на шеѣ, боязнь «послѣдней черты», за которой начинается «дно» и преступленіе—еще лишаютъ бѣдность ея глубоко-религіознаго значенія.

Со всѣхъ сторонъ облѣпленная соромъ и грязью мощенныхъ улицъ, она никакъ не можетъ изъ нихъ выбраться. Городскія дѣти, выросшія въ тѣни подоконниковъ, среди хлама и пыли загроможденныхъ чулановъ—ничего не знаютъ о томъ, что такъ близко, у самыхъ стѣнъ города: о солнцѣ, землѣ и небѣ.

И когда, достигнувъ самой просвѣтленной, самой послѣдней точки своего униженія, нищіе отрываютъ себя отъ безобразнаго труда и безобразной жизни—они попадаютъ на ту же улицу, изъ которой нѣтъ выхода.

Рильке часто опредѣляютъ, какъ анти-урбаниста, проповѣдника не-городской и не-общественной культуры. Опредѣленіе невѣрное. Не городъ ненавистенъ поэту, не оранжерея, въ которой растутъ изумительные цвѣты бѣдности, но то, что эти цвѣты наполняютъ собой дома для умалишенныхъ и морги, за полнымъ отсутствіемъ иного употребленія.

А тамъ, гдѣ единственная развязка — сумасшедшій домъ, тамъ нѣтъ жизни и творчества.

Вотъ откуда молитва:

«Но ты ихъ долженъ взять изъ городовъ!
«Гдѣ все имъ гнѣвъ, и все недоумѣнье—
«И гдѣ они умрутъ съ пораненнымъ терпѣньемъ

И дальше:

«Вѣдь есть же у земли еще просторъ.
«Ключей и вѣтровъ свѣтлая дорога—
«И заводи у берега озеръ,
«Гдѣ ляжетъ тѣнь отъ двери и порога.
«Какъ дереву, имъ нужно такъ немного:
«Пусть только не стучитъ вблизи топоръ».

(«Часословъ», 94).

II.

Уже испытаннымъ мастеромъ, послѣ «Часослова» и «Житья Дѣвы Маріи», возвращается Рильке къ исторіи своей юности и пишетъ автобіографію, которую мы здѣсь разсмотримъ, какъ совершенно самостоятельное художественное произведеніе, какимъ оно и является по замыслу и формѣ. Быть можетъ, читателя удивитъ такое распредѣленіе матеріала: сперва обще-философское міровоззрѣніе, и лишь во второй части — біографія, или, вѣрнѣе, автобіографія. Но такой планъ вытекаетъ, прежде всего, изъ постепеннаго развитія самого поэта, для котораго «Записки Мальте Лаудисъ Бригге»—слѣдующая ступень относительно «Часослова», идеологическимъ богатствомъ котораго онѣ и обоснованы. Свою жизнь Рильке ощутилъ, какъ поэму въ прозѣ. Мы не имѣемъ права ни измѣнять, ни оспаривать его воли.

Календарные дни, черные съ краснымъ, скудные, или наводненные историческимъ прошлымъ, чаще всего образуютъ основу мемуаровъ. Но только прошлое первыхъ страховъ, болѣзней и предчувствій живетъ въ «Начертаніяхъ Мальте». Неокрѣпшая воля,—какіе она совершила подвиги, чтобы въ десятилѣтнемъ мальчикѣ спасти будущаго поэта отъ слабости и безумія многихъ предковъ!

Все въ старинномъ, покойномъ домѣ Бригге соединилось противъ него: дневники отцовъ и дѣдовъ, причуды матери, запыленныя вещи—свидѣтели медленныхъ, подтачивающихъ душевныхъ заболѣваній. Ни одна жестокая случайность: жестъ, возгласъ, выдающій присутствіе неизбѣжныхъ, неизлѣчимыхъ недуговъ, не пощадила юнаго Мальте. Часы безотчетнаго ужаса передъ темной комнатой, которая задушена, захлебывается тишиной, передъ собственнымъ лицомъ, искаженнымъ маской, неузнаваемымъ среди складокъ, гримасъ, интонацій стариннаго костюма. Все это вынести и удержаться!

Цѣлыя зданія, тяжеловѣсные, нестерпимые фантомы, вызванные изъ пепла напряженіемъ воли, болѣзненной, ясновидящей силой галлюцинацій. Зданія, уже несуществующія, но живыя въ крови, нервахъ, осязаніи своихъ обладателей.

Неправда ли, хочется сказать, «Домъ Эшеровъ», «Леди Лигейя», продолженная въ родственникахъ, отцы и дѣды, все еще гонимые въ запоздалыхъ внукахъ?

Но есть и существенное различіе. У Эдгара По домъ Эшеровъ, заплеснѣвѣлая стѣна съ трещиной посерединѣ, прудъ, столѣтія несущій одно и то же изображеніе—все жи-

ветъ помимо людской воли, гнететъ и обрекаетъ на безуміе своимъ монотоннымъ, неотразимымъ «Never more».

Не такъ у Рильке. Онъ чуждъ навязчивыхъ, все снова возвращающихся, образовъ. Отдѣльное впечатлѣніе, какъ оно ни ярко, остается въ общемъ руслѣ душевной жизни, не загромождаетъ его теченія цвѣтами-паразитами, громадными и прожорливыми.

Часто опасность очень велика, граница между Мальте и его прошлымъ кажется стертой, и все же, въ послѣднюю минуту торжествуетъ какое-нибудь теплое солнечное пятно, влажныя нити красной смородины, проворныя руки, отдѣляющія ягоды отъ стеблей, или голосъ Абелоны, или запахъ разрѣзаннаго ею ржаного хлѣба.

Едва ощутимая преграда между природой и сознаніемъ нигдѣ не рвется, она просвѣчиваетъ, позволяетъ видѣть тайную сущность вещей, но нигдѣ не разступается окончательно для проваловъ въ «мистическое ничто», для «потусторонникъ» голосовъ и прикосновеній.

Творческій инстинктъ Рильке напоминаетъ прозрачную кисейную пелену между зрительнымъ заломъ и сценой въ нѣкоторыхъ парижскихъ театрахъ. Совершенно незамѣтная со стороны публики, для артистовъ она кажется бѣлой, непроницаемой стѣной. Они чувствуютъ разгоряченное дыханіе толпы, но не видятъ ея бѣлесоватое, плоское, въ темнотѣ двигающееся лицо.

Приведу нѣсколько строкъ изъ По и Рильке, очень выясняющихъ сущность послѣдняго. По описываетъ драпировки:

«Посѣтитель видѣлъ вокругъ себя безконечную процессію зловѣщихъ образовъ, подобныхъ тѣмъ, которые зарождались въ норманскихъ суевѣріяхъ, или въ трѣшномъ снѣ монаховъ. Этотъ фантастическій эфектъ усиливался токомъ воздуха, постоянно колебавшимъ драпировки и придававшимъ всему отвратительную живость».

И у Рильке кружева: «Внезапно, совсѣмъ усталымъ и смущеннымъ, намъ открывалась длинная дорога Валансьенскихъ (кружевъ); и была зима, и раннее утро, и иней. Мы тѣснились чрезъ снѣжные кусты и достигли мѣстъ, гдѣ никто еще не бывалъ. Вѣтви такъ странно склонялись долу, подъ ними могла быть могила, но это мы скрывали другъ отъ друга.

Все ближе насъ касалась стужа и въ концѣ концовъ maman говорила, когда начинались маленькія, тонкія ручныя кружева: «О, наши глаза покроются ледяными цвѣтами», и такъ и было, т. к. имъ было очень жарко въ насъ!»

Въ своихъ «Начертаніяхъ» Рильке пожелалъ дать различія еще болѣе наглядныя.

Рядомъ съ творчествомъ Мальте вызрѣваетъ торжественная, родовая смерть. Почти заглушая тонкую нить жизни, какъ глухіе мхи, какъ безшумные, тяжелые папоротники надъ лѣснымъ ручьемъ, разростаются надъ жизнью Мальте великолѣпныя кончины его матери, дѣда, отца.

Не «случайности», пришлыя, унизительно-скорыя, но агоніи, дремавшія въ крови, и въ опредѣленный часъ овладѣвшія сердцемъ и мозгомъ. Гордая воля цѣлыхъ поколѣній сосредоточена на нѣсколькихъ, послѣднихъ часахъ. Гибель торжествующая, побѣдоносная, готовая испытать свою мощь какою угодно цѣной. Отецъ Мальте, лежа на столѣ, съ скостѣнѣлымъ лицомъ и орденской лентой черезъ плечо, ждалъ исполненія своей посмертной воли: ему прокололи сердце иглой. Онъ хотѣлъ увѣренности.

Когда врачи вынимали изъ тѣла продолговатый инструментъ, очень немного крови выступило изъ раны, «снова закрывшейся, какъ закрывается глазъ». И все-же очевидно: цѣлые фонтаны живой силы брызжутъ изъ маленькаго отверстія, жизнь кричитъ отъ боли и вырывается. Сцены, подобныя вышеприведенной, для Мальте обозначаютъ впаденіе набухшаго притока въ старое, узкое русло.

Передъ лицомъ такой смерти нельзя не жить; зачарованный лѣсъ разступился, на золотомъ, песчаномъ днѣ, на камняхъ, положенныхъ прохожими, звенитъ весна, талый снѣгъ, горные ключи, упавшіе въ долину.

Но не только смерть—тайная союзница Лаудисъ. У него была Абелоне, прекрасная сестра, голосъ которой, какъ у музы, высокъ и щедръ. Абелоне не могла покинуть семьи, чтобы стать чьей-нибудь женой или матерью: ее, какъ и всѣхъ Бригге, ожидало гордое и чистое безплодіе. Но она была любовью, всей женской граціей своего погибающаго дома. На ней лежало больше солнца, больше утра и росы, чѣмъ на всѣхъ лѣсистыхъ вершинахъ, окружавшихъ Ульсгааръ.

И, кромѣ того, Абелоне пѣла. Могло-ли быть иначе? Музыка касается поэзіи, она—свѣтлое ея преддверіе. Пересказать отношенія Мальте и его кузины невозможно. Они лежатъ въ той области, гдѣ одно искусство предсказываетъ другое, гдѣ страсти безплотны и постоянны, какъ творчество.

III.

Два тома «Новыхъ стихотвореній» (1907—1908) вѣнчаютъ собой все, созданное Рильке въ области формы. Правда, выборъ темъ кажется и уже, и шире, по сравненію съ предыдущими сборниками.

Обще-философскіе мотивы почти отсутствуютъ. Богъ и человѣкъ, съ безконечнымъ между ними діалогомъ, нигдѣ не повторяются, за предѣлами «Часослова».

Отшельникъ и мистикъ Рильке празднуетъ въ «Новыхъ стихотвореніяхъ» свое возвращеніе къ міру, къ свѣтской, радостной наукѣ, ко всѣмъ пріобрѣтеніямъ утонченной и избалованной мысли.

Парижъ—неизмѣнный фонъ этихъ послѣднихъ лѣтъ, и мастерская Родэна, гдѣ Рильке провелъ лучшіе свои дни въ качествѣ секретаря и друга художника.

И совершенно невольно, просто благодаря способности все воспринимать изнутри, будь то вещи или живыя лица, поэтъ и въ области французскаго art poetique сталъ гранью преломленія, завершеніемъ, быть можетъ. Ниже мы постараемся объяснить, какимъ именно образомъ.

Обыкновенная кинематографическая лента, медленно пропущенная черезъ аппаратъ, опрокидываетъ всѣ наши представленія о движеніи и скорости. То, что мы воспринимаемъ, какъ отрывочную мимику, угловатые толчки, прыжки и повороты,—на экранѣ развертывается въ рядъ послѣдовательныхъ, пластическихъ полетовъ.

Вся изумительная техника Рильке, вся оригинальность его стиха, въ такой-же способности непрерывно мыслить и изображать.

Пусть тема опредѣлена и заранѣе извѣстна—у Рильке она возникаетъ, растетъ и расцвѣтаетъ. Вотъ одна изъ нихъ.

Зевсъ, не зная, какъ побѣдить, принимаетъ образъ лебедя. Нѣтъ, даже больше: онъ вникаетъ въ его живое, пернатое тѣло, прячется за бѣлыми крыльями и удивляется ихъ великолѣпію. Но чудесное еще не окончено: еще богъ не вполнѣ сталъ лебедемъ. Только овладѣвъ Ледой, «сквозь отстраняющія руки обнявъ ея шею своей, лебединой», ощутилъ Кронидъ всю совершенную красоту принятаго имъ облика, снѣжнаго, крылатаго, оплодотворяющаго тѣла.

Какими стихами написана эта радость духа и плоти, соединенныхъ наслажденіемъ? Сонетъ?

Но строфы сливаются, строки переходятъ другъ въ друга, какъ волокна тонкаго тростника, вытянутаго къ горячему греческому лбу.

Не переводя дыханія, минуя цезуры и знаки препинанія, изливается чудесная повѣсть отъ первыхъ, неумѣлыхъ движеній, до облегченнаго, насыщеннаго вздоха бога —лебедя.

— «Все движется и ничто не пребываетъ». И не только міоъ, но все, что мыслимо во времени и движеніи, все обращается у Рильке въ текущій кристаллъ стиха.

Одинъ изъ современныхъ композиторовъ, А. А. Давидовъ, очень остроумно замѣтилъ о сущности музыки. «Всѣ произведенія всѣхъ искусствъ, однажды созданныя, уже зависятъ отъ времени лишь постольку, поскольку оно дѣйствуетъ на нихъ разрушающимъ образомъ. Въ музыкѣ время является источникомъ жизни, и лишь измѣненія музыкальныхъ элементовъ во времени и составляютъ дѣйствительное произведеніе этого искусства. Но «измѣненіе во времени музыкальныхъ элементовъ»—сущность поэзіи, какою ее сдѣлалъ Рильке и до него Поль Верлэнъ. Въ исторіи литературы эти два имени навсегда останутся связанными узами самой тѣсной преемственности, ихъ генію обязана поэзія сближеніемъ двухъ смежныхъ искусствъ, изъ которыхъ одно обогатило другое.

Но не только «de la musique encore et toujors» связываетъ Рильке съ самыми живыми корнями французской поэтики.

Его сонеты, библейскіе и античные мотивы, наконецъ, экзотика (даже по темѣ) напоминаютъ парнасцевъ, болѣе другихъ—Готье и Эредіа. Та же любовь къ вещи, сочному красочному пятну, къ безстрастному и трудно побѣдимому матеріалу. Розовые фламинго на тонкой, цвѣточной ногѣ, «дама у зеркала» и «дама на балконѣ», нѣсколько портретовъ, нѣсколько старинныхъ зданій, статуй и парковъ—даны съ естественностью и вкусомъ знатока. Съ тою только разницей, что ни одну бездѣлушку Рильке нельзя окантовать, хотя бы и тонкой рамой «Эмалей и камей». Для этого даже бездѣлушки его—слишкомъ подвижны, свободолюбивы и самостоятельны. Онѣ живутъ,—а живое немыслимо въ витринѣ музея, и еще меньше въ одинокомъ жилищѣ эстета той же школы, напр., Гюисманса.

«Жажда дальнихъ странствій», такой жаркой волной плеснувшая въ сонетахъ Эредіа (одинъ изъ любимыхъ мотивовъ Парнаса, возобновлена Рильке. Но прикрытая у трезваго мастера дымкой историческаго прошлаго—въ «Новыхъ стихотвореніяхъ» она вынута изъ маскарадныхъ костюмовъ. Его Жуанъ—«бродяга», «искатель приключеній», нѣчто большее, чѣмъ образъ, навѣянный старинымъ подлинникомъ французской или латинской комедіей. Его

странники, дѣйствительно, гонимы съ мѣста на мѣсто необъяснимой тревогой. Они есть—и не нуждаются въ правдоподобномъ couleur locale чтобы переходить изъ вѣка въ вѣкъ, въ погонѣ за новыми побѣдами и новыми мечтами. Все воображаемое, все мыслимое существуетъ, даже призракъ, при своемъ появленіи, заслоняетъ въ зеркалѣ «занавѣску и окно».

Портретъ и оригиналъ, дѣйствительность и ея изображеніе, всякое содержаніе и всякая форма—тождественны въ непрерывномъ ощущеніи жизни. Рильке заставилъ жить и страдать съ собою неживыя понятія и законы, взвалилъ ихъ мертвый грузъ на плечи своей музы, и тяжесть перестала давить и пригибать къ землѣ. Побѣдило искусство.

Рильке сумѣлъ взять самое цѣнное у Верлэна—ритмъ и чувство, которое никогда не становится ни патетическимъ, ни сентиментальнымъ. У Готье и Эредіа—богатство культурныхъ цѣнностей, историческихъ и философскихъ темъ, только благодаря холодному Парнасу вошедшихъ, наравнѣ съ романтикой и классицизмомъ, въ число художественныхъ стилей.

Красота совершенная не стыдится наготы: подобно ей, поэзія Рильке нигдѣ не заслоняетъ и не прячетъ своего источника, шумнаго «изъ земли исхода». Ей чужды болѣзненная застѣнчивость, «высокое косноязычье» новаго искусства, страхъ формы и обнаруженья.

«Останься пѣной, Афродита, и слово въ музыку вернись»,—вотъ зарокъ, данный новымъ Сальери. Для Моцарта онъ не существуетъ.

И даже не изъ пѣны морской вызываетъ Рильке свою Афродиту.

На краю земли, въ Палестинѣ, идетъ отрядъ крестоносцевъ. Дороги нѣтъ. Быть можетъ, всадники уже были на этихъ зыбкихъ холмахъ и теперь, исколесивъ пустыню, вернулись на прежнее мѣсто. Но все равно—привалъ.

«Проклятья, краски, смѣхъ—отъ нихъ страна можетъ ослѣпнуть. Прибѣжали пестрые мальчишки. Крики и драки. Пришли дѣвки съ пурпурными уборами на развившихся волосахъ. Машутъ. Пришли слуги, черножелѣзные, какъ странствующая ночь. Горячо хватаютъ дѣвокъ, такъ что на нихъ платья рвутся. Прижимаютъ ихъ къ краю барабановъ. И отъ дикой защиты бьющихся рукъ просыпаются барабаны, какъ во снѣ, стучатъ они, стучатъ». До сихъ поръ, и не далѣе, проза.

Всадникамъ, цѣлый день не покидавшимъ сѣдла, трудно ходить. Они не спятъ? Нѣтъ. Имъ позволено вытя-

нуться, отдохнуть, согнуться. Откуда-же это мѣрное пѣніе въ крови, качаніе на невидимыхъ качеляхъ, взадъ и впередъ. Вздохи и движенія—все тоже, безконечная скачка.

Сонные, отяжелѣвшіе солдаты, которыхъ ноги не держатъ,—вотъ все, что нужно было Рильке, для перехода отъ прозы къ стиху.

Къ ритму равномѣрно скачущей лошади, къ усталости сѣдока и позвякиванію оружія онъ прибавилъ поющій голосъ,—«und aus den reif gemordenen. Takten — entspringt der Tanz».

Вмѣсто обычнаго дѣленія на круглыя строфы, расчленяющаго, болѣе удобнаго для мозаики, чѣмъ для живописи, —Рильке употребляетъ своеобразное музыкальное ударение. Такъ, въ Эсфири (и мног. друг.) шествіе царицы черезъ пустой дворецъ, и приближеніе ея къ престолу обозначено сгущеніемъ мужскихъ рифмъ, вмѣсто преобладающихъ раньше, женскихъ. Послѣдовательность во времени становится звуковой гаммой.

«Въ ея коронѣ плавились рубины,
«И, переполненная, какъ сосудъ, муж. рие.
«Его лицомъ и славой нестерпимой,
«Которой рѣчи не произнесутъ—
«Не въ силахъ вынести такую власть, муж. »
«Такую царственность переступить муж. »
«Шатаясь, на зеленый малахитъ муж. »
«Она готовилась упасть. муж. »

Гуманисты и классики XVIII вѣка прекрасно угадывали сущность нѣмецкаго языка, способнаго къ самымъ тонкимъ ритмическимъ интонаціямъ, которыя и осуществилъ Рильке. Вотъ что писалъ Лессингъ въ 1768 году въ Гамбургѣ о ритмѣ и языкѣ. «И если, наконецъ, всѣ измѣненія звука, не только въ смыслѣ его высоты и глубины, силы и слабости, но шероховатаго и смягченнаго, рѣжущаго и круглаго, даже неуклюжаго и гладкаго окажутся на своемъ мѣстѣ и связанными между собой, тогда возникнетъ та естественная музыка, которой невольно открыто наше сердце, т. к. оно чувствуетъ, что гармонія эта рождена сердцемъ, и есть дѣло искусства, поскольку искусство само можетъ стать природой». Черезъ немного лѣтъ послѣ напечатанія этихъ строкъ, стали извѣстны лирическіе опыты Гете.

Но еще одинъ, если возможно такъ выразиться, недостатокъ нѣмецкой рѣчи оставался неисправленнымъ. И это —бѣдность синонимами. Слово «столъ»—непремѣнно столъ на четырехъ прочныхъ ножкахъ, всѣ прилагательныя—въ

примѣненіи къ одному только состоянію или качеству, и т. д. Рильке, конечно, не могъ ввести въ употребленіе свой собственный, имъ придуманный языкъ. Но ему удалось другое: разъединить слово съ обычнымъ понятіемъ, которое оно, по традиціи, изъясняетъ. Придать ему подвижность звуковой краски, которая сама по себѣ не имѣетъ смысла, но по произволу художника обозначаетъ воздухъ, или растеніе, или человѣческое лицо. Только послѣ раскрѣпощенія слова возможна стала современная ритмика, о которой мечталъ Лессингъ. Заслуга этого раскрѣпощенія всецѣло принадлежитъ Рильке.

Надо ли упоминать о томъ, что «Санктъ-Петербургъ» «Восточный базаръ» и «Версаль»—написаны на разныхъ языкахъ.

Прочтите русскому, не знающему ни слова по нѣмецки, десять заключительныхъ строкъ изъ «Ночной поѣздки». Онъ улыбнется и отвѣтитъ: «Твоихъ оградъ узоръ чугунный, твоихъ задумчивыхъ ночей»... Почему? Потому что это—Россія, Нева, и чистый великорусскій говоръ. Все, написанное Парижу и о Парижѣ, въ одинаковой степени принадлежитъ—Верлэну и Рильке, и ничто не отдѣляетъ Сафо отъ «Леды» и «Архаическаго Аполлона». Однимъ звукомъ своихъ рѣчей, однимъ сочетаніемъ гласныхъ и согласныхъ Рильке перерастаетъ все національное. Остается только народное и всенародное. Вотъ великое въ искусствѣ, въ отличіе отъ малаго.

Лариса Рейснеръ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ ВЕРХАРНА.

(Emile Werhaeren. Les ailes rouges de la Guerre. Poèmes).

Военной книгѣ Верхарна, его «Краснымъ Крыльямъ Войны» суждено было стать его послѣдней книгой; она пришла къ намъ почти одновременно съ извѣстіемъ о трагической гибели поэта. И если бы судить его по этой книгѣ, судить какъ человѣка, печальный приговоръ пришлось бы произнести, незаслуженно печальный. Въ «Красныхъ Крыльяхъ Войны» есть очень много отъ той нетерпимости, отъ того шовинизма, отъ того внезапнаго умственнаго вывиха, который такъ огорчилъ всѣхъ почитателей бельгійскаго поэта въ его «Окровавленной Бельгіи», многія страницы которой такъ легко понять, такъ легко объяснить себѣ, но такъ трудно простить и такъ невозможно забыть. Но, къ счастью для насъ и къ счастью для Верхарна, передъ нами сейчасъ не желчныя страницы народнаго трибуна, а книга стиховъ. Пройдемъ-же мимо этихъ громкихъ и просто не умныхъ одъ «Германіи, искоренительницѣ расъ» («L'Allemagne, Exterminatrice de Races!»), необдуманныхъ и неубѣдительныхъ проклятій «Германскому народу», «лицемѣрному, и скотскому», и утрюмому, и жестокому, и такому, который, увы, ничего не любитъ, мимо тенденціозныхъ и несправедливыхъ сопоставленій «Франціи и Германіи», прекрасной, великодушной Франціи и отвратительной, безчестной и безобразной Германіи. Пройдемъ мимо всего, въ чемъ говоритъ съ нами сбитый съ толку безмѣрной печалью патріотъ разореннаго отечества, мимо всего, въ чемъ говоритъ мстительный и злой авторъ «Окровавленной Бельгіи», будемъ помнить, что передъ нами книга большого поэта, и какъ къ таковой отнесемся къ ней, памятуя, что поэзія это только поэзія, что стихи это только стихи, что стихи могутъ быть только хорошими или плохими **стихами.**

Назвавъ эту книгу Верхарна его «лебединой пѣснеи», мы имѣли въ виду исключительно одно только понятіе, заключающееся въ этомъ опредѣленіи—послѣдняя, предсмертная пѣсня, но отнюдь не лучшая, не совершеннѣйшая, не высшее достиженіе. Таковымъ эта книга отнюдь не является, и новыхъ лавровъ въ вѣнокъ поэта не суждено ей вплести. Верхарнъ, который при всемъ своемъ постоянствѣ въ пріемахъ, умѣлъ давать каждой своей книгѣ особое лицо, поэтическій діапазонъ котораго простирался отъ умилительныхъ картинъ мирной Фландріи до біенія металлическаго пульса городовъ и космическихъ вихрей, не нашелъ на своей богатой палитрѣ новыхъ красокъ для новой книги, пользуясь трафаретнымъ выраженіемъ—онъ влилъ новое вино въ старые мѣхи. Можетъ показаться, что новая книга Верхарна есть не что иное, какъ антологія, составленная изъ всѣхъ его прежнихъ книгъ.

причемъ, надо добавить, составленная неудачно, потому что каждую книгу можно было представить лучше, характернѣе, ярче.

Вотъ цѣлый рядъ поэмъ—«Міръ вооружается», «Военные заводы» и др. —пронизанныхъ лязгомъ желѣза и грохотомъ стали, такихъ характерныхъ для Верхарна и такихъ знакомыхъ намъ хотя-бы изъ книги «Города со щупальцами». Къ сожалѣнію, мы еще почти не имѣемъ переводовъ изъ этой книги, а цитировать строфы Верхарна въ прозаическомъ переводѣ намъ бы не хотѣлось. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ въ подлинникѣ:

Claquent
Partout les plaques
Des ponts d'airain
Au passage violant et trépidant des trains.

Эти нѣсколько строкъ уже даютъ представленіе о той звуковой выразительности, которою насыщены этого рода поэмы. Это свойство вмѣстѣ съ необыкновеннымъ ритмическимъ богатствомъ и гибкостью создаютъ такое внушительное впечатлѣніе катастрофическаго движенія, которое являетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достиженій Верхарна.

И рядомъ съ этимъ—спокойнѣйшія строки тихой, почти молитвенной лирики, воскрешающей страницы поэта о мирной Фландріи. Вотъ «Скорбь»—скорбь женщины, потерявшей трехъ своихъ сыновей при Бусселѣ, скорбь, такая прекрасная, что «душа наполняется невольной радостью—видѣть подобную благодатную скорбь ступающей по землѣ». Вотъ кроткая молитва «Благоуханной Божьей Матери» (Notre-Dame de Bonne Odeur») о томъ, чтобъ созрѣло все цвѣтущее, несмотря на кровь, что проливаетъ «суровый германецъ». Вотъ печальныя слова «Родины мертвымъ воинамъ», которая вмѣстѣ съ матерями и возлюбленными рыдаетъ о навѣки закрывшихся «прекрасныхъ глазахъ ея солдатъ, которымъ было только двадцать лѣтъ». Вотъ театры человѣческихъ страданій—госпитали, гдѣ «женщины съ прекрасными руками, которыя изъ состраданія отдаютъ свою увѣренную и спокойную доброту» неповиннымъ ни въ чемъ страдальцамъ.

Задушевная лирика смѣняется строгимъ раздумьемъ, логическими построеніями цѣлыхъ научныхъ и философскихъ трактатовъ, тоже не новыхъ для Верхарна, давшаго непревзойденные ни имъ самимъ, ни другими образцы ихъ во «Властительныхъ ритмахъ» и въ «Многообразномъ сіяньи». Но въ новой книгѣ темы менѣе значительны, явленія не обращаются въ типы, не обобщаются въ большіе замыслы. Вотъ «Россія»—нѣсколько отрывковъ. не связанныхъ другъ съ другомъ и не дающихъ ни особеннаго проникновенія въ образъ варварской страны непонятныхъ противорѣчій, ни сколько-либо цѣннаго художественнаго образа ея. Это старый образъ чужой страны великодушнаго и идеалистическаго народа, въ которомъ таятся громадныя возможности, что когда-нибудь въ близкомъ-ли, далекомъ-ли будущемъ воплотятся на землѣ и явятъ удивленному міру неожиданную красоту.

Вотъ нѣсколько изъ ликовъ новой, но мало новаго принесшей книги Верхарна. Пусть въ ней много несовершеннаго, много такого, что не должно имѣть мѣста въ поэзіи, чего въ частности не хотѣлось бы

видѣть въ книгѣ Верхарна, но и въ ней есть тѣ высокія достиженія, тѣ изумительныя порой поэтическія откровенія, которыя доступны только большому поэту. А тотъ, кто способенъ на высокіе взлеты, непремѣнно великъ, какъ бы низко онъ ни спускался въ другіе моменты.

Д. Выгодскій.

* * *

Викторъ Гофманъ. Собраніе сочиненій. Томъ второй. Стихи. Изд. В. В. Пашуканиса. Москва. 1917. Стр. 237. Цѣна 2 р.

Викторъ Гофманъ и въ своей личной судьбѣ и въ судьбѣ своей книги въ нѣкоторой степени повторяетъ Надсона. Такой же небольшой поэтъ, какъ и послѣдній, младшій братъ въ семьѣ поэтовъ, онъ, однако, пользуется большой популярностью, онъ «пришелся по вкусу» читательской массѣ. Въ немъ есть то безволіе, то пассивное мученичество, которое такъ характерно для Надсона и которое дѣлаетъ ихъ обоихъ поэтами, близкими русской интеллигенціи, въ частности молодежи. Но если Надсонъ поэтъ гражданскій, въ нѣкоторой степени даже поэтъ классовый, если его скорбь и его пѣсни—скорбь и боль коллективная, за всѣхъ, за другихъ, то Гофманъ—весь личный, весь замкнутый въ себѣ, глубоко индивидуальный. Вся его поэзія, субъективная до послѣдней глубины, не выходитъ за предѣлы личныхъ переживаній, за грань собственнаго я.

Влюбленный и тоскующій пажъ, нѣжный и робкій поклонникъ, вѣрный вздыхатель, бродитъ Гофманъ за своей принцессой, королевой, не смѣя приблизиться къ ней, и самыя характерныя для него слова:

Инфанта, гордая инфанта,
Я васъ безпомощно люблю.

Его любовь «безпомощная», «беззащитная», она—то осторожная нѣжность, то тихое сладострастіе, но никогда не доходитъ до страсти, и потому никогда не знаетъ и не можетъ знать удовлетворенія. И отсюда вся его печаль, вся его скорбь, все томленіе, вѣчно надъ нимъ тяготѣющія, ибо опять таки они не разрѣшаются и не могутъ разрѣшиться бурей. Грозъ Гофманъ не знаетъ, не знаетъ и яркаго солнца, не знаетъ и безпросвѣтной мглы. Поэтому и въ природѣ онъ любитъ вечеръ, утро, зарю, «шумъ тоскливаго дождя» и «желтые листья, листья сухіе на закаленномъ пути», и только о тяжеломъ сумракѣ тумана, о его «безысходномъ, мучительномъ плѣнѣ» говоритъ онъ:

Это древняя пѣсня хаоса,
Это истинный ликъ бытія.

Однообразію и расплывчатости мотивовъ Гофмана соотвѣтствуетъ и словесно-ритмическое ихъ воплощеніе. Словарь его однообразенъ чрезвычайно, и одни и тѣ же слова и сочетанія ихъ повторяетъ онъ безчисленное количество разъ. Ритмы его, частью небезынтересные (кое-гдѣ заимствованные у Бальмонта) тоже не блещутъ разнообразіемъ, и постоянную особенность ихъ составляетъ обиліе пеоновъ.

При всемъ этомъ, однако, Викторъ Гофманъ сумѣлъ не только привлечь симпатіи читателей, но и оставить слѣдъ своей небольшой, но яркой индивидуальности въ современной поэзіи. Въ частности, многимъ обязанъ ему Игорь Сѣверянинъ, заимствовавшій у него преимущественно синтаксисъ. Вотъ, напр., строфа Гофмана, которая послужила образцомъ для половины произведеній Игоря Сѣверянина:

Она мимоза. Она прекрасна.
Мнѣ жаль васъ, птицы! И васъ, лучи,
Вы ей ненужны. Мольбы— напрасны.
О, вѣтеръ, страстный, о, замолчи!

Послѣднее обстоятельство говоритъ за то, что ранняя смерть Гофмана, быть можетъ, лишила насъ незауряднаго поэтическаго дарованія.

Д. Выгодскій.

М. Бамдасъ. Предразсвѣтный вечеръ. Предисловіе М. Кузьмина. К-во «Марсельскихъ матросовъ», ц. 1 р. 50 к.

Первая книга стиховъ г. Бамдаса появилась съ предисловіемъ Кузьмина.

Отрицая у г. Бамдаса качества рядовыхъ начинающихъ, «перевѣсъ общей литературности», или «неукладывающейся ни въ какую литературность талантливости», критикъ находитъ въ книгѣ другое: «какой-то привкусъ, душокъ». Это «голосъ еврейскаго мальчика, покуда голосъ человѣческій, а не поэта». «Но такого голоса я не помню у писавшихъ стихами или прозой. Это ужъ очень не мало». И дальше. «Можетъ быть, г. Бамдасу надоѣстъ писать стихи, и онъ займется торговлей, путешествіями,—кто знаетъ? У него есть воля, мечтательность, и жадность. А голосъ еще не настолько перешелъ въ поэзію, чтобы оттуда не было возврата». Въ такихъ выраженіяхъ Верлэнъ могъ написать о фантастическомъ, «любительствѣ» своего друга Rimbeau. Но стоятъ-ли этого пролога пѣсни Бадмаса, есть ли въ нихъ то «больше, чѣмъ поэзія», что въ искусствѣ и рѣже, и драгоцѣннѣе общей литературной «зрѣлости»?

Своя «интонація», свое «выраженіе»? Да, но и сколько безусловнаго подражанія хорошимъ образцамъ, и прежде всего, лирикѣ самого Кузьмина.

И если отъ десяти до пяти
Неожиданный новый стихъ
Встрѣтится на моемъ пути,
То этой быстрой встрѣчи миги
Украдены у хозяевъ моихъ:
Отъ десяти до пяти
Я долженъ вести
Счетныя книги.

И не только форму Кузьмина г. Бамдасъ присвоилъ и сдѣлалъ, до извѣстной степени, чѣмъ-то своимъ. Но больше всего его широкое міросозерцаніе, способность и себя, и все окружающее видѣть съ какой-то большой высоты, безпристрастной и правдивой. Результатъ заимствованія оказался самымъ неожиданнымъ. У начинающаго поэта, въ разсѣянной, почти небрежной формѣ и вдругъ спокойствіе и безоблачность чуть-ли не настоящаго мастера. Можно ли назвать такое отраженіе чужого свѣта въ каплѣ воды—поэтическимъ голосомъ, чѣмъ-то своимъ, индивидуальнымъ, что дѣлаетъ г. Бамдаса сродни «Гейне и слегка Фету»? Мы думаемъ—нѣтъ.

Лариса Рейснеръ.

Книга. Сборникъ первый. Содержаніе: А. Соболь.—Законъ. И в. Новиковъ. — Время просѣиваетъ. В. Шишковъ. — Стуколка. А. Окуловъ.—Золотые огни. Изд. «Книга». Стр. 168. Ц. 2 р. 25 к.

Не знаемъ, чѣмъ руководствовалась редакція сборника при его составленіи, да вообще была ли какая-нибудь редакція. Скорѣе похоже на то, что четыре автора, имѣющихъ уже нѣкоторое литературное имя, задались цѣлью во что бы то ни стало использовать забракованныя въ свое время рукописи.

Обязанности «гвоздя» сборника по всей очевидности исполняетъ вещь г. Андрея Соболя, при чтеніи которой все время испытываешь «раздраженіе памяти»:—гдѣ и когда приходилось видѣть въ печати всѣхъ этихъ надрывныхъ револю-

ціонныхъ интеллигентовъ типа Сергѣя Дмитріевича, провокаторовъ «съ изюминкой», инфернально-таинственныхъ Киръ? Невольно вспоминается и «Конь блѣдный», и «Мертвая зыбь» О. Миртова, и «Волкъ» Н. Каржанскаго и рядъ другихъ продуктовъ разоблачительной эпопеи отечественной исторіи литературы.

Для крупнаго художника не существуетъ, конечно, «старыхъ темъ», и многое можно сказать по новому, невиданнымъ свѣтомъ озарить темныя и сложныя глубины жизни. А. Соболь попытался найти такой новый подходъ въ видѣ установленнаго имъ закона: «своя кровь ближе». Братъ мститъ за преданнаго провокаторомъ брата,—кровнаго, «единоутробнаго», не за революціонера, не изъ чувства партійнаго долга: «Революція революціей, общее дѣло—общимъ, а какъ до крови дойдетъ—ничего нѣтъ, кромѣ голоса ея». Философія сія не особой свѣжести—даже въ творчествѣ самого Соболя: онъ уже примѣнялъ ее въ своемъ романѣ «Пыль», гдѣ тоже говорила «кровь»—національная. Но если въ произведеніи Соболя есть хоть внѣшняя занимательность, дѣлающая его «читабельнымъ», то разсказъ И. Новикова ничего, кромѣ скуки, не вызываетъ. Начало его довольно обѣщающаго свойства: рѣчь идетъ о 1942-мъ годѣ и ретроспективной оцѣнкѣ нашихъ современныхъ грозныхъ и тяжелыхъ дней. Къ сожалѣнію, замыселъ остался однимъ замысломъ. и передъ нами проходятъ поіѣвшіяся и неумныя разсужденія. выдержанныя въ стилѣ обычныхъ «умиляющихся» разсказовъ о войнѣ.

Такъ же нестерпимо скученъ и баналенъ разсказъ г. Окулова, и только въ небольшой вещицѣ В. Шишкова есть нѣчто отъ живой жизни, осколки хорошо знакомаго автору сибирскаго быта. Но и «Стуколка» значительно ниже и блѣднѣй другихъ произведеній талантливаго бытовика.

Раф. Григорьевъ.

Б. Зайцевъ. — Волки. — Разсказы. 1916 г. Цѣна 65 коп.

Н. Тимковскій. — Праздничные разсказы. 1916 г. Цѣна 65 коп.

Народно-школьная библіотека. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ.

Въ сборникѣ Зайцева «Волки»—шесть разсказовъ. Всѣ они отвѣчаютъ тѣмъ намѣреніямъ, какія имѣло въ виду издательство, выпускающее серію народно-школьныхъ изданій. Ласковое дарованіе Зайцева, несомнѣнно, согрѣетъ не одну читательскую душу. Въ большомъ разсказѣ «Заря» — цѣлая полоса мастерски переданныхъ дѣтскихъ переживаній; изъ этой же области разсказы «Лось», «Мгла» и «Утки». Въ нихъ мало фабулы, движенія, — это ихъ недостатки, — но, читая, забываешь о фабулѣ, такъ хорошо написаны разсказы, столько въ нихъ земной радости, красокъ, — радости отъ ощущенія жизни. Разсказы Зайцева при всей ихъ доступности все-же требуютъ не рядового, а нѣсколько подготовленнаго читателя, умѣющаго разбираться въ художественной литературѣ и любящаго читать въ одиночествѣ,—для себя.

«Праздничные разсказы» Н. Тимковскаго тоже предназначены для простыхъ читателей, взрослыхъ и малолѣтнихъ, но по характеру своему болѣе пригодны для публичнаго чтенія. Свойственная вообще разсказамъ Тимковскаго тенденціозность не ослабляетъ впечатлѣнія, она только подчеркиваетъ тѣ уродливые контрасты, которые наблюдаются въ отношеніяхъ людей разныхъ положеній.

Въ разсказѣ «Сюрпризъ» богачъ Петрунинъ предлагаетъ нуждающейся учительницѣ Глушковой за

трудный и отвѣтственный урокъ 15 руб. въ мѣсяцъ. И вполнѣ понятное огорченіе Глушковой сглаживается только подъ вліяніемъ простой дѣтской ласки. Въ разсказѣ «У барыни» — полный контрастъ между бездѣятельнымъ и ненужнымъ существованіемъ барыни и хлопотливой жизнью няни Родіоновны, работающей въ лазаретѣ. Въ разсказѣ «Вмѣсто сына», такая же параллель между роднымъ сыномъ, важнымъ чиновникомъ-карьеристомъ, отвернувшимся отъ своего отца, стараго врача, и бывшимъ ученикомъ старика-врача, докторомъ Мартыновымъ, который своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ старику замѣняетъ сына.

Есть нѣкоторая надуманность въ «Праздничныхъ разсказахъ» Тимковскаго. Иные, какъ, напримѣръ, «Первые часы», носятъ нравоучительный характеръ, но все-же это полезные, хорошо написанные разсказы, и несомнѣнно, они найдутъ читателя въ тѣхъ кругахъ, для которыхъ предназначаются.

П. С—скій.

Вл. Войтинскій. Въ тайгѣ. Изд. «Книга». Цѣна 1 р. 75 к., стр. 178.

Книга Войтинскаго о Сибири носитъ полубеллетристическій, полуэтнографическій характеръ. Большую часть ея занимаетъ очеркъ «Въ тайгѣ»,—занимательный разсказъ о томъ, какъ авторъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Михаиломъ и тунгусомъ Петромъ совершили путешествіе въ урочище Нелькань, близъ Охотскаго моря.

Мѣста дикія, непроходимыя; попадались уголки, гдѣ еще не была человѣческая нога. Путешествіе было трудное, опасное и только здоровое чутье, настойчивость и опытность помогли путешественникамъ благополучно закончить его.

Войтинскій хорошо умѣетъ изображать тайгу, которую, очевидно, изучилъ достаточно. Въ его описаніяхъ тайга представляется грозной, но привлекательной. Глушь, первобытность, безлюдье... Человѣкъ теряется здѣсь, какъ песчинка; онъ не нуженъ и чуждъ этому безлюдью. Тайга страшна своей стихійностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней столько очарованія въ лучшіе моменты—утромъ, звѣздными вечерами или послѣ дождя.

Очеркъ читается съ большимъ интересомъ, и его, между прочимъ, можно горячо рекомендовать нашему юношеству.

Помѣщенные въ томъ же сборникѣ разсказы: «На Ленѣ», «За золотомъ», «На мерзлой землѣ», «Жители» и «Купецъ» — правдивыя бытовыя картинки сибирской жизни, такой своеобразной и колоритной.

«На мерзлой землѣ» около Якутска живутъ поселенцы, сектанты-скопцы. Въ свое время ихъ сослали въ Сибирь, потомъ, отбывъ наказаніе, они поселились селами и хуторами и живутъ хозяйственно, скупо, работая до упаду и богатѣя. Это люди трезваго разсчета и золотой середины. Правило разумной и нравственной жизни они формулируютъ такъ:

«Не будь горекъ, бо проклянутъ. Та не будь же и сладокъ, бо проглотнутъ. А будь якъ на вѣсахъ—ни туды, ни сюды».

Такихъ ни горькихъ, ни сладкихъ людей, вытравившихъ изъ себя многія человѣческія чувства и превратившихся въ скопидомовъ, хорошо изображаетъ Войтинскій.

Въ очеркѣ «Купецъ» колоритно разсказывается о томъ, какъ эксплоатируютъ сибирскіе купцы алданскихъ охотниковъ-тунгусовъ, давая имъ въ кредитъ охотничьи и продовольственные припасы и получая плату за нихъ звѣриными шкурами. Это—эксплоатація особаго рода, основанная на честности инородцевъ и дающая хорошую прибыль эксплоататорамъ-купцамъ.

«Тунгусы — правдивы, прямо-

душны, смѣлы и честны, — пишетъ Войтинскій. — Но достаточно познакомиться съ тѣмъ, какъ обрабатываетъ тунгусовъ несущій имъ благо культуры капиталъ, — и грустно становится за нихъ, и какъ то обидно за культуру».

П. С—скій.

Л. Троцкій. Въ плѣну у англичанъ. Изд. «Книга». Ц. 15 к.

Слишкомъ извѣстенъ саботажъ, устраиваемый «союзными правительствами» дѣлу возвращенія эмигрантовъ въ Россію, чтобы на этомъ долго останавливаться. Въ дѣлѣ Троцкаго и его спутниковъ, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ», отразилось все лицемѣріе и цинизмъ правящей англійской клики: снять съ парохода русскихъ гражданъ, располагающихъ всѣми необходимыми документами; швырнуть ихъ въ грязный баракъ для военнопленныхъ, среди которыхъ пять человѣкъ помѣшанныхъ; продержать въ такомъ положеніи въ теченіе мѣсяца и потомъ выпустить, пустивъ вдогонку низкую и глупую клевету о «субсидированномъ германскимъ правительствомъ» планѣ какого-то заговора — для этого надо, дѣйствительно, обладать всей полнотой презрѣнія къ низшей расѣ или «колоніи», какъ правильно отмѣтилъ авторъ. Умные англичане не ошиблись въ расчетѣ, они не встрѣтили достойнаго отпора и протеста со стороны русскихъ властей, и три законныхъ требованія, предъявленныхъ Л. Троцкимъ русскому министру иностр. дѣлъ: 1) чтобы великобританское правительство извинилось предъ пострадавшими, 2) непосредственные виновники насилія были наказаны и 3) пострадавшіе вознаграждены за понесенные ими убытки,—остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Болѣе того, наши «патріоты», вопящіе о національномъ достоинствѣ, весьма охотно взяли на прокатъ у своихъ британскихъ патроновъ грязное «обвиненіе» о нѣмецкихъ субсидіяхъ и смѣло пустили его въ оборотъ противъ старыхъ и заслуженныхъ дѣятелей революціи.

Брошюра Л. Троцкаго необычайно поучительна и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

Раф. Гр.

Л. Мартовъ. Фридрихъ Адлеръ. Изд. «Книга». Ц. 15 к.

Трагическій жестъ молодого и талантливаго австрійскаго соціалъ-демократа не могъ, по слову Л. Мартова, «не поразить глубокой болью все, что осталось живого въ соціалистическомъ Интернаціоналѣ».

Но наряду съ этимъ чувствомъ боли всталъ рядъ сложныхъ вопросовъ: какъ могъ этотъ убѣжденный марксистъ пойти на шагъ, противорѣчащій его политической позиціи? Что хотѣлъ сказать своимъ выстрѣломъ человѣкъ, вся система взглядовъ котораго не допускаетъ и мысли, что онъ могъ питать иллюзію убійствомъ ординарнаго бюрократа «разрушить реакціонную систему» или «зажечь накопившійся въ массахъ горючій матеріалъ»?

Авторъ брошюры и пытается отвѣтить на эти вопросы. Л. Мартовъ видитъ въ своеобразныхъ политическихъ условіяхъ Австріи, отстранившихъ на время войны соціалъ-демократію отъ какого-бы то ни было участія въ руководствѣ политической жизнью страны основную причину, тормозившую организаціонную и планомѣрную работу интернаціоналистской оппозиціи. Поставленная режимомъ милитаристскаго абсолютизма въ положеніе «отмалчивающейся», оффиціальная партія представляла собой «стѣну изъ мягкаго, но оттого не менѣе упорно сопротивляющагося матеріала», «отъ которой отскакивалъ въ полномъ смыслѣ слова